

MADELEINE ALBRIGHT with Bill Woodward

The Mighty and the Almighty

Reflections on America,
God, and World Affair

HarperCollinsPublishers

МАДЛЕН ОЛБРАЙТ
при участии Билла Вудварда

Религия и мировая политика

Перевод с английского

Москва
2007

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
К ЕВРОПЕЙСКОМУ ИЗДАНИЮ.....	4
Предисловие.....	6
БИЛЛА КЛИНТОНА, 42-ГО ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ.....	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ <u>Бог, свобода и родина</u>	9
Глава 1	10
Религия и мировая политика.....	10
Глава 2	17
«На нас устремлены взоры всех людей».....	17
Глава 3	29
Благие намерения, которые завели нас в тупик: Вьетнам и шах Ирана.....	29
Глава 4	37
Вопрос совести.....	37
Глава 5	49
Религия и дипломатия.....	49
Глава 6	58
Дьявол и Мадлен Олбрайт.....	58
Глава 7	66
«Потому что мы правы».....	66
ЧАСТЬ ВТОРАЯ <u>КРЕСТ, ПОЛУМЕСЯЦ И ЗВЕЗДА</u>	75
Глава 8	76
Больше знать об исламе.....	76
Глава 9	85
Святая земля. Так чья же она?.....	85
Глава 10	98
«Величайший джихад».....	98
Глава 11	104
«Бог хочет, чтобы я стал президентом».....	104
Глава 12	110
Ирак: непредвиденные последствия.....	110
Глава 13	122
Противоборство с «Аль-Каидой».....	122
Глава 14	133
Дилемма Саудовской Аравии.....	133
Глава 15	142
Арабская демократия.....	142
Глава 16	152
Ислам на Западе.....	152
Глава 17	164
Африка: охота за душами.....	164
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ <u>Заключительные раздумья</u>	172
Глава 18	173
В этом все и дело.....	173
Глава 19	183
Обращаясь к лучшим сторонам человеческой природы.....	183
Послесловие	189
Выражение признательности	195

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЕВРОПЕЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

В декабре 2005 г. я прилетела в Лондон, чтобы присутствовать на похоронах Робина Кука, занимавшего пост министра иностранных дел Великобритании в те самые годы, когда я была государственным секретарем США. Отпевание проходило в историческом храме Святой Маргариты, который был официальной приходской церковью английского парламента. За четыре месяца до этого, во время путешествия Робина и его жены Гейнор по горным дорогам Шотландии, с ним случился сердечный приступ. Кук ушел в отставку за два года до этого трагического случая, поскольку его убеждения не позволяли ему поддержать вторжение в Ирак.

Робин Кук не был верующим, но, думаю, он бы не возражал против прощания с земной жизнью в храме. Говорили, что сам он считал себя пресвитерианским атеистом. Тони Блэр прочитал отрывок из Книги Нового Завета: От Луки Святое благовествование. Гейнор процитировала Книгу пророка Михея, предсказавшего, что наступит такой день, когда народы «перекуют мечи на орала, а пики — на рыболовные крючки». Гордон Браун назвал Кука «величайшим парламентарием».

Я тоже поделилась своими воспоминаниями об ушедшем коллеге, рассказав о нашей с ним деятельности в составе так называемой «группы экс-министров», в которую входили бывшие руководители иностранных ведомств стран Европы, Канады и США. Более 850 человек из многих стран мира приехали в Великобританию, чтобы проводить в последний путь Робина Кука. На время все они отставили в сторону свои разногласия по международным проблемам. Но только на время, потому что те же самые причины, которые ранее заставили Кука выйти из руководства своей партии, теперь привели к глубокому расколу в Европе и Америке, вызвали лавину критики в адрес администрации Буша во всех уголках света.

Одни считают, что ужас, пережитый Америкой 11 сентября, сделал вторжение в Ирак абсолютно необходимым, что прежние правила ведения войны устарели, а несоблюдение действующих ныне юридических норм и процедур стало оправданным. По их мнению, Америка получила право защищать себя тогда, там и теми средствами, которые ее руководители сочтут необходимыми.

Другие, и я в их числе, убеждены, что коль скоро международный терроризм является глобальным явлением, то и бороться с ним надо общими усилиями и совместно с нашими старыми друзьями и союзниками. При этом следует руководствоваться давно и прочно укоренившимися правилами поведения, соблюдать права человека и нормы закона. Конечно, военные средства борьбы должны сыграть свою роль, но решающим фактором на поле боя будут идеи, а не оружие.

Разумеется, споры относительно того, какими должны быть стратегия и тактика, вещь совершенно нормальная, причем даже в период войны. Необычным является то, какую роль играет в сегодняшних спорах религия. Многих европейцев, включая сторонников вторжения в Ирак, смущают высказывания президента Буша на религиозные темы, и прежде всего его заявление о том, что сам Господь Бог уподобил его стать президентом. Американцы тоже чувствуют себя неуютно, слыша такого рода заявления. Люди, знакомые с историей, проводят тревожные параллели, напоминают о той опасности, которую представляли собой в прошлом политики, претендовавшие на роль избранника Бога.

Нынешние разногласия породили мнение, согласно которому Европа якобы является чисто светским регионом, в то время как в Америке доминирует религиозность. На самом деле все гораздо сложнее. Америка вовсе не превратилась в теократию, а Европа не стала безбожной. Конечно, средний европеец гораздо осторожнее соотносит религию с политикой, чем это делает средний американец. Точно так же он не склонен отождествлять религию с моралью. В отличие от Европы Соединенные Штаты не знали религиозных войн, и церковь никогда не играла там доминирующей роли. Для большинства американцев сам термин «религия» имеет исключительно позитивный оттенок. Миссионерский зуд, который хотя и пришел к нам из Европы, сегодня ощущается гораздо сильнее на новом континенте, чем на старом.

Во время своих поездок по странам Европы и по Америке мне часто приходилось давать разъяснения по всем этим вопросам. При этом каждый раз мне казалось, что машина времени перенесла меня на век или даже два века назад, в ту эпоху, когда Европа смотрела на Америку сверху вниз, чуть ли не как на страну дикарей, тогда как американцы, в свою очередь, считали европейцев слабаками. Уходя в 2001 г. из правительства, я не могла себе даже представить, что мне придется столкнуться с таким явлением. Тогда я считала, что, несмотря на разногласия по ряду вопросов, таких, например, как торговые субсидии и биогенетические пищевые продукты, отношения между Соединенными Штатами и европейскими странами в целом носят здоровый характер. Хотя французский министр иностранных дел Юбер Ведрин и высказывал критические замечания в адрес Вашингтона, называя США «гипердержавой», как только начался кризис в Косово, Франция вместе с Соединенными Штатами и остальной Европой предприняли необходимые меры, чтобы остановить кровопролитие.

Мою книгу можно рассматривать как своего рода призыв к большему пониманию между Европой и Америкой, между правыми и левыми, между последователями различных религий и, наконец, между сторонниками светского государства и теми, кто полагает, что религия должна играть важную роль в общественной и политической жизни. В ней утверждается, что, хотя наши разногласия и очень важны, тем не менее гораздо важнее то общечеловеческое начало, которое связывает и объединяет всех нас.

Однако одного укрепления доверия недостаточно. Нельзя прощать ошибки, какие бы мотивы ни приводили совершившие их политики в свое оправдание. Лидеры должны отвечать за последствия своих решений, не ссылаясь при этом на то, что они руководствовались самыми благими намерениями. Отдельные государства, мир в целом не может позволить себе иметь лидеров, которые слишком часто ошибаются. Я считаю, что унилатералисты* совершенно неправы и события 11 сентября гораздо в большей степени подтверждают значение трансатлантического содружества и необходимость крепить это содружество, чем свидетельствуют о том, что оно безнадежно устарело и его можно сдать в архив. Я полностью согласна с заявлением Робина Кука, который в своей прощальной речи заявил, что «история будет поражена тем, как много дипломатических просчетов» было совершено в период после 11 сентября и накануне вторжения в Ирак.

Наблюдается определенная ностальгия по тем американо-европейским отношениям, которые имели место в годы холодной войны. Думаю, мы несколько идеализируем эти отношения. Между нами постоянно были разногласия, некоторая напряженность и даже определенная зависть. Но при этом всегда присутствовало одно: сознание того, что, находясь по разные стороны Атлантики, мы в то же время на одной стороне, в одном строю в борьбе с теми вызовами, которые бросает нам современность. Уверена, что наши общие идеалы и убеждения не потеряли свою силу и те новые лидеры, которые поведут в ближайшие годы наши страны в будущее, смогут придать им новый импульс, и эта уверенность придает мне новые силы.

* Данный термин, означающий приверженцев односторонних действий, уже вошел в русский политический лексикон. Так, его употребил Е. Примаков в своем комментарии, опубликованном в «Московских новостях» за 9-15 февраля 2007 г. —Прим. пер.

Предисловие

БИЛЛА КЛИНТОНА, 42-ГО ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

В бытность Мадлен Олбрайт государственным секретарем Соединенных Штатов Америки весь мир узнал то, что мне было давно известно: она не боится браться за решение труднейших задач и высказываться по самым острым вопросам.

В своей книге «Религия и мировая политика» М. Олбрайт с присущими ей необычайной прямоотой и здравомыслием говорит о роли, которую сегодня играют Соединенные Штаты на международной арене, о религиозных, этнических и других проблемах, тревожащих современный мир и порождающих разногласия между странами и народами.

Насколько мне известно, до сих пор никто из государственных секретарей не написал настолько откровенной книги. Никто не ожидал такой искренности от человека, занимавшего столь высокий пост. Друзья не советовали Мадлен браться за рассказ о событиях, задевающих интересы и чувства очень многих людей. Правда, на мой взгляд, есть только один способ не наступить на чью-либо мозоль — никому и никогда ни о чем не говорить. Но это не для Олбрайт, которая всегда стремилась идти вперед с открытым забралом.

После предварительного обсуждения планов будущей книги я как-то раз позвонил г-же Олбрайт, чтобы уточнить кое-какие детали. В тот момент она находилась в польском городе Гданьске на праздновании 25-летия демократического движения «Солидарность», покончившего с холодной войной и освободившего народы Центральной и Восточной Европы. Рядом с ней на площади стояли бывший президент Чехии Вацлав Гавел и действующие президенты Польши и Украины. Мадлен тут же передала им трубку, предоставив мне тем самым неожиданную и в то же время приятную возможность пообщаться со старыми друзьями. В тот день Олбрайт возложила цветы к мемориалу, воздвигнутому в честь «Солидарности», а также приняла участие в трехчасовой мессе на открытом воздухе, посвященной юбилею. Таким образом, я застал ее в том месте и в то время, когда в центре внимания общественности оказались сам Господь Бог и демократия. Взаимоотношения между Богом и демократией — одна из главных тем книги Олбрайт, поскольку эта проблема постоянно порождает разногласия в обществе.

«В основе демократии лежит религия, — писал Уолт Уитмен. — Все религии. И старые, и новые». Думаю, что всем нам приходилось встречаться с людьми, которые абсолютно согласны с первой частью утверждения У. Уитмена, но игнорируют вторую, не осознавая при этом до конца смысла ни той ни другой. В основе религии и демократии лежит принцип равенства, признание ценности каждого отдельно взятого человека. Все мы — творения Божьи, и каждого из нас Всевышний наделил неотъемлемыми правами. Религиозные учения и демократия логично дополняют друг друга, образуя неразрывное целое. Проблемы возникают тогда, когда мы пытаемся интерпретировать на свой лад идею Уитмена, полагая, что те, кто разделяет наши представления о мире, заслуживают большего уважения, чем другие. Истинно верующим может считаться лишь тот, кто верит в существование абсолютной истины. Но как такое несовершенное существо, как человек, может познать эту истину? А может быть, наша политическая идеология настолько совершенна, что это дает нам моральное право наказывать, принуждать или оскорблять всех тех, кто мыслит иначе?

Конституция Соединенных Штатов создала новую, поистине уникальную систему управления, при которой высшим доверием облечен весь народ как единое целое, а не официальные лица, не руководители страны, действия которых ограничены существованием оригинальной системы сдержек и противовесов. Одним из ограничений, предусмотренных отцами-основателями, служит положение о том, что в стране не должно

быть государственной религии и что никто не имеет права лишать кого-либо возможности свободно исповедовать любую религию. Исторический опыт учит, и отцы-основатели это прекрасно понимали, что чрезмерная концентрация в одних руках политической и религиозной власти может быть опасной.

Все мы, разумеется, знаем, что влияние и авторитет религии зачастую используют в своих интересах те, кто стремится укрепить за счет других свое влияние и положение. Так, на Балканах Слободан Милошевич много говорил о необходимости защитить христианскую Европу, в то время как на самом деле все эти разговоры были попыткой использовать религиозные разногласия и проявления религиозного экстремизма в целях усиления собственной власти. Хотя Усама бен Ладен и выставляет себя защитником ислама, его готовность убивать невинных людей, в том числе и мусульман, свидетельствует не только о неверном прочтении Корана, но и об искажении содержащихся в нем принципов мусульманского учения. В недобрых руках религия может стать орудием вмешательства одних людей в дела других, и не потому, что первые обладают каким-то особым духовным видением, а потому, что с ее помощью им легче добиваться своих целей.

Означает ли это, что политики должны воздвигать барьеры между религией и общественной жизнью? Ни в коем случае мы не должны этого делать, считает Мадлен Олбрайт. И даже если попытаемся, подчеркивает она, у нас все равно ничего не получится, потому что религиозные убеждения — это часть мировоззрения человека, от которого нельзя избавиться, как от пары ненужной обуви. Они всюду с нами. Скептики и атеисты шагают по жизни бок о бок с благочестивыми и набожными людьми. Как президенту, так и государственному секретарю приходится принимать решения, которые затрагивают не только их собственные убеждения, но еще и оказывают влияние на людей, придерживающихся других вероисповеданий. Как подчеркивает Олбрайт, правильно оценить характер такого влияния — непростая задача.

Во время моего визита в Индию в 2000 г. индусские религиозные экстремисты в знак протеста совершили убийство 38 сикхов. Не соверши я такой поездки, эти люди, наверное, сегодня были бы еще живы. Однако если бы, опасаясь выступлений религиозных экстремистов, я отказался от государственного визита, то это означало бы, что я не выполнил свои обязанности президента Соединенных Штатов Америки. Американское общество таково, что многие граждане имеют собственное мнение относительно того, как обязан себя вести их президент в подобной ситуации. Одни полагают, что визит должен был состояться в любом случае. Другие считают, что жизнь десятков людей дороже. Все это часть американской реальности, в рамках которой действуют руководители страны.

Известно, что радикально настроенные имамы пытаются воздействовать на сознание неудовлетворенной своим положением, отчужденной от общества молодежи. От молодых, среди которых далеко не всегда только бедные и малообразованные, требуют готовности убивать ни в чем не повинных людей, обещая взамен загробный рай. Какой же должна быть наша реакция на это? Конечно, с фанатиками можно и нужно бороться, захватывая и уничтожая их. В то же время следует постоянно убеждать молодежь в том, что насилие — тупиковый путь, ведущий в никуда. Однако вряд ли мы добьемся успеха, если собственный жизненный опыт не убедит этих людей в нашей правоте. Наилучший способ добиться успеха в этом деле — наладить сотрудничество с мусульманами, исповедующими истинный, а не искаженный ислам, с теми мусульманскими лидерами, которые стремятся довести подлинный ислам до сознания молодежи, попавшей под влияние радикалов, пытающихся завладеть их душами.

Я абсолютно уверен в том, что мы можем это сделать. И для этого вовсе не надо отказываться от наших духовных ценностей. Напротив, необходимо как можно полнее постигать их значение и глубину. Все три основных вероисповедания, родоначальником которых был Авраам, имеют между собой гораздо больше общего, чем отличного. Все они учат проявлять благоговение, милосердие, смирение и любовь. Духовные ценности каждой из религий еще полностью нами не познаны. Задача наших руководителей состоит в том, чтобы, опираясь на то общее, что есть во всех религиозных учениях, нанести по-

ражение экстремистам и ослабить те силы, которые оказывают поддержку терроризму.

Когда все мы до конца осознаем общность человеческой природы, нам будет гораздо труднее ненавидеть и убивать людей только за то, что они другие. Гораздо легче найти компромиссное решение проблемы, обсуждая ее «с одним из нас», чем «с одним из них». Религиозные убеждения помогут разрушить разделяющие нас барьеры. Нет задачи важнее, чем эта, но, как справедливо указывает в своей книге Мадлен Олбрайт, через четыре с половиной года после трагических событий 11 сентября мы только лишь приступили к ее выполнению.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Бог, свобода и родина

Глава 1

Религия и мировая политика

Я и раньше всегда слушала инаугурационные речи вновь избранных президентов. Но первой из них, которая произвела на меня по-настоящему глубокое впечатление, была речь Джона Кеннеди в 1961 г. В те годы мой брат Джон, тогда еще ученик средней школы, играл на трубе в полицейском оркестре Денвера, который был приглашен в Вашингтон для участия в инаугурационном параде. Очевидно, все помнят, что в этот день выпал снег, а солнце светило так ярко, что, ослепленный его сиянием, Роберт Фрост не смог прочесть поэму, сочиненную им специально к этому событию. Несмотря на холодную погоду, новый президент стоял на трибуне с обнаженной головой, и легкий пар шел у него изо рта, когда он произносил знаменитые слова: «Спрашивайте не о том...»*. В своей речи Кеннеди объявил, что «факел переходит в руки нового поколения».

Вплоть до 1993 г. я смотрела выступления всех вновь избранных президентов только по телевидению. Но выступление Билла Клинтона как во время первой, так и второй инаугурации я слушала уже с балкона Капитолия. Его речь, присутствие на торжестве огромного количества людей, наконец, открывающийся вид на памятник Вашингтону — все это создавало впечатление причастности к историческому событию, переполняло меня гордостью за Соединенные Штаты, страну, оказавшую такое огромное влияние на формирование моего мировоззрения.

Инаугурационная речь американского президента дает ему уникальную возможность обратиться напрямую к шести миллиардам жителей Земли, и в том числе примерно к 300 миллионам соотечественников. Обозначая стоящие перед страной задачи, ее глава тем самым творит историю, определяя при этом свое место в этой истории. 20 января 2005 г., обращаясь к стоящим в тени Капитолия слушателям, с такой речью выступил президент Джордж Буш. Уже с первых слов стало ясно, что новый президент и его спичрайтеры метят высоко.

«Политика Соединенных Штатов, — заявил Дж. Буш, — состоит в том, чтобы поддерживать развитие демократии и становление демократических институтов во всех странах мира. В истории человечества были периоды упадка и расцвета справедливости, — продолжал президент, — но в целом она развивалась в четко выраженном направлении, определяемом идеями свободы и под руководством самого ее Творца. В наступившем столетии Америка ставит перед собой цель добиваться свободы для всех стран и всех людей мира»¹, — сказал в заключение Дж. Буш. Он мог бы добавить, что согласно Библии точно такую же задачу Господь Бог поставил перед Моисеем.

Речь Дж. Буша определила характер и суть его президентства. Горячие сторонники Буша назвали ее вдохновляющей, в то время как недоброжелатели утверждали, что президент занимался самовосхвалением. Она стала важной составляющей первого президентского срока, во время которого Дж. Бушу пришлось не только принимать решения в ответ на самый жестокий за всю историю удар, нанесенной по Америке на ее собственной территории, но и руководить страной в двух войнах. Эти и другие действия Дж. Буша стали причиной разжигания страстей как среди либералов, так и консерваторов, привели к охлаждению традиционной дружбы с давними союзниками, обострили отношения с арабским и мусульманским миром. Планы и намерения Соединенных Штатов, провозглашенные президентом, вызвали воодушевление миллионов людей во всем мире. Правда, в то же время миллионы других сочли эти планы опрометчивыми и непродуманными.

В самих Соединенных Штатах немало таких, кто считает внешнюю политику президента слишком радикальной. По мнению одного из комментаторов, она «более чем догматична и самонадеянна, характеризуется односторонностью и опасным мессианством.

* В своей инаугурационной речи Дж. Кеннеди провозгласил ставший знаменитым лозунг: «Спрашивайте не о том, что ваша страна может сделать для вас, спрашивайте себя о том, что вы можете сделать для вашей страны». Цит. по: *Documents of American History*. Vol. II, p. 656. — *Прим. пер.*

К тому же эта политика отличается не только надменностью и доктринерством, но даже балансирует на грани идолопоклонства и богохульства². Что же касается сторонников Дж. Буша, то они считают его руководство страной идеальным, а действия президента — героическими, отвечающими требованиям века и соответствующими лучшим американским традициям.

Первая реакция, которую вызывают у меня принимаемые Дж. Бушем решения, — это желание ему аплодировать, особенно тогда, когда речь идет о защите свободы. По моему глубокому убеждению, демократия — это лучшее из всего того, что изобрело человечество. Превосходя все другие формы управления, демократия служит глубочайшим источником надежды для миллионов людей. Лично я глубоко верю в это, точно так же, как абсолютно убеждена в том, что именно Соединенные Штаты призваны играть роль мирового лидера.

А почему, собственно говоря, мне не верить в это? Я была совсем еще маленькой девочкой, когда американские солдаты пересекли океан, чтобы спасти Европу от гитлеризма. После того как коммунисты захватили власть в моей родной Чехословакии, американский народ тепло принял мою семью, предоставив ей убежище. В отличие от большинства людей моего поколения, проживавших в странах Центральной Европы, я получила возможность жить в демократическом обществе, за что буду вечно благодарна Америке. Призыв, начертанный на Статуе Свободы, — для меня не пустые слова*. Я люблю Америку в том числе и за то, что она вселяет надежду в сердца всех живущих на планете людей, особенно тех, кто лишен свободы в их собственных странах.

Как ни притягательны зачастую призывы Дж. Буша, я отдаю себе отчет в том, что призывать к свободе намного легче, чем создавать подлинную демократию. Политическая свобода — это не волшебная таблетка, проглотив которую с вечера вы, проснувшись утром, обнаруживаете, что все ваши проблемы решены. Нельзя демократию навязать и извне. Как считает президент, «свобода — это божий дар, предназначенный всем живущим на земле людям»³.

«Я твердо верю в это, — сказал президент журналисту Бобу Вудварду. — Да, я однажды написал это. А может быть, сказал. Да, вспомнил, я произнес эти слова в одной из своих речей, и они стали постоянным лейтмотивом всех моих выступлений, потому что я действительно верю в это. Больше того, я убежден, что наш долг — сделать людей свободными. Надеюсь, нам не придется использовать для этого силу, но от этой обязанности нам все равно никуда не уйти».

Безусловно, эти слова вдохновляют, но все-таки какой в них заложен смысл? Могут ли они означать, что Бог, даровав людям свободу избрал Америку в качестве силы, призванной донести этот дар до каждого человека? Но если вопрос стоит именно так, невольно возникают другие: должны ли американцы верить в существование особых отношений между Соединенными Штатами и Богом? Означает ли это, что на Америку свыше возложена миссия нести людям свободу? Какую роль должны играть религиозные убеждения американских руководителей, облеченных властью, в принятии внешнеполитических решений? Можно ли вообще говорить о том, что эти убеждения могут влиять на подобные решения? Но прежде всего необходимо выяснить, насколько уместны такие и подобные им вопросы. Как известно, согласно конституции церковь в Соединенных Штатах отделена от государства. Мы давно уже пришли к выводу, что было бы ошибкой вмешивать религию во внешнюю политику. Лично я всегда так думала.

Я была уже совсем взрослой, когда мне сказали, что мои предки были евреями**. Тем не менее, родители воспитали меня в католической вере. В детстве я изучала катехизис, постоянно молилась Святой Деве Марии и хотела стать священником (даже

* «Придите, усталые, обездоленные, жаждущие дышать свободно...» — *Прим. пер.*

** В своей автобиографии «Madam Secretary: A Memoir» («Госпожа госсекретарь. Мемуары») я рассказала о том, что мои предки были евреями и какой шок мне пришлось испытать, когда выяснилось, что трое из моих бабушек и дедушек, а также другие родственники погибли в годы холокоста. — *Miramax, Нью-Йорк, 2003, стр. 235-249. — Здесь и далее — прим. авт.*

девочке-католичке не возбраняется мечтать). Мои нравственные убеждения формировали церковь и родители. Мне постоянно внушали, что я должна упорно трудиться, делая максимум того, на что способна, уважая при этом права других людей. На втором курсе колледжа Уэллсли* я изучала историю не только по учебникам, но и по Библии. Историю древнего Израиля нам преподавали наряду с другими историческими предметами, такими как история Греции и Рима.

Поскольку я была эмигранткой и дочерью чехословацкого дипломата, меня больше всего интересовали международные отношения.

Однако не могу сказать, что я рассматривала международные проблемы через призму религиозных отношений. Кроме того, я не чувствовала себя достаточно образованной в вопросах религии, чтобы поучать других, чему они должны верить, а чему нет. Вообще, мне казалось, что духовные убеждения не могут быть предметом обсуждения. Для людей моего поколения, выросших там же, где и я, такие взгляды были довольно типичными. Возможно, что люди, чье детство прошло в другой среде, придерживаются на этот счет иных взглядов. И тем не менее мне кажется, ученый Майкл Новак был совершенно прав, когда сказал в начале 60-х, что «ситуация на сегодняшний день такова, что есть только одно слово», которое нельзя употребить «в серьезном разговоре, не огорчив кого-либо, и слово это "Бог"»⁴.

Это были годы ускоренной модернизации, которую многие отождествляли с секуляризацией. Путеводной звездой по жизни для нас стали не библейские чудеса, а достижения науки и техники, такие как освоение космоса, прорыв в медицине, рождение ядерной энергетики, появление цветного телевидения, начало компьютерной эры. Многие пьесы и фильмы, такие как драма «Пожнешь бурю», наглядно иллюстрировали триумф современной науки** (теории эволюции) над креационизмом***.

Кого считала пророком молодежь того поколения? Отнюдь не Моисея. Скорее таковым для них был Чарльтон Хестон, создатель системы цветного кино «Техниколор». Хотя религия, безусловно, выдержала испытание временем и религиозные убеждения по-прежнему чрезвычайно сильны, но чудес теперь ждут не с неба, а из лабораторий и научно-исследовательских институтов. Такой приземленный прагматизм характерен в наши дни не только для американцев. Освобождение Азии и Африки от колониализма, появление на месте бывших заморских территорий независимых государств привело к распространению идей социализма и национализма.

В начале 80-х гг. Джорджтаунский университет пригласил меня на должность профессора. Я специализировалась на внешней политике. Как известно, общепризнанными и непререкаемыми авторитетами в этой области считаются такие светила науки, как Ганс Моргентау, Джордж Кеннан и Дин Ачесон. Их теоретические труды носят исключительно секулярный характер, т. е. религиозный фактор ими совершенно не принимается во внимание. Все трое считали, что характер как отдельных личностей, так и социальных групп может быть определен в соответствии с их принадлежностью к той или иной нации. Правительство управляет государством, действуя в интересах его граждан. Дипломатия, по их мнению, должна стараться

* Уэллсли — колледж для девушек. Девизом колледжа были слова: «Nonministrari sed ministrare», что в переводе с латыни звучало так: «Не господствуй, а служи». Я и мои подруги в шутку говорили, что на самом деле это означает «Не господствуй, а стань женой господина».

** Хотя в те годы было принято говорить о «триумфальном шествии науки», далеко не всегда оно было таким уж триумфальным. Так, вплоть до 1968 г. в некоторых американских штатах было запрещено преподавание теории эволюции. Позднее некоторые религиозные организации пытались оказать давление на органы образования, с тем чтобы вместо нее в учебных заведениях изучалась теория «разумного замысла». По мнению ее авторов, невероятное разнообразие форм жизни свидетельствует о том, что все они могли быть созданы только всезнающей и сверхъестественной силой. Я не считаю себя экспертом и не берусь рекомендовать, чему именно следует учить детей. В то же время я полагаю, что можно и нужно четко и определенно обозначить различие между теориями и концепциями, вытекающими из научных открытий, и теми, которые не имеют чисто научного обоснования.

*** Креационизм — учение о сотворении мира, согласно которому возникновение мира, Земли, жизни и человека есть результат Божественного творения. — *Прим. пер.*

примирить существующие между странами разногласия или хотя бы сгладить их до такой степени, чтобы они не стали причиной вооруженных конфликтов.

Часто эти теоретики сравнивали внешнюю политику с шахматной игрой. И та и другая, по их определению, — высокоинтеллектуальное занятие, требующее глубоких знаний и соблюдения определенных правил. Международные отношения, говорили они, это своего рода соперничество, которое подчиняется законам логики, и поэтому стороны действуют в соответствии с принципами, принятыми скорее в мире юриспруденции, чем среди проповедников слова Божьего.

Позднее, уже в мои зрелые годы, я была свидетелем того, как некоторые лидеры западных стран клеймили коммунистические режимы, называя их «безбожными», что помогало им завоевать симпатии избирателей и тем самым получить определенное политическое преимущество. В то же время я не могу припомнить ни одного американского дипломата или политического деятеля, который бы попытался определить глубокий смысл религии и раскрыть ее роль и значение в формировании мирового сообщества. Этого не скажешь даже о Джимми Картере, который вскоре после ухода с поста президента вернулся к активной общественной деятельности в рамках христианской благотворительности.

Религия никогда не признавала государственных границ, поскольку всегда была выше и даже за пределами человеческого разума. Пробуждая в людях глубочайшие чувства и страсти, она нередко становилась причиной кровопролития. В мое время дипломатов учили тому, как предотвращать возникновение проблем. При этом им говорили, что, по сути, нет более взрывоопасного социального института, чем религия.

Именно такими представлениями я руководствовалась на посту постоянного представителя США при ООН, а затем и государственного секретаря в период президентства Билла Клинтона. Точно таких же взглядов придерживались и мои коллеги. Когда в 1993 г. профессор Гарвардского университета Самуэль Хантингтон высказал предположение, что вслед за окончанием холодной войны может наступить эра межрелигиозного «столкновения цивилизаций»⁵, мы постарались дистанцироваться от подобных взглядов, полагая, что уже в ближайшем будущем произойдет сближение наций и регионов, что узы демократии окажутся сильнее, чем искусственные исторические границы, возникшие в результате различий в культуре и вероисповедании.

Когда на Балканах разразилась гражданская война, мы старались убедить враждующие стороны в том, что права каждой отдельной личности гораздо важнее, чем интересы различных религиозных групп. Как только в 1998 г. на территории американских посольств в Кении и Танзании были взорваны бомбы, мы развесили плакаты, предлагая награду за любую информацию о террористах. Плакаты, в частности, гласили: «Религия и политика тут ни при чем. Речь идет об обыкновенном злодейском убийстве!».

В течение всего периода президентства Билла Клинтона как сам президент, так и я, его госсекретарь, пытались найти путь к установлению мира на Ближнем Востоке. Полностью отдавая себе отчет в том, какую важную роль играют в этом конфликте святые места Иерусалима, мы оба надеялись отыскать решение созданных самой историей проблем, успокоить эмоции, накапливавшиеся на протяжении жизни многих поколений. Мы просили обе стороны проявить максимум реализма и попытаться найти приемлемый для всех участников конфликта выход из создавшегося тупика.

В конце концов, говорили мы, сейчас совершенно другое время. Давным-давно в результате Вестфальского мира 1648 г. закончились войны между католиками и протестантами, унесшие жизнь одной трети населения Европы. Еще в 1683 г. у ворот Вены было остановлено продвижение на Запад войск Османской империи, что положило конец крупномасштабным столкновениям между христианами и мусульманами. Мне казался совершенно невероятным тот факт, что в преддверии XXI в. католики и протестанты Северной Ирландии никак не могут прийти к миру и согласию, а в Южной Азии индусы и мусульмане не оставляют попыток расквитаться друг с другом за старые грехи. Хотелось надеяться, что все это — отголоски прошлого, непросвещенного времени, а не признаки грядущих столкновений.

Совершенные 11 сентября атаки террористов на Центр международной торговли заставили меня понять, что я, скорее всего, заблуждалась. Как и многим другим специалистам в области внешней политики, мне пришлось пересмотреть некоторые мои взгляды на перспективы мирового развития с учетом тех новых реалий, которые все громче заявляют о себе в последнее время. 90-е годы прошлого столетия стали периодом быстрой глобализации и впечатляющих технологических прорывов. Информационная революция изменила весь наш образ жизни, преобразила рабочие места, стимулировала возникновение новой лексики. В то же время обнаружились факторы и явления принципиально иного характера. Так, почти повсюду начали появляться и бурно развиваться различные религиозные движения.

В ряде стран Центральной и Южной Америки, в которых в течение многих веков традиционно доминировала католическая церковь, как грибы после дождя, стали вырастать многочисленные протестантские общины. Власти Китая, озабоченные падением авторитета своей устаревшей идеологии, пытаются не допустить распространения религиозных и других духовных движений, которые могли бы составить угрозу их политическому курсу. В Индии, которая обычно считалась светским государством, все большее распространение получает индуистский национализм. В республиках бывшего Советского Союза, где религия всегда жестко подавлялась, возрождается влияние религиозных институтов. В Израиле партии и группировки, придерживающиеся ортодоксальных религиозных взглядов, пытаются влиять на законодательство страны и жизнь общества в целом.

В арабском мире национализм всегда носил чисто светский характер. Казалось, именно он будет определять будущее этих стран, однако в последнее время его все больше вытесняет возрождающийся исламизм, выходящий за пределы региона и проникающий в соседние Иран, Пакистан, Центральную и Юго-Восточную Азию, а также в некоторые африканские государства. То же самое происходит и с христианством, все больше распространяющимся в Азии и Африке. Десять крупнейших конгрегации находятся в Южной Корее и одиннадцатая — в Нигерии.

Активизируется деятельность христианских организаций и в Соединенных Штатах, что заметно влияет на наше политическое мышление и культурные предпочтения. Вопреки тому, что 40 лет тому назад утверждал Майкл Новак, сегодня американцы постоянно говорят и спорят о божественном. Даже в Европе, для которой, казалось бы, нехарактерны религиозные настроения, наблюдается быстрый рост числа правоверных мусульман, а новый папа Бенедикт XVI, судя по всему, намерен активизировать деятельность, направленную на приобщение европейцев к христианству.

Какой же из всего этого должны сделать вывод те, кто определяет и осуществляет внешнюю политику Соединенных Штатов? Как лучше контролировать события в мире, в котором существует множество религий, если их основные положения по многим ключевым вопросам не только не совпадают, но даже противоречат друг другу? Как отразить угрозу, исходящую от экстремистов, многие из которых, действуя от имени Бога, пытаются навязать свою волю другим людям? Сама по себе эта угроза не представляет собой ничего нового. Она существует еще с языческих времен. Новым будет тот ущерб, который современные конфликты могут нанести цивилизации. Технология XXI в. в корне изменила характер войн. Одно дело религиозные походы отрядов, вооруженных саблями, катапультами и стенобитными орудиями, другое — удары, нанесенные по гражданским целям с использованием боеприпасов огромной разрушительной силы. А каким кошмаром может обернуться применение террористами ядерного оружия! И ведь они при этом будут еще заявлять о том, что служат Всевышнему.

В 2001 г. я ушла с государственной службы и вернулась к своему любимому занятию — преподаванию. В Джорджтаунском университете каждый семестр я вела семинарские занятия для студентов младших курсов, а для выпускников читала курс лекций. В начале каждого учебного года я объясняла слушателям, что главная цель нашей внешней политики — убедить другие страны делать то, что соответствует интересам Соединенных Штатов. Для выполнения этой задачи президент и госсекретарь используют самые

различные средства: от грубого военного давления до длительных и упорных переговоров, во время которых каждая из сторон прибегает к логическим доводам и аргументам. Искусство управления государством состоит в том, чтобы найти такое сочетание методов и средств, использование которых давало бы наилучшие результаты. Для этого, в свою очередь, надо отчетливо понимать, что считают главным те, на кого вы пытаетесь оказать влияние. В бизнесе это означает «понять, чего хочет потребитель». В международных делах основное — глубокое знание другой страны, ее культуры. Сейчас, когда в мире все больше разгораются религиозные страсти, невозможно правильно построить переговоры, не принимая во внимание религиозные доктрины и определяемую ими мотивацию поведения.

Все чаще на занятиях в аудитории и во время встреч с друзьями и коллегами я задаю один и тот же вопрос: какое, на ваш взгляд, влияние оказывает в наши дни религия на текущие события в мире? Большинство людей вначале бывают удивлены такой постановкой вопроса и затрудняются что-либо ответить, но потом завязывается откровенный разговор, во время которого высказываются самые различные мнения.

Довольно часто мои студенты склонны идентифицировать религию с этикой, оценивая все происходящее в обществе с точки зрения нравственности. Они хотят понять: почему так мало делается для преодоления бедности и искоренения болезней? Почему нельзя предотвратить геноцид и помочь развивающимся странам включиться в глобальную экономику? После событий 11 сентября многие молодые люди изъявили желание служить в армии или ЦРУ, однако эти патриотические порывы довольно скоро угасли.

Война в Ираке породила у американцев сомнения в разумности внешней политики их страны. Возникли подозрения, что Соединенные Штаты поставили перед собой цель не только руководить миром, но и доминировать в нем. Что касается иностранных студентов, то, поскольку среди них были молодые люди из самых разных стран, мнения у них тоже сложились самые различные. Как и следовало ожидать, больше всего они расходились в оценке событий на Ближнем Востоке.

Люди старшего поколения, в том числе мои друзья, профессионально занимающиеся внешней политикой, больше всего опасаются угроз, исходящих от религиозных экстремистов, а также возможности овладения террористами средствами массового уничтожения. Беспокоят их также и глубокие расхождения во взглядах на происходящие в мире процессы, связанные с отношениями между исламскими странами и Западом.

В беседах со мной многие арабские лидеры тоже выражали озабоченность этими расхождениями. Кроме того, их очень огорчает то, что в последнее время широкое распространение получили искаженные представления о сущности исповедуемой ими религии. По их мнению, это наносит существенный вред репутации ислама.

Специалисты по религии, с которыми мне приходилось обсуждать эти и другие проблемы, выражали твердое убеждение в том, что политики просто обязаны быть образованными в вопросах вероисповеданий. Они считают также, что религия может служить делу примирения стран и народов и не должна быть причиной конфликтов между ними.

Интересующихся политикой американцев беспокоит то, что с некоторых пор религиозные убеждения приобрели слишком заметное влияние в Белом доме и конгрессе. Об этом же говорят иностранные дипломаты.

Мое собственное отношение к этому определяется характером моей личности, моей индивидуальностью. Чешка по происхождению, я горжусь удочерившей меня Америкой, страной, которая доверила мне высокий пост государственного секретаря. В юные годы моим героем был Томаш Масарик, основавший в 1918 г. современную Чехословакию. Этот человек оказал большое влияние на убеждения моего отца, а через него и на мои.

В отличие от многих верующих, которые видят в идеях гуманизма альтернативу вере в Бога, Масарик считал и то и другое взаимосвязанным. Для него быть верующим означало прежде всего проявлять уважение к каждой отдельной личности, готовность и желание помогать людям. Масарик был убежден, что быть высокоморальным может только тот человек, который верует в Бога. В то же время, по его мнению, правильно понятая вера

помогает людям вести себя разумно и достойно. И в этом я с ним совершенно согласна. Действительно, только искаженные представления о наших обязанностях перед Господом превращают религию в источник конфликтов, порождают ненависть, создают массу проблем как для Америки, так и для всего остального мира.

В юные годы мне пришлось быть свидетелем многих бурных событий, однако последующая жизнь в Соединенных Штатах сделала меня убежденным оптимистом. Без всякой иронии могу сказать, что моим жизненным принципом стала реплика одного из персонажей мюзикла Леонарда Бернштейна «Кандид», который говорит: «Все к лучшему в этом лучшем из миров». Я неизменно старалась во всем находить хорошие, светлые стороны. Вместе с другими сотрудниками администрации Клинтона я неоднократно обсуждала проблемы, с которыми нам предстоит столкнуться в XXI в., и мы всегда выражали уверенность в том, что вместе с другими странами Соединенные Штаты сумеют успешно решить большинство этих проблем. Я и сейчас придерживаюсь таких же взглядов, хотя меня беспокоит то, что Америка совершает целый ряд весьма серьезных ошибок, которых вполне можно было бы избежать.

Бывают дни, когда не хочется раскрывать газету. Мне кажется, что американское правительство совершенно неумело отреагировало на акты международного терроризма. Оно подмочило репутацию Соединенных Штатов, а вместо разработки и осуществления четкой и ясной стратегии, направленной на укрепление демократии и свободы, ограничилось провозглашением общих лозунгов. В то же время я полностью отдаю себе отчет в том, что администрации Буша приходится иметь дело с невероятно трудными и сложными проблемами.

Я часто говорю, что люди, никогда не занимавшие высоких постов в правительстве, не в состоянии понять, насколько трудной может быть эта работа. И так же часто напоминаю себе о том, что бывшие руководители тоже склонны быстро забывать об этих трудностях. Критика должна быть объективной, а лучше всего, если она еще и конструктивна. Именно такую задачу я поставила перед собой, приступая к написанию данной книги.

В ее первой части говорится о том, какое положение занимают Соединенные Штаты в сегодняшнем мире, о роли религии и нравственности в определении курса внешней политики сегодня и в прошлом. Часть вторая посвящена сложным, вызывающим тревогу проблемам, возникшим в последнее время во взаимоотношениях между исламским миром и Западом. В третьей части я даю обоснование своей точки зрения, согласно которой американской внешней политике необходимо учитывать религиозный аспект в том смысле, что она обязательно должна принимать во внимание религиозные взгляды и убеждения людей.

Как всегда, для меня главное — практическая сторона дела, поэтому во всех главах проблемы рассматриваются с точки зрения того, что и как следует делать, чтобы добиться наилучших результатов. Природа религии такова, что поступки, совершаемые в соответствии с религиозным учением, не могут не быть высоконравственными, а значит правильными. Определить, какой должна быть внешняя политика, чтобы добиться максимальной конвергенции нравственности и результативности, — вот цель моей книги. Именно этот принцип должен лежать в основе политики страны, потому что с первых дней существования Соединенных Штатов о них судили как по тому героизму, которые всегда проявляли ее граждане, так и по тем идеалам, которыми они при этом руководствовались.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ President George W. Bush, second inaugural address, Washington, D.C., January 20, 2005.

² Jim Wallis, *God's Politics: Why the Right Gets It Wrong and the Left Doesn't Get It*, Harper San Francisco, 2005, 149.

³ President George W. Bush, quoted in *Plan of Attack* by Bob Woodward, Simon and Schuster, New York, 2004, 88-89.

⁴ Michael Novak, *Belief and Unbelief. A Philosophy of Self-Knowledge*, Mentor-Omega/New American Library, New York and Toronto, 1965, 17.

⁵ Samuel Huntington, "The Clash of Civilizations?" *Foreign Affairs*, Summer 1993, 22-49.

Глава 2

«На нас устремлены взоры всех людей»

Шесть лет спустя после переезда моей семьи в Соединенные Штаты я начала изучать в средней школе полный курс истории страны. В те годы на многие вещи смотрели гораздо проще и американская история подавалась не совсем так, как сегодня. Все происходившие события оценивались однозначно и только позитивно. История выглядела сагой о том, как свободолюбивые мужчины и женщины успешно преодолевали все препятствия, а каждый очередной кризис заканчивался не иначе как благополучно.

Ощущение сказочности американского прошлого усиливалось еще и тем, что жили мы в ту пору в штате Колорадо. Как известно, западные штаты по своим размерам превосходят многие европейские страны. Глядя на окружающие нас высочайшие горы, мы с изумлением спрашивали учителей, как первые поселенцы могли преодолеть такие невероятно трудные преграды. История Америки захватила мое воображение и стала одной из причин, по которой мне захотелось стать настоящей американкой.

Насколько я помню, мы не так уж много времени уделяли изучению религии, хотя, конечно, нам рассказывали о первых европейских поселенцах, этих отважных людях, совершивших чрезвычайно тяжелое и опасное путешествие в поисках места, где они могли бы свободно исповедовать свою веру, не опасаясь вмешательства правительства.

В 1630 г. к берегам Америки отправился на корабле будущий губернатор колонии Массачусетского залива Джон Уинтроп. Во время своего плавания он записал в дневнике, что вместе со своими единоверцами-пуританами собирается основать поселение, которое станет «городом, стоящим на верху горы, и взоры всех людей будут устремлены на нас»^{*}.

Пуритане верили в то, что, если так будет угодно Богу, их колония станет образцом праведной жизни. Они отправились в Новый Свет прежде всего для того, чтобы избежать Божьей кары, которая, как они считали, неизбежно падет на коррумпированные церкви Старой Европы. Кроме того, ими двигало стремление уйти от той нищеты, которая царила в те годы в перенаселенной Англии. Наконец, они хотели выполнить указание свыше, согласно которому им надлежит отправиться в новые земли, чтобы распространить там слово Божье.

Основанная пуританами община базировалась на их собственном понимании воли Господа Бога. Они чувствовали себя зависимыми от Его расположения и, хотя жаждали наслаждаться плодами земли, в то же время старались избежать мирской суетности и не становиться рабами вещей. Защищая свою добродетель, поселенцы изгоняли из своих рядов тех, чьи взгляды, как они считали, не совпадали с их собственными. Среди изгнанных оказался и Роджер Уильяме, выступавший за «свободу духа», которую он понимал как право каждого исповедовать религию так, как ему нравится. Подобные взгляды казались пуританам оскорбительными, точно так же как чрезмерная терпимость была в их глазах грехом. Истинными верующими они считали только самих себя и всякое вольнодумство находили неприемлемым.

Изгнанный из Массачусетса Уильяме основал собственную колонию в Род-Айленде под лозунгом полной свободы вероисповедания и отделения церкви от государства. Другим изгнанником стал преподобный Томас Хукер, основатель колонии в Коннектикуте. Он прославился как замечательный проповедник и священник-врачеватель «раненых душ». Особенно интересен его вклад в создание первой письменно оформленной конституции под названием «Основные законы Коннектикута» (Fundamental Orders of Connecticut)¹, в которой были даны обоснования главных демократических принципов. Хукер настаивал на том, что Бог даровал людям право самим выбирать своих

^{*} Уинтроп заимствовал эти слова из Библии, Книги Нового Завета: От Матфея Святое благовествование, глава 5, стих 14, в котором сказано: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы». Ранее Уинтроп произнес эти слова в своей проповеди «Образец христианского милосердия», которую он прочитал на борту корабля перед отплытием пуритан из Англии. Уже в Массачусетсе Уинтроп зарекомендовал себя сторонником умеренных взглядов. Так, например, он выступал против требования некоторых пуритан, чтобы женщины носили чадру.

руководителей, ограничивая при этом предоставляемые гражданским властям полномочия. В обоснование своих взглядов он цитировал Ветхий Завет, провозглашая во время проповедей: «Бог даровал нам свободу. Воспользуйтесь ею»*.

Ко времени начала Американской революции (Войны за независимость) прямые потомки пуритан составляли уже лишь небольшое меньшинство. В Нью-Йорке поселились протестанты из Голландии. В Пенсильвании Уильям Пени основал «Общество друзей» (*Society of Friends*). Мэриленд возник как колония католиков, которые, однако, со временем были вытеснены протестантами, что выглядело как своеобразное повторение гражданской войны в Англии. В Вирджинии руководителями колонии стали плантаторы, которые по иронии судьбы, хотя и были прекрасно осведомлены о новейших европейских теориях, провозгласивших универсальность прав человека, тем не менее существовали за счет рабов.

Америка как магнит притягивала к себе иммигрантов со всего света, которые были представителями самых различных вероисповеданий. Помня о религиозных раздорах в Европе и наблюдая за их отзвуками среди колониалистов, отцы-основатели последовали примеру Уильямса, провозгласив полную свободу религий. Статья шестая новой конституции США гласит: «Не может быть затребовано каких-либо подтверждений религиозных убеждений в качестве условия для занятия кем-либо должности либо официального поста, учрежденных Соединенными Штатами»**. Больше того, «Билль о правах» запрещает провозглашение какой-либо религии в качестве официальной, равно как ограничения права исповедовать какую-либо веру. Таким образом, были созданы условия, при которых ни государство, ни церковь не смогут причинить друг другу никакого вреда.

Сегодня общепринято считать, что разделение церкви и государства было продиктовано стремлением не допустить вмешательства религиозных организаций в управление страной. На самом же деле отцы-основатели руководствовались совершенно другими соображениями, а именно желанием защитить религию от тяжелой руки политиков. Для достижения этой цели они посчитали необходимым запретить вмешательство этих двух институтов в дела друг друга. Так, например, Джеймс Мэдисон неизменно выступал в поддержку идеи безусловного отделения церкви от государства, в то время как некоторые другие деятели занимали неопределенную позицию по данному вопросу. Мэдисон голосовал также против учреждения должности капеллана конгресса. Избранный президентом, он наложил вето на законопроект об официальной регистрации на федеральном уровне епископальной церкви, а также на другой законопроект о предоставлении баптистской общине общественных земель.

Уже будучи в отставке, Мэдисон писал: «Каждый новый и успешный пример того, какие великолепные результаты дает отделение церкви от государства, надо использовать, чтобы без конца повторять одну и ту же истину: чем дальше религия и правительство будут друг от друга и чем меньше станут вмешиваться в дела друг друга, тем успешнее они оба будут справляться со своими задачами»².

До того как я начала писать эту книгу, мне не приходилось задумываться о том, каких религиозных взглядов придерживались наши отцы-основатели. Я всегда считала их прежде всего политиками и не видела в них теоретиков, рассуждающих о духовных началах. На самом же деле все они много и глубоко размышляли о религии. Так, например, первые американские президенты, хотя и не принадлежали какой-то одной определенной церкви, твердо верили в божественное происхождение бытия.

* «Основные законы Коннектикута» не предусматривали отделения церкви от государства. Одна из обозначенных в этом документе задач состояла в том, чтобы «поддерживать и сохранять свободу и чистоту Евангелия». Во время своих проповедей Хукер ссылаясь на Пятую книгу Моисееву, Второзаконие, 1:13, в которой сказано: «Изберите себе по коленам вашим мужей мудрых, разумных и испытанных, и я поставлю их начальниками вашими». Хукер интерпретировал эти слова как желание Бога даровать людям право самим выбирать своих руководителей.

** Цит. по: *Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты*. —М., 1993, стр. 40. —Прим. пер.

В речи, произнесенной Джорджем Вашингтоном во время его первой инаугурации, он признал, что Америка в долгу перед Богом, и подчеркивал: «Создается впечатление, что каждый шаг нашей страны в какой-то степени отмечен Божьим предопределением»³.

Дж. Вашингтон торжественно поклялся выплатить этот долг, обещая, что «в основу национальной политики будут положены строгие и неизменные принципы морали». Еще важнее то, что при нем сложилась такая модель поведения государственных органов, которая гарантировала скрупулезное соблюдение религиозной терпимости. Эта же модель действовала и при всех последующих администрациях. Дж. Вашингтон неоднократно подчеркивал, что для него совершенно безразлично, кто вы, «магометанин, еврей, христианин какой-либо разновидности или атеист». Своей главной задачей он считал обеспечение полной свободы совести и самовыражения.

В письме, отправленном им в 1790 г. еврейской конгрегации в Ньюпорте, Дж. Вашингтон писал: «В вопросах веры правительство Соединенных Штатов соблюдает абсолютную терпимость. Оно никогда и никого не преследует по религиозным мотивам, не отдает предпочтение никакому вероисповеданию, так же, как и никакому из них не оказывает содействие»⁴.

Второй президент США, Джон Адаме, был членом унитарного движения, отрицающего Троицу и ряд других церковных догматов. Для нас важно отметить то, что он провел четкое различие между свободой и демократией. Первая, утверждал Адаме, — дар божий, вторая — творение человека. «Сегодня в Европе или даже в самой Америке мало кого интересуют, а тем более волнуют чисто технические детали формирования американских органов власти, — писал Дж. Адаме. — Однако в будущем они будут представлять несомненный интерес для многих. Все дело в том, что мы твердо решили исходить из того, что ни один государственный служащий не может считаться находящимся ближе к Богу или более правоверным, чем те наши граждане, кто плавает на кораблях, строит дома, работает в торговле или сельском хозяйстве. При отборе кандидатов на государственную службу мы исходим исключительно из соображений здравого смысла и способностей претендентов»⁵.

Преемник Адамса на посту президента, Томас Джефферсон, назвал христианское духовенство «главным препятствием на пути восприятия человечеством истинного учения Христа»⁶. Человек науки, он создал собственную версию Евангелия, в которой отсутствовали чудотворные, сверхъестественные явления, такие как непорочное зачатие или воскресение из мертвых. Трудно представить себе, чтобы в наши дни какой-нибудь политический деятель решился на такое. Джефферсону крепко доставалось за подобное вольнодумство. Во время избирательной кампании 1800 г. его противники, федералисты*, жестко критиковали взгляды Джефферсона на религию. Так, одна из газет опубликовала редакционную статью, в которой говорилось: «Сохраним ли мы верность Богу и лояльность президенту, верующему во Всевышнего, или проголосуем за Джефферсона, и тогда долой Господа Бога!!!»⁷

Отцы-основатели сознавали, что создают принципиально новую и необычную для тех времен систему управления, основанную на признании за гражданами их прав и обязанностей. Впоследствии эта система оказала огромное влияние на политическое мышление всего мира. Как писал еще в XVII в. губернатор американских колоний Уин-троп, американцы создали общество, которое по своим организационным и моральным достоинствам намного превосходило загнивающее аристократическое общество Европы. По его словам, они при этом сравнивали себя с древними израильтянами, считавшими себя народом, избранным Всевышним для воплощения в жизнь Божественного провидения. Бенджамин Франклин предложил изобразить на большой государственной печати молодого государства фигуры израильтян, идущих по дну расступившегося перед ними Красного моря, а также Моисея с поднятым жезлом и

* Федералисты — политическая партия конца XVIII — начала XIX вв., выражавшая интересы крупной буржуазии и части плантаторов-рабовладельцев, выступавшая за усиление федерального правительства США. — *Прим. пер.*

египетские войска, которых вот-вот поглотят морские волны*.

Томас Джефферсон, в свою очередь, предлагал, чтобы на печати были изображены идущие по пустыне израильтяне, «ведомые днем небесным облаком, а ночью — огненным столбом»⁹. Гражданам Америки той поры казалось совершенно естественным ассоциировать приобретенную ими на новых землях свободу с той, которую даровал своему народу Моисей. Точно так же богатые и обильные земли нового континента напоминали им о земле обетованной, в поисках которой отправились в путь древние евреи. Наконец, принцип равенства, согласно которому «все люди сотворены равными» и которому американцы были так привержены, также напоминал им библейскую притчу о родоначальнике евреев Аврааме.

Сразу же после приобретения бывшими колониями независимости среди американцев быстро распространилось убеждение в том, что их страна пользуется особым расположением Всевышнего, который проявляет к ней явную благосклонность. Несмотря на периодически повторяющиеся экономические спады и захват англичанами Белого дома во время войны 1812 г., Соединенные Штаты оставались динамично развивающейся страной. Приобретение Луизианы, экспедиции Льюиса и Кларка, аннексия Техаса, открытие месторождений золота в Калифорнии — все это послужило мощным толчком для переселения тысяч американцев на Запад. Осваивая новые земли, они создавали на них демократические институты, присущие образцовой, по их мнению, демократии. Уверенность в своих силах, свобода предпринимательства и равные возможности стали основой национального мировоззрения. Дух Фронттира может кому-то показаться грубым, но нельзя забывать о том, что его появление было вызвано невиданным всплеском энергии и оптимизма**. В 1830 г. Америку посетил французский историк Алексис де Токвилль. Наблюдая за тем, как американцы работают, молятся и проводят свободное время, он писал:

«Америка — страна чудес, в которой все находится в постоянном движении, и, как мне кажется, все происходящие там изменения — к лучшему... Такое впечатление, что людей никто и ни в чем не ограничивает, и если что-то пока не сделано, то только потому, что до этого еще не дошли руки»¹⁰.

Современник Токвилля американский историк Джордж Банкрофт утверждал, что существующая в демократической Америке свобода волеизъявления по самой своей сути — не что иное, как проявление Божьей воли. «Освоение западных земель, — говорил он, — способствует распространению цивилизации». По словам другого современника, журналиста Джона О'Салливана, движение на Запад было предопределено самой судьбой, и не сделай Америка этого, «она бы не выполнила своего предназначения»***.

Конечно, далеко не все в Америке интерпретировали волю Бога таким образом. Поскольку часть коренного населения страны со временем восприняла образ жизни белых, некоторые индейские религиозные лидеры предупреждали своих собратьев о том, что они не обретут счастья в загробной жизни, если не откажутся от аморальных привычек и традиций белого человека. Они призывали отказаться от алкоголя и огнестрельного оружия в пользу лука и стрел, а также призывали вернуться к духовным ценностям своих предков.

* Франклин был самым горячим сторонником религиозной терпимости. В Филадельфии он организовал сбор средств на сооружение общественного зала, в котором священник любого вероисповедания мог бы читать проповедь. «Даже если муфтий Константинополя придет к нам муллу проповедовать ислам, — говорил Франклин, — для него всегда найдется кафедра»⁸.

** В переводе с английского frontier означает «граница», а Фронтиром — с большой буквы — называют запад, юго-запад и юг США, где поселялись переселенцы из восточных штатов. Общепризнанно, что Фронттир сыграл важную роль в формировании национального характера, привив американцам такие качества, как индивидуализм, свободолобие, оптимизм, вера в собственные силы. — *Прим. ред.*

*** В июльском номере журнала *Democracy Review* за 1845 г. О'Салливан писал, что желание Америки присоединить Орегон было оправдано «стремлением выполнить свое предназначение, заключающееся в том, чтобы полностью освоить весь континент. Провидение дало нам его, чтобы осуществить грандиозный эксперимент по созданию либеральных форм самоуправления на местном и федеративном уровне».

Одним из таких традиционалистов был вождь индейского племени сенека Рэд Джекет, который однажды пожаловался миссионеру, прибывшему обращать индейцев в христианскую веру: «Брат мой! Ты говоришь, что есть только одна истинная вера. Но если это так, то почему же у вас, белых людей, такое разное отношение к ней?.. У нас тоже есть своя религия... Она учит нас быть благодарными за все, что нам дарует наш Бог, учит любить друг друга и соблюдать единство. Мы никогда не оспариваем какое-либо вероисповедание, брат, у нас нет желания уничтожить вашу религию или отобрать ее у вас. Единственное, чего мы хотим, — это сохранить нашу собственную»¹¹.

Со временем позорное отношение к коренному населению побудило некоторых наиболее просвещенных американцев начать переоценку ценностей, заставило их более критически посмотреть на действия своих сограждан. Но по-настоящему страну раскололо, конечно, рабство. Как аболиционисты, сторонники его отмены, так и рабовладельцы, отстаивая свою точку зрения, использовали для этого имя Господне. Первые называли рабство отвратительным. Их оппоненты утверждали, будто Библия его одобряет. Например, ссылку на Священное Писание в качестве аргумента использовали в сенате плантатор из Южной Каролины Джон Кэлхаун и Чарльз Самнер, представитель Массачусетса, который тогда, как и сейчас, был либеральным штатом.

Понимая бесполезность попыток примирить рабство с Декларацией независимости, Кэлхаун отважился объявить недействительным один из основополагающих американских принципов. «Люди не сотворены равными, — утверждал он. — Согласно Библии, сотворены были только два человека, мужчина и женщина, причем с самого начала один из них был подчинен другому. Все остальные люди появились на свет в результате рождения, и поэтому... их никак нельзя считать ни свободными, ни равными»¹².

Что же касается Самнера, то в мае 1856 г. он взошел на сенатскую трибуну, чтобы произнести речь, и не сходил с нее в течение полных двух дней. Комментируя выступление защитника рабства Кэлхауна, он в частности, сказал:

«Как мало знает этот сенатор о самом себе и о том, насколько мощное движение за отмену рабства развернулось в нашей стране. Мистер Кэлхаун смертен; дело, против которого он выступает, — бессмертно. Ему противостоит сила, намного превосходящая силу самого смертоносного оружия. Эта сила — врожденное и потому непреодолимое чувство справедливости, которое испытывают многие человеческие сердца. Против сенатора выступает сама природа человека, такая тонкая и пронизательная. Наконец, против него сам Господь Бог! Хотел бы я посмотреть, как уважаемый сенатор собирается одолеть все эти силы»¹³.

В бурные годы экспансии, войн, экономического бума и банкротств XIX в. росло убеждение в том, что Господь Бог внимательно следит за всем происходящим в Америке, направляя развитие страны в определенное русло и определяя ее судьбу. Еще больше оно укрепилось в следующем, XX в., когда амбициозная и энергичная Америка, двигаясь все дальше на Запад, достигла наконец далеких берегов Тихого океана. В 1989 г., выступая перед группой священников-методистов, президент США Уильям Маккинли так объяснял, зачем Америке потребовалось завоевывать Филиппины:

«По правде говоря, нам вовсе не нужны были эти Филиппины. Как дар божий, на нас свалилась возможность получить эту страну, и я не знал, что делать с этим даром... Мне не стыдно признаться вам, господа, что каждую ночь я в растерянности ходил по Белому дому. Падая на колени, я просил Бога вразумить меня... И однажды на меня снизошло озарение... Я понял, что нам ничего не остается делать, как присоединить Филиппины, чтобы просветить ее жителей, приобщить их к цивилизации, обратить в христианскую веру»¹⁴.

История могла быть совершенно другой, если бы не наша склонность слышать слова

Господа главным образом только тогда, когда, как нам кажется, Он говорит именно то, что мы хотим от Него услышать. Америка быстро и легко завоевала Филиппины. Гораздо труднее оказалось установить полный контроль над страной и ее жителями. Несмотря на это Маккинли нравилось утверждать, что распространение американского влияния — не что иное, как осуществление Божественного провидения, реализации замысла Бога. Хотя многие филиппинцы давно уже приняли христианство от испанских миссионеров, своих «освободителей» они приветствовали не столько теплыми объятиями, сколько холодным и горячим оружием.

Многие американцы были весьма смущены тем, что восстание против американской оккупации продолжалось целых четыре года. Как писала в своей редакционной статье одна ведущая газета, «кажется странным, что филиппинцы, или по крайней мере многие из них, так яростно возражают против присоединения их страны к Соединенным Штатам. Им бы следовало понимать, что их жизнь теперь значительно улучшится... Против чего они воюют? Все это оставляет какое-то тягостное, гнетущее впечатление»¹⁵. Добавим в заключение, что подавление сопротивления стоило жизни ста тысячам жителей Филиппинских островов.

Что же это было? Можно ли рассматривать завоевание Филиппин как проявление империализма? Наши руководители, ответственные в те годы за внешнюю политику США, так не считали. Во время избирательной кампании Маккинли его кандидат в вице-президенты Теодор Рузвельт, выступая перед избирателями в штате Юта, заявил, что «он не видел среди американцев ни одного империалиста»¹⁶. Ведущий сенатор от Республиканской партии Генри Кабот Лодж дал следующее разъяснение: «Я не думаю, что мы должны оперировать таким понятием, как "империализм". Я бы предпочел говорить об экспансии и в этой связи считаю, что Соединенные Штаты должны контролировать некоторые территории, в том числе и весьма отдаленные»¹⁷.

Как бы мы это ни называли, надо признать, что миссионерские побуждения сопровождалась вполне житейскими, земными соображениями. На рубеже XX в. молодой сенатор от штата Индиана Альберт Джереми Беверидж, прославившийся как блестящий оратор, многократно выступал перед своими избирателями и в сенате с речами под общим лозунгом «Пройдем по свету под флагом Америки!»¹⁸.

«Филиппины — наши! — восклицал он. — Сегодня и навечно! А следующим должен быть Китай с его необъятными рынками. Оттуда мы тоже никогда не уйдем... Нельзя упустить те возможности, которые существуют для нас на Востоке. Мы не откажемся от выполнения миссии, предназначенной нашей расе самим Господом Богом. Миссия эта состоит в том, чтобы распространять цивилизацию по всему свету. Причиной большинства будущих войн станет борьба за рынки сбыта, поэтому держава, получившая возможность контролировать Тихоокеанский регион, станет править миром. Подчинив себе Филиппины, мы становимся именно такой державой».

В ту пору так думали очень многие, что, впрочем, не должно нас слишком удивлять. Это было время открытий, приобретений и всеобщего желания обустроить жизнь по-новому. Англичане взяли на себя задачу распространить христианство и поднять образовательный уровень на индийском субконтиненте и в Африке, и Киплинг называл эту задачу «бременем белого человека». Французы, в свою очередь, начали осуществлять «цивилизаторскую миссию» в ряде африканских регионов и среди арабов. Испания, Бельгия, Португалия и Голландия — все имели заморские территории. Захватив Филиппины, Соединенные Штаты тем самым вошли в ряды мировых держав.

Хотя большинство американцев приветствовали новый статус их страны, были и те, кто считал поведение Америки лицемерным, противоречащим Священному Писанию и американским идеалам.

В 1900 г. кандидат от Демократической партии на пост президента Уильям Дженнинг Брайан так отреагировал на заявления Бевериджа: «Да, наша обязанность состоит в том, чтобы день за днем распространять учение Христа. Но кто сказал, что мы должны обращать в свою веру с помощью динамита и сабли?.. В Библии вы не найдете оправдания империализму. Содержащийся в ней призыв "Идите по миру и разносите слово Божье" не

сопровождается указанием на то, что для этого следует использовать новейшие виды вооружения»¹⁹.

Были и другие подобные высказывания. Так, историк Чарльз Фрэнсис Адаме, праправнук второго американского президента, однажды презрительно заметил:

«Священнослужители одержимы идеей служения тому, что они называют своим Долгом (*так у автора здесь и далее*). Мы, миряне, говорим о возложенной на нас Миссии. Тем самым и те и другие как бы хотят сказать, что выполняют указание Господа. Все мы дружно утверждаем, что Великая нация просто обязана распространять идеи свободы и Евангелие среди людей Низшей расы, которые ждут нашего прихода, как ждут Мессию. И мы приходим, только при этом почему-то не забываем взять с собой огнестрельное оружие. Якобы для того, чтобы защитить стада наших овец от посягательств на них других высших рас. Они, эти другие расы, — волки в овечьей шкуре, готовые сожрать людей Низшей расы. А мы, мы — другие. Нет, не надо быть пессимистами. Надо верить в американский народ. — Какое лицемерие и как мне все это надоело!»²⁰.

Хотя в те годы во многих городах США были образованы антиимпериалистические лиги, все же в стране превалировало мнение о том, что у Америки свое особое призвание и предназначение. Частично это объяснялось тем, что американская экспансия не ограничивалась только отправкой за океан военных и торговых кораблей. Все большее число верующих американцев ощущали потребность разделить свои религиозные убеждения с людьми, живущими в далеких странах. К началу XX в. за рубежом уже работало несколько десятков тысяч американских миссионеров, представлявших практически все вероисповедания. Особенно много среди них было тех, кто направился распространять учение, родившееся непосредственно в самих Соединенных Штатах, а именно Церковь Иисуса Христа святых последних дней, представители которой больше известны как мормоны.

Миссионеры несли с собой не только слово Божье, но и американские ценности и культуру, что способствовало демократизации общества тех стран, где они проповедовали. В то же время миссионеры стали первыми американцами, изучившими культуру и языки этих стран и территорий. Письма, которые они слали на родину, пробудили среди граждан США интерес к тем народам, о которых они ранее и не задумывались. Впервые жители таких штатов, как Нью-Йорк, Небраска или Северная Каролина, стали требовать, чтобы правительство США поставило вопрос о правах человека в зарубежных странах, а также приняло меры по защите от преследований новообращенных в христианскую веру. Заговорили и о соблюдении более строгих этических правил в бизнесе, с тем чтобы не допускать чрезмерной эксплуатации иностранных рабочих. Наконец, встал вопрос и о соблюдении принципов морали и нравственности во внешней политике. Эта тема возникла в связи с движением протеста против начавшихся англо-китайской и англо-франко-китайской опиумных войн.

Миссионеры, обладавшие необходимым опытом и денежными средствами, помогали возводить школы, университеты, клиники и больницы. Чтобы успешно выполнять взятую на себя миссию, они нуждались в доброжелательном отношении местных властей, а для этого им была необходима поддержка собственного правительства.

Американские дипломаты вели переговоры с Китаем, Японией, Сиамом и Османской империей о том, чтобы миссионерам было предоставлено право жить в этих странах, иметь там собственность и свободно распространять свои религиозные взгляды среди местного населения. Однако их деятельность не ограничивалась экономикой и делами духовными. Очень важным было то, что наряду со словом Божьим они несли с собой идеи о том, какими должны быть отношения между правителями и теми, кем они управляют.

Одним из примеров того, к чему это могло привести, служат события 1912 г. в Китае, когда президентом страны был избран Сунь Ят-сен. Реформистски настроенный новый лидер начал с того, что положил конец длившемуся в течение пяти тысяч лет императорскому правлению. Получивший образование у христианских миссионеров,

Сунь Ят-сен сформулировал «Три народных принципа», в основе которых лежали слова, произнесенные Линкольном 19 ноября 1863 г. Выступая в Геттисберге по случаю поражения армии южан, в результате чего создался перелом в Гражданской войне в пользу северян, президент Соединенных Штатов, в частности, сказал: «Правительство народа, из народа и для народа никогда не исчезнет с лица земли»*.

Хотя в конечном счете Сунь Ят-сену так и не удалось воплотить свою мечту и превратить Китай в действительно демократическое государство, его действия свидетельствуют об огромных потенциальных возможностях, которыми обладают Библия и идеалы свободы человека, особенно если их объединить.

В основе отделения церкви от государства лежат три основных принципа, или, как еще принято говорить, три «нет»: никаких тестов на религиозную принадлежность желающих поступить на государственную службу, никакой государственной религии и никаких ограничений религиозной свободы. Соблюдение этих принципов крайне важно как для нашей демократии, так и для сохранения идентичности американской нации. Будем надеяться, что они останутся незыблемыми.

Выражая данное пожелание, мы в то же время должны отдавать себе отчет в том, что разделение церкви и государства не требовало, да и не привело к устранению религии из нашей гражданской жизни. Религиозная символика присутствует на денежных знаках и монетах. Религиозные темы звучат в патриотических песнях и в выступлениях государственных и общественных деятелей. Такова реальность, и она свидетельствует о том, какие глубокие корни пустила религия в Америке, а также о том, что, хотя она и отделена от государства, тем не менее общественность судит о лидерах в том числе и по их религиозности.

Другими словами, на практике ни один политический деятель не сможет добиться успеха, не уделяя должного внимания всему тому, что связано с религией. Как писал в 1505 г. Макиавелли²¹, «пусть тем, кто видит и слышит его (государя), он предстанет как само милосердие, верность, прямотушие, человечность и благочестие, особенно благочестие»**.

Все президенты, от Джорджа Вашингтона до Буша-младшего, считали необходимым в контексте той или иной речи, произнесенной ими во время инаугурации, упомянуть имя Господне. Большинство из них выразили благодарность Всевышнему за то благословение, которое Он шлет Америке. Многие выражали убеждение в том, что, пока политика Соединенных Штатов будет оставаться справедливой и соответствующей нормам высокой морали, Господь Бог не откажет этой стране в своей благосклонности.

Некоторые президенты возглавляли всеобщий молебен во время того или другого национального кризиса. Были и такие, кто счел возможным открыто обсуждать свои религиозные убеждения. Президент Кулидж говорил о том, что приверженность Соединенных Штатов христианской религии свидетельствует о ее добрых намерениях («Легионы, которые посылает Америка, вооружены не саблями, а крестом»²²). Он же провозгласил общенациональной задачей США распространение христианства по всему миру («Америка стремится к достижению такого единства всего человечества, которое было бы основано не на общности его человеческой природы, а на общности его божественного происхождения»).

Считается, что по подобию Господа Бога созданы отдельные люди, но никак не нации. Однако среди американцев всегда жило ощущение того, что их страна служит орудием небес. Были периоды, когда это чувство проявлялось особенно сильно. Потом оно несколько ослабевало, но всегда присутствовало. В свое время президент Рональд Рейган предупреждал: «Если лишить американцев веры в наше великое будущее, нельзя будет объяснить, почему мы так убеждены в том, что Америка — земля обетованная, а наш

* Цит. по: Р.Ф.Иванов, *Авраам Линкольн и Гражданская война в США*. — М., 1964, стр. 408. — Прим. пер.

** Высказывание Макиавелли позволяет нам составить определенное представление о положении католической церкви в те времена. Совет этот был дан автором государю Цезарю Борджиа, сыну папы Александра VI.

народ избран самим Богом для того, чтобы трудиться над созданием лучшего мира»²³.

Сам Рейган не стал уточнять, каким образом этот лучший мир может быть создан, но, по мнению большинства американских руководителей, дорога к нему лежит через обретение свободы.

В христианском Евангелии Царство Божие сравнивается с дрожжами и семенами горчицы, пусть крошечными, но зато быстро растущими. Поборники демократии в Америке уверены, что демократические идеалы, пусть не так быстро, как хотелось бы, но постепенно завоюют весь мир. Незадолго до своей смерти Джефферсон писал, что демократическая система неизбежно будет распространяться, «побеждая в одних странах быстрее, в других медленнее, но в конечном счете восторжествует во всем мире»²⁴.

Вначале американцы были уверены, что, поскольку преимущества демократической системы так очевидны, другие народы и страны добровольно и охотно ее воспримут и Соединенным Штатам не надо будет их к этому подталкивать. Поэтому в XIX в. США еще крайне неохотно вмешивались в дела других стран. Джордж Вашингтон постоянно предупреждал о нежелательности заключения с кем-либо постоянных союзов, а Джон Адамс заявил, что Америка, хотя и желает всем обрести свободу, защищать намерена только собственную.

XX в. принес с собой новые тенденции, появление которых было обусловлено изменившимися условиями жизни. После того как уголь, а затем нефть заменили ветер в качестве энергоносителя, трансокеанские связи, вначале по морю, а потом и по воздуху, стали обычным делом. Мир становился все меньше, а интересы Америки — все шире. После присоединения Филиппин Соединенные Штаты начали вмешиваться во внутренние дела своих непосредственных соседей, таких как Куба, Мексика, Гаити, Никарагуа и Доминиканская Республика. В оправдание говорили о необходимости иметь в непосредственной близости от своих границ дружественные страны, а также о защите экономических интересов Америки.

Соединенные Штаты прилагали самые энергичные усилия, чтобы избежать вовлечения в европейские конфликты, однако оказалось, что обеспечить безопасность при соблюдении полного нейтралитета невозможно. Столкнувшись с необходимостью посылать своих граждан за тысячи миль, кидая их в мясорубку войны, руководители США стали обозначать стоящие перед страной задачи в самых сильных и категоричных выражениях. «Мы будем сражаться за победу демократии, — заявил в 1917 г. в своем послании к нации Вудро Вильсон, — за право граждан иметь такое правительство, которое бы прислушивалось к их требованиям, за права и свободы малых народов, за то, чтобы везде главенствовало право, за создание прочного союза свободных людей, за обеспечение мира и безопасности всем народам, за то, чтобы мир стал наконец свободным»²⁵.

Уже после окончания войны он так оценил действия победоносных американских войск:

«Наши солдаты — настоящие крестоносцы. Они отправились в путь не для того, чтобы доказать мощь Соединенных Штатов Америки, а для того, чтобы защитить свободу и справедливость; вот почему мир воспринял их именно как крестоносцев. Благодаря их выдающимся достижениям все народы преисполнились верой в Америку. Они поверили в нее так, как не верят ни в одну другую страну современного мира»²⁶.

С высоты прошедших лет эти слова кажутся несколько высокопарными, но тогда они действительно выражали мысли и чувства малых народов. В то время как европейские лидеры делили на Ближнем Востоке и в других регионах послевоенную добычу, Вильсон выступал в защиту демократии и права каждой нации самой определять свою судьбу. Появление Чехословакии как суверенного государства, институты которого были созданы по американскому образцу, в огромной степени обязано влиянию президента США.

В детстве меня учили тому, что Вильсон — настоящий герой, выражающий идеалы государства, которое так во многом отличается от всех других стран. Государства, которое, несмотря на всю свою мощь, верит в то, что миром должен править закон, а не сила. Вильсон был довольно упрямым человеком и далеко не лучшим политиком, но,

благодаря ему, резко возрос престиж Америки, которую многие стали воспринимать как маяк свободы и справедливости. Стало привычным посмеиваться над планами Вильсона по созданию Лиги Наций, называть их идеалистическими, однако предупреждение президента о том, что если Соединенные Штаты не станут членом этой организации, то Вторая мировая война неизбежна, к сожалению, сбылось.

Героическая борьба с фашизмом на двух фронтах и последовавшая затем холодная война против коммунизма укрепили репутацию Америки как самого надежного и решительного защитника демократии.

В своей речи, произнесенной им во время инаугурации, президент Кеннеди дал торжественное обещание «заплатить *любую* цену, нести *любое* бремя, вынести *любые* страдания, поддержать *любого* друга, оказать сопротивление *любому* врагу ради сохранения и процветания свободы»²⁷. Роберт Фрост написал свою поэму²⁸ специально к церемонии инаугурации, но, к сожалению, так и не смог ее прочитать. В ней были и такие строки, посвященные миссии Америки:

*Мы видим, с каким старанием народы стремятся
К суверенитету и собственной форме правления.
В определенной степени все они — наши подопечные,
И на какое-то время мы должны взять на себя их обучение тому,
Что такое демократия. Конечно, только с их согласия.
Кажется, мы призываем к новому порядку для нашей новой эры?
И если сегодня этот порядок выглядит не слишком мирным,
То мы первыми должны начать борьбу с неразберихой
И смело принять участие в этой работе*.*

Конечно, некоторые считают глупыми и даже опасными любые попытки утверждать, будто на Соединенных Штатах лежит особая миссия, да еще при этом оперировать категориями морали и демократии. За рубежом тоже распространено мнение о том, что представление об Америке как о земле обетованной слишком претенциозно. Далеко не все верят в то, что действия США обусловлены какими-то более возвышенными соображениями, чем действия любых других государств. Лидеры всех стран не без доли хвастовства говорят, что они преследуют такие же благородные цели, как и американские руководители.

Скептики считают, что американцы отличаются от других людей только тем, что верят собственному краснобайству. Америка, говорят они, вовсе не исключение. Она такая же страна, как все, только большая и более могущественная. Американцы могут притворяться, что они какие-то особенные, а может быть, им просто нравится считать себя исключительным народом, однако на самом деле все страны реагируют на появляющиеся опасности или возможности точно так же, как и Америка, исходя при этом из соображений целесообразности и разумности.

Основная задача внешней политики любого правительства — защита экономических интересов своих граждан, а также их физической безопасности. Довольно распространено мнение о том, что частенько, преследуя весьма сомнительные цели, американские руководители используют при этом высокопарную риторику, приписывая себе самые благородные намерения. Политики делают это как для того, чтобы казаться лучше, чем они есть на самом деле, так и для того, чтобы утвердить миф об исключительности Америки. Джордж Кеннан предупреждал, что «для американцев было бы крайне неразумно и нежелательно считать себя самыми просвещенными в политическом отношении людьми, хвастливо выступая при этом в роли учителей всего остального мира»²⁹.

Тем, кто утверждает, будто Америка — такая же страна, как все остальные, я скажу: «Чушь это!» В подтверждение своего мнения сошлюсь на Декларацию независимости, Конституцию, Билль о правах, Геттисбергское послание Линкольна, на роль США в двух

* Подстрочный перевод А.В. Денисова. — Прим. ред.

мировых войнах, на существование демократии, гарантирующей равные права всем гражданам независимо от расовой или этнической принадлежности. Какое другое государство может похвастаться такими историческими завоеваниями? Есть страны, обладающие такой же большой территорией, многие народы живут в условиях свободы и демократии, но ни одна другая страна не оказала такого всеобъемлющего положительного влияния на ход мировой истории и ни одна из них не ассоциируется в сознании масс с идеями свободы и равных возможностей.

Вместе с тем я не разделяю точку зрения, будто миссия США состоит в том, чтобы утвердить демократию во всем мире. Меня смущает сама мысль о том, что какие-то потусторонние силы, будь то Бог, Провидение, природа или история, могут определять, какой должна быть цель американской политики. В то же время я согласна с тем, что кому много дано, с того много и спросится. Америка — страна огромных ресурсов, выдающихся достижений и уникальных возможностей. Да, мы должны играть ведущую роль в мире, но, выполняя эту свою обязанность, нам следует всегда помнить предупреждение, сделанное в свое время Джоном Адамсоном. По его мнению, свобода, понимаемая как свобода воли, — это не исключительно наша прерогатива, это — дар Божий. К тому же понятие свободы лишено каких-либо моральных аспектов, она абсолютно нейтральна и может быть использована как на пользу людям, так и во вред. Что же касается демократии, то она, напротив, творение человека, создавшего ее для того, чтобы направить свободу в русло уважения прав всех граждан.

Соединенные Штаты, имеющие самую развитую демократию, обязаны оказывать помощь тем народам, которые желают создавать и развивать демократические институты. Однако при этом следует помнить, что продвижение демократии — это политика, а никак не миссия, и любая политика должна быть основана на строгом учете дипломатических аспектов, практических задач и норм международного права. Мы окажем дурную услугу демократии, если, продвигая ее, будем думать, что всегда и во всем правы. Если забудем, что все мы — всего лишь простые смертные и можем ошибаться.

Да, Америка—исключительная страна, но это не значит, что мы имеем право требовать, чтобы для нас делали исключение. Мы не должны вставать над законом. Нам не следует думать, что продвижение демократии — это какая-то наша священная обязанность, точно так же как никто не возлагал на нас миссию распространять христианство. Короче говоря, мы можем только просить Господа Бога благословить Америку. Но мы не смеем утверждать, что Его благословение нам уже дано, и не должны самонадеянно предполагать, что иначе и быть не может.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ "Americanism—and Its Enemies," by David Gelernter, *Commentary* magazine, January 2005.

² James Madison, letter to Edward Livingston, July 10, 1822, in Saul K. Padover, ed., *The Complete Madison: His Basic Writings*, Harper, New York, 1953.

³ President George Washington, first inaugural address, New York City, April 30, 1789.

⁴ Letter from President George Washington, cited in Barry Kosmin and S. Lachman, *One Nation under God: Religion in Contemporary American Society*, Harmony, New York, 1993, 23.

⁵ John Adams, "A Defense of the Constitution of Government of the United States of America," from Adrienne Koch, ed., *The American Enlightenment: The Shaping of the American Experiment and a Free Society*, George Braziller, New York, 1965, 258.

⁶ Thomas Jefferson, letter to Samuel Kercheval, 1810.

⁷ H. W. Brands, "Too Close to Call," *Washington Post Book World*, October 31, 2004, 3.

⁸ "Benjamin Franklin's Gift of Tolerance," by Walter Isaacson in Akbar Ahmed and Brian Forst, eds., *After Terror: Promoting Dialogue Among Civilizations*, Polity Press, Maiden, Mass., 2005, 36.

- ⁹ Thomas Jefferson, cited in Robert N. Bellah, "Civil Religion in America," *Daedalus: Journal of the American Academy of Arts and Sciences*, Vol. 96, No. 1, Winter 1967, 1-21.
- ¹⁰ Alexis de Tocqueville, *Democracy in America*, 1835. (Online.)
- ¹¹ Red Jacket, quoted in *LendMe Your Ears: Great Speeches in History*, selected and introduced by William Safire, Norton, New York, 1992, 431-433.
- ¹² Senator John C Calhoun, U.S. Senate, June 27, 1848. *Liberty and Union: the Political Philosophy of John C. Calhoun* (1811-1850), Speeches, Part III, Online Library of Liberty, Liberty Fund, 2004. oll.libertyfund.org/Home3/Book.php?recordID=007.
- ¹³ Senator Charles Sumner, U.S. Senate, May 20, 1856. Wikisource:Speeches. en.wikisource.org/wiki/wikisource:speeches.
- ¹⁴ President William McKinley, cited in John W. Robbins, "The Messianic Character of American Foreign Policy," *Trinity Review*, September-October 1990.
- ¹⁵ *Public Opinion*, cited in Stuart Creighton Miller, *Benevolent Assimilation: The American Conquest of the Philippines, 1899-1903*, Yale University Press, New Haven, Conn., 1982.
- ¹⁶ Theodore Roosevelt, cited in Howard K. Beale, *Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power*, Johns Hopkins Press, Baltimore, Md., 1956; and Collier, 1972, 75.
- ¹⁷ Henry Cabot Lodge, cited *ibid*.
- ¹⁸ Quotations are from the version of Beveridge's speech delivered on the U.S. Senate floor on January 9, 1900. *Congressional Record*, 56th Congress, I Session, pp. 704-712.
- ¹⁹ William Jennings Bryan, acceptance speech, Democratic National Convention, Indianapolis, Indiana, August 8, 1900. Viewed at <http://etsv.edu/cas/history/docs/bryan.htm>.
- ²⁰ Charles Francis Adams, cited in John W. Robbins, "The Messianic Character of American Foreign Policy," *Trinity Review*, September-October, 1990.
- ²¹ Niccolo Machiavelli, *The Prince*, Mentor/New American Library of World Literature, 1952, 94.
- ²² President Calvin Coolidge, inaugural address, March 4, 1925.
- ²³ Cited by John W. Robbins, "The Messianic Character of American Foreign Policy," *Trinity Review*, September-October 1990.
- ²⁴ Letter from Thomas Jefferson to Roger C. Weightman, June 24, 1826, cited in Wikipedia entry for Jefferson, 10.
- ²⁵ President Woodrow Wilson, address to a Joint Session of the United States Congress, April 2, 1917.
- ²⁶ President Woodrow Wilson, Pueblo, Colorado, September 25, 1919.
- ²⁷ President John F. Kennedy, inaugural address, January 20, 1961.
- ²⁸ Robert Frost, excerpt from "For John F. Kennedy His Inauguration," from *The Poetry of Robert Frost*, edited by Edward Connery Lathem. Copyright © 1969 by Henry Holt and Company. Copyright © 1961, 1962 by Robert Frost. Reprinted by permission of Henry Holt and Company, LLC.
- ²⁹ George Kennan to Richard Ullman, "The U.S. and the World: An Interview with George Kennan," *New York Review of Books*, August 12, 1999.

Глава 3

Благие намерения, которые завели нас в тупик: Вьетнам и шах Ирана

Моя учеба в колледже пришлась на вторую половину 50-х гг. В те годы для большинства американцев в вопросах морали царили полная ясность и однозначность, и им не приходилось терзаться сомнениями по поводу своих симпатий и антипатий. Поскольку мой отец писал книги об опасностях, которые таит в себе коммунизм, мне тоже было совсем не трудно определить, кто в этом мире хороший, а кто плохой.

Когда вице-президент Никсон вполне серьезно заявил, что «мы на стороне Бога», над этим мало кто смеялся, по крайней мере в Соединенных Штатах. Через несколько недель после того, как я окончила колледж, Никсон ввязался в острую полемику с темпераментным лидером Советского Союза Никитой Хрущевым. Так называемые «кухонные дебаты» состоялись на проходившей в Москве выставке современного домашнего оборудования. Вице-президент настаивал на том, что американские бытовые приборы превосходят по качеству советские. Еще важнее, чем технологическое преимущество, оказалось моральное превосходство США. Конкретным доказательством этого стало сооружение в 1961 г. Берлинской стены, которую восточногерманские власти предпочитали называть «антифашистской защитной стеной». В отличие от коммунистов свободный мир не нуждался в барьерах, которые предотвращали бы бегство его граждан. Запад во главе с Соединенными Штатами явно выигрывал идейную битву.

Затем началась война во Вьетнаме.

Американское участие в конфликте в Юго-Восточной Азии, растянувшееся на период с начала 60-х до 1973 г., облило грязью все то, что до этих пор казалось таким девственно-чистым. Несмотря на мужество американских солдат, победа в этой войне была принципиально невозможна. Политика сдерживания коммунизма в данном случае явно не сработала. Слишком сильны оказались националистические и антиимпериалистические настроения, умело используемые харизматическим лидером Северного Вьетнама Хо Ши Мином.

Уверенность в своих силах и неиссякаемый оптимизм, сыгравшие такую важную роль в процессе превращения Америки в великую державу, оказали американским руководителям дурную услугу во Вьетнаме. Не привыкшим к поражениям лидерам трудно было понять, как такая крошечная коммунистическая страна может противостоять натиску значительно превосходящих сил. В данном конкретном случае Соединенные Штаты явно не учли особенностей вьетнамской национальной культуры и возложили неоправданно большие надежды на коррумпированное, не пользующееся поддержкой населения южновьетнамское правительство. Ошибочной оказалась и военная стратегия, избранная руководством армии.

Эскалация военных действий все глубже втягивала Америку в конфликт, не давая возможности одержать решительную и окончательную победу на поле боя. В данном случае превосходство Соединенных Штатов в силе только роняло страну в глазах мирового общественного мнения. Драматические репортажи о резне в деревушке Ми Лай и фотографии вьетнамских детей, в ужасе убегающих от разбрасываемых американскими самолетами напалмовых бомб, представили Америку перед всем миром скорее как бандита с большой дороги, чем как борца за свободу.

Просто поразительно, насколько нынешняя критика в адрес Соединенных Штатов в связи с оккупацией Ирака сходна с критикой, раздававшейся во время войны во Вьетнаме. В 1965 г. Ганс Моргентау, чьи классические труды по истории и внешней политике я изучала в колледже Уэллсли, с горечью писал: «Нормальной является такая внешняя и военная политика, которая основана на данных разведки, то есть на объективной оценке фактов. В случае с Вьетнамом получилось ровным счетом наоборот: сначала было принято политическое решение, а уже потом разведке поручили добыть факты, оправдывающие это решение»¹.

22-летний студент Йельского университета Джон Керри предупреждал своих

товарищей по учебе о наличии «серьезной опасности того, что Соединенные Штаты берут на себя роль полицейского, обвинителя, судьи и присяжных заседателей одновременно; при этом мы пытаемся как-то оправдать наше все более глубокое втягивание в конфликт, который другие страны не понимают и не поддерживают»². Глубокоуважаемый конгрессмен от штата Аризона Моррис Удалл выразил мнение многих американцев, резко заявив, что во Вьетнаме идет «не та война, не в том месте и не в то время»³.

Война во Вьетнаме, безусловно, расколола Америку. Хотя Ричард Никсон и утверждал, что «молчаливое большинство» поддерживает действия правительства в Юго-Восточной Азии, миллионы американцев осуждали их, причем нередко по чисто моральным соображениям. Среди тех, кто возвысил голос протеста, были такие выдающиеся религиозные деятели, как Уильям Слоан Коффин из Йельского университета и раввин Абрахам Джошуа Гешель из Еврейской теологической семинарии. Мартин Лютер Кинг-младший тоже осудил эту войну за ненужное расточительство средств, столь необходимых для борьбы с бедностью, за непропорционально высокие потери, которые несут военнотружущие афроамериканского происхождения, за подрыв принципа ненасилия, за убийство невинных гражданских лиц.

Кинг говорил также и о том ущербе, который наносит эта война репутации Америки за рубежом. «Каждый день войны, — заявил он, — только усиливает ненависть в сердцах вьетнамцев и всех тех, кто преисполнен чувством гуманизма. Америка умудряется даже своих друзей превратить во врагов... Соединенные Штаты навсегда утратили репутацию страны, в которой царит дух революционности, свободы и демократии. Теперь ее считают страной насилия и милитаризма»⁴.

Противники войны нашли союзников среди сторонников движения за гражданские права афроамериканцев. И те и другие горячо отстаивали свою точку зрения с церковных кафедр, в студенческих городках и на улицах. Под их влиянием вскоре зародились и другие массовые гражданские движения, например в защиту прав женщин, окружающей среды, кампании по борьбе с голодом в мире, за прекращение поставки оружия репрессивным режимам, за большее уважение прав человека. Их деятельность способствовала не столько падению репутации США за рубежом как страны исключительных достоинств, сколько росту требований в самой Америке жить в соответствии с провозглашенными нравственными принципами и ценностями.

Заявляя о том, что руководство страны чересчур полагается на грубую силу, прибегает к двойным стандартам в вопросе о правах человека и слишком мало внимания обращает на мировое общественное мнение, протестующие обвиняли лидеров также и в том, что они извратили американские идеалы. Критики правительства увидели дополнительное подтверждение своей правоты в проявившейся вскоре со всей наглядностью ущербности моральных устоев администрации Никсона. Вначале это привело к беспрецедентной отставке вице-президента, а затем и самого Никсона. Участники движения протеста бурно приветствовали также и разоблачения в конгрессе деятельности ЦРУ, которое оказалось замешанным в поддержке авторитарных режимов и осуществлении террористических актов по политическим мотивам.

Трагический опыт, приобретенный во Вьетнаме, ничуть не уменьшил желание Америки продолжать борьбу с коммунизмом, но поставил вопрос о том, какими методами следует ее осуществлять. Была осознана также необходимость в более честном руководстве страной. Во время президентской избирательной кампании 1976 г. мало кому известный губернатор штата Джорджия обещал никогда не врать американскому народу и в случае своего избрания сформировать достойное этого народа правительство. Такое обещание полностью соответствовало духу времени, и Картер был избран.

К моей радости, советником по национальной безопасности он назначил Збигнева Бжезинского, ведущего теоретика по международным отношениям, моего научного руководителя во время обучения в аспирантуре Колумбийского университета. Хотя этот университет был одним из центров антивоенного движения, ни Бжезинский, ни я участия в нем не принимали. Мы тоже считали, что война ведется из рук вон плохо, но не могли согласиться с некоторыми из лидеров протестующих, которые недооценивали угрозу

коммунизма. Мы оба непоколебимо верили в правильность установки на продолжение холодной войны, полагая при этом, что следует использовать более действенные методы ее ведения. Вскоре Бжезинский предложил мне место в аппарате правительства, которое я охотно приняла. Необходимо было найти правильный баланс между двумя задачами, и обе они имели в том числе и моральные составляющие. Первая задача — эффективная борьба с коммунизмом, вторая — оказание постоянной поддержки идеям демократии и правам человека.

Среди прочего нам в наследство досталась проблема, горячо обсуждавшаяся во всех прошлых администрациях, а именно: каким образом лучше всего бороться с коммунизмом. Одни утверждали, что вполне оправданно использовать почти любые методы, чтобы покончить наконец с угрозой, исходящей от стран советского блока, в том числе оказание помощи антикоммунистически настроенным диктаторам. Уж лучше обойтись без демократических свобод и надежды на проведение со временем необходимых реформ, подчеркивали они, чем дать марксистам возможность захватить власть. По мнению других, Америка гораздо быстрее нанесет коммунизму поражение, если станет неуклонно придерживаться принципов гуманизма. Соединенные Штаты должны решительно встать на сторону тех, кто борется за улучшение своей жизни, говорили они.

Администрация Картера пыталась извлечь пользу из аргументов как тех, так и других. Для этого понадобилось преодолеть разногласия по ряду вопросов, существовавших внутри самого правительства. Так, например, Бжезинский, не страдая иллюзиями относительно конечных целей Советского Союза, ни в чем не доверял Кремлю и решительно выступал за проведение в отношении Москвы самой твердой политики. Картер был настроен более идеалистически. Он хотел, чтобы Америка всегда оставалась страной с незапятнанной репутацией. Как бы то ни было, оба соглашались в том, что требование уважать права человека, обозначенное как главный принцип нашей внешней политики, безусловно, будет способствовать успеху в противодействии коммунизму.

Четыре месяца спустя после вступления в должность президента Джими Картер объяснил в своей речи, произнесенной во время церемонии присвоения ученых степеней и вручения дипломов одного из университетов, в чем состоит новый подход Америки. Картер сказал, что, хотя мы отказываемся от «упрощенного морализаторства», Соединенные Штаты настолько непоколебимо верят в демократические методы, что никогда больше не поддадутся искушению использовать неподобающую тактику у себя дома или за рубежом:

«Мы уверены в нашем будущем и больше не испытываем страха перед коммунизмом, который в недалеком прошлом толкал нас на поддержку любого диктатора, разделявшего с нами этот страх, — заявил президент. — Слишком долго Америка прибегала к некорректной тактике и руководствовалась теми же ошибочными принципами, что и наши противники. При этом мы нередко отказывались от собственных ценностей. На огонь мы всегда отвечали огнем, не задумываясь при этом, что пламя лучше всего тушить водой. Данный подход оказался совершенно несостоятельным, и Вьетнам служит лучшим примером интеллектуальной и моральной ущербности такого рода политики. Как известно, на ошибках учатся, вот и мы сумели вернуться к нашим принципам и ценностям, восстановив утраченную было нами уверенность в своих силах»⁵.

Общественные организации, выступавшие во время вьетнамской войны в защиту прав человека и за мирное урегулирование конфликта, с энтузиазмом восприняли эту речь президента. Порадовало их и то, что впервые была введена должность заместителя государственного секретаря по правам человека. В соответствии с решением конгресса

администрация начала готовить ежегодные отчеты о положении с правами человека в странах, получающих американскую помощь. Были введены новые ограничения на обучение иностранных армий и продажу оружия тем странам, которые, хотя и поддерживают дружественные отношения с Соединенными Штатами, но управляются авторитарными правительствами. Среди них были такие, как Филиппины, Аргентина, Сальвадор, Гватемала и Никарагуа. В то же время одному из диктаторов удалось избежать каких-либо санкций. Им оказался шах Ирана.

В 1953 г. в результате организованного ЦРУ заговора был смещен со своего поста законно избранный премьер-министр Ирана, известный своими антизападными настроениями. Вместо него к власти был приведен шах Мохаммед Реза Пехлеви, который на длительное время стал надежным союзником Соединенных Штатов. Этот экстравагантный правитель оказался не только приверженцем диктаторских методов правления, но и страстным модернизатором. Запад с энтузиазмом приветствовал его так называемую «белую революцию», в результате которой началось реформирование системы образования и здравоохранения, строительство дорог и предоставление больших возможностей женской части населения. Администрация Никсона соглашалась продавать Ирану любые виды вооружения, кроме, конечно, ядерного, ожидая в ответ превращения страны в форпост антикоммунистической стабильности.

Отношения с шахом с самого начала стали для Картера нелегким испытанием. Уже одно только то, что требование уважать права человека провозглашалось как один из главных принципов американской внешней политики, казалось, должно было бы заставить США дистанцироваться от использовавшего диктаторские методы правителя, чья тайная полиция подвергала пыткам противников режима. Вместо этого шах был принят в Вашингтоне с распростертыми объятиями. Американское руководство не желало рисковать союзническими отношениями с богатой нефтью страной, расположенной на стратегически важном северном побережье Персидского залива. Слишком уж велика была цена такого риска.

Оба, и президент, и Бжезинский, согласились с тем, что в данном конкретном случае реалистичный подход более уместен, чем неукоснительное соблюдение моральных принципов. Америка оказалась в ситуации, в которой, выигрывая в одном, она неизбежно проигрывала в другом, при том, что ставки были невероятно высоки. Вашингтон и Москва разыгрывали сложнейшую партию, а шахматной доской была вся планета. В то время мир был поделен надвое. По крайней мере, так нам казалось. Потребовалось какое-то время, чтобы две сверхдержавы осознали, что кроме них был еще мало кому известный человек с большой бородой и в длинном одеянии, у которого уже зрели собственные планы.

В 1960 г. никто не обратил особого внимания на то, что некоего иранского духовного деятеля по имени Рухолла Хомейни выслали из страны за его выступления против «декадентского» шахского режима. Находясь во Франции, аятолла сумел с помощью видеокассет создать канал прямого и непосредственного общения с иранским народом. И снова какое-то время это оставалось на Западе незамеченным. В ноябре 1977 г. никто не выразил особой озабоченности, когда стало известно, что сын аятоллы убит шахской охранкой. Но уже на следующий год шах был вынужден объявить в стране военное положение, а его войска открыли огонь по безоружной толпе, убив 900 человек. Вот тут Соединенные Штаты наконец-то встревожились. Заверяя шаха в своей неизменной поддержке, Америка в то же время стала настаивать на проведении реформ, которые могли бы удовлетворить его противников и восстановить в стране спокойствие.

Позднее произошли события, рассказ о которых я всегда привожу своим студентам как наглядный пример того, что может случиться, если в правительстве нет единого мнения. Оказалось, что все основные службы, работающие на Белый дом, — Совет национальной безопасности, Государственный департамент и посольство Соединенных Штатов в Тегеране — имели различные источники информации; у всех было свое, отличное от других мнение относительно того, что происходит в этой стране, и, наконец, каждый выдвигал собственные планы преодоления кризиса. Почти до самого конца американский посол был уверен, что шах удержится у власти. Государственный департамент ломал

голову над тем, как бы потихоньку убрать Мохаммеда Реза Пехлеви, заменив его правительством умеренных. Бжезинский считал, что шах должен использовать любые насильственные меры, чтобы подавить протестное движение. В полном недоумении находилось Центральное разведывательное управление.

На одном из совещаний тогдашнего директора ЦРУ Стенсфилда Тернера спросили, что он думает о противниках шаха. В ответ тот заявил, что он не располагает на этот счет никакой информацией, поскольку шах запретил сотрудникам ЦРУ завязывать какие-либо отношения с теми, кто выражает несогласие с его режимом. В результате Соединенные Штаты даже не пытались установить контакты с Хомейни, а сделанные в свое время помощниками аятоллы предложения начать переговоры с американскими представителями были отвергнуты⁶. Для высшего руководства США иранские повстанцы оставались терра инкогнита. Фактически о них сложилось мнение как о группе религиозных фанатиков, чьи намерения по-прежнему оставались полнейшей тайной.

Революция в Иране потому застала Соединенные Штаты врасплох, что ранее мы никогда еще не имели дело с подобными явлениями. Все считали, что политическое влияние ислама идет на убыль, поскольку граждане расположенных в данном регионе стран озабочены прежде всего сугубо практическими проблемами, касающимися экономики и ее модернизации. Кто может поддержать революцию, в основе которой лежит враждебное отношение к Соединенным Штатам и Западу в целом? — спрашивали мы. И успокаивали себя в ответ: разве что кучка религиозных фанатиков.

Наши эксперты вовремя не прочувствовали всю глубину враждебности к шаху, не сумели правильно оценить возможности, которыми в наш сугубо материалистический век обладало мусульманское духовенство, чтобы мобилизовать массы на поддержку движения под религиозными лозунгами. Их ошибка усугублялась еще и уверенностью в том, что революционеры будут полностью удовлетворены выдворением шаха из страны и созданием демократического правительства. Очень скоро стало очевидно, что восстание в Иране — это не просто заговор, направленный на смену одного режима другим, и даже не гражданская война. Оно оказалось настоящим политическим землетрясением, сравнимым только с революциями во Франции или в России.

В январе 1979 г. после окончательного бегства шаха из страны аятолла Хомейни захватил власть, распустив при этом все прежние силовые структуры и органы безопасности. Заключенные и тюремщики поменялись ролями. Пришедшие к власти муллы провозгласили новую официальную идеологию, объявив о своем собственном видении мира. К всеобщему изумлению, эта идеология и это видение не имели ничего общего ни с коммунизмом, ни с демократией. Новые руководители оказались абсолютно индифферентными как к экономическим потребностям общества, так и правам человека. В основе их взглядов лежали страшно косные и ограниченные представления о божественной воле.

В те годы Соединенные Штаты были не единственной сверхдержавой, которая оказалась не в состоянии правильно оценить влияние религии. Руководители Советского Союза вначале решили, что разрыв отношений между Вашингтоном и Тегераном дает им возможность получить стратегическое преимущество в данном регионе. Еще с царских времен Россия была озабочена угрозами, которые исходили от беспокойных народов, живших на южных границах империи. Советские руководители решили, что теперь они могут беспрепятственно начать подчинение Афганистана, поскольку Иран уже не будет служить тем плацдармом, с которого Соединенные Штаты смогут воспрепятствовать осуществлению этих планов.

В декабре 1979 г. советские войска вторглись в Афганистан. Посадить в Кабуле марионеточное правительство было делом нетрудным, но Москва никак не ожидала, что это вторжение вызовет всеобщее возмущение мусульман не только Афганистана, но и всей Южной Азии, а также арабских стран Аравийского полуострова. Негодование мусульманского мира создало новые стратегические возможности для Соединенных Штатов. Поскольку теперь Иран был недоступен, взоры Америки обратились к другому афганскому соседу, Пакистану.

Следуя универсальной логике, согласно которой враг моего врага — мой друг, Вашингтон начал направлять через Пакистан сражавшимся с Советами моджахедам помощь, причем в огромных размерах. По мнению Бжезинского, Советский Союз опасно нарушил негласные нормы поведения, установленные сторонами в период холодной войны. Он считал, что Москва должна заплатить максимально высокую цену за такое самоуправство. Во время посещения пакистано-афганской границы Бжезинский заявил приветствовавшим его моджахедам: «Бог на вашей стороне!»

Прошло более десяти лет, и мусульманские бойцы, изгнав с помощью союзников советских захватчиков, установили контроль над своей страной. В отличие от Ирана результат афганской войны можно считать успехом Соединенных Штатов. Конечно, тогда мы еще не знали, что пройдут годы и многие из тех, кто сражался с нашим общим врагом, повернут свой гнев и оружие против нас самих.

Опыт, приобретенный Соединенными Штатами во Вьетнаме и Иране в 70-е годы, послужил нам хорошим уроком, о котором не следует забывать и сегодня. Во-первых, оказалось, что мы сами о себе думаем гораздо лучше, чем другие. Мы еще могли понять, почему вьетнамцы борются против американского присутствия в их стране. Но когда в 1979 и в 1980 гг. мы видели по телевидению бушующие толпы иранцев, скандирующих «Смерть Соединенным Штатам!», это уже было выше нашего понимания.

Чем вызвана такая ненависть? — спрашивали мы себя. В конце концов, Иран — это не Юго-Восточная Азия. Мы туда свои войска не направляли, их города и села не бомбили. Американцы всегда считали себя хорошими парнями, защитниками свободы, которые никогда не имели дурных намерений в отношении других стран. Неистовый взрыв гнева в Иране казался нам совершенно иррациональным явлением. Это было просто какое-то сумасшествие. Разве могут люди, находящиеся в здравом уме, называть «дядю Сэма» «большим Сатаной»?

Данный вопрос напрямую подводит нас ко второму уроку, полученному Америкой во время всех этих событий. Религия — вот что, оказывается, сыграло главную роль. В глазах иранских мусульман образ Соединенных Штатов неразрывно ассоциировался с образом шаха-диктатора, бесцеремонно поправшего мусульманские ценности. Вот почему носившая религиозный характер революция была направлена как против Мохаммеда Резы Пехлеви, так и против США. Недооценка нами того, какое значение имеют для иранских мусульман их национальные и религиозные традиции, привела к тому, что мы, сами того не желая, превратили эту страну в своего врага.

Даже во вьетнамской войне, главной причиной которой были политические и националистические мотивы, присутствовала религиозная составляющая. С самого начала усилия по борьбе с коммунизмом оказались подорванными тем, что сайгонское правительство стало притеснять буддистов, которые были самой влиятельной после коммунистов силой во Вьетнаме. Возмущенные запретом властей выйти в день рождения Будды на улицы с религиозными знаменами, верующие взбунтовались. В ответ по ним был открыт огонь, что вызвало еще больший взрыв негодования.

Несколько монахов, одетых в традиционные желтые одеяния, осуществили перед зданием Международного фотоагентства акт самосожжения, чем сразу же восстановили местное и международное общественное мнение против Америки. Поддерживаемое нами правительство президента Дьема объявило военное положение и начало аресты буддистских лидеров. Последним событием, спровоцировавшим национальную катастрофу, стал комментарий невестки Дьема, назвавшей принесение себя в жертву монахов «барбекю». Подобными заявлениями трудно было завоевать расположение вьетнамского народа.

В 1977 г. специалист по Ближнему Востоку Бернард Льюис писал: «На Западе религия почти ни для кого уже не является главным в жизни, и людям трудно представить себе, что где-либо это может быть иначе. Современный западный человек даже не подозревает, что можно сражаться и умирать ради религиозных ценностей»⁷.

Для администрации Картера это был суровый урок, за который она заплатила большую цену. После революции в Иране президент приказал провести в Белом доме ряд

брифингов с участием экспертов и ученых, на которых обсуждались доктрина и политика ислама⁸. Штурм посольства в Тегеране и захват американских дипломатов в заложники послужили новым толчком к стремлению понять, что нас ожидает со стороны исламского движения. Однако пользы эти брифинги принесли немного, поскольку к тому времени престиж администрации упал так низко, что Картер не был переизбран на второй срок.

Третий урок заключается в том, что, как оказалось, решения даже умных и проницательных людей, руководствующихся самыми благими намерениями, могут оказаться ошибочными. США вмешались во вьетнамский конфликт исключительно из благородных побуждений. Мы находились в полной уверенности, что южновьетнамцы будут нам благодарны, если мы спасем их от коммунистического рабства. Очень скоро мы почувствовали, что нас засасывает в это жуткое болото войны, и тогда было решено забыть на время о моральных принципах.

В ответ на это моментально оживились активисты антивоенного движения. Правда, когда коррумпированные прозападные правительства Южного Вьетнама и соседней Камбоджи оказались свергнутыми и в первом установлен тоталитарный режим, в то время как во второй Пол Пот начал массовую резню собственного народа, наиболее разумные из протестовавших крепко задумались над тем, то ли они делают. Участие Америки во вьетнамской войне обернулось кошмаром цинковых гробов с телами американских солдат и офицеров, уничтожением деревень за поддержку партизан, сбрасыванием напалма и постоянными предсказаниями скорой победы, которая так никогда и не наступила. Уход Соединенных Штатов из Вьетнама привел к еще большему кошмару, выразившемуся в гибели миллионов людей и появлению груды черепов.

Нечто подобное произошло и в Иране. Конечно, шах оказался жестоким и слабым руководителем, беспощадно расправлявшимся с теми, кто был не согласен с его политикой. Когда власть Резы Пехлеви начала ослабевать, активисты движения за права человека обвинили Картера в том, что он лицемерит, поддерживая репрессивный режим. Многие в США приветствовали свержение монарха, однако следует объективно признать, что пришедшие ему на смену религиозные деятели начали проводить еще более беспощадную политику в отношении прав человека. В течение первых же лет их правления тысячи людей были казнены по политическим мотивам и за так называемые «преступления против морали». Вместо секретной шахской полиции шаха была создана религиозная организация — «Корпус стражей исламской революции», оказавшаяся еще более жестокой. Сотни тысяч иранцев, в том числе противников шаха, как и он, были вынуждены бежать из страны. И сегодня, четверть века спустя после революции, власть в стране все еще принадлежит небольшой кучке мулл, которых никто и никогда не избирал.

Как и любой другой президент до него и после, Картер полагал, что в основе американской внешней политики должны лежать принципы морали. Его приверженность делу защиты прав человека заставляла меня испытывать гордость за то, что мне выпала честь быть сотрудником этой администрации. Она же в огромной степени помогла укрепить доверие к американскому лидерству и в конечном счете способствовала становлению демократии в Латинской Америке, Азии, Африке и Центральной Европе.

Благодаря таким убеждениям президента при рассмотрении каждого вопроса внешней политики во внимание принимались не только политические аспекты, но также и демократические ценности. Правда, иногда, как в случае с Ираном, гораздо большее значение придавалось другим, более приземленным факторам. Наш опыт показывает, насколько сложно бывает принять решение по внешнеполитическим вопросам. Например, продолжая жесткую линию в отношении главного источника зла, советского коммунизма, мы невольно оказались слишком связанными со вторым — репрессивным шахским режимом, открывая тем самым дорогу третьему источнику зла — аятолле Хомейни.

В те годы моя роль в принятии политических решений была достаточно скромной, и тем не менее я прекрасно помню, какое разочарование мы все испытывали, когда наши предположения оказывались ошибочными, возможности сужались, а ситуация в целом выходила из-под контроля. Некоторые критики говорят, что нам надо было отдать приоритет демократическим ценностям и гораздо раньше отказаться от поддержки

режима шаха. По мнению других, следовало на первое место поставить интересы нашей национальной безопасности и всеми средствами, в том числе в случае необходимости и военными, поддержать шаха.

Задним числом легко находить ошибки в действиях или, наоборот, бездействии руководства. Гораздо труднее правильно оценить ситуацию тогда, когда окончательное решение не принято и абсолютно неясно, какими будут его последствия, а все участники игры еще не раскрыли свои карты. Как же необходима в этих условиях правильная подсказка! Но к кому в такой момент обращаться и о чем просить совета?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Hans Morgenthau, "We Are Deluding Ourselves in Vietnam," *New York Times Magazine*, April 18, 1965.

² John Kerry, Class Day address, Yale University, New Haven, Conn., May 1966. (Copied from the original text.)

³ U.S. Representative Morris K. Udall, "Vietnam: This Nation Is Caught on a Treadmill," *Reveille* magazine, July 1967, 12.

⁴ Выступление перед членами организации «Священнослужители и миряне против войны во Вьетнаме», состоявшееся 4 апреля 1967 г. в Церкви на Риверсайд-драйв в Нью-Йорке. Печатается с согласия наследников фонда Мартина Лютера Кинга.

⁵ President Jimmy Carter, commencement address, University of Notre Dame, South Bend, Ind., May 22, 1977.

⁶ Gary Sick, *All Fall Down*, Random House, New York, 1985, 54-55.

⁶ Bend, Ind., May 22, 1977.

⁷ Bernard Lewis, *From Babel to Dragomans: Interpreting the Middle East*, Oxford University Press, New York, 2004, 285.

⁸ Telephone conversation between the author and Jimmy Carter, March 15, 2005.

Глава 4

Вопрос совести

Большая часть правозащитной деятельности Мартина Лютера Кинга и его основной вклад в это движение были связаны с выступлениями против войны во Вьетнаме. Преданный принципам справедливости и ненасилия, он требовал тщательного пересмотра и переосмысливания моральных основ американского общества, внутренней и внешней политики страны.

Во время своих многочисленных выступлений в переполненных церквях и общественных залах Кинг взволнованно обращался к своим слушателям:

«Временами, сталкиваясь с необходимостью принимать трудное решение, мы малодушно спрашиваем себя: а насколько целесообразно так поступать?»¹

Подумав о целесообразности, мы сразу же начинаем прикидывать: насколько обдуманно и благоразумно будет наш поступок?

Тут уже начинает говорить тщеславие, и мы спрашиваем себя: а как это будет воспринято окружающими?

И если в нас проснется наконец совесть, то она спросит: а правильно ли мы поступаем?

В жизни бывают такие моменты, когда нам приходится принимать решения, которые могут иметь для нас не лучшие последствия, которые при всем желании трудно назвать благоразумными и которые не помогут нам завоевать особых симпатий со стороны других людей. Но мы должны принять эти решения, потому что наша совесть говорит нам, что мы правы».

Выступления доктора Кинга, построенные по всем правилам ораторского искусства, захватывали воображение. Однако, слушая его, можно подумать, что, когда те, кто принимает решения, собираются за круглым столом, перед ними лежат коробочки с четкими надписями: «безопасный», «благоразумный», «целесообразный» и, наконец, «правильный» поступок. Одним словом, все как в ресторане, где вам подают на ваш выбор то или иное блюдо.

Как показывает опыт Вьетнама и Ирана, в жизни так бывает крайне редко. Чтобы принять правильное решение, руководителям нужна прежде всего достоверная информация. В мою бытность государственным секретарем я начинала рабочий день с чтения газет на кухне за чашкой кофе. К тому времени, когда я приезжала в свой кабинет на седьмом этаже госдепартамента, на моем столе лежала папка с информацией, подготовленной Управлением разведки и исследований. Представляемые этим подразделением госдепартамента материалы были особенно хороши тем, что в них всегда содержались исчерпывающие сведения об истории того или иного вопроса и его дипломатическая составляющая: кто делал, что, в отношении кого, почему и с каких пор. Затем я прочитывала копию экземпляра «Ежедневного доклада президенту» (*President's Daily Brief*), который выходит под грифом высшей секретности, однако не так уж часто в этом документе можно было найти нечто такое, что представляло бы особый интерес. Когда я его читала, рядом всегда находился сотрудник ЦРУ, готовый дать необходимые пояснения или ответить на вопросы, которые могли у меня возникнуть.

Документ, как правило, был довольно кратким, и я знакомилась с его содержанием главным образом для того, чтобы знать, о чем в этот день доложено президенту. Затем я углублялась в чтение расширенной версии того же материала — бюллетень под названием *National Intelligence Daily* («Ежедневный отчет национальной разведки»). После этого меня кратко информировали о потенциальных угрозах со стороны возможных террористов. Информации — море, но почти в каждом сообщении отсутствовал один-единственный, но весьма важный элемент: полная уверенность в его достоверности.

Если представить себе разведывательные данные в виде телевизионного экрана, то он был бы таким: черно-белым, как в самом начале телевещания; с плохим приемом изображения, весьма расплывчатым и нечетким; с мелкими штрихами, которые специалисты называют «снегом». Можно сколько угодно вращать ручки настройки, но полученное на экране изображение зависит главным образом от того, что вы ожидаете или

хотите увидеть.

В любом случае команда администрации Клинтона, отвечающая за внешнюю политику, должна была постоянно принимать те или иные решения. Неважно, были мы уверены в том, что владеем полной информацией или нет, события не ждали. Причем решения даже по относительно второстепенным вопросам были важны, поскольку, начав движение в заданном направлении, уже нельзя повернуть назад. К тому же очень часто одни решения вытекают из других. Мы это понимали и потому тщательно взвешивали все возможные варианты.

Нашей первой обязанностью была защита интересов американских граждан. Кроме того, каждый член правительства принимал присягу в том, что он будет соблюдать Конституцию Соединенных Штатов и добросовестно исполнять свои обязанности. Когда тут должна вступить в действие совесть? И вообще, должна ли? Связаны ли мы, помимо всего прочего, еще и моральными обязательствами?

Дин Ачесон был блестящим государственным секретарем при президенте Трумэне. При всем желании его никак нельзя назвать сентиментальным человеком, и тем не менее в 1965 г. он писал: «Многие проблемы возникают потому, что при выработке решений мы склонны исходить из антропоморфных побуждений, рассматривая нации и вырабатывая свою политику по отношению к ним так, как если бы это были отдельные индивиды. Например, создается золотое правило, главный принцип в данной сфере деятельности, который, однако, на практике отдельные индивиды редко воспринимают. Все дело в том, что нации — это не индивиды. Причины и последствия их действий совершенно различны»².

Двадцать лет спустя Джордж Кеннан утверждал: «Общество заинтересовано прежде всего в обеспечении безопасности от военной угрозы, в целостности политической жизни и благополучии своих граждан. Именно эти интересы государство и должно защищать в первую очередь. Им нельзя давать моральную характеристику... Соблюдение этих интересов абсолютно необходимо для поддержания существования нации, и поэтому их невозможно классифицировать по принципу "хороший" или "плохой"»³.

Эти заявления Ачесона и Кеннана являются классическим примером фундаментальных положений той научной школы внешней политики, которую теоретики обычно называют «реалистической». Реалисты предостерегают от излишнего внимания к чисто моральным факторам, поскольку, предупреждают они, в этом случае можно потерять из виду конечную цель и принять неверное решение.

Когда мы в колледже изучали труды теоретиков этой школы, нам говорили, что, согласно ее постулатам, нации — это «актеры, действующие рационально», то есть разумно, обоснованно и целесообразно в полном соответствии со своими интересами. Когда-то такие аргументы казались убедительными, но в наши дни они уже непопулярны. Разумеется, в нашем несовершенном мире трудно ожидать, что кто-либо начнет проводить внешнюю политику, которая бы полностью определялась чисто альтруистическими мотивами. В то же время вряд ли можно утверждать, что действия, предпринимаемые государством, «абсолютно отличаются» от действий отдельных индивидов. Это уже крен в другую крайность. В конце концов, государственная политика определяется решениями и действиями отдельных индивидуумов.

Что же касается высказывания Кеннана, то к этому вполне можно добавить, что наши индивидуальные интересы состоят прежде всего в том, чтобы обеспечить себя продуктами питания, жильем и, наконец, иметь защиту от внешних угроз. Все эти нужды — тоже «неизбежная необходимость», и их нельзя оценивать с точки зрения морали. Однако чтобы соблюсти вышеназванные интересы, мы должны предпринимать определенные действия, и вот тут уже вступают в силу моральные оценки.

Наша потребность в чем-то не дает нам автоматически право предпринимать любые действия, которые могут дать желаемый результат. Причем это правило относится как к отдельным индивидам, так и к нациям. Одно дело, когда я, желая обеспечить безопасность своего дома, устанавливаю систему защиты от беспокойного соседа, и другое — когда беру лом, чтобы огреть его по голове. То же самое относится и к действиям

правительства. Они могут быть вполне оправданными, если для охраны государственных границ оно выставляет военные патрули, но ничем нельзя оправдать отправку войск для уничтожения населения соседнего государства. Такой подход применим и к оценке нашего отношения к потребностям других индивидов и наций. Например, как известно, во время Второй мировой войны Запад не принял у себя еврейских беженцев. С чисто моральной точки зрения такая позиция вряд ли может считаться всего лишь проявлением политики нейтралитета.

Работая в администрации Клинтона, я никогда не считала себя ни грубым реалистом, ни витающим в облаках идеалистом, а старалась сочетать в себе качества тех и других. Для меня правительство было чем-то вроде предприятия, действующего в безнравственном и опасном мире, и тем не менее сугубо реалистический подход всегда шокировал меня своей жестокостью. Мне было непонятно, как можно разрабатывать политический курс, не руководствуясь в том числе и моральными принципами.

Вы можете спросить: а что, собственно говоря, я под этим подразумеваю? Для меня степень моральности или аморальности предпринимаемых действий измеряется прежде всего тем, как они влияют на жизнь людей. Поэтому, занимая пост государственного секретаря, я никогда не ограничивалась рутинными, чисто дипломатическими встречами. Мне всегда хотелось видеть и слышать тех людей, на которых решения правительства оказывают прямое и непосредственное воздействие.

Для этого я посещала лагерь беженцев, встречалась с ВИЧ-инфицированными и больными СПИДом, с семьями тех, кто потерял конечности, подорвавшись на минах, с людьми, пострадавшими от действий террористов, с вдовами, чьи мужья были убиты за свою этническую принадлежность, с матерями, не имеющими возможности накормить своих детей. Особенно мне запомнилась одна встреча в Сьерра-Леоне. Трехлетняя девочка по имени Мамуна, одетая в красный джемпер, весело играла одной рукой с игрушечным автомобилем. Другую руку ей отрубил мачете солдат. В то время у меня была внучка того же возраста, и я не могла понять, как можно было поднять мачете на ребенка? Какую угрозу он для кого-либо представлял? Чьим врагом была эта несчастная девочка?

Во время этих поездок мне каждый раз хотелось, чтобы вся Америка тоже могла видеть, в каких нечеловеческих условиях вынуждены жить многие люди. Я была уверена, что американцы немедленно откликнулись бы на их страдания со всей присущей им щедростью. Конечно, я не имела возможности пригласить всех сограждан в свой самолет, точно так же как не хотела говорить о нашей внешней политике всего лишь с позиции сочувствующей стороны.

По возвращении в Соединенные Штаты я обозначила все те причины, по которым мы не можем оставаться безразличными к бедствующему положению ряда стран. Америка заинтересована в стабильности в мире, в укреплении законности и порядка. Ей нужно завоевывать зарубежные рынки, расширять свое влияние в мире и укреплять международную репутацию. Однако, перечисляя все эти аргументы, я не могла отделаться от ощущения, что чего-то крайне важного не хватает.

Вам станет понятнее, что я имею в виду, если я расскажу любимую мною историю, случившуюся с Авраамом Линкольном⁴. Однажды, когда он был еще начинающим юристом и ездил от одного суда к другому в поисках клиентов, Линкольн увидел свинью, тщетно пытавшуюся выбраться из болота. Слегка поколебавшись между желанием помочь животному и опасением испачкать свой новый костюм, он двинулся дальше. Однако, проехав две мили, повернул назад, поскольку не мог забыть бедную свинью, попавшую в такое незавидное положение. Прибыв на место, Линкольн растянул на болоте слуги, добрался по ним до животного и вытащил его на сушу, изрядно испортив при этом свою одежду. Когда его спросили, зачем он это сделал, Линкольн ответил, что вовсе не ради свиньи, а для того, чтобы избавиться от угрызений совести.

Если Линкольн признал, что, спасая свинью, он в конечном счете руководствовался в основном эгоистическими соображениями, то почему бы Америке не осознать, что, помогая попавшим в отчаянное положение людям, она в результате помогает сама себе. Мой отец любил говорить, что людям свойственно приписывать отдельным народам

какие-то особые, только данной нации присущие качества. История Америки во многом складывалась в результате действий, предпринятых ради достижения каких-то моральных целей. Такие действия составляют важнейшую часть нашей национальной идентичности. Когда цель размыта, как это случилось во Вьетнаме, общество раскалывается, и мы теряем способность служить вдохновляющим примером для других народов.

Именно так рассуждал Джимми Картер, принимая решение о выдвижении на первый план проблемы защиты прав человека. Речь тогда шла не только о том, что Америке следует руководствоваться добрыми намерениями. Картер напомнил американцам о том, что эгоизм может быть вполне разумным и что такой эгоизм поможет Америке стать лидером в борьбе за достижение целей, жизненно важных для людей всего мира.

Более десяти лет назад профессор Гарвардского университета Джозеф Най⁵ выдвинул теорию, согласно которой высокая моральная репутация страны является ее важным и ценным достоянием. Она помогает ей приобретать друзей, расширять свое влияние, получать нужную поддержку в моменты кризиса. В этой теории заложен глубокий смысл. Действительно, она срабатывает даже на уровне вашего ближайшего окружения. Всегда охотнее откликаются на просьбы тех, кого больше уважают.

По словам Най, репутация Америки как страны — борца за свободу всегда была источником той «мягкой силы» (*soft power*), которая укрепляла позиции Соединенных Штатов на мировой арене и помогала обеспечивать ее безопасность. Как государственному секретарю мне нравилась исходная посылка данного тезиса, но не его формулировка. Я и сама нередко подчеркивала великодушный и добродетельный характер внешней политики Соединенных Штатов, но никогда не называла эту политику «мягкой». Мягкое — это что-то слабое. Представление американцев о себе ассоциируется у них с образом высоко парящего орла.

Ответив на вопрос, должны ли при выработке внешней политики приниматься во внимание в том числе и моральные принципы, вы неизбежно столкнетесь с двумя другими. Как определить, что морально, а что нет? Если необходимо учитывать как нравственные, так и эгоистические соображения, то в какой пропорции? Важность последних очевидна, а первых? Ответить на эти вопросы может помочь шкала приоритетов, разработанная профессором Принстонского университета Майклом Уолцером.

Основная обязанность государства, считает он⁶, состоит в том, чтобы охранять жизнь и защищать свободу своих граждан. Если оно не в состоянии справиться с этой задачей, то никогда не сможет помочь жителям других стран. Его вторую обязанность можно сформулировать кратко: «не навреди». Третья задача — по мере возможности помочь гражданам избежать катастроф — как природных, так и возникающих в результате действий человека. И наконец, четвертая обязанность государства — оказывая помощь тем, кто пытается улучшить свою жизнь, создавать при этом более совершенную и менее репрессивную политическую систему.

Есть и еще один способ использования шкалы Уолцера для того, чтобы определить, что считать моральным, а что нет. Так, к моральным можно отнести действия, в результате которых получается все то, что принято считать хорошим: лучшая жизнь, большая свобода, справедливость и процветание, здоровье и душевный покой. И наоборот, если в результате чьих-либо действий последуют смерть, репрессии, беззаконие, бедность, болезни или страх, то такие действия, безусловно, следует считать аморальными.

Однако использование даже такой упрощенной схемы требует определенного компромисса. Например, чтобы ускорить окончание гражданской войны, власти объявляют амнистию участникам незаконных формирований, готовым прекратить вооруженную борьбу и сдать оружие. В данном конкретном случае главной объявляется задача скорейшего достижения мира. Справедливость и правосудие отходят на второй план, то есть имеет место чисто прагматический подход. Чтобы решить, можно ли считать такой способ достижения мира высокоморальным или нет, надо рассматривать не то, насколько строго он соответствует определенным критериям и принципам, а то, насколько хорош (или плох) полученный результат.

Иногда ответ очевиден, но часто, и даже, пожалуй, в большинстве случаев, понятие моральности носит настолько относительный характер, что дать точное и недвусмысленное определение того, что морально, а что нет, крайне затруднительно. Отсутствие достаточно полной информации — не единственная трудность, с которой вы сталкиваетесь при принятии решений. Очень часто приходится выслушивать самые противоречивые и даже взаимоисключающие утверждения. Нередко вам приходится рассматривать ситуацию, которая выглядит настолько неопределенной, что немудрено растеряться. Иногда вам говорят, что в предоставленной информации только правда и ничего кроме правды, а при серьезной проверке оказывается, что это в лучшем случае полуправда.

В реальном мире добро и зло никогда не существуют в отдельности. Такова жизнь, и такой она изображается в философии, драматургии, литературе, искусстве. О ней я читала в детстве в катехизисе*, но именно данное обстоятельство зачастую игнорируют в своих речах политические деятели. Однако любые речи заканчиваются, и начинаются действия, и тогда эта реальность себя неизбежно проявляет. Вы с огорчением обнаруживаете несоответствие между теми результатами, которые планировали достигнуть, и тем, что получилось в действительности. И тут вы окончательно запутываетесь, не в состоянии определить, что же все-таки правильно и что неправильно.

Например, начиная в 1991 г. войну в Персидском заливе, президент Буш-старший предполагал, что иракский народ сам свергнет Саддама Хусейна. Однако ничего подобного не случилось. Тогда на Ирак наложили «временные» экономические санкции, которые потом каждые шесть месяцев продлевали, и так продолжалось более десяти лет. Хотя санкции не распространялись на медикаменты и продовольствие, тем не менее, поскольку экономика Ирака все же понесла существенный ущерб, от них пострадали прежде всего простые иракцы. Хусейн извлек из создавшейся ситуации все, какие только было возможно, пропагандистские преимущества. Проливая публично крокодиловы слезы по поводу страданий своего народа, он тайком препятствовал международным усилиям помочь голодающим иракцам посредством осуществления программы «Нефть за продовольствие». В то же время, если бы санкции отменили, то это, безусловно, помогло бы диктатору возродить военную мощь Ирака, превратив его в серьезную угрозу соседям по региону.

Все те годы, пока я находилась на посту государственного секретаря, нам постоянно приходилось в Ираке выбирать меньшее из двух зол. При этом мы делали все возможное, чтобы смягчить вред от той альтернативы действий, которую на данный момент выбирали. А сейчас я скажу нечто такое, что заставит многих спросить, как я вообще отважилась взяться за эту книгу. Как-то раз один репортер задал мне вопрос: неужели экономические санкции были так важны, что их введение можно считать вполне оправданным, несмотря на то, что, как полагают многие, они, эти санкции, стали причиной смерти многих иракских детей? Поколебавшись, я ответила: «Это было трудное решение, но мы полагаем, что достигнутые цели стоили заплаченной цены».

Вместо этого мне следовало бы сказать: «Да, ничто не может оправдать невинные жертвы. Именно поэтому мы делаем все, чтобы Ирак имел деньги для приобретения медикаментов и продовольствия». Но мой язык сработал быстрее, чем голова, и я предстала перед людьми хладнокровным и жестоким человеком. Пусть другие оценивают мою деятельность на посту государственного секретаря и на этом основании решают, действительно ли я такой безжалостный человек или нет. Как бы то ни было, я признаю себя виновной во временном затмении ума и в том, что произнесла такие ужасные слова.

Следующая моральная дилемма встала перед нами в связи с геноцидом в Руанде, где разгорелась кровавая резня между этническими группами хуту и тутси. В августе 1993 г. была учреждена миссия ООН по оказанию помощи Руанде, в задачу которой входило

* Согласно катехизису (§1707), «человек раздвоен внутри себя самого. И вот вся человеческая жизнь, индивидуальная и коллективная, проявляется как борьба — и снова драматическая! — между добром и злом, между светом и тьмой».

осуществление контроля за соблюдением соглашения о перемирии, заключенного между враждующими сторонами. Все миссии ООН, как правило, сталкиваются с весьма сложными проблемами, но это был исключительный случай.

После окончания холодной войны число миссий по поддержанию мира резко возросло, а количество «голубых касок» менее чем за два года увеличилось с 18 до 80 тысяч человек. Было проведено более десятка новых операций, четыре из которых — в Африке. Беда состояла в том, что командующий войсками ООН в Руанде получил лишь половину необходимого контингента войск. К тому же многие его подчиненные не проявляли особого рвения при выполнении поставленных перед ними задач.

Миссия ООН в Руанде началась вскоре после полного провала подобной операции в Сомали. Организация Объединенных Наций извлекла из этой неудачи должный урок: во время гражданской войны ни в коем случае нельзя принимать чью-либо сторону. Руководителям миссии в Руанде было дано указание: строго придерживаться нейтралитета. Это означало, что судьба операции полностью зависела от доброй воли враждующих сторон, их готовности к сотрудничеству и желания соблюдать взятые на себя обязательства. Однако очень скоро выяснилось, что хуту не желали никакого сотрудничества и готовились к войне до полного уничтожения противника.

Сразу же после начала гражданской войны в Руанде европейские страны и Соединенные Штаты немедленно предприняли меры по эвакуации своих граждан. Что же касается самих руандийцев, то для них было сделано слишком мало и непростительно поздно. В результате междоусобной бойни, продолжавшейся в течение целых двух месяцев, были убиты тысячи ни в чем не повинных людей. Ничем нельзя оправдать безразличие цивилизованного мира к подобному варварству. В своих мемуарах⁷ я подробно описываю, как все это происходило. И это был не единственный вызов, брошенный общечеловеческой морали.

Как только гражданская война начала понемногу затихать, Соединенные Штаты возглавили гуманитарные усилия по спасению руандийцев, бежавших в соседние страны. Драматическая картина бегства была показана Си-эн-эн, и американские телезрители воочию увидели тысячи людей, бредущих куда глаза глядят. Миля за милей тянулись колонны спасающихся от смерти людей. На их лицах — страх, за спиной — жалкие пожитки, на руках — дети.

Страшные сцены пробудили в сердцах американцев чувство глубокой жалости и симпатии к этим несчастным людям. Однако телевидение не рассказало о том, что среди беженцев было немало тех, кто принимал непосредственное участие в геноциде и теперь бежал от мести своих жертв. Представители Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев делали все от них зависящее, чтобы помочь несчастным. Было спасено множество людей. Однако присутствие в лагерях убийц спровоцировало новую вспышку насилия теперь уже в соседней Демократической Республике Конго*. На этом примере видно, что иногда желание помочь несчастным жертвам порождает неожиданные моральные проблемы.

В том же году лидеры Демократической партии в конгрессе подвергли критике президента Клинтона за то, что по его указанию обратно на родину были высланы граждане Гаити, пытавшиеся добраться по морю до берегов Америки. Руководствуясь самыми лучшими побуждениями, демократы назвали аморальным, даже расистским решение вернуть беспомощных людей в страну, управляемую безжалостным и незаконным правительством военных. Крайне неохотно президент уступил оказанному на него давлению и внес изменения в политику относительно потенциальных эмигрантов. В результате резко возросло число попыток достичь Америки на утлых суденышках и наскоро сколоченных плотках.

Эти примеры наглядно иллюстрируют тот факт, что попытки проводить высоконравственную внешнюю политику часто омрачаются непредвиденными последствиями. Чтобы добиться желаемых результатов, отвечающих требованиям

* В 1971 г. страна получила название Заир. — *Прим. пер.*

высокой морали, лица, принимающие политические решения, должны не только иметь желание делать добро, но и предвидеть, каким может оказаться реальный результат их благих намерений. В идеале такой деятель должен иметь безупречную совесть святого, обладать мудростью философа и даром предвидения пророка. В реальной жизни каждый делает то, на что он способен, несмотря на явную нехватку всех вышеперечисленных качеств.

Труднее всего принимать решения, требующие использования силовых методов. В качестве государственного секретаря я посетила многие военные лагеря на территории Америки и американские военные базы в более чем десяти зарубежных странах. Во время каждого такого визита я не ограничивалась тем, что благодарила солдат, моряков и летчиков за их службу, но и старалась как можно больше общаться с ними, разделяя с ними трапезу, выслушивая их мнения и отвечая на вопросы. И каждый раз внимательно вглядывалась в их лица. Я знала, что любая моя ошибка может стоить им жизни, привести к невосполнимой потере для их любимых и близких.

Из окна моего кабинета в государственном департаменте я ежедневно видела длинные ряды белых надгробий над могилами тех, кто похоронен на Арлингтонском национальном кладбище. Видела толпы людей, приходивших почтить память тех, кто отдал свои жизни в корейской и вьетнамской войнах, и я не могла не задать себе вопрос: в каких случаях война действительно неизбежна? Какими должны быть обстоятельства, вынуждающие прийти к выводу, что у нас просто нет другого выбора? Что бы я сама при этом испытывала, если бы была солдатом? Думаю, что, будь я помоложе, я в случае войны пошла бы служить, хотя мне и было бы при этом очень страшно. Самое тяжелое решение, которое только может принять президент, — отдать армии приказ начать военные действия. Это так же трудно, как государственному секретарю — рекомендовать президенту принять такое решение. К счастью, доказать необходимость использования силы бывает очень и очень нелегко. К несчастью, иногда этого не избежать.

Представьте себе, какой могла бы быть реакция мировой общественности, если бы сразу после 11 сентября президент Джорж Буш, выступая перед американским народом, сказал: «А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»*. Кажется бы, это так естественно для истинно верующего президента: обратиться в момент кризиса к заповедям Нагорной проповеди. И разве не логично для высшего должностного лица Америки призвать своих сограждан прислушиваться к совету всеми ими любимого политического философа — Иисуса из Назарета — и даровать прощение тем, кто совершил преступление против Соединенных Штатов?

Вместо этого президент Буш сделал совершенно обратное, дав клятву нанести ответный удар, чтобы заставить террористов ответить за свои деяния. Не было ли это с его стороны проявлением лицемерия? Совершает ли правительство грех, используя в борьбе со злом военную силу, в результате чего гибнут невинные люди? А может быть, правительство по определению не обязано выполнять предписания Библии?

Накопленная веками мудрость свидетельствует о том, что в реальной жизни правительства не могут руководствоваться в своих действиях библейскими нормами. В то же время это не означает, что не существует никаких общепринятых норм поведения, которые они все-таки обязаны соблюдать. Две с половиной тысячи лет назад выдающийся древнекитайский ученый, специалист по военному делу Тянь Жанцзюй писал: «Если вы нападаете на страну из-за любви к ее жителям, ваше нападение оправданно. Если вы сражаетесь для того, чтобы покончить с войной, ваши действия также справедливы».

Еще в V в. н. э. святой Августин размышлял над вопросом, оправданно ли для христианина участие в войне. Видя, какие страдания принесло жителям Рима нашествие варваров, он ответил на этот вопрос утвердительно. Война оправданна, если она ведется ради «защиты беззащитных». Позднее ученые, в том числе и такие известные деятели, как

* Цит. по каноническому изданию: *Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Книги Нового Завета: От Матфея Святое благовествование, глава 5, стих 39.* — М., 1989, стр. 5. — Прим. пер.

святой Фома Аквинский и Хьюго Гроциус, основатель современного международного права, разработали ряд критериев, которые обычно называют доктриной «справедливой войны». Многие из ее положений уже в наше время вошли в многосторонние международные соглашения, именуемые Женевской конвенцией, а также в другие международные юридические документы. С их помощью была сделана попытка определить, какие факторы могут служить моральным оправданием для начала и ведения войны.

Строго говоря, «справедливой» может считаться война, которую ведет законное правительство, руководствуясь при этом высокоморальными намерениями и преследующее оправданные с моральной точки зрения и справедливые цели. Необходимо также иметь достаточно оснований, чтобы надеяться на успех данного предприятия, а также быть уверенным в том, что возможный вред от лекарства не окажется сильнее вреда от самой болезни. Командующие военными операциями должны отличать непосредственных участников военных действий от мирного населения, стараясь избежать ненужных жертв. Прежде чем начать войну, которая в любом случае должна рассматриваться как крайнее средство, правительство обязано честно и непредвзято рассмотреть все другие возможные варианты действий.

Каждая страна имеет право на самозащиту. Устав ООН гласит, что государства — члены этой организации — должны пытаться преодолеть разногласия мирными средствами, а если это не удастся, передать вопрос на рассмотрение Совета Безопасности, который может и должен принять соответствующее решение. В статье 51 Устава говорится, что ни одно из положений данной статьи «ни в коем случае не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону»*.

На практике отдельные страны нередко предпринимают военные действия в обход положений Устава ООН. Иногда такие действия находят свое осуждение в Организации Объединенных Наций, иногда нет. Несмотря на случаи нарушения Устава, его основные положения по-прежнему признаются всеми как действующие, точно так же, как никто не отменяет законы против убийства, хотя сами убийства все еще продолжаются.

Хотя большинство законодательных актов, ограничивающих использование силовых методов, берут свое начало от религиозных традиций, с точки зрения верующих, они недостаточно жестко ставят границы применению таких методов и потому малоэффективны. Весной 2004 г. мне довелось выступать в Йельской школе богословия с лекцией на тему «Религия и американская внешняя политика». Редактор издаваемого слушателями школы журнала предложил желающим высказаться на страницах издания по поводу моего выступления.

Среди прочих откликов было получено письмо от Стэнли Хауэрва-са⁸ (Hauerwas), которого в свое время журнал *Time* провозгласил «лучшим теологом Америки». В нем Хауэрвас выразил свое неодобрение, причем не столько содержанием лекции, сколько самим фактом моего выступления перед студентами, изучающими религию. Он назвал мою лекцию совершенно абсурдной и противоречащей здравому смыслу, поскольку, по его мнению, я не тот человек, который может сказать что-то такое, что достойно внимания истинно верующего человека. Характер моей деятельности на посту государственного секретаря, писал Хауэрвас, был таковым, что его можно назвать каким угодно, «только не достойным уважения. Очень трудно, хотя и возможно, исполнять обязанности государственного секретаря Америки. ... оставаясь при этом христианином».

С точки зрения Хауэрваса, в основе христианства лежит пацифизм. Как утверждает теолог, любой американец, который участвует в военных действиях или их поддерживает, вообще не может считаться христианином. Логика Хауэрваса мне понятна, но согласиться с ней я не могу.

Конечно, нет более волнующей истории, чем история Христа, умирающего на кресте и одновременно прощающего своих врагов. Однако сущность доктрины «справедливых войн» состоит в том, что иногда военные действия необходимы именно ради достижения

* Цит. по: СБ. Крылов. *История создания ООН*. — М., 1960, стр. 263. —Прим. пер.

высоконравственных целей. Хауэрвас отрицает доктрину «справедливых войн» потому, что, как он совершенно верно замечает, слишком часто ее использовали для осуществления самых что ни на есть злых намерений. И все же дело не в том, что плоха сама доктрина, а в том, что нередко ее используют в плохих целях.

Хауэрвас, судя по всему, считает, что нет никакой разницы, кто побеждает в войне на этой грешной земле, поскольку все равно жизнь наша коротка и все мы в конечном счете попадем на небо, представ перед судом Божьим. Хочется напомнить уважаемому теологу, что только благодаря войнам, которые вела Америка и в которых она одержала победу, сегодня он, Хауэрвас — свободный человек, воспринимающий эту свободу как нечто само собой разумеющееся.

Каждый раз во время посещения церковной службы я слышу: «Да благословенны будут миротворцы!». Эти слова молитвы трогают меня до глубины души. Сама я исключительно мирный человек. Я преклоняюсь перед Ганди, квакерами и всеми теми, кто выступает за использование только ненасильственных методов борьбы. Но когда я вспоминаю о Гитлере, об этнических чистках и геноциде, то не могу согласиться с тем, что отказ от насильственных методов всегда морально оправдан. Бывают такие обстоятельства, когда он, этот отказ, неприемлем именно с нравственной точки зрения.

Здесь я снова хотела бы напомнить о моем чешском происхождении, которое, наверное, и определяет мою позицию по данному вопросу. В период между двумя мировыми войнами в Чехословакии активно обсуждались все «за» и «против» оказания вооруженного сопротивления потенциальному агрессору. Президент Масарик очень эмоционально заявил тогда, что вся история страны, ее демократические традиции берут свое начало от учения Христа, а не от военных походов Юлия Цезаря⁹. Он также утверждал, что «война — не самое большое зло. Много хуже, когда вы ведете нечестный образ жизни, смиряетесь с рабством или порабощаете других людей». Масарику было уже под 80, когда во время встречи с писателем Джоном Голсуорси он сказал: «Хотя я уже далеко не молод, но если кто-нибудь посмеет напасть на меня, я возьму своими старыми руками кирпич и брошу его в нападающего». Что ж, иногда, чтобы достичь мира, за него надо сражаться.

Я вовсе не хочу этим сказать, что решение использовать силу может быть принято поспешно, без предварительного тщательного анализа сложившейся ситуации. Любое насилие приносит вред не только тому, против кого оно применяется, но и тому, кто его использует. Кроме того, некоторые последствия применения силы, причем зачастую катастрофические, иногда сказываются много позже, и предвидеть их заранее невозможно. В своем душераздирающем рассказе «Военная молитва» Марк Твен напоминает нам, что, когда мы молим Бога, чтобы он помог нам сокрушить врага, мы тем самым просим его навлечь страшные несчастья на многих невинных. Как бы ни было это трудно, как ни велик риск совершить ошибку, руководитель обязан выполнить свой долг. Он должен сделать выбор, причем выбор этот должен быть морально оправданным.

В последние годы перед Соединенными Штатами дважды вставал трудный вопрос: начинать «справедливую войну» или воздержаться? Сначала это был Афганистан, потом Ирак. Как государственный секретарь, я столкнулась с такой же проблемой на Балканах. В начале 90-х гг. сербский диктатор Слободан Милошевич трижды провоцировал войны. Сначала против Словении, затем Хорватии и, наконец, против Боснии. В 1999 г. его гнев пал на албанское большинство, населявшее сербскую провинцию Косово.

В течение года я пыталась по дипломатическим каналам найти такое политическое решение вопроса, которое бы устроило обе враждующие стороны. Албанцы в конечном счете приняли наше предложение. Милошевич не только отказался, но еще и направил подразделения службы безопасности, чтобы подавить сопротивление гражданского населения, а затем и вовсе изгнать албанцев из края. Бойцы сербских воинских подразделений убивали албанских лидеров, жгли албанские деревни, терроризировали местных жителей. Милошевич был твердо намерен «решить» проблему Косова раз и навсегда.

Поскольку провинция Косово является составной частью Сербии, преступления

Милошевича нельзя было характеризовать как агрессию против суверенного государства. Уж тем более это не было нападением на одну из стран НАТО, и поэтому Североатлантический блок не имел никаких юридических оснований заявить о своем желании реализовать право на самооборону. Так как Сербия не угрожала при этом ни одному другому суверенному государству, то никто не мог претендовать на право нанесения превентивного удара. И в то же время все мы были обязаны «защитить незащищенных». Совет Безопасности одобрил резолюцию с требованием вывести из Косова сербские войска. Однако российские дипломаты, исторически всегда симпатизировавшие братьям-славянам, пригрозили наложить вето на любое решение, которое бы делегировало право применять силу против Сербии.

Администрация Клинтона и НАТО оказались перед трудным выбором: или мы воздерживаемся предпринимать какие-либо действия в связи с угрозой российского вето, или используем силу для спасения людей в Косове, не имея на то согласия ООН. Я настойчиво добивалась принятия второго варианта и преуспела в этом. Аргументируя свою позицию, я объясняла, как важно со стратегической точки зрения урегулировать создавшуюся ситуацию. В Европе никогда не наступит полный и окончательный мир, подчеркивала я, пока на Балканах будет сохраняться нестабильность, а ее можно будет преодолеть только в том случае, если удалить от власти Милошевича.

Однако мои главные доводы носили сугубо моральный характер. Нельзя допустить, говорила я, убийство невинных людей. Существование в Европе НАТО давало нам в руки инструмент, с помощью которого можно было остановить этнические чистки. При этом я надеялась, что, сделав это, мы тем самым предотвратим повторение подобной жестокости в другом месте. Это был как раз тот самый случай, когда наши позиции полностью соответствовали взглядам Мартина Лютера Кинга-младшего. Мы решили вмешаться в события на Балканах не потому, что это было не связано для нас с каким-либо риском, а потому, что мы были правы. Не имея мандата ООН на осуществление военной операции, мы уделили особое внимание пиаровским акциям, чтобы убедить международную общественность в правоте нашего дела. Во-первых, администрация Клинтона постаралась заручиться поддержкой стран — членов НАТО. Во-вторых, мы поддерживали постоянный контакт с генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, который публично признал действия сербов неприемлемыми. В-третьих, по ходу боевых действий военные юристы контролировали характер целей, выбираемых для нанесения по ним удара подразделениями НАТО, с точки зрения их соответствия положениям Женевской конвенции. В каждом случае тщательно взвешивался потенциальный риск, который представляли собой такие удары, с тем чтобы получаемые с их помощью преимущества ни в коем случае не превышали возможный ущерб для гражданского населения.

По ходу войны мы постепенно усиливали военное давление на Белград, принимая при этом все возможные меры, чтобы свести к минимуму ненужные жертвы. Удары по трем гражданским целям — посольству КНР, пассажирскому поезду и конвою с беженцами — были нанесены в результате ошибки. По некоторым оценкам, всего в результате бомбежки было убито от 500 до двух тысяч гражданских лиц. В то же время в Косове от рук сербов погибло до 10 тысяч албанцев и сотни тысяч были изгнаны из своих домов. Даже во время военных действий мы не прекращали усилий, направленных на мирное решение проблемы дипломатическими средствами. В конечном счете наши старания увенчались успехом. Милошевич капитулировал, сербы вывели свои войска из Косова, и албанцы смогли туда вернуться. В регион были введены миротворцы НАТО, а ООН предприняла меры по восстановлению региона, что позволило провести несколько раундов демократических выборов.

Корни конфликта в Косове, как и всех других войн, которыми сопровождался распад Югославии, надо искать в истории религии на Балканах. Оправдывая политику Сербии, Милошевич говорил мне, что его народ на протяжении веков защищал «христианскую Европу». Национальный эпос Сербии рассказывает о битве с войсками Османской империи, которая произошла на Косовом поле в 1389 г. Согласно сербской легенде, в тот роковой день перед князем Лазарем явился пророк Илия и предложил ему на выбор либо

победу в сражении и создание империи на земле, либо поражение, но зато в этом случае Лазарь обретет место на небесах. Лазарь выбрал второе. Очень возвышенная, благородная легенда, сыгравшая свою роль в том, с какой решимостью сербы сопротивлялись фашистскому нашествию во время Второй мировой войны*.

Проблема заключалась в том, что с тех пор вот уже в течение более 600 лет часть сербов, зараженных ярким национализмом и убежденных в существовании особых отношений между ними и Богом, горит желанием отомстить за поражение в Косове.

Вацлав Гавел так охарактеризовал действия НАТО на Балканах:

«Если вообще какую-либо войну можно считать оправданной или признать, что цели, ради которых она ведется, делают ее оправданной, то это безусловно относится к войне на Балканах. В отличие от Кувейта в Косове нет нефтяных месторождений. Ни одна из стран Североатлантического пакта не имеет к Сербии каких-либо территориальных претензий. Милошевич не угрожает территориальной целостности ни одного из государств НАТО, и тем не менее альянс начал военные действия. И сделано это потому, что честные люди не могут спокойно смотреть, как правительство систематически уничтожает своих собственных граждан... Это такая война, в которой права человека оказались важнее прав государства»¹¹.

Большинство из нас, видимо, согласятся с тем, что, если мы хотим сосуществовать друг с другом, крайне важно соблюдать моральные правила общежития, хотя часто трудно даже определить, что это такое. Мы всегда чувствуем себя в большей безопасности в мире, в котором как отдельные граждане, так и целые государства руководствуются в своих действиях прежде всего соображениями совести и порядочности. А как же быть с религией? Видимо, ее можно считать самым существенным и влиятельным фактором, определяющим нашу совесть, хотя одновременно она может служить причиной возникновения конфликтов и разжигания ненависти, чему мы не раз были свидетелями как на Балканах, так и в других регионах мира, где неоднократно вспыхивали межконфессиональные конфликты. Так что же, хотим ли мы после всего этого, чтобы религия играла в нашей жизни все большую роль или нет?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ "Трусость задает вопрос". Данная цитата приводится с небольшими сокращениями во многих выступлениях, включая проповедь доктора Кинга в Национальном соборе Вашингтона 31 марта 1968 г., с которой он выступил менее чем за неделю до своего убийства. Печатается с согласия наследников фонда Мартина Лютера Кинга.

² Dean Acheson, "Ethic in International Relations Today," *Amherst Alumni News*, Winter 1965; cited in "Morality in Foreign Policy," in Michael Cromartie, ed., *Might and Right after the Cold War: Can Foreign Policy Be Moral?* Ethics and Public Policy Center, Washington, D.C., 1993, 38.

³ George F. Kennan, "Morality and Foreign Policy," *Foreign Affairs*, Winter 1985-1986, 206.

⁴ J. G. Holland, *The Life of Abraham Lincoln*, Samuel Fowles & Company, Springfield, Mass., 1866, 78-79..

⁵ See three books by Joseph S. Nye, Jr.: *Bound to Lead: The Changing Nature of*

* Гражданское правительство Сербии¹⁰, согласившееся на сотрудничество с Германией, было тут же свергнуто военными. В своей речи по радио патриарх Сербской православной церкви так объяснил решение дать отпор агрессорам: «В эти дни перед нашим народом снова встал вопрос о его дальнейшей судьбе. Сегодня на рассвете мы приняли решение. Мы избрали Царство Божие — царство правды, справедливости и свободы. Желание его обрести всегда горело в сердцах сербов. Об этом мы молились в наших храмах, символы этого царства неизменно изображались на наших знаменах». В ответ началось вторжение фашистских войск, встретивших упорное сопротивление сербских партизан.

American Power (Basic Books, 1990); *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone* (Oxford University Press, 2002); and *Soft Power: The Means to Success in World Politics* (Public Affairs, 2004).

⁶ Michael Walzer, in "Religion and American Foreign Policy: Prophetic, Perilous, Inevitable," Brookings Institution, Washington, D.C., February 5, 2003. (Panel discussion.)

⁷ Madeleine Albright, *Madam Secretary: A Memoir*, Miramax, New York, 2003, 146-155.

⁸ Stanley Hauerwas, "The Last Word: What Does Madeleine Albright's Address Say about the Character of Contemporary Christianity?" *Reflections* magazine, Yale Divinity School, Fall 2004, 53-54.

⁹ Tomas Garrigue Masaryk, quoted in Josef Korbel, *Twentieth-Century Czechoslovakia: The Meanings of Its History*, Columbia University Press, New York, 1977, 15.

¹⁰ Tim Judah, *Kosovo: War and Revenge*, Yale University Press, New Haven, Conn., 2000, 26.

¹¹ Vaclav Havel, "Kosovo and the End of the Nation-State," *New York Review of Books*, Vol. 46, No. 10, June 10, 1999.

Глава 5

Религия и дипломатия

«Это был бы лучший из миров, если бы в нем не было религии!» — утверждал Джон Адаме в своем письме к Томасу Джефферсону. Это высказывание, хорошо знакомое каждому атеисту, звучит совершенно иначе, если его не вырывать из контекста. Вот как выглядит полностью данный отрывок из письма:

«Читая в последнее время литературу, я раз двадцать чуть не воскликнул: "Это был бы лучший из миров, если бы в нем не было религии!" Однако подобные возгласы свидетельствовали бы... о моей нетерпимости... Без религии этот мир был бы чем-то таким, о чем нельзя говорить в приличной компании. Я хочу сказать, что он был бы просто адом»¹.

В своей песне «Imagine» Джон Леннон призывает нас помечтать о мире, в котором нет религии. Многие атеисты убеждены, что она не в состоянии помочь нам в решении каких-либо проблем. При этом они указывают на то, что в течение многих веков люди постоянно приносили друг другу несчастье и зачастую делали это во имя Бога. Как показывают исследования, войны, одной из причин которых была религия, продолжались дольше и велись с большей жестокостью, чем обычные.

Большой любитель резких высказываний либеральный обозреватель И.Ф. Стоун как-то заметил: «Как же часто люди перерезали друг другу глотку во имя Бога! Сколько раз они шли воевать, исполняя волю Господню. Войны, которые человечество вело ради спортивного интереса или грабежа, никогда не были такими кровавыми, как те, которые начинались из-за убеждения, что верования одних абсолютно "несовместимы" с верованиями других»².

На первый взгляд, в такого рода высказываниях есть своя логика, однако на самом деле это ущербная логика. Прежде всего потому, что, хотя мы прекрасно знаем, каков мир, раздираемый межконфессиональными противоречиями, нам не дано узнать, каким он мог бы быть, если бы религия вообще отсутствовала. Впрочем, определенное представление об этом мы можем получить у Ленина, Сталина и Мао Цзэ-дуна. К этой же компании я отнесла бы и нацистов, пытавшихся превратить христианство в бездушный инструмент их власти и с насмешкой и издевательством отказывавшихся признавать наличие у него еврейских корней. Как легко обвинять во всех наших бедах религию, а точнее, те неблагоприятные поступки, которые совершаются во имя нее некоторыми людьми.

Религия — мощная движущая сила, и характер ее воздействия на мир зависит прежде всего от того, какие чувства она внушает и на какие действия вдохновляет. Задача лидеров состоит в том, чтобы использовать во благо весь тот потенциал религии, с помощью которого людей можно объединить, и по возможности не допускать возникновения таких ситуаций, когда религия становится причиной раздора. Для этого нужно как минимум отдавать себе отчет в том, что духовно-религиозные аспекты нашей жизни требуют и заслуживают изучения.

Пока же, как заметил католический теолог Брайан Хехир, «все еще распространено мнение о том, что совершенно не обязательно познать сущность религии, чтобы понять, что представляет собой наш мир. Совершенно необходимыми считаются знания в области экономики, стратегии, законодательства, но никак не религии. Ни в учебниках по международным отношениям, ни в книгах о принципах организации внешнеполитических институтов ничего не говорится о необходимости углубленного изучения религии, поскольку она не рассматривается как общественная сила, оказывающая значительное влияние на тот мир, с которым нам приходится иметь дело»³.

Американским дипломатам следовало бы взять на вооружение совет Хехира, поскольку это позволит им не просто реагировать на происходящие события, но и предвидеть их. Для этого им потребуются самые широкие знания в данной области, что даст возможность не только лучше понять роль религии в международных отношениях, но и правильно использовать религиозный фактор в своей практической деятельности. Они должны научиться распознавать, где и каким образом религиозные вероисповедания могут

спровоцировать возникновение конфликта, а когда, напротив, позволяют смягчить возникшую напряженность. Наконец, все государственные институты, работающие во внешнеполитической сфере, должны научиться принимать в расчет то огромное влияние, которое религия оказывает на мышление, чувства и действия людей. На каждом шагу мы сталкиваемся с убедительными примерами такого влияния. Чтобы наглядно проиллюстрировать его, я приведу лишь три конкретных примера.

В 1981 г. я посетила Польшу. Шел второй год с начала борьбы против коммунистического правительства, возглавляемой движением «Солидарность». В свое время я в течение длительного времени изучала проблемы стран Центральной и Восточной Европы и знаю, что очень долго там почти ничего не менялось. Но вот наступил момент, когда весь регион начал пробуждаться от глубокого сна. Одной из главных причин этого пробуждения было посещение Польши папой Иоанном Павлом II. До этого Кароль Войтыла был учителем, священником, архиепископом, митрополитом Краковским, и вот теперь, избранный папой, он олицетворял собой наглядный пример того, насколько важную роль в истории Польши играет религия. В то время как коммунистические власти диктовали полякам, что они должны делать, приходские ксендзы в каждом уголке страны говорили со своими прихожанами о том, во что те верили.

Встревоженное воздействием, которое может оказать папа во время своего визита на умы соотечественников, правительство разослало всем школьным учителям меморандум⁴. В нем Иоанн Павел II был охарактеризован как «враг», представляющий собой особую опасность ввиду его «необыкновенных способностей и огромного чувства юмора». Как бы то ни было, но власти допустили тактическую ошибку, позволив руководителям польской церкви организовать этот визит, во время которого произошел целый ряд неконтролируемых встреч «народного папы» с «народом папы».

Один из титулов епископа Рима — понтифекс максимум (верховный понтифик), что означает «величайший строитель мостов». Папа Иоанн Павел II помог построить мост, который впоследствии связал Восточную и Западную Европу. В качестве «кирпичей» он использовал свои выступления, построенные таким образом, чтобы наглядно продемонстрировать духовную пустоту коммунистической системы. Прежде чем требовать от людей, чтобы они выполняли свою обязанность жить согласно принципам морали, настойчиво повторял папа, надо дать им право так жить. Иоанн Павел II не скрывал своей убежденности в том, что, если поляки найдут в себе мужество объединиться, тоталитарный режим в Польше не выживет. Он призывал своих соотечественников побороть страх, и такая, казалось бы, простая просьба оказала огромное воздействие на умы и сердца людей.

Сначала медленно, а потом все быстрее его слушатели начинали ощущать свою силу. Они перестали чувствовать себя разделенными на маленькие контролируемые группы. Коммунисты, одержимые стремлением изолировать опасные идеи, на этот раз встретили равного себе по силам, во всех отношениях достойного соперника. На встречу с папой стекались огромные массы народа. Слушавшие его люди вновь почувствовали, что обладают теми самыми качествами, которые заставляли их гордиться тем, что они поляки: верой в Бога и готовностью идти на риск ради свободы. Визиты папы в страны Восточной Европы, а их было несколько, воспламенили революционный дух поляков, которые вскоре освободили свою родину, немцев, разрушивших Берлинскую стену, и объединили Европу, преобразив при этом лицо мира.

Другую историю мне поведал Боб Сейпл, американский посол по особым поручениям, занимавшийся в госдепартаменте вопросами свободы религии. Это рассказ о том, как религия помогла преодолеть ненависть. В 80-е годы, когда Сейпл был руководителем организации World Vision, христианского агентства по оказанию помощи и развитию, он встретился в Ливане с молодой женщиной по имени Мэри. В те годы в стране бушевала разрушительная гражданская война. Мэри жила в деревне, большинство жителей которой были христиане. Когда в деревню вошел отряд мусульман, все бросились бежать. Побежала и Мэри, но споткнулась о корень и упала лицом вниз. Пока она пыталась подняться, к

ней подошел молодой, не старше двадцати лет мусульманин-ополченец, приставил к ее голове пистолет и потребовал: «Откажись от креста или умрешь». «Я родилась христианкой и умру в этой вере», — бесстрашно ответила женщина. Раздался выстрел, пуля прошла через шею и спину Мэри. После этого жестокий ополченец вырезал штыком на ее груди крест и ушел, оставив умирать.

На следующий день ополченцы вернулись и стали свозить убитых ими жителей в одно место. Подошли и к Мэри. Она еще дышала, но не могла двигаться, так как была парализована. Вместо того чтобы прикончить свою жертву, ополченцы соорудили из веток нечто похожее на носилки и отнесли ее в больницу. Далее Сейпл рассказывает⁵:

«Сев напротив Мэри, я спросил ее:

— Мэри, я ничего не могу понять. Эти люди хотели убить вас, для чего же на следующий день они отвезли вас в больницу?

— Вы знаете, — ответила она, — иногда и плохие люди делают добро.

— Мэри, а какие чувства вы испытываете к тому, кто нажал на курок? — спросил я. — Вы, арабская женщина, живете в стране, южная часть которой оккупирована Израилем, а остальные территории находятся под фактическим контролем Сирии. Мало того, вы еще и оказались прикованы к инвалидному креслу, причем на всю оставшуюся жизнь. Что вы думаете о том парне, который хотел вас убить?

— Я простила его, — тихо сказала Мэри.

— Неужели такое можно простить?

— Можно. Я простила его потому, что Бог простил меня».

По словам Сейпла, из всей этой истории можно извлечь по крайней мере два урока. Во-первых, она свидетельствует о том, что в мире есть люди, готовые умереть и даже убивать ради своей веры. Так было тысячу лет тому назад, ничего не изменилось и по сей день. Второй урок заключается в том, что религия способна научить людей прощать, причем даже такое, что, казалось бы, оправдать невозможно. Наверное, излишне говорить, что Мэри гораздо больше преисполнена всепрощения, чем другие люди. Я, например, таким великодушием не обладаю.

Третья история — о мальчике с испуганными глазами, которого я встретила в солнечный жаркий день в декабре 1997 г. во время моего первого визита в Африку в качестве государственного секретаря. На вид ему было не больше пяти лет. Он говорил едва слышным голосом, начисто лишенным каких-либо эмоций. Мальчик рассказал мне, что за две недели до моего приезда вооруженные люди напали на их деревню. Мать бросила его на землю, закрыв своим телом. Когда все затихло, ребенок выбрался из-под тела матери и огляделся. Мать была мертва. Рядом в лужах крови лежали тела еще десяти женщин. Мальчик услышал детский плач. Оказалось, это была его младшая сестра, лежавшая среди трупов. Он взял младенца на руки и пошел куда глаза глядят. Мальчик долго брел с плачущей сестрой по холмам и возвышенностям, пока наконец не пришел туда, где, как он знал из прошлого опыта, его примут, и он будет в безопасности.

Это было селение под названием Гулу, находящееся в глухом местечке на севере Уганды, где христианская организация World Vision построила лагерь и больницу. Этот лагерь стал настоящим прибежищем для жителей окрестных деревень, которых постоянно терроризировали незаконные бандформирования. За последние десять лет в стране похитили около восьми тысяч детей, большинство из которых, скорее всего, были убиты. Выжившие мальчики, если им не удалось сбежать, стали членами бандформирования. Девочек превратили в служанок или «жен».

Сотрудники лагеря рассказали, что лидеры повстанцев настолько исказили религиозные идеи, что те превратились в гротеск. Трагедия началась в 1986 г., когда изменения в правительстве поставили под угрозу привилегии, которыми ранее обладали

члены доминировавшего племени ачоли. Страх — мощная движущая сила, а членам племени было чего бояться, поскольку за время своего пребывания у власти они совершили множество преступлений.

Спаситель явился в экзотическом образе 30-летней женщины по имени Алиса Аума, уверявшей всех, что она умеет общаться с духами. Надо сказать, что такое явление довольно часто встречается среди африканских народов. По словам Аумы, в нее вселился дух скончавшегося итальянского офицера, который внушил ей организовать вооруженный отряд и захватить столицу Уганды город Кам-палу. Если ачоли одержат победу, нашептывал дух, им будет даровано прощение.

Воодушевленная общением с духами, Аума начала поход, но очень скоро выяснилось, что военные возможности этой женщины намного уступают ее сверхъестественным способностям. Добившись вначале некоторого успеха, очень скоро возглавляемый ею отряд, вооруженный только палками, камнями и шаманскими масками, был наголову разбит. Сама Аума, которую к этому времени дух покойного офицера покинул, бежала через границу в соседнюю Кению.

На этом все могло бы и закончиться, но тут за дело решил взяться Джозеф Кони, племянник Аумы. Собрав разрозненные отряды различных повстанческих группировок, он создал так называемую «Господню армию сопротивления» (Lord's Resistance Army). Начиная с 1987 г. его отряды постоянно нападали на деревни, уничтожая как местные органы власти, так и простых тружеников. Поскольку взрослые угандийцы не желали становиться под его знамена, да и командовать ими было непросто, Кони начал похищать детей и делать из них солдат. Тех, кто отказывался воевать, убивали. Юных солдат держали в полном повиновении, заставляя убивать каждого, кого прикажут, в том числе и друг друга. Чтобы поддерживать дисциплину, детей избивали, пороли, отрубали конечности, причем каждый раз перед наказанием лидер читал им книги Ветхого Завета. «Господня армия сопротивления» провозгласила задачу свержения правительства Уганды⁶ и создания нового кабинета министров, который бы управлял страной на основе десяти заповедей. Точнее, одиннадцати, поскольку, желая ограничить передвижение противника, Кони «обогастил» Нагорную проповедь еще одной заповедью: «Ая говорю вам: не ездите на велосипеде».

В течение 20 лет «Господня армия сопротивления» повсеместно вселяла страх. Правительство Уганды металось между попытками примирения с незаконными формированиями и желанием раз и навсегда покончить с ними. Из-за постоянной нехватки ресурсов оно было не в состоянии защитить тех, кто проживал в районах действия армии. Эту задачу перепоручили World Vision и другим благотворительным организациям, ресурсы которых, как я могла лично убедиться во время посещения лагеря в Гулу, тоже были весьма ограничены. То, что я увидела, напомнило мне картины времен Крымской войны. Лагерный госпиталь «благоухал» средствами для дезинфекции и отходами жизнедеятельности людей. Слышалось непрерывное жужжание moskitov. Всюду лежали раненые, главным образом дети. Тела многих из них покрылись рубцами и шрамами. У некоторых были ампутированы конечности. Неподалеку сидела группа девочек, заплетавших друг другу волосы. Выглядели они как ученицы начальных классов средней школы, и тем не менее некоторые из них держали на руках детей. Их отцами были насильники из рядов «Господней армии сопротивления». «Даже если ты совсем еще юная девочка, — сказала одна из них, одетая в футболку с изображением Микки-Мауса, — тебя отдадут мужчине, который по возрасту годится тебе в отцы».

Я уже собиралась уезжать, как ко мне подошел молодой человек с ребенком на руках. «Эту девочку принес к нам ее старший брат, — сказал он. — Ее зовут Черити*».

Пока я убаюкивала младенца, взяв его на руки, он рассказал, что девочку назвали в честь одного из волонтеров миссии. Оказалось, что в лагере работало много таких добровольцев, как этот молодой мужчина. Поразительно, но, несмотря на все те ужасные страдания, которые пришлось пережить его обитателям, в лагере царил жизнерадостная

* «Черити» (*Charity*) на английском языке означает «милосердие». — *Прим. пер.*

атмосфера. Никто не унывал, все весело смеялись, пели песни, играли в игры и заботились друг о друге. Главный администратор лагеря, итальянский доктор, работал в Гулу уже более двадцати лет. Какой контраст между той верой в Бога, которая проявляется в любви к людям, и чудовищными псевдорелигиозными фантазиями «Господней армии сопротивления»*.

Эти истории помогают понять, что, даже если мы стоим далеко друг от друга на социальной лестнице или вообще живем на разных материках, все мы — творения, созданные по образу и подобию Божьему, и это неизбежно накладывает на каждого из нас определенные обязательства в отношении друг друга. Эти взаимосвязанность и взаимозависимость не только служат твердой основой нашей общей веры в Бога, но и создают надежный фундамент для построения гражданского общества.

Однако в Бога тоже можно верить по-разному. Иногда религиозные убеждения одних служат оправданием для их отчуждения от других, когда приверженцы одного исповедания перестают ощущать свое духовное родство с верующими другой религии. Такие люди, как папа Иоанн Павел II, Мэри, о которой рассказал Боб Сейпл, и волонтеры из лагеря в Гулу, твердо знают и всегда готовы подтвердить, что «все мы — Божьи дети». Но для многих других этот вопрос более чем спорный. Эти другие, хотя они и верующие, скорее воскликнут: «Я прав, а ты нет, и пошли вы все к черту!»

Переживший холокост еврейский писатель и философ Эли Визель рассказывал, как однажды его и группу других ученых спросили, кто, по их мнению, самый несчастный персонаж Библии. Одни сказали, что это переживший страшные мучения, многострадальный Иов, другие назвали Моисея, поскольку тому так и не дано было достигнуть Земли обетованной. По мнению третьих, это дева Мария, ставшая свидетельницей смерти сына. Как считает Визель, правильный ответ дал тот, кто назвал самым несчастным самого Бога. Какое глубокое горе должен был он испытать, увидев, как созданные им люди воюют, убивают, притесняют друг друга и делают все это во имя Господа.

Многие специалисты по международным отношениям, включая меня, стараются отделить религию от политики, поскольку последняя подчиняется законам логики, в то время как в основе религии лежит вера, которая стоит над логикой. Всегда трудно распределить земли между двумя народами, опираясь при этом на юридические документы или руководствуясь желанием соблюсти экономические интересы каждого из них. Ситуация станет еще более сложной, если эти народы будут претендовать на те или иные земли на том основании, что они якобы даны им самим Господом Богом.

Даже если вы не используете в политических спорах религиозную мотивацию, она все равно сама по себе не исчезает. Такая мотивация какое-то время дремлет, чтобы потом в самый неподходящий момент неожиданно проснуться. Наш иранский опыт показывает, что Соединенные Штаты не всегда это понимают. Чтобы успешно играть роль мирового лидера, американским политикам нужно не только знать как можно больше о религии, но и учитывать религиозный фактор при формировании внешнеполитической стратегии. Брайан Хехир сравнивал это требование с нейрохирургией: иногда бывает совершенно необходимо выполнить операцию на мозге, но, если провести ее некачественно, исход может быть фатальным.

При любом конфликте примирение становится возможным только тогда, когда противники перестают дегуманизировать друг друга и начинают видеть в сопернике те же самые качества, которыми обладают сами. Довольно распространенная техника переговоров предусматривает действия, которые позволяют одной стороне почувствовать себя в шкуре другой. Часто это не так трудно, как может показаться вначале. Уже один тот факт, что у вас общий предмет спора и ваш противник сражается за то же самое дело, что и вы, создает ощущение общности.

В течение многих веков протестанты и католики боролись за доминирующее влияние в

* В октябре 2005 г. Международный уголовный суд выдал ордер на арест Джозефа Кони и четырех других руководителей Армии. Им было предъявлено обвинение в совершении преступлений против человечества.

Европе. И те и другие были схожи по крайней мере в одном: они хотели быть главными. Еще более длительную историю имеет соперничество христиан, мусульман и иудеев с их претензиями на Иерусалим. Они едины в желании владеть одними и теми же землями. В различных странах Азии и Африки происходят столкновения между христианами и мусульманами, хотя все они желают одного и того же: ничего не опасаясь, свободно молиться своим богам. Людям, преследующим одинаковые цели, легче понимать мотивацию друг друга. Чтобы преодолеть свои разногласия, им достаточно найти такое решение вопроса, которое позволило бы обеим сторонам совместно использовать то, что им так нужно. Конечно, это сложная задача, но при разумном подходе по крайней мере становится возможным апеллировать к здравому смыслу.

Далеко не все конфликты можно преодолеть с помощью подобной техники переговоров. Во время Второй мировой войны страны гитлеровского блока и союзники по Антанте сражались за будущее, которое каждая из сторон видела по-своему. Уже в наши дни «Аль-Каида» ведет войну ради отмщения, используя при этом в качестве основного средства террор, что, разумеется, совершенно недопустимо. В обоих случаях разногласия настолько велики, что пытаться их преодолеть совершенно бесполезно. Однако чаще всего примирение все-таки намного предпочтительнее, чем сохранение тупиковой ситуации или продолжение войны. Но как же достичь этого примирения?

Если участники конфликта утверждают, что они люди верующие, то лицо, ведущее переговоры, если оно имеет на то соответствующие полномочия и пользуется доверием, может пожелать вывести их на чистую воду, показав, что на деле их утверждения не что иное, как обман. Например, если конфликтующая сторона утверждает, что преследует высокоморальные цели, можно спросить ее, а соответствуют ли требованиям морали те действия, которые она предпринимает ради достижения этих целей? Соответствуют ли они, эти действия, моральным ценностям той религии, которую эти люди исповедуют? Помогает ли их религия воспитать в себе чувство ответственности по отношению к другим, или, напротив, она позволяет им игнорировать права и взгляды всех остальных людей?

Если бы сегодня мне опять пришлось исполнять обязанности государственного секретаря, я уже никогда бы не пыталась самостоятельно, без консультации со специалистами вести переговоры по вопросам, имеющим какое-то отношение к религии. Я бы обязательно привлекла знающих эти проблемы людей точно так же, как делала это во время обсуждения сложных и запутанных соглашений по торговле или договора о контроле над вооружениями. И в том, и в другом случаях каждый раз перед началом переговоров я просила экспертов обозначить ключевые моменты, изучить возможности достижения взаимоприемлемого согласия и наметить курс действий. Нередко требовалось мое личное вмешательство, иногда последнее слово оставалось за президентом, но основные положения и принципы будущего соглашения всегда разрабатывали те, кто знал мельчайшие детали тех проблем, по которым заключалось данное соглашение.

В составе госдепартамента есть экономический отдел, в котором работают эксперты по вопросам нераспространения оружия массового уничтожения и контролю за вооружением, другие специалисты, свободно владеющие каждой своей проблемой и даже говорящие на особом профессиональном жаргоне, за что их называют «жрецами». Нечего и говорить, что я постоянно прибегала к их помощи. Что же касалось религии, то каждый раз, когда возникала необходимость или возможность учитывать религиозные факторы в работе нашей дипломатии, мне не к кому было обратиться за советом, за исключением посла Сейпла. Принимая во внимание специфику современного мира, считаю, что сегодня иметь рядом с собой специалистов такого рода совершенно необходимо.

Если исходить из того, что дипломатия — это прежде всего искусство убеждать других действовать так, как нам бы этого хотелось, то очевидно, что эффективная внешняя политика требует, чтобы мы в первую очередь понимали логику поведения своих партнеров по переговорам. Хотя согласно конституции церковь в Америке отделена от государства, к счастью, никто не требует, чтобы оно вообще игнорировало существование церквей, мечетей, синагог, пагод или храмов.

В будущем при назначении американского посла в ту или иную страну, в жизни которой религия играет заметную роль, мы должны быть уверены в том, что этот дипломат предварительно ознакомился во всех деталях с основными положениями исповедуемой там религии. Находясь в такой стране, послы и другие дипломатические представители обязаны устанавливать деловые отношения с местными религиозными лидерами. Государственному департаменту следует принимать на работу и самому готовить специалистов по религии, которые могли бы работать как в центральном аппарате, так и в посольствах ведущих стран мира.

В 1994 г. Центр стратегических и международных исследований опубликовал работу «Религия как фактор, не учитываемый органами государственного управления» (*Religion, the Missing Dimension Statecraft*). В ней приводились убедительные примеры влияния религии на политическое поведение, а также описывались случаи, когда правильный учет религиозных факторов помогал разрешить конфликтную ситуацию. Один из соавторов книги, бывший военно-морской офицер и старший сотрудник министерства обороны Дуглас Джонс-тон, впоследствии основал Международный центр религии и дипломатии, сотрудники которого не только продолжили изучение так называемой «дипломатии, в основе которой лежит религия» («faith-based diplomacy»), но и сыграли важную посредническую роль в Судане, а также установили полезные связи в Кашмире, Пакистане и Иране.

Как считает Джонстон, в каждой конфликтной ситуации далеко не все участвующие в ней лица оказывают негативное влияние, и даже те, кто действительно отрицательно воздействует на развитие событий, временами проявляют склонность к компромиссу. По словам Джонстона, в распоряжении посредника, ведущего переговоры с учетом религиозного фактора, имеются средства, которых нет у классического дипломата, такие как молитва, пост, всепрощение, покаяние и вдохновение, которое рождается в процессе чтения Священного Писания.

Центр — не единственная организация такого рода. Уже упомянутый ранее Боб Сейпл, уйдя в отставку из госдепартамента, основал Институт глобального сотрудничества (*Institute for Global Engagement*). Его сотрудники работают над улучшением условий, благоприятствующих существованию религиозной свободы в тех странах, где эти условия еще далеки от совершенства, например в Узбекистане и Лаосе. Основной лозунг института звучит так: «Как можно полнее познайте собственную веру, а с верованиями соседей ознакомьтесь настолько глубоко, чтобы научиться относиться к ним с уважением».

Одно время я работала в довольно тесном контакте с организацией «Община Сан-Эгидио» (*Community of Sant'Egidio*). Это чисто светская общественная организация, созданная в 1960 г. в Риме по инициативе Второго Ватиканского собора, созванного папой Иоанном XXIII. В течение ряда лет она выступала в качестве посредника на переговорах, в результате которых была прекращена длительная и кровопролитная гражданская война в Мозамбике. Эта организация сыграла конструктивную роль также и в ряде других мест, таких как Косово, Алжир, Бурунди и Конго. Ее члены считают молитву, оказание помощи бедным, экуменизм и диалог теми строительными кирпичиками, которые помогают построить межконфессиональное сотрудничество и благодаря этому решить даже самые запутанные проблемы.

Существует множество других общественных организаций и движений, причем самого различного религиозного толка, в основе деятельности которых лежит принцип учета религиозного фактора. Наиболее эффективной их деятельность оказывается в тех случаях, когда им удается объединить свои ресурсы и найти свою особую нишу. У одних лучше всего получается выполнение посреднических функций; другим хорошо удается оказание помощи бывшим членам военных формирований, желающим вернуться к нормальной мирной жизни.

Есть такие организации, которые работают главным образом над предотвращением конфликта, стараясь решить проблему еще до того, как она может вызвать взрыв насилия. Многие специализируются на проблемах экономического развития и построения демок-

ратии, поскольку и то и другое служит надежным гарантом предотвращения войны. Все эти движения вместе взятые обладают гораздо более значительными ресурсами, намного более квалифицированным персоналом и большим опытом работы, чем любое правительство. Добавьте к этому еще и исключительную преданность своему делу, и вам станет понятно, почему подобные организации добиваются более значительных успехов в примирении враждующих сторон, чем иные государственные учреждения.

Наиболее известным примером миротворчества с использованием религиозных факторов является Кэмп-Дэвидское соглашение между Египтом и Израилем, подписанное в 1978 г. при посредничестве Джимми Картера. Большинство специалистов признают: эти две страны никогда бы не договорились друг с другом, если бы не способность бывшего президента США не только понимать сущность религиозных взглядов и убеждений президента Садата и премьер-министра Бегина, но и апеллировать к этим чувствам. Недавно я спросила бывшего президента Джимми Картера: «Принимают ли государственные деятели во внимание религиозные факторы в процессе принятия решений по внешнеполитическим вопросам?»⁷ Картер ответил, что, по его мнению, религиозные чувства и верования людей неотделимы от их действий в области общественной политики. Одно в значительной степени определяется другим. «Такая взаимозависимость, — подчеркнул он, — дает дополнительный шанс для достижения договоренности, поскольку основные религии имеют много общего. Все они призывают к смирению, справедливости и миру».

Бывший президент рассказал мне, что, когда в Центр Картера обращаются с просьбой о посредничестве, его сотрудники прежде всего выясняют, какой веры придерживаются участники конфликта. По его словам, часто гораздо легче иметь дело с людьми, исповедующими различные религии, чем с теми, кто верит в одного Бога, но по-разному толкует его учение. Умеренный баптист Картер говорит, что ему проще разговаривать с католиками, чем с баптистами-фундаменталистами. С первыми достаточно просто признать наличие религиозных различий, а спорить об их существовании уже совершенно не обязательно.

Когда я обсуждала тот же самый вопрос с Биллом Клинтонем, он подчеркнул два момента. Во-первых, по его мнению, религиозные лидеры имеют возможность оказать моральную поддержку мирному процессу еще до начала переговоров, так же как во время и после их окончания. Путем диалога и публичных заявлений они могут облегчить как достижение согласия, так и выполнение достигнутых договоренностей. Во-вторых, когда вам надо убедить людей различных верований работать совместно, то прежде всего необходимо определить, какие положения Священного Писания подлежат обсуждению, а какие нет.

«Если вы имеете дело с людьми, исповедующими ту или иную религию, — объяснил Клинтон, — значит, вы говорите с теми, кто верит в Создателя. В этом случае ваши собеседники не могут не согласиться с тем, что все мы созданы Богом. Это позволяет уйти от обсуждения разделяющих вас частных вопросов и вывести дискуссию на уровень, на котором вы получаете возможность оперировать общими для всех понятиями. Участникам конфликта, признавшим общность человеческой природы, становится труднее убивать друг друга. В то же время в этом случае им легче достигнуть компромисса, поскольку они теперь видят в партнерах по переговорам таких же людей, как и они сами, а не каких-то там недочеловеков или слуг Сатаны»⁸.

Действительно, учитывающая религиозный фактор дипломатия может быть крайне полезным орудием внешней политики. В то же время не надо думать, что она может заменить традиционную дипломатию. Очень часто главные действующие лица политической драмы невосприимчивы или крайне подозрительны к любым аргументам религиозного или морального характера. Так что чудес ждать не приходится, но попробовать стоит. Сегодня в мире наблюдается возрождение религиозности. Думаю, что не ошибусь, если предскажу, что и в дальнейшем религия будет оказывать разностороннее влияние на мировые события. Руководители США не могут позволить себе игнорировать этот факт. Напротив, они должны приветствовать такое развитие событий и, тщательно

все взвесив, научиться его использовать. Религия в своем лучшем проявлении укрепляет те основополагающие ценности, которые позволяют людям различных культур жить в относительной гармонии друг с другом; мы сделаем все для того, чтобы это стало возможным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ John Adams, quoted from Charles Francis Adams, ed. *Works of John Adams*, Vol. 10, Little, Brown, Boston, Mass., 1856, 254.

² F. Stone, *The Truman Era*, Random House, New York, 1953, 218.

³ Bryan Hehir, responding to Terrorism Forum Series, John F. Kennedy Library and Foundation, Boston, Mass., October 22, 2001. (Transcript.)

⁴ Quotations cited in David Remnick, "The Talk of the Town: Comment, John Paul II," *New Yorker*, April 4, 2005.

⁵ "Religion and Security: The New Nexus," Pew Forum on Religion and Public Life, Washington, D.C., November 10, 2004. (Transcript of panel discussion.)

⁶ Richard Petraitis, "Joseph Kony's Spirit War." Viewed at http://www.infidels.org/library/modern/Richard_Petraitis/spirit_war.shtml, January 17, 2003.

⁷ Telephone conversation between Jimmy Carter and the author, March 15, 2005.

⁸ Interview with Bill Clinton, Chappaqua, New York, September 27, 2005.

Глава 6

Дьявол и Мадлен Олбрайт

Уйдя в 1981 г. с государственной службы, я все последующие годы вплоть до 1993 г. была профессором одного из американских университетов. Периодически во время предвыборных кампаний меня приглашали консультировать различных кандидатов от Демократической партии на пост президента. К сожалению, все они, кроме Билла Клинтона, потерпели поражение. К тому времени, когда я вернулась в правительство, мир изменился до неузнаваемости: распался Советский Союз, произошло объединение Европы, коалиция осуществила победоносную операцию «Буря в пустыне» в Ираке. Мы стали свидетелями выдающихся исторических событий. Всё и везде находилось в каком-то непрерывном движении. Пала Берлинская стена, и миллионы людей обрели свободу.

Я решила, что настал подходящий момент для того, чтобы внешняя политика Соединенных Штатов снова стала двухпартийной. В конце концов, до этого времени консерваторы и либералы расходились главным образом в вопросе о том, как лучше всего бороться с коммунизмом. Я полагала, что теперь, когда с этой проблемой покончено, оснований для разногласий больше нет.

Как оказалось, поводов была масса. Получив назначение на должность постоянного представителя Соединенных Штатов при ООН в Нью-Йорке, я довольно быстро выяснила, что главной причиной разногласий между двумя основными политическими и идеологическими течениями США является наша политика в отношении этой международной организации. С одной стороны, были те, кто выступал за использование Организации Объединенных Наций в качестве инструмента решения мировых проблем, с другой — консерваторы из христианского движения, влияние которых постоянно росло. Конечно, я и раньше знала, что в стране существует развитая сеть протестантских радио- и телестанций. Единственной неожиданностью для меня стало то, до какой степени это движение превратилось в организованную политическую силу, выступающую в защиту традиционных семейных ценностей, которые, по их мнению, находятся под угрозой. За последние четверть века Верховный суд США принял поправку к конституции, гарантирующую право женщин на аборт; в школах были введены занятия по половому воспитанию и одновременно запрещены молитвы; феминистки вели энергичную кампанию за поправку о равных правах (*Equal Rights Amendments*); гомосексуалисты и лесбиянки все более открыто афишировали свой образ жизни; Голливуд производил в большом количестве «продукцию», содержащую все более откровенные сцены секса и насилия. Если раньше родители огорчались при виде раскачивающего бедра Элвиса Пресли и длинных, до плеч, волос ливерпульской четверки Beatles, то современное поколение детей слушает вопли гермафродитных существ, поджигающих свои гитары и издающих нечленораздельные звуки под несуществующие мелодии.

Таким образом, налицо были тенденции, одни из которых затрагивали индивидуальные права граждан, другие касались массовой культуры. Общим у них было то, что все они, с точки зрения правых христиан, представляли угрозу духовным ценностям Америки. Что касается лично меня, то некоторые из изменений я была готова принять, в то время как другие старалась просто не замечать. Я против дискриминации гомосексуалистов и лесбиянок. В то же время я глубоко убеждена, что половая распущенность представляет гораздо большую угрозу институту семьи, чем гомосексуализм. Мне кажется, что половое воспитание в школах предотвращает возникновение гораздо большего числа проблем, чем порождает их.

Я поддерживаю решение Верховного суда по делу Рой против Уэйда, согласно которому женщина должна иметь право на аборт, поскольку, подпольно прекращая беременность, она часто рискует жизнью. По-моему, подход Клинтона к этой проблеме является наиболее разумным и рациональным. Аборты должны быть безопасными, легальными, но их должно быть как можно меньше, а властям следует делать все возможное

для поощрения усыновления приемных детей как альтернативы абортам. Одновременно необходимо развивать сеть консультаций и улучшать социальные условия с целью сокращения числа нежелательных беременностей.

Что же касается телевидения, радио и кино, то я выступаю против всякого «контроля над мыслями», и в то же время у меня вызывают отвращение любые проявления вульгарности и насилия. Я чувствую себя униженной из-за того, что у граждан зарубежных стран слишком часто образ Америки складывается под впечатлением от идиотских телевизионных сериалов и от безвкусицы американских боевиков. Как матери и бабушке, мне часто хочется заткнуть рот многим исполнителям куском мыла. Убеждена, что ни одно наказание не будет слишком суровым для тех, кто рассылает оскорбительные «спамы». И пусть меня считают за это ханжой.

Несмотря на весь жуткий поток засоряющей мозги информации, мои дочери выросли замечательными людьми. Что же касается меня самой, то, когда по какому-то каналу идет вызывающая у меня отвращение передача, я просто переключаюсь на другой канал. Члены движения правых христиан, судя по всему, больше меня озабочены сложившейся ситуацией. Как и консервативно настроенные верующие в дореволюционном Иране, они убеждены, что американские основополагающие ценности подвергаются нападкам и что им приходится растить детей в атмосфере, враждебной их глубочайшим убеждениям. Многие из них оказались восприимчивы к утверждениям о том, что некие злые силы организовали заговор и что истинно верующим людям необходимо объединиться, чтобы дать отпор враждебным натискам.

Один из христианских лидеров, Джеймс Добсон, так охарактеризовал этих граждан: «Это обычные люди... старающиеся вырастить своих детей... добросовестно выполняющие свою работу... стремящиеся справиться с навалившимися на них проблемами. Они обеспокоены тем, что их детей учат в школе безопасному сексу, что в стране остро стоит проблема распространения наркотиков, что наблюдается вспышка эпидемии болезней, распространяющихся половым путем. Их особенно тревожит то, что современная культура находится в состоянии войны со всем тем, во что они верят и что им так дорого»¹.

Более категорично высказывается на этот счет сенатор от штата Северная Каролина Джесс Хелмс. «В последнее время, и особенно за последние двадцать пять лет, — заявил он, — федеральное правительство даже не пыталось скрыть своего враждебного отношения к религии. Теперь, когда многие из наших церквей пришли в упадок, главной мишенью для атак стала семья как последний бастион борьбы против тоталитаризма. Воинствующие атеисты и социалисты уже многого добились в том, чтобы навязать свои взгляды на жизнь и на человека. Сегодня этими взглядами руководствуются в своей деятельности многие социальные и общественные институты страны»².

«В результате, — подчеркивает Хелмс, — американские школы стали рассадником атеизма, страну захлестнула волна преступности, дома стоят заброшенными, процветают наркомания, порнография и вседозволенность, наблюдаются беспрецедентный в истории США разгул цинизма и духовная опустошенность».

К тому времени, когда я приступила к исполнению своих обязанностей постоянного представителя Соединенных Штатов при ООН, движение правых христиан превратилось во влиятельную политическую силу. Сенатор Хелмс занимал весьма важный пост заместителя председателя Сенатского комитета по иностранным делам. Один из руководителей движения Христианская коалиция стал влиятельной фигурой в Республиканской партии. Крупнейшей в стране женской организацией была уже не светская «Национальная организация женщин», а движение под названием «Обеспокоенные женщины Америки» (*Concerned Women for America*), состоящее в основном из консервативно настроенных христиан. Его члены составили список проблем, по которым, как они полагают, Соединенные Штаты должны занимать на мировой арене самую активную позицию. Данный список фактически отражает озабоченность членов движения положением дел в самой Америке и включает в себя такие проблемы, как аборты, угроза суверенитету Соединенным Штатам и «предательство» семейных

ценностей. Для правых христиан врагом всего хорошего в самой Америке было «большое правительство», то есть слишком большие, с их точки зрения, полномочия, которые имеют федеральные органы власти. На международной арене таким злодеем было объявлено «мировое правительство», а именно Организация Объединенных Наций.

В 1991 г. Пэт Робертсон написал бестселлер «Новый мировой порядок», в котором описал заговор с целью установления «сатанинской диктатуры», которая будет управлять всем миром*. По Робертсону, придя к власти, диктатор станет контролировать все сферы нашей жизни. Все виды человеческой деятельности будут фиксироваться с помощью спутников. Каждого мужчину, женщину и даже ребенка заставят всегда иметь при себе удостоверение личности. Свобода религии будет отменена, а право владения оружием ограничено. Все, кто посмеет высказать политически неверное суждение, могут быть осуждены мировым судом, который, скорее всего, станет руководствоваться в своих решениях законами ислама. Ничто не может быть продано или куплено без разрешения всемирных властей. Детям начнут промывать мозги с самого рождения, приучая во всем подчиняться их безнравственным воспитателям. Совет Безопасности ООН может приказывать американским вооруженным силам начать военные действия против Израиля.

«За последние 200 лет, — заявил Робертсон, — термин "новый мировой порядок" превратился в пароль для всех тех, кто стремится разрушить христианскую веру... Вместо нее нам стремятся навязать вдохновляемую оккультными верованиями диктатуру социалистического толка»³. Штаб-квартирой тех, кто установит глобальную диктатуру, по мнению Робертсона, разумеется, станет Организация Объединенных Наций.

Исполняя обязанности постоянного представителя США при ООН, я исходила из того, что лучшим способом заставить замолчать американских критиков этой организации будет повышение ее эффективности. Вначале я не отдавала себе отчет в том, что эти люди вовсе не заинтересованы в том, чтобы Организация Объединенных Наций стала более эффективной. Для них я была не столько дипломатом, старающимся защищать интересы Америки, сколько адвокатом дьявола, причем в буквальном смысле этого слова.

Я много ездила по стране, объясняя мои планы реформирования ООН. При этом мне очень часто приходилось уходить в глухую защиту, пытаясь развеять превратные представления моих обеспокоенных собеседников. Нет, твердила я, Организация Объединенных Наций не собирается вводить глобальный подоходный налог. Она не имеет полномочий вовлекать нас в какую-либо войну и не планирует конфисковать наше личное оружие. В недрах этой организации не зреет заговор, направленный на ликвидацию частной собственности, и у нее нет парка черных вертолетов, которые бы летали по ночам над американскими городами. Наконец, у ООН нет ни малейшего желания устанавливать контроль над всем миром.

Конечно, представление о том, что Организация Объединенных Наций обладает или когда-либо в будущем будет обладать возможностью определять политику США, смехотворно. Все свои действия она предпринимает только с согласия своих членов. ООН — слуга, а не хозяин. У этой организации нет собственных вооруженных сил, она не может никого арестовать или обложить налогом. У нее нет мандата на аннулирование каких-либо договоров. Права и возможности Генеральной Ассамблеи весьма ограничены. Что же касается Совета Безопасности, то, хотя теоретически данный орган может принять решение о начале определенных действий, он не сможет сделать это без нашего согласия, поскольку Соединенные Штаты обладают правом вето, благодаря

* Согласно Робертсону, заговор зародился в Баварии еще в 1776 г. и с тех пор постоянно разрастается. Среди заговорщиков в качестве активных участников или ничего не подозревающих, доверчивых простаков, по мнению автора, есть члены древнего франкмасонского ордена, руководители французской революции, Карл Маркс, первый президент организации по планированию отцовства и материнства Маргарет Сангер, Адольф Гитлер, члены семьи Рокфеллеров, Генри Киссинджер, члены «Трехсторонней комиссии», писатели литературного течения «Новый век», руководители всемирных финансовых организаций, дизайнеры, создавшие американские денежные знаки, Збигнев Бжезинский, а также влиятельная общественная организация Совет по международным отношениям (одним из членов совета директоров которого я имею честь быть избранной).

которому они в состоянии предотвратить любые акции, противоречащие нашим интересам. Так какая же угроза может исходить от такой организации?

В то же время Мировая продовольственная программа, входящая в систему организаций и ведомств ООН, ежегодно обеспечивает продовольствием до девяноста миллионов человек. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев оказывает помощь бездомным. Детский фонд ведет кампанию по прекращению насильственной выдачи замуж и женитьбы детей. Совместная программа ООН по ВИЧ/СПИДУ направлена на предотвращение передачи инфекции, обеспечение медицинской помощи и социальной поддержки.

Фонд ООН в области народонаселения оказывает содействие в планировании семьи и брака, в улучшении условий жизни женщин и детей в наиболее отсталых странах. Рассказывая об этой и других видах деятельности Организации Объединенных Наций, я каждый раз подчеркиваю, что американскому налогоплательщику она обходится ежегодно в сумму, которая не превышает стоимости билета в кинотеатр*.

Надо признать, что Организация Объединенных Наций сама периодически дает пищу для критики. Как и при большинстве других международных институтов, при ООН аккредитованы общественные организации, представители которых имеют право присутствовать на ее заседаниях и конференциях. Как я узнала из прессы, одной из таких организаций была Североамериканская ассоциация любви между мужчинами и мальчиками (NAMBLA).

Однажды дома я увидела телевизионную программу, рассказывающую о связях этой ассоциации с ООН. В следующем кадре я увидела себя с поднятой рукой, что обычно делается в тех случаях, когда идет голосование по какому-то вопросу. В данном случае у зрителя складывалось впечатление, что представитель США голосует в поддержку резолюции, разрешающей сексуальные отношения между мужчинами и мальчиками. Самый изощренный сатирик не смог бы придумать более злого клипа, который так умело вводил бы зрителя в заблуждение. В течение целого месяца под злорадные выпады правой прессы я добивалась исключения ассоциации из списка организаций, имеющих какое-либо отношение к Организации Объединенных Наций.

Критику консерваторов чаще всего вызывали крайности и перегибы, допускаемые Генеральной Ассамблеей ООН. Но самый сильный взрыв страстей был связан с Четвертой Всемирной конференцией по положению женщин, проходившей в Пекине в сентябре 1995 г., на которой рассматривались вопросы искоренения дискриминации по половому признаку и расширения участия женщин в решении всех касающихся их вопросов. Конференция была организована коммунистическим Китаем, а от США на ней присутствовали первая леди Хиллари Клинтон и представитель США при ООН Мадлен Олбрайт.

Уже накануне конференции газетные и телебозреватели стали кричать во весь голос, будто американская делегация намеревается предложить новое определение понятия материнства, отцовства, семьи и пола. Писали и говорили, что мы потребуем равного представительства для мужчин и женщин во всех сферах деятельности, то есть тендерного равенства, а также одинакового для мужчин и женщин времени, которое они могли бы посвящать своим детям.

В докладе, подготовленном консервативной организацией «Форум независимых женщин» (*Independent Women's Forum*), утверждалось, будто мы планируем предложить ООН принять резолюцию, согласно которой было бы объявлено о юридическом равенстве пяти типов тендерных отношений: мужские и женские гетеросексуальные отношения, мужской гомосексуализм, женское лесбиянство и бисексуальные отношения. Нас

* Несмотря на такие, казалось бы, убедительные аргументы, антиооновские настроения в американских политических кругах правой ориентации никак не слабеют. Так, в официальной программе техасских республиканцев, принятой ими в 2004 г., говорится: «Республиканская партия полагает, что в интересах граждан Соединенных Штатов было бы прекращение нашего членства [в ООН], так же как и прекращение денежных взносов и участия в военных операциях Организации Объединенных Наций... Партия обращается к конгрессу и настаивает на том, чтобы данная организация покинула территорию Соединенных Штатов».

обвиняли также в том, будто мы собираемся поддержать предложение о признании, страшно сказать, шестого вида тендерных отношений, а именно «всесексуальности». В результате всего этого, говорилось в докладе, «под давлением радикального феминизма наше представление о браке, а главное о том, что такое законнорожденный ребенок, рожденный в браке, будет кардинально пересмотрено»⁴.

Джеймс Добсон, чьи радиопроповеди слушают миллионы людей в десятках стран, назвал конференцию «самой большой угрозой семье, которая когда-либо возникала в мировой истории»⁵. По утверждению «Форума независимых женщин», «самолет, на котором Хиллари Клинтон отправилась на конференцию, был до отказа заполнен лесбиянками и радикально настроенными феминистками»⁶.

В действительности вместе с ней летела я. Кроме того, как американская делегация, так и подавляющее большинство других участников конференции были озабочены вовсе не теми проблемами, о которых с такой страстью говорили наши консервативные критики или, если быть честной, наиболее свободомыслящие из наших коллег. Мы добивались того, чтобы женщины и девочки имели равный доступ к образованию и медицинскому обслуживанию, участвовали в экономической жизни своих стран и их жизнь была свободной от угрозы насилия.

Чтобы выработать единую позицию по всем этим вопросам, мы заверили женщин-католичек и мусульманок в том, что не будем просить поддержки по вопросам, противоречащим их этическим или религиозным взглядам. Например, не станем настаивать на том, чтобы право на аборт стало общепризнанным в международном масштабе. Не преувеличивая значения Пекинской конференции, хочу все же подчеркнуть, что на ней были рассмотрены проблемы, связанные с положением большей половины человечества. И это при том, что для многих женщин жестокое обращение и дискриминация еще и сегодня остаются суровой реальностью. Я горжусь тем, что возглавила делегацию США на Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, проходившей в Пекине. Джеймс Добсон, напротив, не проявил по этому поводу особого восторга, назвав принятую на конференции платформу действий «козырной картой Сатаны»⁷.

Пока я не начала работать в ООН, мне всегда казалось, что проблема морали в международных делах связана прежде всего с вопросами войны и мира, свободы и деспотизма, экономического развития и бедности. Однако в 90-х гг. важное место на международной арене заняли проблемы, ранее считавшиеся главным образом сугубо личными: аборты, контрацепция, тендерные роли, права детей и сексуальная ориентация. Как по сигналу, активисты левых и правых движений начали обвинять друг друга в попытках навязать собственные моральные ценности и подрыве репутации Америки в глазах остального мира. Как это часто бывает в политике, действия экстремистов одного лагеря нередко подтверждали правоту обвинений, выдвинутых против них их противниками. Так, правые не без основания предупреждали крайне левых социалисток-феминисток в том, что те впали в состояние амок*. Левые, в свою очередь, указывали на то, что христианские фундаменталисты настолько оторвались от реальной жизни, что не в состоянии решать подлинные проблемы, стоящие сегодня перед миром.

Как правые, так и левые старались найти себе союзников в других странах. Например, консерваторы временами объединяли усилия с мусульманами и Ватиканом. Либералы — с мыслящими, как и они, европейцами и активистами из развивающихся стран. Порой каждая из этих групп сталкивалась с неожиданными ситуациями. Например, консерваторы, желая найти у мусульман поддержку в вопросах, касающихся запрета абортов и гомосексуализма, в то же время были вынуждены как-то сглаживать в принципе непреодолимые разногласия в вопросе о браке и полигамии. Либералы, которые всячески осуждали практику обрезания женских половых органов, иногда сталкивались с тем, что их потенциальных союзников из развивающихся стран по этому и многим другим

* Амок — сумеречное состояние эпилептического или психогенного происхождения, описанное преимущественно у аборигенов. —Прим. пер.

подобным вопросам гораздо больше волновали проблемы экономической справедливости.

Переходящие в откровенную перебранку дискуссии левых и правых участников конференции, применявших тактику взаимного запугивания, нередко носили ожесточенный характер и изобиловали явными преувеличениями. Лично я была не согласна со многими взглядами консерваторов. Работая в правительстве, я постоянно выступала за увеличение ассигнований на всестороннее просвещение по вопросам, связанным с ВИЧ/СПИДом, на охрану здоровья женщин и детей, на международные программы контроля над рождаемостью и планированием семьи.

Я выступаю против тех ограничений, которые наложила на эти программы администрация Буша, так же как и против попыток консерваторов от религии — неважно, будь то католики, протестанты или мусульмане — воспрепятствовать раздаче презервативов. В то же время я вовсе не осуждаю правых христиан за их стремление отстаивать свою точку зрения по вопросам морали. В конце концов, многие политики, включая и меня, занимают по этим вопросам такие же или сходные позиции.

В задачу представителей любого движения входит четкое формулирование тех моральных принципов, которые они хотят утвердить в качестве международных норм. Благодаря этому военная агрессия, рабство, пиратство, пытки, преследования по религиозным мотивам и расовая дискриминация были объявлены вне закона. Действуя таким образом, мы со временем сможем добиться, чтобы таких явлений, как жестокое обращение с женщинами (включая домашнее насилие), выкуп за невесту, «преступления ради защиты чести», торговля «живым товаром» и детоубийство, день ото дня становилось все меньше. Мы не будем навязывать другим свои взгляды. Просто убедим достаточное количество людей в достаточно большом количестве мест в том, что мы правы. То есть используем метод убеждения, а ни в коем случае не принуждения.

Как сторонники левых политических взглядов, так и правые христиане согласны с тем, что проблема «моральных ценностей» должна быть в центре внимания внешней политики Соединенных Штатов. И те и другие — большие патриоты Америки и, наверно, согласятся, хотя и по совершенно разным причинам, с выводом Оливера Уэнделла Холмса⁸, который писал:

*«План Господа обещал нам так много хорошего,
Но склонный к греху человек не использовал дарованного ему
шанса.
Мы верим, что конец будет счастливым во славу Божью,
Хотя пока еще нам далеко до полного счастья»*.*

Правые склонны считать Соединенные Штаты чуть ли не идеальной страной, имеющей моральное превосходство над остальным миром. Вот что говорит об этом Ричард Лэнд, вдумчивый и часто цитируемый руководитель Конвента южных баптистов (*Southern Baptist Convention*): «Мы не являемся и никогда не были нацией в обычном смысле этого слова. Мы во многом уникальны. Я не хочу этим сказать, что американцы — Богом избранный народ или что Соединенные Штаты — преемник Израиля. Это не значит также, что у Господа сложились особые отношения с американским народом. Это означает, однако, что в нас живы сердца и души наших предков пуритан и сами мы — как тот "город, стоящий на верху горы"»⁹.

Для правых все присущие Америке недостатки, такие как порнография, гомосексуализм, отказ некоторых граждан от традиционных американских ценностей и от церкви, носят чисто индивидуальный характер и связаны с неправильным поведением отдельных личностей. Правые склонны видеть в любых критических замечаниях, касающихся глобальной роли Америки, и особенно в адрес горячо любимого ими Джорджа Буша, желание оказать поддержку врагам США и силам зла в целом. На мой взгляд, существует много общего между движениями религиозного фундаментализма и

* Подстрочный перевод А.В. Денисова. — Прим. ред.

слепого ура-патриотизма. Их представители характеризуются крайне узким кругозором и смотрят на мир сквозь призму американизма. И те и другие хотели бы получить четкие и вразумительные ответы на все волнующие их вопросы, чтобы иметь совершенно ясную и полностью понятную картину мира.

Такую же жажду определенности можно обнаружить и в другом идеологическом спектре, у тех, чье внимание сосредоточено в основном на темных страницах американской истории. Согласно их взгляду на мир холодная война была вызвана не столько борьбой с коммунизмом, продиктованной главным образом моральными факторами, сколько отвратительным с этической точки зрения соревнованием двух сверхдержав за власть, в ходе которого действия обеих сторон характеризовались лицемерием, милитаризмом и грубым вмешательством в дела друг друга.

Быть может, из-за того, что я сама родом из страны, захваченной коммунистами, мне кажутся не слишком справедливыми обвинения в адрес политики Соединенных Штатов периода холодной войны. Конечно, были и ошибки, но вряд ли есть серьезные основания ставить под сомнение моральное превосходство Запада над Советским Союзом. Точно так же мне кажутся слишком упрощенными взгляды левых в вопросе о том, насколько оправданно с моральной точки зрения использование силы, и на проблемы, связанные с глобализацией. В то же время я симпатизирую чувствам религиозных левых, которых волнует и беспокоит существующая пропасть между богатыми и бедными. По-моему, они в чем-то правы, когда говорят, что современная Америка — не столько библейский «город, стоящий на верху горы», сколько общество, которое живет исключительно собственными интересами и отвернулось от тех, кто нуждается в помощи.

В последние годы и особенно во время ожесточенных избирательных кампаний 2000 и 2004 гг. в центре внимания комментаторов оказались проблемы, связанные с тем, насколько велика роль религии во все углубляющихся в американском обществе политических и культурных разногласиях. Судя по всему, в дальнейшем такие расхождения во взглядах будут только углубляться, и если это действительно произойдет, то со временем Америка будет мало напоминать ту страну, в которой я выросла и которую полюбила. Уже сейчас мне страшно не нравится поверхностная, просто несерьезная дискуссия по поводу так называемого деления штатов на «красные» и «голубые». Разве мы все не давали клятву на верность трехцветному флагу? Мне очень жаль, что в стране постепенно сформировалась такая политическая культура, в рамках которой преимущество имеют деятели, придерживающиеся крайних взглядов, догматические убеждения рассматриваются как достоинство, а широта взглядов считается проявлением слабости. Культура, при которой сарказм и клеветнические выпады часто заменяют разумную, взвешенную дискуссию.

Наверное, с этим пора кончать. Нам нужно больше единства. Быть может, стоит вспомнить слова Джона Уинтропа о том, что в будущем «глаза всего мира будут обращены на нас». Но какой должна быть Америка, чтобы мир захотел на нее смотреть?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ James Dobson on *Larry King Live*, CNN, May 6, 1998.

² Jesse Helms, *When Free Men Shall Stand*, Potomac, 1976 (rev. ed. 1994), 16.

³ Pat Robertson, *The New World Order*, Word, Dallas, 1991, 92.

⁴ Report of the Independent Women's Forum cited in «Women Riled by 'Gender' Agenda,» *Washington Times*, July 24, 1995.

⁵ James Dobson, quoted in Larry Stammer, "Religious Right Challenges 'Anti-Family' Beijing Agenda," *Chicago Sun-Times*, September 10, 1995.

⁶ Concerned Women for America, "Feminism at the Helm of U. S. Foreign Policy," May 12, 1997. (Press release.)

⁷ James Dobson, quoted in Stammer, op. cit.

⁸ Cited in most collections of quotations by Oliver Wendell Holmes. This is the senior Holmes, father of the Supreme Court justice.

⁹ Richard D. Land, response to essay "Morality and Foreign Policy" by James Finn in Michael Cromartie, ed., *Might and Right after the Cold War: Can Foreign Policy Be Moral?* Ethics and Public

Policy Center, Washington, D.C., 1993, 65.

Глава 7

«Потому что мы правы»

Мы, американцы, считаем себя щедрыми людьми, и это правда. Именно от Соединенных Штатов международные благотворительные организации получают значительную долю средств, на которые они ведут свою работу. Заметим, однако, что эти пожертвования поступают главным образом от частных лиц и компаний. В отличие от них американское правительство настолько скупое, что если подсчитать, какая доля валового национального продукта выделяется на наши взносы в международные программы экономического развития, то среди индустриально развитых стран США по данному показателю окажется на предпоследнем месте.

В 2002 г. на саммите, посвященном борьбе с глобальной бедностью (*Summit on Global Poverty*) президент Буш поддержал принятый на нем итоговый документ, так называемый «Монтеррейский консенсус», о выделении 0,7% национального дохода на помощь нуждающимся странам*. Пять европейских стран уже это делают. Шесть других определили график достижения данного уровня пожертвований**. Несмотря на то что в последние годы Соединенные Штаты несколько увеличили свои взносы, они все равно не превышают 0,16% ВВП, т.е. идет нехватка в размере 40 млрд долл. в год.

Так было не всегда. После Второй мировой войны именно Америка помогла европейским странам восстановить разрушенную экономику и тем самым определила дальнейший ход истории. План Маршалла признается сегодня классическим примером того, как, «поступая правильно, творить добро». Возрожденная Европа стала сильным и процветающим партнером Соединенных Штатов. И это было только начало. В 1949 г. президент Трумэн принял программу помощи всем нуждающимся странам.

«Наша цель, — заявил он тогда, — состоит в том, чтобы содействовать усилиям свободных людей всего мира в их стремлении производить больше продовольствия, одежды, жилья и электроэнергии. Только помогая менее удачливым в их желании помочь самим себе, человечество может создать условия для достойной и благополучной жизни, что является неотъемлемым правом каждого народа»².

Инициатива Трумэна была поддержана и расширена Джоном Кеннеди, учредившим «Агентство международного развития», «Корпус мира» и «Союз ради прогресса»***. В речи, произнесенной во время инаугурации, Кеннеди от имени США взял обязательство перед «теми, кто живет в хижинах и при этом отчаянно борется, чтобы вырваться из нищеты... Мы готовы приложить максимум усилий, — заявил президент, — чтобы помочь этим людям в их стремлении помочь самим себе, сколько бы времени для этого ни потребовалось. И мы будем делать это не потому, что, быть может, так делают коммунисты, и не ради дополнительных голосов на выборах, а потому, что этого требует справедливость»³.

* Автор допускает неточность. Видимо, речь идет о состоявшейся в марте 2002 г. в городе Монтеррей (Мексика) конференции по финансированию развития. Страны-участники единодушно приняли решение рекомендовать развитым странам «выделять развивающимся странам в качестве официальной помощи для обеспечения роста, искоренения нищеты и устойчивого развития 0,7% валового национального продукта». —Прим. пер.

** Пять стран даже превысили уровень 0,7%. Это Швеция, Норвегия, Дания, Нидерланды и Люксембург. Ряд других, в том числе Великобритания, Франция, Финляндия, Испания, Ирландия и Бельгия, взяли обязательство выйти на этот уровень к определенному обозначенному ими самими сроку. Как пишет экономист Джеффри Сакс¹, «утверждается, что, хотя правительство США оказывает сравнительно небольшую помощь беднейшим странам, эту нехватку компенсирует частный сектор. Согласно данным Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, частные фонды и неправительственные организации выделяют ежегодно на оказание международной помощи около 6 млрд долл., или 0,05% валового национального продукта США. Таким образом, общий вклад Соединенных Штатов в дело оказания экономической помощи равен приблизительно 0,21% ВВП. Это самый низкий показатель среди стран-доноров.

*** Созданное в 1961 г., это правительственное агентство США разрабатывает и осуществляет экономическое содействие развивающимся странам. —Прим. пер.

Вначале лидеры обеих основных политических партий Соединенных Штатов поддерживали политику оказания иностранной помощи, однако вскоре начали раздаваться и критические голоса. Сама идея пожертвований в пользу бедных противоречила американским традициям и принципу опоры на собственные силы. Многие считали, что благотворительность должна оказываться только тем нуждающимся, которые ее достойны, а далеко не все бедные заслуживают такой помощи. В любом случае поддерживать нужно прежде всего своих. С какой стати мы должны давать деньги жителям других стран, когда те же самые доллары могут быть использованы для социальных программ внутри собственной страны? Ни один политик не выиграл так много от подобных оценок, как Рональд Рейган. В 1964 г. в речи, ознаменовавшей начало его политической карьеры как лидера консерваторов, он утверждал, будто благодаря американской помощи «император Эфиопии Хайле Селассие приобрел за два миллиона долларов роскошную яхту... греческие предприниматели — модную одежду, члены кенийского правительства — новых жен... а тысячи телевизоров были отправлены в села, где нет даже электричества»⁴. По словам Рейгана, американская помощь лишь умножает число бюрократов, а «американское правительственное учреждение, занимающееся оказанием этой помощи, ведет почти райскую жизнь, во всяком случае, лучшую, чем кто-либо другой на нашей земле».

«Великий коммуникатор» не всегда был в ладах с фактами, но зато как никто другой умел превратить полуправду в общераспространенный миф. Став президентом, Рейган фактически увеличил размеры помощи зарубежным странам, но при этом не обмолвился об этом ни словом, чтобы, не дай бог, не развеять им же созданную иллюзию бесполезности такого рода поддержки. К этому времени у американцев уже прочно утвердился стереотип, согласно которому финансирование программ иностранной помощи — не что иное, как напрасная трата времени и денег. Они, эти программы, якобы только увеличивают зависимость зарубежных стран от внешних источников финансирования и приводят к напрасной трате долларов, заработанных тяжелым трудом американских налогоплательщиков.

Некоторые из таких программ действительно были недостаточно продуманными. Другие предназначались не столько для того, чтобы улучшить жизнь нуждающихся людей, сколько для того, чтобы в ходе соревнования между Западом и Востоком склонить на свою сторону ряд зарубежных стран. И тем не менее оказалось, что такая внешне-экономическая политика принесла гораздо лучшие результаты, чем это принято считать. Так, с 1960 по середину 1990-х гг. продолжительность жизни в бедных странах увеличилась на двадцать лет. Вдвое сократилась детская смертность. Проведение не такой уж дорогостоящей вакцинации спасло миллионы жизней. Полностью ликвидирована оспа и на грани исчезновения полиомиелит. Иностранная помощь помогла улучшить материальное положение многим жителям Азии, Латинской Америки и Африки. Сотни миллионов людей избавились от бедности.

Казалось бы, итоги — впечатляющие, однако, работая в правительстве, я всегда чувствовала, что иностранная помощь так же популярна, как блохи. Уже сам термин «иностранная помощь» звучит почти как призыв к измене. Я вообще убрала это словосочетание из своего лексикона, заменив его выражением «поддержка национальной безопасности». Если подобная формулировка и смягчила неприязнь к такого рода деятельности, то не намного. В условиях все растущего бюджетного дефицита и отсутствия угрозы со стороны Советского Союза члены конгресса крайне неохотно выделяли деньги на зарубежные проекты.

Председатель подкомитета конгресса, ответственного за выделение средств на помощь иностранным государствам, с нескрываемым удовольствием сообщил мне, что ни разу не раз голосовал за такого рода проекты и что он никогда не поддержит предложение администрации по оказанию иностранной помощи. Лидеры Республиканской партии не раз высокопарно заявляли, что у них нет ни малейшего интереса даже к посещению других стран. Многие их избиратели были убеждены в том, что на зарубежные «подачки» уходит до 20% федерального бюджета, в то время как в действительности нам с трудом

удавалось «отгрызть» от него менее 1%.

В качестве государственного секретаря мне приходилось посещать больницы, импровизированные поселения и лагеря для беженцев, и каждый раз я испытывала ощущение неловкости. В то время как экономика Соединенных Штатов процветала, единственную помощь, которую я могла предложить несчастным людям, были цветные карандаши и книги. Каждый раз республиканцы выдвигали одни и те же аргументы против оказания иностранной помощи, так что к концу 90-х я уже заранее знала, что мне предстоит услышать.

И вдруг неожиданно все изменилось. Однажды во время слушаний в конгрессе я почувствовала, что подул свежий ветер. В этот раз администрацию обвинили не в том, что мы тратим слишком много денег на иностранную помощь, а в том, что мы делаем непростительно мало в этой области. Я уже привыкла к тому, что либералы всегда с ужасом говорили о тех опустошениях, которые наносит ВИЧ/СПИД, в то время как консерваторы твердили, что жертвы сами виноваты в своих несчастьях. Однако в последние годы моего пребывания на посту государственного секретаря многие из правых консерваторов пришли к выводу о том, что пандемию необходимо остановить и что их моральный долг — помочь добиться этого.

Несколько лет назад даже Джесси Хелмс сделал следующее признание: «Я всегда считал, что причиной распространения ВИЧ/СПИДа является безответственное сексуальное поведение и употребление наркотиков и что болезнь поражает в основном людей, относящихся к категории риска. Сегодня я понимаю, что был неправ»⁵.

Что все это означает? Прежде всего то, что религия начинает по-новому вплетаться в ткань внешней политики Соединенных Штатов. Когда я была госсекретарем, один приверженец Республиканской партии часто и с удовольствием называл меня «наивной» или «благодетелем человечества». А один научный работник даже раздраженно утверждал, будто администрация Клинтона с таким рвением пытается решать «внешнеполитические проблемы, словно это социальные проблемы самой Америки»⁶. Теперь же сенатор-республиканец от штата Канзас Сэм Браунбек, человек весьма консервативных взглядов, заявляет, что «Соединенные Штаты должны без лишнего шума, проявляя мудрость, бороться не только за свои экономические и стратегические интересы, но также отстаивать то, что справедливо в моральном, нравственном отношении»⁷.

В течение длительного времени правые и левые находились на противоположных полюсах почти по всем вопросам внешней политики. Теперь это уже не так. Взгляды людей, еще недавно занимавших крайне правые или крайне левые позиции, сейчас по ряду проблем частично совпадают, и прежде всего по вопросам гуманитарного характера, к которым религиозные консерваторы проявляют особый интерес. И те и другие признают не только практическую целесообразность, но и моральную обязанность помогать тем, кто живет в страшной нужде. Как правые, так и левые сегодня полагают, что история о добром самаритянине, о которой поведал президент Буш в речи, произнесенной во время своей первой инаугурации, должна найти какое-то отражение и во внешней политике Соединенных Штатов. И такие изменения во взглядах американцев — не просто интересное явление. Важно то, что они дают стране потенциальные возможности выйти на новые исторические рубежи.

В последние годы мы часто слышали о так называемой «оси зла». Если вы ищете зло, то не можете пройти мимо тех, кто страдает от бедности, невежества и болезней. Кроме оси, есть еще и круг — круг нищеты, в котором, как в капкане, заключены от двух до трех миллиардов людей. Ежедневно от болезней, которые можно было бы предотвратить, и от голода умирает около 30 тысяч детей. Миллиарды граждан живут в странах, правительства которых не признают или не способны защитить основные права человека.

Страдания бедных и угнетенных людей в различных регионах мира должны заставить американцев забыть о своих разногласиях. Даже если они не смогут объединиться вокруг одного общего дела, пусть начнут оказывать помощь по отдельным конкретным направлениям, и тогда их усилия в конечном счете все равно сойдутся в ключевых точках. Осознание того, в каком положении находятся бедные и угнетенные, должно послужить

стимулом к единению американцев. Пусть не всегда и не во всем, но по крайней мере ради достижения каких-то особенно важных целей. Я назвала бы по крайней мере три задачи, с выполнения которых можно было бы начать.

Во-первых, оказать поддержку религии и ее основополагающим принципам, способствовать созданию условий для их практической реализации.

Около десяти лет назад активисты христианского и еврейского движения Америки начали кампанию против преследования в ряде стран верующих за их религиозные убеждения. В 1998 г. конгресс США принял Акт о международной религиозной свободе (*International Religious Freedom Act*), который после подписания его президентом Клинтоном стал законом Соединенных Штатов. На основании этого закона была создана Комиссия по вопросам свободы религии за рубежом (*Commission on International Religious Freedom*). Кроме того, американский конгресс потребовал от госдепартамента ежегодно представлять доклад о положении со свободой религии в зарубежных странах. В соответствии с этим законом одной из задач внешней политики США стало выявление и осуждение любых форм преследований по религиозным мотивам. В то же время закон предоставил американским дипломатам дополнительные возможности для того, чтобы обращать внимание руководства иностранных государств на необходимость соблюдения прав человека в сфере религии.

Для американцев вполне естественно проявлять заботу о соблюдении свободы религии. Не только потому, что это один из основополагающих принципов американской демократии, но и потому, что состояние религии в различных странах служит той лакмусовой бумажкой, которая позволяет судить о характере их правительств. Считается, что если они не уважают достоинство собственных граждан, то вряд ли способны относиться с почтением к кому-либо вообще.

Совершенно неслучайно страны, в которых верующие преследуются за свои религиозные убеждения, — такие как Северная Корея, Бирма, Иран и Судан, — являются источником всевозможных опасностей, в том числе терроризма и распространения оружия массового уничтожения. Разрушение в 2001 г. талибами двух древних каменных статуй Будды в центральном Афганистане продемонстрировало их пренебрежение международным общественным мнением, но точно таким же актом презрения было их решение разместить на своей территории лагеря «Аль-Каиды». Серьезные нарушения свободы религии имеются и в Китае, однако его огромные размеры и степень влияния на мировые события ставят перед американским руководством крайне сложные задачи, заставляя с предельной осторожностью подходить к любым вопросам, связанным с этой страной.

В те годы, когда я была госсекретарем, члены конгресса часто жаловались мне на то, что китайским христианам разрешается совершать церковные обряды лишь в тех церквях, которые официально зарегистрированы государственными органами власти. Я обещала им поставить этот вопрос на встречах с китайскими руководителями и сделала это как во время переговоров в Пекине, так и лично посетив церковную службу, и тем самым еще раз обратила их внимание на данную проблему*.

Впрочем, на этом мой демарш не закончился. Я также выразила озабоченность плохим обращением с тибетскими буддистами и членами «Фалун Гонг» — организации, занимающейся проблемами духовного здоровья. Кроме того, я убеждала моих китайских собеседников разрешить существование в стране политических организаций и независимых профсоюзов, выразила свою заинтересованность в судьбе политических заключенных, а также попросила разъяснить мне суть весьма спорной политики в области ограничения рождаемости. Наконец, был рассмотрен ряд политических и военных во-

* В феврале 1998 г. президент Клинтон направил в Китай делегацию религиозных лидеров, которая должна была объяснить китайскому руководству, какое большое значение мы придаем свободе вероисповедания. В состав делегации входили нью-йоркский раввин Артур Шнайер, римско-католический архиепископ Теодор Маккаррик и глава конфессии протестантов-пятидесятников «Собрания Господни», президент Национальной ассоциации евангелистов Дональд Аргью.

просов, имеющих в том числе и нравственный аспект. Среди них были такие, как ядерная программа Северной Кореи, отношения с Тайванем, режим военной диктатуры в Бирме, международные соглашения по борьбе с глобальным потеплением и международные операции по поддержанию мира.

Все последующие годы эти и некоторые другие проблемы оставались в повестке дня американо-китайских отношений. Каким бы длинным ни был список проблем, существующих в отношениях США с другими странами, всегда есть возможность поднять в том числе и вопрос о свободе религии, и ни в коем случае нельзя забывать это делать. Я совершенно не удивлюсь, если распространение религии в Китае станет одним из наиболее значительных событий последующей четверти века, а для китайских властей — одной из самых сложных проблем, с которыми им придется иметь дело.

Всем тем, кто намерен способствовать укреплению свободы вероисповедания, следует помнить о том, что этот вопрос требует крайне деликатного подхода. Серьезные улучшения в этой области чаще всего происходят в результате терпеливого убеждения, а не выдвижения категорических требований.

В Лаосе, невероятно бедной стране, управляемой правительством советского типа, в которой полностью отсутствуют демократические традиции, а население исповедует буддизм, сотрудники руководимого Бобом Сейплом Института глобального сотрудничества использовали поэтапный метод работы. Лаосцы настолько озабочены своими экономическими и социальными проблемами, что говорить им о значении свободы религии — весьма рискованное и даже опасное занятие.

И тем не менее коллеги Боба Сейпла сумели добиться определенных успехов. В том, что из тюрем были освобождены узники совести, а правительственные чиновники постепенно научились уважать свободу вероисповедания, есть и их вклад. Кроме того, были открыты учебные центры, призванные способствовать межконфессиональному сотрудничеству. В одной из деревень правительственный чиновник, ранее заставивший более тысячи христиан отказаться от своей веры, извинился перед ними⁸. Позже заботу о его последних днях жизни взял на себя созданный церковью хоспис, который в свое время он пытался закрыть.

Второй задачей, способной объединить различных представителей политического спектра Америки, должна быть борьба с глобальной бедностью. В конце 90-х гг. многие религиозные организации поддержали план администрации Клинтона, предусматривающий списание большей части долгов беднейших стран мира. Быть может, это не самое радикальное решение проблемы, важен сам прецедент. Либералы, давно уже выступавшие за облегчение долгового бремени стран третьего мира, теперь оказались в одной упряжке с правыми христианами. Те, в свою очередь, впервые выступили вместе с Боно, общественным деятелем и рок-звездой. Странники аннулирования долгов поступили весьма разумно, связав свою инициативу с библейской легендой о древних израильтянах, которым Бог повелевал простить долги и «вернуть каждому человеку его имущество»⁹. Следующим важным шагом было принятое в 2005 г. решение о списании долгов 18 беднейших стран Международному валютному фонду и Всемирному банку.

Несмотря на достигнутый в этом деле прогресс, борьбе с бедностью нужен новый дополнительный импульс. Многие старые предрассудки все еще живы. Так, некоторые самозванные эксперты продолжают утверждать, что любая иностранная помощь — это напрасная трата денег, что «большое правительство» не в состоянии разумно использовать поступающие извне средства и что бедность — постоянный спутник человечества.

В какой-то степени их аргументы оправданны. Действительно, многолетняя борьба с бедностью не принесла сколько-нибудь заметных результатов. В некоторых государствах Африки, расположенных к югу от Сахары, положение в последние годы даже ухудшилось. Причин для этого много. Среди них такие, как этнические конфликты, неэффективная модель экономики, демографические факторы, в том числе безудержный рост населения, наконец, болезни, истощение природных ресурсов и многое другое. Некоторые в качестве одной из причин указывают на отсутствие демократического правительства. Наиболее очевидным примером является коррумпированный режим

Роберта Мугабе в Зимбабве. Левые склонны обвинять во всем экономическую и торговую политику Запада в отношении бедных стран (а также беднейшей части их населения). По мнению левых, все выгоды от этой политики достаются только лишь крупным корпорациям и богатой части населения. Я думаю, что каждый из данных факторов играет свою роль и все их необходимо принимать во внимание.

Борьба с бедностью, конечно, не должна сводиться к предоставлению нуждающимся странам как можно большей суммы денег. Исторически левые всегда возлагали слишком большие надежды на оказание помощи другим странам через органы власти государства-получателя. Правые, напротив, настаивали на вливании средств в частный экономический сектор. Со временем и те и другие отказались от такого одностороннего, слишком упрощенного подхода.

Специалисты на местах научились направлять большую часть денежных потоков в неправительственные организации, которые способны использовать их более эффективно. При этом делается упор на предоставление дополнительных возможностей женщинам, на поиски наиболее простых технологических решений, защиту окружающей среды и создание таких условий, при которых беднейшие слои населения также могли бы принимать участие в осуществлении экономических проектов. Кроме того, очень важно, чтобы развитые страны прекратили лицемерно призывать к становлению рыночной экономики и в то же время тратить миллиарды долларов на субсидии собственным фермерам, что делает невозможной конкуренцию бедных стран на рынке сельскохозяйственных товаров.

Еще один способ помочь бедным состоит в том, чтобы взять их под защиту закона. Для этого создана специальная Комиссия высокого уровня по юридическим полномочиям бедных (*High-Level Commission on Legal Empowerment of the Poor*), сопредседателями которой были назначены перуанский экономист Эрнандо де Сото и я. Многие малоимущие, имеющие собственность в виде домов, земли и скота, не могут извлекать из этого сколько-нибудь существенной пользы, поскольку их собственность не имеет правового титула и юридически за ними не закреплена.

В ряде стран до 90% частной собственности юридически ею не является. Это делает людей беззащитными, создает благоприятные условия для эксплуатации и грабежа их имущества, лишает население возможности использовать свою собственность для получения кредитов, инвестиций и накопления сбережений. Ущерб от этого несут не только сами собственники, но и общество в целом, поскольку тем самым сужается налоговая база, а значит, и поступление средств, необходимых для выполнения социальных задач. В конечном счете все это приводит к экономической стагнации и разжиганию социальной вражды. Усиление юридической защиты бедных как способ оказания им экономической помощи нравится мне еще и потому, что он лишен какой-либо идеологической окраски. Его можно назвать и созданием «общества собственников», и передачей «всей власти народу».

Как сказал Буш, «мы боремся с бедностью потому, что ее преодоление порождает надежду, а надежда — это ответ терроризму»¹⁰. В июле 2005 г. президент совместно с другими руководителями Большой восьмерки принял решение в течение ближайших пяти лет удвоить размеры помощи, оказываемой странам Африки, увеличив ее с 25 до 50 млрд долл. ежегодно. Однако уже два месяца спустя вызванный этим решением энтузиазм стал утихать. Постоянный представитель США при ООН Джон Болтон дистанцировал Вашингтон от поставленной развитыми странами задачи вдвое сократить к 2015 г. число крайне бедных, чем вызвал немалый переполох и тревогу.

После недельного замешательства и противоречивых сигналов президент Буш был вынужден сделать официальное заявление о том, что Соединенные Штаты не отказываются от выполнения этой задачи и готовы внести свой вклад в ее осуществление. Мы и в дальнейшем должны оказывать всестороннюю поддержку международным усилиям по борьбе с бедностью, и не только потому, что это отвечает нашим собственным интересам, но и потому, что, как говорил Джон Кеннеди, дело это правое.

Третья задача, которую я назвала бы одной из главных в программе сотрудничества

двух основных политических партий США, это предотвращение массовых убийств граждан. Со временем мы научились доставлять продовольствие, воду и медикаменты туда, где в них ощущается острая необходимость, при условии, что этому не препятствуют люди с оружием. Однако мы до сих пор не выработали надежного способа борьбы с геноцидом. После страшной резни, произошедшей в 1994 г. в Руанде, было немало разговоров о том, что мы должны не позволить такому случиться вновь. И тем не менее нечто подобное все же произошло. Внезапная, бессмысленная война в Демократической Республике Конго унесла более трех миллионов жизней. Вслед за этим в Дарфуре, западном регионе Судана, около 300 тысяч человек погибли во время развязанного там геноцида.

В отличие от Руанды в этих странах масштабы массовых убийств нарастали постепенно, и у международной общественности было достаточно времени, чтобы остановить преступления. Однако наша реакция оказалась слишком медленной и явно недостаточной. Дело здесь не в безразличии общества — резня в Дарфуре широко освещалась мировыми средствами массовой информации, — а в том, что мы не смогли эффективно использовать силу в борьбе с насилием.

Одно из возможных решений данной проблемы состоит в том, чтобы Совет Безопасности ООН поручил ведущим державам создать вооруженную коалицию, наделив ее членов особыми полномочиями, вплоть до использования воинских подразделений для осуществления воли мировой общественности. Предпринятые в 1994 г. под руководством США интервенция на Гаити, австралийская операция в Восточном Тиморе в 1999 г. и британская в Сьерра-Леоне в 2000 г. в основном увенчались успехом. Однако проблема состоит в том, что зачастую не находится желающих присоединиться к такой коалиции. И не потому, что руководители стран — бессердечные люди, а потому, что операции по поддержанию мира, как правило, дорогое, тяжелое, опасное и часто неблагодарное занятие.

Чтобы остановить бесчинство вооруженных людей, нужны хорошо оснащенные и профессионально подготовленные воинские части, найти которые не так легко. Одно дело призвать солдата к защите его собственной родины, и совсем другое — направить за тридевять земель, где он будет рисковать своей жизнью ради того, чтобы уладить чей-то конфликт. Таких альтруистов сегодня немного, тем более что участников операций по поддержанию мира чаще обвиняют в неудачах, чем хвалят за достижения. Вследствие этого существующий механизм реагирования на кризисные ситуации только лишь в отдельных случаях срабатывает успешно. Чаще всего результаты оставляют желать лучшего, а иногда операции и вовсе заканчиваются полным провалом.

В сентябре 2005 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций впервые признала коллективную международную ответственность за предотвращение преступлений против человечества, а также защиту населения от геноцида, военных преступлений и этнических чисток. Однако на самом деле в таком признании мало толку, если не иметь реальных возможностей защитить людей и не испытывать готовности это сделать. Когда более 60 лет назад создавалась ООН, предполагалось, что со временем она будет иметь собственные вооруженные силы. Но соперничество сверхдержав похоронило эту идею, и сегодня мало желающих возродить ее вновь.

В наши дни роль Организации Объединенных Наций в деле восстановления международного мира и безопасности заключается в том, чтобы принимать решения об использовании для этих целей коалиции национальных вооруженных сил. По логике вещей, Соединенные Штаты должны сыграть главную роль в создании подобной коалиции и, если она будет задействована, в успешном выполнении поставленной перед ней задачи. Чтобы справиться с такой ролью, нам следует развеять любые возможные подозрения относительно целей нашего вмешательства. Необходимо также отчетливо представлять себе, что для этого нужно.

Предотвратить геноцид может только серьезная военная операция. Для этого не годятся наспех собранные и плохо профинансированные силы, состоящие из случайно подобранных и разрозненных подразделений. Страны — члены ООН должны создать

особые воинские части, состоящие из высокопрофессиональных специалистов своего дела, специально подготовленных для участия в миротворческих операциях и заранее давших согласие в течение определенного срока службы выполнять свои функции.

В идеале желательно, чтобы такие части проходили совместную подготовку и всегда были готовы по первому приказу развернуть боевые порядки и начать военные действия. Необходимо, чтобы эти силы были оснащены новейшими средствами связи и транспорта, а также вооружены по последнему слову военной техники. Наконец, каждая страна должна предоставить этим частям все необходимое оборудование и ноу-хау.

Помимо военных и военизированных (полувоенных) формирований такие силы должны также иметь гражданских специалистов, в том числе администраторов и прокуроров, выступающих в роли представителей международных судебных органов. После развертывания миротворческих сил задача военных должна состоять в том, чтобы восстановить мир и порядок. Что же касается гражданских участников операции, то им надлежит как можно скорее начать процесс восстановления всего разрушенного, а прокурорам — привлечь к ответственности виновных в совершении военных преступлений.

Хочу снова подчеркнуть, что речь *не идет* о создании постоянно действующей армии ООН. Описанные мною выше вооруженные силы сравнимы с высококомобильными отрядами кавалерии, которые в случае острой необходимости можно в любой момент послать в нужное место. Потребуется проработать дополнительные детали*, в том числе вопросы финансирования, но в принципе создание такого рода воинских подразделений — лучший способ предотвратить катастрофы наподобие той, что произошла в Дарфуре.

Однако прежде чем Соединенные Штаты начнут разработку концепции таких вооруженных сил, а тем более примут непосредственное участие в их формировании, необходимо, чтобы консерваторы и либералы преодолели хотя бы некоторые из традиционно свойственных им предрассудков.

Надежный механизм предотвращения геноцида не может быть создан без невиданного ранее международного сотрудничества в военной сфере. При этом совершенно не обязательно, чтобы возглавляла этот механизм Организация Объединенных Наций. В то же время ее участие абсолютно необходимо. Готовы ли правые христиане серьезно и непредвзято рассмотреть такую возможность или они, как прежде, будут относиться к ООН с параноидальной подозрительностью? Что же касается левых, то они должны будут согласиться затратить солидные средства на создание эффективных вооруженных сил, даже если для этого придется пойти на некоторое сокращение затрат на социальные нужды.

Если имевшиеся до сих пор разногласия в американском обществе сохраняются, то надежд на создание подобного механизма нет никаких. В случае если их удастся преодолеть, стоит попытаться создать такой механизм. В конце концов, многие из тех, кто еще недавно выступал против оказания помощи иностранным государствам, возражал против участия в борьбе с ВИЧ/СПИДом и других проектах, теперь поддерживают меры, принимаемые в этом направлении. Уже после окончания своего второго президентского срока, выступая в 1993 г. перед членами Оксфордского союза (*Oxford Union*), Рональд Рейган заявил: «Нам следует больше полагаться на многосторонние институты. Я хочу этим сказать, что, действуя в бархатных перчатках, мы должны в то же время иметь мощную поддержку в виде бронированного кулака»¹¹.

Не надо думать, что широкомасштабное сотрудничество правых христиан с активистами других общественных движений в процессе оказания международной гуманитарной помощи — несбыточная мечта. Так, в ноябре 2005 г. упомянутый выше сенатор Браунбек и я совместно организовали и провели конференцию, посвященную как раз этой проблеме. Сотрудничество такого рода важно не только потому, что оно будет

* Одна из таких деталей состоит в том, что Соединенные Штаты должны занять более благоприятную позицию в отношении Международного уголовного суда. Даже если мы будем и дальше воздерживаться от участия в его работе, нам все равно надо желать ему всяческих успехов.

способствовать достижению целей США за рубежом, но и потому, что может помочь американцам лучше понять друг друга. Я убеждена в том, что, в конце концов, разногласия между нами не так уж и велики, как это может казаться.

Большинство из нас не хочет, чтобы наши лидеры принимали собственную волю за волю Божью. В то же время мы не хотим, чтобы игнорировались моральные и религиозные принципы. Мы поддерживаем отделение церкви от государства, но против выдавливания религии из общественной жизни. Многие из нас постоянно молятся за то, чтобы Господь наставил наших руководителей на путь истинный. Мы надеемся, что те, кто принимают решения от нашего имени, каждый раз крепко задумываются над тем, справедливы они или нет. Конечно, мы хотим, чтобы наши руководители нас защищали, но еще мы хотим, чтобы нам было чем гордиться.

Двухпартийное сотрудничество может помочь также и улучшению репутации Соединенных Штатов в мире. Думаю, большинство из нас хотело бы, чтобы Америку считали уверенной в себе и своих силах, проявляющей заботу о -других, принципиальной, честной и сильной страной. Однако на примере Вьетнама и Ирана мы давно уже знаем, что далеко не всегда нас видят такими, какими бы нам хотелось. Быть может, кто-то думает, что нам безразлично мнение о нас граждан других стран, что такому могущественному государству, как США, нет необходимости проявлять «уважительное отношение к мнению человечества», к чему призывала нас в свое время Декларация независимости.*

Подобное высокомерие было бы непростительной ошибкой. Совершив ее, мы разочаровали бы миллионы истинных друзей Америки во всем мире. На протяжении всей истории репутация Соединенных Штатов всегда была решающим фактором. Сегодня, когда мы заняты поисками ключа к победе одновременно в двух войнах, она важна как никогда. В первую очередь американцам следует понять, что мы не сможем вести за собой мир, если не научимся понимать тех, на кого хотим как-то повлиять. И прежде всего это относится к последователям ислама.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Cited in "Can Extreme Poverty Be Eliminated?" by Jeffrey Sachs. *Scientific American*, September 2005, 60.

² President Harry S. Truman, inaugural address, Washington, D.C., January 20, 1949.

³ President John F. Kennedy, inaugural address, Washington, D.C., January 20, 1961.

⁴ Ronald W. Reagan, nationwide television broadcast, October 27, 1964. www.Reaganfoundation.org/reagan/speeches/rendezvous.asp.

⁵ Jesse Helms, quoted in Carl Hulse, "In Memoir, Jesse Helms Says He Was No Racist," *New York Times*, August 31, 2005.

⁶ Michael Mandelbaum, "Foreign Policy as Social Work," *Foreign Affairs*, January-February 1996.

⁷ Senator Sam Brownback, cited in Peter Waldman, "Evangelicals Give U.S. Foreign Policy an Activist Tinge," *Wall Street Journal*, May 26, 2004.

⁸ Ambassador Robert A. Seiple, "Trip Notes," Laos, 2005.

⁹ Leviticus 25:10.

¹⁰ President George W. Bush, cited in Robin Wright, "Aid to Poorest Nations Trails Global Goal," *Washington Post*, January 15, 2005, 18.

¹¹ Ronald Reagan, remarks to the Oxford Union Society, London, December 4, 1992.

* Принятая единогласно тринадцатую соединенными штатами Америки Декларация независимости начинается словами: «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом. ...уважительное отношение к мнению человечества требует от нас разъяснения причин, побудивших его к такому отделению». Цит. по: Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. — М., 1993, стр. 25. —Прим. пер.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**КРЕСТ,
ПОЛУМЕСЯЦ
И ЗВЕЗДА**

Глава 8

Больше знать об исламе

Первая битва между христианами и мусульманами состоялась в 636 г. на речке Ярмук, притоке реки, Иордан. В результате яростного сражения последователи ислама восстановили контроль над Иерусалимом, этим восточным аванпостом Византийской империи. В последовавшей за этим резне погибло 70 тысяч христиан¹. В 1099 г. крестоносцы вернули власть над святым городом. Вслед за этим снова последовала бойня, во время которой было вырезано 70 тысяч мусульман и все до последнего евреи, каких только опьяненные победой христиане могли найти. В 1187 г. мусульмане под руководством египетского султана Салах-ад-Дина (Саладина) взяли Иерусалим штурмом. Потом были еще новые Крестовые походы, принесшие смерть десяткам тысяч людей. С тех пор не раз раздавались призывы к войнам в защиту той или иной религии.

Цивилизация бодро вступила в XXI в., а требования начать военные действия под религиозными лозунгами звучат и поныне. Евреи и арабы никак не могут поделить земли и святыне для них места, за которые они сражались еще тысячу лет тому назад. А недавно банда террористов, действуя во имя ислама, совершила самое страшное нападение, которое когда-либо случалось на территории Америки за всю ее историю. Ответная реакция администрации Буша вызвала острое недовольство среди мусульман.

Растет беспокойство и в Европе, где проживает сегодня немало иммигрантов-мусульман и где также наблюдается все большее число актов террора и проявлений религиозного фанатизма. В Африке возрождающийся ислам вступает во все более острый конфликт с возрождающимся христианством. На огромных пространствах Азиатского континента, от Чечни до Филиппин, вражда между приверженцами ислама и представителями других вероисповеданий все чаще выливается в кровопролитие. Так же как семейные отношения иногда разрываются в результате споров о наследстве, так и дети Авраама, забывая о своем кровном родстве, все чаще испытывают друг к другу такие разрушительные чувства, как ревность и ненависть.

Помню день моего вступления в должность государственного секретаря Соединенных Штатов. Подняв руку над Библией, я произнесла клятву, думая о том, что станет приоритетным в моей работе. Прежде всего мне хотелось укрепить связи США с мусульманским миром. Это казалось мне важнейшей задачей, стоящей перед внешней политикой страны.

Соединенные Штаты имеют долговременные интересы на Ближнем Востоке и в Южной Азии. Окончание холодной войны создало благоприятные возможности для установления партнерских отношений с новыми независимыми государствами, занимающими стратегически важное положение в Средней Азии. Неожиданная победа на президентских выборах в Иране умеренного кандидата давала надежду на размораживание отношений с этой страной. Обнадеживающими выглядели демократические изменения в таких региональных гигантах, как Нигерия и Индонезия, странах, где ислам традиционно был господствующей религией. В течение всех 90-х гг. внешнеполитические журналы публиковали материалы об «исламских экстремистах». Что же касается меня, то после каждой встречи с представителями мусульманских государств я делала в своем блокноте одну и ту же запись: «Больше знать об исламе».

Конечно, к этому времени я знала о нем уже немало. Мне было всего десять лет, когда моего отца назначили председателем комиссии ООН по Индии и Пакистану, задачей которой было определение статуса Кашмира. Несмотря на нежный возраст, я уже тогда поняла многое, и главное — то, что полуостров Индостан раздирает религиозная вражда. Лидеры Индии хотели иметь светское, многоэтническое государство. Напротив, руководители Пакистана стремились создать страну, которая бы предназначалась только для мусульман. Яблоком раздора между ними стал Кашмир. Большинство его населения — мусульмане, но индуистов там проживает тоже немало. При этом управляет регионом

Индия*. Задачей дипломатов было найти такое решение проблемы, которое бы удовлетворило обе стороны. С тех пор прошло более 60 лет. Давно уже скончался мой отец, и сама я уже немолода. Обе страны имеют ядерное оружие, а проблема так и остается нерешенной.

В юные годы я жила в Денвере, где мусульман было очень немного. У отца, работавшего в те годы в ООН, появилось немало друзей и знакомых, и некоторые из них бывали в нашем доме. Мне особенно запомнился бывший министр иностранных дел Пакистана сэра Заф-рулла Хан. Мне очень нравился этот благородный, высокоэрудированный и обаятельный человек. Однажды Зафрулла Хан пригласил меня на завтрак, и ревнивые подружки шутливо заметили, что он, как мусульманин, вполне может взять себе вторую жену, не расставаясь с первой. Мы говорили с ним о многом, в том числе и о Кашмире. Помню, как поразили меня тогда рассказы Зафруллы Хана о том, насколько трудна и опасна жизнь людей там, где уже много лет не прекращаются конфликты религиозного и националистического характера, причем каждая из враждующих сторон непоколебимо убеждена в своей правоте.

Много лет спустя, работая в госдепартаменте, я часто вспоминала сэра Зафруллу Хана, думая при этом, что не в Денвере ему бы следовало жить и работать, а в Вашингтоне. Впрочем, скорее всего, он и там оказался бы «белой вороной». Даже в 1997 г. в государственном департаменте США на руководящих постах не было ни одного мусульманина и всего лишь несколько человек занимали должности среднего уровня. Узнав об этом, я решила, что нам следует активизировать знакомства, контакты и другие формы общения с людьми, исповедующими ислам.

Мы внимательно рассмотрели все, что имело какое-то отношение к мусульманам: от заявлений претендентов на работу в системе госдепартамента до мусульманских религиозных праздников. Главные из них вместе с еврейскими и христианскими праздниками были внесены в список тех событий, по поводу которых госдепартамент устраивает официальные мероприятия. Мы начали также проводить регулярные встречи с представителями американских мусульман, приглашая их во время месяца Рамадан на обед — *ифтар*** — с участием государственного секретаря.

Кроме того, был составлен краткий справочник по исламу, ознакомиться с которым предлагалось всем, кто официально представлял Соединенные Штаты в тех странах, в которых большинство населения составляли мусульмане. В нем излагались основополагающие принципы исламской религии, но оказалось, что даже эти краткие сведения многим американцам неизвестны. Вот основные положения этого справочника:

- Мусульмане молятся тому же Богу (на арабском языке он называется Аллах), что христиане и евреи***.
- «Ислам» в буквальном переводе с арабского означает «предание себя Богу». Жизнь человека, проявляющего покорность Богу и живущего праведной жизнью, полна гармонии и смысла.
- Каждого мусульманина после смерти ждет Судный день, во время которого определяется его нравственная добродетель. Главная обязанность каждого мусульманина — это забота о нуждающихся, сиротах, вдовах и об угнетенных.
- Основным источником мусульманского вероучения — Коран, понимаемый как откровение, которое Бог через архангела Гавриила диктовал в течение двадцати лет, начиная с 610 г., жившему в Мекке купцу Мухаммеду ибн Абдалла (пророку).

* Так у автора. На самом деле часть территории Кашмира составляют индийские штаты Джамму и Кашмир, а часть находится под контролем Пакистана. — *Прим. пер.*

** *Ифтар* — разговение; обозначает прекращение после захода солнца воздержания от еды и питья, обязательного для мусульман во время святого месяца Рамадан.

*** *Иллах* на арабском означает «Бог». Аллах — сокращенный вариант слова *аль-Иллах*. Это же слово употребляется для обозначения Бога говорящими на арабском языке христианами и евреями. Такой же термин существует и в арамейском языке, на котором говорил Христос, воскликнувший на кресте: «*Эли, эли! лама сабахтани?*» — «Боже мой, Боже мой, для чего Ты оставил меня?»

- Шариат, или канонический исламский закон, основан на Коране, на преданиях о жизни и деяниях пророка, а также научных интерпретациях. Шариат диктует нормы поведения во всех областях личной, общественной и гражданской жизни.
- Учение и обрядовость ислама опираются на пять столпов, т.е. обязанностей, которые Бог предписал человеку. Они включают в себя: веру в то, что нет Бога, кроме Аллаха, а Мухаммед есть посланник его, пятикратное ежедневное совершение молитвы, милостыню в пользу бедных, пост в месяце Рамадан, пономничество в Мекку (хадж), совершаемое хотя бы единожды в жизни.
- Мусульмане считают Мухаммеда последним из пророков. Первыми были Адам и Ной, затем Авраам и Моисей и, наконец, царь Давид и Иисус из Назарета. В Коране содержится оговорка относительно того, что откровения Мухаммеда подтверждают учение ранних пророков. Мухаммед, как и Иисус Христос, не считал себя основателем новой религии. Он называл себя провозвестником, призывающим людей вернуться к истинной вере.
- Арабы ведут свое происхождение от Авраама через его сына Исаила от невольницы Хаджар (библейское имя — Агарь), точно также, как евреи считают себя потомками Исаака, сына Сары. Данное обстоятельство важно потому, что как мусульмане, так и евреи (а также христиане) верят в то, что Бог повелевал Аврааму идти в Ханаан, Землю обетованную, обещая, что их потомки поселятся на этой земле и станут избранным народом.
- Мусульмане верят в то, что Иисус был главным пророком, но не допускают возможности того, что у Бога мог быть сын. Они согласны с тем, что Иисуса родила девственница и что он вознесся на небеса, но не верят в то, что он был распят на кресте, а затем воскрес.
- Согласно мусульманским преданиям, первый алтарь в честь Бога был воздвигнут в Мекке Адамом, а позднее перестроен Авраамом и Исаилом. Мечети в Медине и Мекке, двух городах, где жил Мухаммед, считаются наиболее святыми местами. Третье — самое святое место — мечеть Аль-Акса. Она построена на том месте, которое в действительности или во сне посетил пророк Мухаммед, где он молился вместе с Иисусом и другими пророками, а затем вознесся на седьмое небо в сопровождении Гавриила.
- Коран говорит об особом статусе евреев и христиан, живущих в регионах, управляемых мусульманами. Он предусматривает защиту их собственности, законов, религиозных обычаев и мест совершения обрядов. В течение большей части второго тысячелетия исламское сообщество проявляло большую гибкость по отношению к представителям других религий, чем христианская Европа. Хотя жившие в мусульманских странах христиане и евреи могли свободно исповедовать свою веру, в политическом плане они находились в подчиненном по отношению к мусульманам положении.
- Исламская концепция джихада часто упрощенно приравнивается даже самими мусульманами к священной войне. Правильный перевод слова «джихад» — «усилие» или «борьба за веру». Для большинства мусульман «большой джихад», или «джихад сердца», означает попытку индивидуума сохранить добродетель или борьбу с собственными недостатками. «Малый джихад», или «джихад меча», означает защиту ислама от тех, кто на него нападает, или, другими словами, борьбу с неверными.
- Мусульмане различают войны справедливые и несправедливые. Справедливыми считаются войны во имя Аллаха, оборонительные и против тирании. Недопустимы войны, ведущиеся ради любых других целей, например для завоевания чужих территорий. Существуют определенные правила ведения войны. Так, нельзя нападать на тех, кто не участвует в боевых действиях. Не разрешается жестокое обращение с военнопленными. По словам Халеда Абу аль-Фадла, живущего в Америке эксперта по исламскому законодательству,

исламские юристы «настаивают на том, что, даже если враги пытаются и убивают мусульманских заложников, мусульманам запрещено делать то же самое»².

- Ислам запрещает самоубийство. В то же время самопожертвование ради Аллаха считается мученичеством, обеспечивающим место в раю.
- Хотя ислам зародился на Аравийском полуострове, сегодня только каждый пятый мусульманин — араб (и каждый из пяти арабов — немусульманин). Наибольшее число мусульман проживает в Азии.
- Мусульманин обязан помочь другому мусульманину, особенно тому, кто страдает или угнетен.

Исламские традиции запрещают любое изображение Мухаммеда, будь то простой рисунок или произведение искусства, а также в самой мечети. Однако сохранилось описание внешности Мухаммеда, сделанное при его жизни. Согласно свидетельствам современников, Мухаммед не отличался плотным телосложением и был человеком среднего роста, с черными глазами на бледном лице, с длинными волосами и густой, лежащей на груди бородой. Его родной город Мекка считался в те годы крупным торговым центром, стоявшим на перекрестке караванных путей. Ежегодно тысячи паломников приходили туда, чтобы совершить молебен и принести жертву многочисленным племенным богам. Местные торговцы неплохо наживались, поставляя паломникам провизию, живность и другие товары, необходимые для жертвоприношения. Поскольку Мухаммед призывал к строжайшему единобожию и распространение его учения грозило местным купцам потерей доходов, местные власти составили заговор с целью убийства пророка. Едва избежав смерти, Мухаммед бежал в ближайший соседний город Медину, где быстро завоевал репутацию политического и духовного лидера. Собрав вокруг себя многочисленных сторонников, он с триумфом вернулся в Мекку и уничтожил всех языческих идолов в местном святилище, посвятив его единственному богу Аллаху. Некоторое время спустя его власть установилась на всей территории Аравийского полуострова.

Вскоре после своего возвращения шестидесятилетний Мухаммед удалился на гору Мориа (Храмовую гору), расположенную в долине Арафат к востоку от Мекки, где отслужил прощальную службу. В ней он предупреждал своих соплеменников: «...не навреди никому, тогда и никто не навредит тебе. Помни, что предстоит тебе лицезреть Владыку и придется держать ответ за дела твои»³.

Желая создать благоприятные условия для распространения ислама по всему миру, Мухаммед подчеркивал недопустимость проявления расового неравенства: «Нет у араба преимуществ перед неарабом, — говорил пророк, — точно так же как его нет у неараба над арабом. И белый человек тоже ни в чем не выше черного, а черный во всем равен белому. Нет ни у одного человека преимущества над другим, кроме как через благочестие и добрые дела»^{**}.

Как и другие монотеистические религии, ислам позволяет давать самые различные толкования его основных положений; точно так же очень по-разному можно осуществлять и их практическую реализацию. Благодаря влиянию многочисленных этнических и национальных факторов, существованию различий во взглядах ученых-богословов, а также деятельности отдельных сект ислам отличается необыкновенным богатством мысли. Вследствие этого любое обобщенное представление о нем оказывается верным лишь частично.

Многие из существующих в мусульманском обществе требований определяются не столько религиозным учением, сколько культурными традициями этого общества. Так, например, широко распространен обычай, согласно которому арабской женщине предписывается выходить на люди только в одеянии, полностью закрывающем ее фигуру.

* Найти данную цитату в Коране не удалось. Перевод сделан на основе принятой в Коране терминологии и выдержан в его стиле. — *Прим. пер.*

** Цит. по книге: *Священный Коран, сура (глава) 2, аят (стих) 22*, — Лондон, 1987, с. 35-36.

Мужчины также должны одеваться предельно скромно. В то же время вопреки распространенному мнению большинство мусульманских женщин никогда не носят паранджу.

Коран действительно содержит ряд положений (например, о полигамии, разводе и наследственном праве), ограничивающих женщину в правах. Однако все они носят менее дискриминационный характер, чем существующие в арабском обществе традиции. Так, Мухаммед говорил своим последователям, что «в отношении справедливости они (женщины) имеют одинаковые права с ними (мужчинами)»⁴.

Вот что пишет обо всем этом королева Иордании Нур: «Мало кто на Западе отдает себе отчет в том, что еще в VII в. ислам предоставил женщине такие политические, юридические и социальные права, о которых в ту пору в Европе и не слышали. Больше того, даже в XX в. женщины США и многих других стран все еще борются за некоторые из тех прав, которые предоставлены мусульманкам в соответствии с Кораном. Уже в самом начале своего существования ислам провозгласил ряд совершенно новых для той эпохи прав, такие как равные права мужчины и женщины на образование, право женщины иметь и наследовать имущество, вести бизнес, запрет на принудительное замужество и, наконец, равенство мужчины и женщины перед Богом. И это в то время, когда весь остальной мир считал женщину одушевленным имуществом»⁵.

В Коране нет ничего, что могло бы быть интерпретировано как запрет на участие женщин в голосовании и на публичное общение с мужчинами, на вождение автомобиля и работу вне дома (первая жена пророка, Хадиджа, успешно занималась бизнесом). Целый ряд стран, такие как Индонезия, Индия, Пакистан, Бангладеш и Турция, значительную часть населения которых составляют мусульмане, в разное время имели правительство, возглавляемое женщинами. Ни одна из арабских стран и даже Соединенные Штаты не могут похвастать подобным равноправием полов.

После смерти в 632 г. Мухаммеда в рядах последователей ислама начались распри. Борьба между кандидатами на пост преемника расколола ислам на два лагеря. Большая часть исламистов, которые позднее образовали основное течение в исламе и стали называться суннитами, поддержала отца любимой жены Мухаммеда — халифа Абу Бакра. Другая часть приверженцев ислама, из которых впоследствии образовалось второе по значению течение — течение шиитов, выступила на стороне зятя Мухаммеда, праведного халифа Али ибн Абу Талиба.

Еще и сегодня произошедший почти 1400 лет тому назад раскол продолжает оказывать влияние на региональную и мировую политику. В большей части регионов с мусульманским населением большинство составляют сунниты. Однако в таких странах, как Иран, Ирак, Бахрейн и Ливан, преобладают шииты, которые весьма влиятельны также в Сирии, Азербайджане и Южной Азии. Этот раскол — не просто облеченное в деликатную форму расхождение во мнениях. Шиитское меньшинство, проживающее в странах с преобладающим суннитским населением, часто и весьма обоснованно жалуется на нетерпимость и дискриминацию. Для суннитов экстремистского толка шииты — вообще не мусульмане.

Второй раскол в среде мусульман произошел между реформаторами и консерваторами, затронув как шиитов, так и суннитов. Реформаторы, оставаясь в рамках традиционного ислама, в то же время пытаются примирить основные положения вероисповедания с сегодняшними реалиями. Им гораздо проще находить общий язык с гражданскими правительствами, они лучше понимают значение образования и больше его ценят, в том числе изучение таких наук, как математика, история, иностранные языки. Для них характерно более либеральное отношение к женщине. Они легче воспринимают демократические институты. В отличие от реформаторов консерваторы настаивают на жестком контроле во всем, что касается семьи, выступают за разделение полов и против заимствования иностранных обычаев.

В течение длительного времени Саудовская Аравия оставалась центром консервативного крыла суннитов, чему способствовало сильное влияние среди его жителей возникшего в XVIII в. движения ваххабитов. Революция 1979 г. в Иране означала

пик влияния консервативного шиизма. После того как всколыхнувшиеся страсти несколько улеглись, Иран стал таким, каким он остается еще и сегодня: ареной сражения между консерваторами и реформаторами.

Все мусульмане согласны с тем, что в Коране изложены откровения Бога. Расходятся они в том, как следует понимать и выполнять указания, содержащиеся в отдельных *сурах* и *айатах**. По мере распространения ислама в Византии, Персидской империи, Испании, Северной Африке, Турции, Индии, Средней Азии и других регионах возникла необходимость в такой интерпретации и применении основных предписаний ислама, которые бы учитывали местные национальные и другие особенности. Выполняя эту миссию, мусульманские богословы в течение нескольких веков толковали Коран, используя метод *иджтихада***.

Распространению ислама по всему миру способствовала как простота и общедоступность его основных положений, так и начавшийся в тот период упадок христианской и других религий. Например, ислам не требует от своих последователей глубокого понимания таких сложных положений богословия, как Троица. Единственное, что входит в обязанности каждого мусульманина, это полная покорность Богу, с которым он может общаться напрямую, без каких-либо посредников. По словам одного историка, «людям, живущим в мире неопределенности, предательства и нетерпимости, ислам широко распахнул дверь в совершенно иной мир, мир братства и взаимного доверия, дверь в рай... в котором царят равенство и братство, в котором они могут наслаждаться простыми и понятными радостями»⁶.

К концу первого тысячелетия столицей мусульманского мира стал Багдад, который превратился в крупнейший центр образования, науки и культуры. Именно там мусульмане вместе с христианами и иудеями переводили и изучали лучшие работы великих ученых и писателей Древнего Китая, Индии, Египта, Израиля, Греции и Рима. В то время как в христианских странах медицина находилась под запретом, арабы уже использовали анестезию и умели делать сложнейшие операции. Мусульманские ученые разработали используемую до сих пор систему цифр, изобрели маятник, алгебру и тригонометрию. Заимствовав у китайцев умение изготавливать бумагу, они начали вести служебную документацию, писать книги по самым различным дисциплинам, создали первую в мире систему международного банковского дела. Это был золотой век ислама, вполне современного и прогрессивного для того времени учения, готового воспринять все новое и полезное.

Почему же сегодня репутация ислама стала совершенно иной? В XIII в. на Ближний Восток вторглись страшные монгольские орды, завоевавшие Багдад и большую часть исламской империи. Однако удержать завоеванные ими земли они не смогли и через некоторое время были вытеснены из Ближнего Востока турками. В Османской империи стремление к творческой интерпретации Корана постепенно сошло на нет. Чтобы справляться с управлением огромным государством, султанам требовалось только одно: полное подчинение подданных и соблюдение ими исламских традиций.

В наши дни большинство мусульман согласны с тем, что даже основным положениям ислама можно давать новое истолкование⁷. Яростные споры вызывает другой вопрос: как далеко позволительно заходить в разъяснении смысла тех или иных положений? Некоторые богословы призывают возродить метод *иджтихада*, прежде всего применительно ко всему тому, что относится к роли женщины, участию в глобальной экономике, отношениям с немусульманами и определению того, каким должно быть мусульманское государство⁸. Хотя многие из реформаторов весьма критически относятся к Западу, тем не менее консерваторы нередко обвиняют их в том, что, действуя в интересах западных держав, они выхолащивают и даже разрушают подлинный дух ислама. Поскольку у

* Всего в Коране 114 глав, или сур, каждая из которых состоит из «стихов»-айатов. В общей сложности в Книге насчитывается от 6204 до 6232 айатов: разница в подсчетах вызвана тем, что существуют различия в разбивке текста на стихи. — *Прим. пер.*

** *Иджтихад* — опора на собственное мнение в толковании правового вопроса. — *Прим. пер.*

суннитов отсутствует церковная иерархия, часто раздающиеся голословные утверждения о богохульстве порождают споры, которые редко находят свое разрешение.

Кровавые сражения с мусульманами в период Средневековья оставили глубокий след в памяти христианской Европы. Устоявшееся на старом континенте подозрительное отношение к исламу передалось Новому Свету. Большинству американцев он кажется чуждым, в какой-то степени мистическим вероисповеданием, не укладывающимся в рамки иудейских и христианских традиций. В 60-е гг. в Соединенных Штатах действовала организация «Исламская нация», которая своими претензиями на роль лидера и злой сепаратистской риторикой приобрела дурную славу.

Многие американцы были шокированы, когда такие прославленные спортсмены, как Кассиус Клей (Мухаммед Али) и Льюис Алкинлор (Карим Абдул-Джаббар), которыми все восхищались и которых любили, внезапно перешли в исламскую веру и, демонстративно отказавшись от «рабских имен», взяли себе другие, чисто африканские или исламские. Всеобщее замешательство породило вызывающее высказывание Мухаммеда Али: «Я тоже Америка, — заявил он. — Я та ее часть, которую вы отказываетесь признавать. Но вам придется привыкнуть ко мне. Да, я черный, самоуверенный и дерзкий. У меня собственное имя, и оно не такое, какое дается при рождении белым американцам. У меня своя религия, и это не та религия, которую исповедуете вы. У меня свои собственные цели в жизни, и они только мои. И вам придется привыкнуть ко мне такому, каков я есть»⁹.

На международном уровне беспокойство относительно ислама периодически усиливалось то в связи с нефтяным эмбарго, то с враждебными проповедями иранских аятолл, то, наконец, с актами террора. Тем не менее все это не мешает Соединенным Штатам иметь самые дружеские отношения с большинством мусульманских стран. С самого начала в своей внешней политике США исходили из категорического отрицания самой возможности враждебных отношений между различными культурами.

Во время первого срока своего пребывания на посту президента Билл Клинтон, выступая в парламенте Иордании, в частности, заявил: «Некоторые настаивают на том, что между Соединенными Штатами и странами Ближнего Востока якобы существуют непреодолимые препятствия религиозного и не только религиозного характера. Утверждается, что наши убеждения и культуры неизбежно сойдутся в схватке. Я не могу согласиться с подобными утверждениями. С точки зрения Америки, нет никаких объективных причин для того, чтобы наши цивилизации вступили в противоречия»¹⁰.

Администрация Клинтона неоднократно подчеркивала данный тезис, поскольку все мы очень хотим, чтобы арабы и мусульмане в целом реально подходили к будущему и не смотрели на мир как на арену религиозного соперничества. Хотелось бы надеяться, что и американцы также преодолеют устаревшие предрассудки относительно ислама. Мы совершенно искренне считаем терроризм аномальным отклонением от правильного пути. Как подлинное христианство не имеет ничего общего с фанатизмом ку-клукс-клана, точно также терроризм нельзя считать порождением ислама. Нельзя огульно очернить миллиард триста миллионов мусульман только за то, что какая-то крошечная кучка их единоверцев совершает преступления. В Коране четко сказано, что нельзя лишать жизни хотя бы одного невинного. Его убийство даже приравнивается к убийству всего человечества.

Тем не менее находят люди, изображающие ислам как «безнравственную» и «порочную» религию, называя пророка Мухаммеда «террористом»*. Некоторые критики выхватывают из Корана отрывки, в которых верующих убеждают использовать силу в борьбе с врагами ислама. Эти же положения святой Книги используют экстремисты в

* Террористом обозвал Мухаммеда преподобный Джерри Фолуэлл, а ярлык «безнравственности» и «порочности» приклеил исламу преподобный Франклин Грэхем. Позднее он добавил: «Я с уважением отношусь к людям исламской веры, живущим в нашей стране. У меня есть друзья мусульмане. Но при этом мне все время хочется им чем-то помочь. Разумеется, я верую иначе, чем они, и мусульмане тоже веруют не так, как я. Неужели из-за этого они должны мне не нравиться? Напротив, я очень их всех люблю и хотел бы всем им помочь... Мне хотелось бы, чтобы они узнали как можно больше о Сыне Божьем Иисусе Христе, чтобы мусульмане знали все то, что знают христиане. При этом я никогда не буду навязывать им эти знания».

качестве оправдания своих действий. При этом почему-то именно их голоса звучат громче других. Но отдельные фразы, которые можно расценить как подстрекательские, имеются не только в Коране, но также и в иудейской Библии, которую христиане называют Ветхим Заветом.

Книга Джошуа (библейский термин, обозначающий Христа) и Книга Судей (седьмая книга Ветхого Завета) содержат целый каталог священных войн, а Второзаконие вообще призывает к геноциду во имя Господа Бога*. В Новом Завете Христос предупреждает: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч»¹¹. Что же касается Книги Апокалипсиса, то ее можно назвать как угодно, только не миролюбивой.

Коран создавался в течение немногим более двадцати лет, иудейская Библия — столетиями. Новый Завет собирался около ста лет, и все это время шли споры о том, что в него включать, а что нет. В каждой священной книге можно найти несовместимые противоречия, частое перепрыгивание с одного предмета на другой, непоследовательность в тональности. Поэтому ни в коем случае нельзя вырывать отдельные цитаты, превращая их в догму. В каждом религиозном тексте, будь он священным для христиан, мусульман или иудеев, имеются прямые или косвенные указания, санкционирующие нетерпимость или освящающие войны. Чтобы правильно понять смысл содержащихся в них положений, надо читать и изучать их от начала до конца, учитывая при этом специфику места и времени описанных в них событий. Именно этим занимается уже не одно поколение богословов, которые привлекают внимание читателей к главным мыслям произведения и его основополагающим тезисам, разъясняют их суть, объясняют кажущиеся противоречия, уточняют неточности, допущенные при переводе, и раскрывают значение отдельных малопонятных фраз.

Из моего собственного опыта я прекрасно знаю, что ответственные за американскую внешнюю политику деятели стремятся к такой интерпретации религиозных доктрин, которая свела бы к минимуму опасность возникновения международных конфликтов. Скорее всего, их старания напрасны. Два обстоятельства вызывают особую тревогу. Во-первых, то, что некоторые сионисты экстремистского толка, поддержанные многими христианами, берут на себя смелость утверждать, будто Бог, даруя израильтянам землю, одновременно разрешил им игнорировать права палестинцев. Сравните это с теми разделами Корана, в которых содержится призыв к верующим сражаться за возвращение потерянных земель. Как пишет Халед аль-Фадль, «согласно утверждениям некоторых юристов, любая территория, которая когда-либо находилась под управлением мусульман, навечно остается обителью ислама»¹².

Слепое следование таким доктринам, как эта, при игнорировании взглядов и интересов людей других вероисповеданий может привести только к одному результату — кровопролитию. История знает не слишком много событий, которые могли бы служить эмоциональной прокладкой между основными религиями, своеобразной подушкой, которая смягчала бы напряженность как внутри отдельных регионов, так и между ними. Совсем не трудно увлечь за собой группу экстремистски настроенных людей, заставить поверить в существование угрозы их вероисповеданию и убедить в том, что они обязаны любыми доступными средствами защитить свои святыни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Internet Medieval Source Book, Paul Halshall, Fordham University, 1996.

² Chaled Abou el Fadl, "Conflict Resolution as a Normative Value in Islamic Law," in

* Exemligratia, Второзаконие 20:16-17: «А в городах сих народов, которых Господь, Бог твой, дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души; но предай их заклятию: Хеттеев, и Аморреев, и Хананнеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь, Бог твой». Цит. по каноническому изданию: Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Книги Ветхого Завета, Пятая книга Моисеева. Второзаконие, глава 20, стих 16-17. — М., 1989, с. 212.

Douglas Johnson, ed., *Faith-Based Diplomacy: Trumping Realpolitik*, Oxford University Press, New York, 2003, 192.

³ Prophet Muhammad, cited in Susan Tyler Hitchcock with John L. Esposito, *National Geographic Geography of Religion*, National Geographic, Washington, D.C., 2004, 346.

⁴ Ibid.

⁵ Queen Noor, "Security through Dialogue," in Akbar Ahmed and Brian Forst, eds., *After Terror: Promoting Dialogue among Civilizations*, Polity, Maiden, Mass., 2005, 122.

⁶ H. G. Wells, *The Outline of History*, Garden City Publishing, Garden City, N.Y., 1920, 581.

⁷ "Itjihad: Reinterpreting Islamic Principles for the Twenty-first Century," United States Institute of Peace, Special Report 125, August 2004.

⁸ "Revisiting the Arab Street: Research from Within," Center for Strategic Studies, University of Jordan, February 2005, 52.

⁹ This quotation is widely attributed to Ali, including on websites maintained by Wikipedia, Brainyquote, and Infoplease.

¹⁰ President William J. Clinton, address to the parliament of Jordan, October 26, 1994.

¹¹ Matthew 10:34. Цит. по каноническому изданию: Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Книги Нового Завета: От Матфея Святое благовествование, глава 10, стих 34. — М., 1989, с. 11.

¹² Khaled Abou el Fadl, *op. cit.*, 194.

Глава 9

Святая земля. Так чья же она?

Второе ноября 1917 г. ознаменовало начало новой эры на Ближнем Востоке. Многие давно ждали этого дня и молились, чтобы он поскорее пришел. Другие боялись его и тоже молились, но уже о том, чтобы он никогда не настал. В этот день была опубликована декларация Артура Бальфура, министра иностранных дел Великобритании, в которой говорилось:

«Правительство Его Величества милостиво объявляет о создании еврейского "национального очага" в Палестине. Мы приложим все силы, чтобы облегчить достижение поставленной цели. Совершенно очевидно, что ни в коем случае не могут быть ущемлены религиозные и гражданские права арабского и другого населения, проживающего на данный момент в Палестине»¹.

После Первой мировой войны Лига Наций предоставила Великобритании мандат на управление Палестиной. Впервые после завоевания в XII в. Святой земли Саладином власть ушла из рук мусульман. Декларация Бальфура провозгласила официальной политикой Запада поддержку и защиту еврейской иммиграции, объявив ее законной. В течение многих лет сионистские организации при поддержке влиятельных христиан лоббировали принятие такого решения.

В 1891 г. президенту Бенджамину Гаррисону и лидерам других ведущих держав была направлена петиция под названием Меморандум Блэкстоуна* (*Blackstone Memorial*), в которой предлагалось созвать международную конференцию, которая объявила бы о создании еврейского государства. Среди подписавших меморандум были сотни известнейших американцев, в том числе такие, как председатель Верховного суда США, спикер палаты представителей, Джон Рокфеллер и Джон Морган. Его авторы указывали, что главные мировые державы уже «вырвали из-под турецкого гнета» и «вернули ее полноправным хозяевам» такие страны, как Болгария, Сербия, Румыния, Черногория и Греция. Почему же теперь не отдать Палестину евреям, спрашивали они. «Ведь именно им Бог отдал эти земли, когда распределял территории».

Основную головную боль вот уже нескольких поколений дипломатов составляет то, что ни Меморандум Блэкстоуна, ни Декларация Бальфура не ответили на главный вопрос: как создать еврейское государство, чтобы при этом «не были ущемлены религиозные и гражданские права арабского и другого населения, проживающего на данный момент в Палестине». Что касается Бальфура, то он вообще не считал эту проблему сколько-нибудь значимой. «Сионизм, — говорил он, — имеет глубоко укоренившиеся традиции. Для сегодняшнего дня, для наших надежд на будущее эти традиции имеют гораздо большее значение, чем желания и предрассудки тех 700 тысяч арабов, которые живут сейчас на древней земле»². Один из его коллег-дипломатов осторожно предупредил министра, чтобы тот «бога ради не говорил мусульманину, что он должен думать на этот счет»³. Бальфур резко ответил: «Я абсолютно не понимаю, почему Небеса или кто-то еще должны возражать против нашего желания сказать мусульманину, что он должен думать».

В годы, предшествующие Второй мировой войне, Соединенные Штаты постепенно начали играть ведущую роль в мировой политике, вытесняя с этой позиции Великобританию. Желая обеспечить послевоенную стабильность на Ближнем Востоке, Франклин Рузвельт тайно встретился на американском военном корабле, стоявшем на якоре в зоне Суэцкого канала, с королем Саудовской Аравии. Президент попытался убедить Ибн Сауда поддержать претензии евреев на Палестину. Наибольшее впечатление на короля произвела инвалидная коляска, к которой был прикован Рузвельт. В то же время

* Меморандум был принят на проходившей в Чикаго конференции христианских и еврейских организаций, созванной по инициативе бизнесмена и евангелистского священника-любителя (непрофессионала) Уильяма Блэкстоуна, называвшего себя «мальчиком на посылках у Господа Бога». Блэкстоун был также автором популярной брошюры «Иисус приходит», в которой он описывает возвращение евреев в Израиль как событие, предшествующее второму пришествию Христа.

его совершенно не тронули американские аргументы в пользу создания еврейского государства. «Пусть расплачивается за свои деяния враг и угнетатель, — философски заметил король. — Убытки должен возмещать преступник, а не случайный прохожий. Разве арабы нанесли какой-нибудь ущерб евреям, живущим в европейских странах? Это немцы-христиане убивали иудеев и грабили их дома»⁴.

Разочарованный полученным отпором Рузвельт обещал королю «не предпринимать никаких действий в рамках палестинского мандата без предварительной консультации с арабами»⁵. На прощание он подарил Ибн Сауду кресло-коляску. Два месяца спустя президент скончался.

Во время каждой моей поездки на Ближний Восток лидеры арабских стран нередко напоминают мне о данном президентом США обещании, которое никогда не выполнялось. По крайней мере частично они правы. Хотя государственный департамент регулярно консультировался с арабами относительно эмиграции евреев из Европы в Палестину, однако ни разу стороны не пришли к согласию. Арабы настаивали на прекращении эмиграции. Президент Трумэн считал своим моральным долгом поддержать народ, ставший жертвой холокоста. В мае 1948 г. истек официальный срок мандата, выданного Великобритании на управление Палестиной, после чего Израиль провозгласил себя суверенным государством. Соединенные Штаты были первыми, кто официально признал Израиль. Недовольные арабы пожаловались на то, что с ними даже не посоветовались. Трумэн логично указал, что такой исход событий никак нельзя считать неожиданным.

В ответ на провозглашение Израилем своей государственности армии арабских стран начали военные действия. Очень скоро сотни тысяч палестинцев, спасаясь от пуль и снарядов, были вынуждены бежать из своих домов. Многие из них поселились во временных лагерях для беженцев, построенных на территории Иордании и Ливана. Некоторые живут там до сих пор. В 1967 г. разразилась вторая арабо-израильская война, длившаяся всего лишь шесть дней. Преследуя арабские войска на всех фронтах, израильская армия значительно расширила территорию, находящуюся под контролем Израиля. Как только известие о полной победе достигло столицы, лидер консервативной партии «Херут» Менахем Бегин поехал туда, где когда-то стоял храм царя Соломона. Впервые с древних времен эта священная земля снова была в руках евреев. Вместе с другими лидерами страны Бегин вознес молитву Богу, заявив при этом:

«В нашей отчизне выросло новое поколение... воинов и героев. Бросившись на врага, они исторгли из своих сердец призыв, звучавший из поколения в поколение, призыв, ниспосланный нам нашим Пророком, избавителем от египетского рабства, воскликнувшим: "Восстань, о Господь, Бог наш, и победи врагов твоих и обрати их, ненавидящих тебя, в бегство". И мы восстали и победили, и бегут они от нас»⁶.

В молитве Бегина отразились глубочайшие чаяния народа, который почти две тысячи лет страдал в изгнании, объединенный исключительно своими традициями, верой и мечтой когда-нибудь вернуться на историческую родину. В ней звучал триумф, точно также как до Бегина триумфально праздновали в Иерусалиме свою победу вавилонские, греческие, сирийские, римские, мусульманские и христианские завоеватели. Но для того чтобы одни могли испытать такой триумф, другие должны были потерпеть поражение. В результате войны 1967 г. израильтяне установили контроль над территориями, которые долгое время были заняты арабами, аннексировав в том числе принадлежавший им Восточный Иерусалим. В большинстве случаев, и особенно на Ближнем Востоке, потеряв земли, люди немедленно начинают строить планы их возвращения.

Впервые я посетила Иерусалим в середине 80-х гг. Из окна гостиницы мне открылась волнующая, быть может, самая драматическая в мире картина: окруженная стенами Старого города величественная Мечеть Скалы, самое священное место на Святой земле. Некоторое время спустя в сравнительно спокойный период истории Израиля здесь

начнется первая интифада — восстание палестинцев. Ошеломленная доносившимся шумом и ярким светом, я смотрела на открывавшуюся передо мной картину, и меня переполняли эмоции. Нельзя было не думать о том, что именно здесь, на этих узких улочках, в величественных оливковых рощах и на окружающих их холмах происходили наиболее значимые события мировой истории.

Считается, что храм Гроба Господня, восстановленный 900 лет назад крестоносцами, был впервые построен на том самом месте, где тело Христа сняли с креста. Я приложила руку к тому месту, где, как мне сказали, стоял крест. Дрожь волнения охватила меня, хотя в то же время велико было искушение спросить, а может ли кто-нибудь точно указать это место. К сожалению, впечатление подпортила рассказанная мне история разногласий, раздирающих храм с первых дней его существования. Весь он разделен на шесть частей, контролируемых греческой, францисканской, армянской, коптской, эфиопской и сирийской церквями, а ключ от главного входа остается в руках мусульман, которым христиане доверяют больше, чем братьям по вере*.

Неподалеку от храма Гроба Господня есть место, где когда-то царь Соломон построил храм и где тысячелетия спустя вознес свою молитву Бегин. Храм Соломона был впервые восстановлен после изгнания евреев в Вавилон, а потом еще раз царем Иродом. Храм снова был разрушен в I в. римлянами, которые, сровняв с землей весь город, оставили нетронутыми лишь внешние стены и западную часть храма. Его сохранившиеся руины считаются священными для каждого иудея. Я наблюдала, как бородатые мужчины с покрытыми головами и молитвенным платком на плечах пели перед остатками храмовой стены псалмы и оставляли между ее камнями записки на клочках бумаги. Соблюдающие религиозные обряды евреи ежедневно молятся за «восстановление Храма на Сионе»**. Многие положения еврейских законов посвящены жертвоприношениям, которые столетиями совершались в этом храме. Среди прочих хранившихся в нем сокровищ был покрытый золотом сундук, содержащий десять заповедей, которые, как считается, олицетворяют обещание, данное Богом Израилю, а именно Ковчег завета***.

От Западной стены, или «Стены Плача», дорога ведет к расположенным на 35 акрах садам, фонтанам и жилым строениям. Евреи называют это место Храмовой горой, а мусульмане — «Харам аль-Ша-риф», или «благородное святилище». Уставшая от городского шума, я наслаждалась встретившей меня тишиной и покоем****. Успокаивающе действовало и журчание воды, в которой молящиеся омывали руки и лицо. Внутри мечети Аль-Акса, украшенной арками и колоннами, было прохладно и светло. Харам аль-Шариф был построен арабами в конце XVII в. Его сооружение служит напоминанием о ночном путешествии Мухаммеда из Мекки в Иерусалим («аль-акса» переводится с арабского как «самый отдаленный»).

Согласно мусульманским преданиям, Мухаммед начал свое вознесение на небеса с камня, лежащего сейчас под золотым куполом. В свою очередь, еврейские предания гласят, что Бог положил этот камень в основание созданных им небес и земли. По другим преданиям, камень служил алтарем, на котором Авраам собирался принести в жертву Богу своего сына Исаака. Наконец, есть еще один вариант, согласно которому Иаков, отдыхая на этом камне, увидел во сне лестницу на небеса. Как это ни трагично звучит, но Святая

* Последняя такая ссора между монахами греческой православной церкви и францисканцами произошла в сентябре 2004 г. Снятый на видеокамеру фильм показывает, как участники драки пинают и бьют друг друга.

** Высказывание из сборника молитв Амида. Верующие, находящиеся за пределами Израиля, произносят эти молитвы, обратившись лицом к Израилю. Те, кто в момент моления пребывают в Израиле, а не в Иерусалиме, молятся, встав лицом к Иерусалиму. Наконец, если верующие находятся в самом Иерусалиме, они произносят молитвы, обратившись к Стене Плача. (Амида — основная молитва сефардов, относящихся к субэтнической группе евреев и пользующихся языком ладино, близким к испанскому. — *Прим. пер.*)

*** Ковчег был потерян, украден, а может быть, спрятан, когда в 587 г. до нашей эры Вавилон завоевал Иерусалим. До сих пор он так и не был найден, хотя в финальных сценах фильма «В поисках утраченного ковчега» утверждается обратное.

**** Харам аль-Шариф — одно из главных святых мест ислама, заповедная территория в Иерусалиме, откуда пророк Мухаммед был вознесен на небеса, где лицезрел Аллаха. — *Прим. пер.*

земля всегда была предметом раздора.

Во время Крестовых походов торжествующие крестоносцы воздвигли над куполом крест, используя камень как опору для алтаря. При этом они закрыли надписи из Корана латинскими текстами, а саму мечеть Аль-Акса превратили в свой военный штаб. В наши дни главный муфтий Иерусалима претендует на то, чтобы считать Храмовую гору и все находящиеся на ней строения, включая Стену Плача, святыми местами исключительно мусульман. Группы ярых иудейских ортодоксов, в свою очередь, хотели бы восстановить храм Соломона, а все мусульманские святыни перенести в другое место.

Обычно на переговоры о границах дипломаты приходят вооруженные картами и компромиссными предложениями. На Ближнем Востоке этого недостаточно. Израильцы и палестинцы больше, чем кто бы то ни было, придают значение проблемам, касающимся экономики и безопасности. Точно так же они всегда яростно отстаивают свои интересы по вопросам водоснабжения, транспортных путей и контроля над воздушным пространством. Идя на взаимные уступки, по всем этим вопросам вполне можно договориться. Однако любые переговоры немедленно заходят в тупик, как только стороны начинают доказывать правоту своих позиций не на основе человеческих законов и прецедентов, а ссылаясь на обещания, которые дал им сам Господь Бог.

Теперь, в начале 2006 г., когда я пишу эту книгу, надежды на заключение мира на Ближнем Востоке слабы как никогда. Раскол наблюдается не только между противоборствующими сторонами, но и внутри самих палестинцев. Израильцы пришли к выводу, что сейчас в палестинском лагере нет никого, с кем они могли бы обсуждать наболевшие проблемы. Оглядываясь на состоявшиеся в 90-е гг. переговоры на высшем уровне, многие считают их ошибкой. Теперь говорят, что было наивным поверить Ясеру Арафату и Организации освобождения Палестины, будто они искренне готовы признать право Израиля на существование.

Как мне кажется, причины создавшегося положения гораздо сложнее. Чтобы понять, какие возможности сулит нам будущее, надо прежде всего разобраться в том, что именно завело израильцев и палестинцев в нынешний тупик. В течение всего 2000 г., последнего года президентства Клинтона, специальный представитель на Ближнем Востоке Деннис Росс и я вместе с представителями Израиля и Палестины настойчиво пытались найти решение, которое позволило бы преодолеть преграды на пути к мирному урегулированию.

Из всех этих препятствий самым сложным оказался вопрос о статусе Иерусалима. Палестинцы твердо стояли на том, что город, который все они называют *Аль-Кудс* — «святой», — должен быть столицей их государства. Они требовали также полного суверенитета над «благородным святилищем». Нами было рассмотрено множество самых разных вариантов, касающихся юрисдикции и управления этими территориями, в том числе весьма необычных и оригинальных. Мы даже предложили установить над святыми местами «божественный суверенитет».

В поисках вдохновения и свежих идей Клинтон нашел время засесть за изучение Корана и Торы. В конце концов он предложил, что «все, что в городе арабское, должно принадлежать арабам, а то, что еврейское, — Израилю». Это означало, что над «благородным святилищем» и арабскими кварталами будет установлен суверенитет Палестины, а над остальной частью города, включая Стену Плача, — суверенитет Израиля. Премьер-министр Израиля Эхуд Барак принял это предложение, согласившись пересмотреть прежние границы раздела города. Ранее все руководители страны, включая самого Барака, клялись никогда этого не делать. Он согласился также с тем, чтобы 97% Западного берега реки Иордан, сектор Газа и Восточный Иерусалим вошли в состав Палестинского государства.

Разумеется, мы были не первыми, кто пытался найти возможный вариант мирного решения проблемы Иерусалима. Еще в 1192 г. Саладин и Ричард Львиное Сердце, чьи армии изнемогали от бесконечных сражений и больших потерь, вступили в переговоры с целью покончить с третьим Крестовым походом. Предложенные Ричардом условия были удивительно похожи на те, которые выдвигались нами, с той разницей, что вместо евреев

речь тогда шла о христианах. Согласно плану Ричарда мусульмане получали контроль над Мечетью Скалы и мечетью Аль-Акса. Христианам отходили их святые места. Весь остальной Иерусалим и окрестности тоже предлагалось поделить. Во время состоявшегося обмена письмами оба вождя подчеркнули значение святого города. «Для нас Иерусалим — место поклонения и молитв. Мы не можем отказаться от него, даже если в живых останется лишь один из нас»⁷, — писал Ричард. На что Саладин ответил: «Для нас Иерусалим... еще более святое место, чем для вас. Именно сюда пришел ночью пророк Мухаммед. Сюда придут в Судный день все мусульмане. Даже не думай, что в вопросе о Иерусалиме мы проявим нерешительность или откажемся от своих прав». В конечном счете из-за политических интриг, военных неудач и взаимного вероломства переговоры закончились ничем. Ричард отступил, и Иерусалим остался доступным только для пилигримов.

Восемьсот лет спустя наши переговоры также не дали никаких результатов. Если Барак проявил известную гибкость, то Арафат продемонстрировал упрямство, категорически отвергнув все предложения Клинтона. В последней попытке переубедить его мы заручились поддержкой руководителей таких арабских стран, как Египет, Иордания, Марокко и Саудовская Аравия. Мы надеялись, что это поможет палестинскому лидеру сказать «да». Однако оказалось, что эта поддержка мало что значит.

Египтяне и саудовцы не очень давили на Арафата, к тому же правительства этих стран не пользовались особым доверием арабов. Было очевидно, что, приняв наши предложения, Арафат мог столкнуться с непредсказуемыми для него последствиями. Неудивительно, что палестинский лидер не захотел рисковать. Он откровенно признался, что не обладает достаточной властью, чтобы делать какие-либо уступки в вопросе о святых местах. Арафат не посмел пойти на компромисс, поскольку боялся проявить «нерешительность», что грозило ему смертью. Хуже всего было то, что в переговорах с нами он прибегнул к лжи, которую так часто и охотно используют арабские пропагандисты, заявив, будто оба спорных храма первоначально были построены совершенно в другом месте и что поэтому евреи не имеют никаких оснований претендовать на них. Арафат мог войти в историю как первый президент суверенного Палестинского государства. Он предпочел сорвать аплодисменты своих сторонников, прославлявших его за отказ уступить хотя бы кусочек «арабских земель» и нежелание признать суверенитет Израиля над Стеной Плача. Они встретили своего лидера плакатами, приветствующими его как «Палестинского Саладина».

Остается открытым вопрос: сможет ли в будущем какой-нибудь другой палестинский лидер, который придет ему на смену, принять предложения, отвергнутые Арафатом? Если, конечно, такие предложения снова будут сделаны. Ответить на этот вопрос непросто, особенно если при этом учитывать следующее положение Корана: «И сражайтесь во имя Аллаха с теми, кто сражается против вас... И убивайте их, где бы вы ни встретили их, изгоняйте их, откуда они изгнали вас...»^{8*} Положение осложняется еще и тем, что в течение вот уже длительного времени Израиль проводит политику строительства поселений на территориях, оккупированных в результате войны 1967 г.

Первые такие поселения появились еще в середине 70-х гг. Их строительство оправдывалось необходимостью обеспечить безопасность, в частности контроль над командными высотами. Правительства консерваторов, возглавляемые Менахемом Бегинем и Ицхаком Шамиром, были полны решимости воссоздать «Великий Израиль», присоединив всю территорию Западного берега реки Иордан, и таким образом вернуться к границам некогда существовавших Иудеи и Самарии. При этом чаяния и надежды миллионов палестинцев полностью игнорировались. Желаящим поселиться на территориях, исторически занимаемых арабами, выдавались значительные денежные ссуды. Сам Бегин называл эти территории не иначе как «освобожденная земля Израиля»^{**}.

* Цит. по книге: Священный Коран. — Лондон, 1987, сура (глава) 2, айаты (стихи) 191-192, стр. 30. — *Прим. пер.*

** В период между 1977 г., когда Бегин занимал пост премьер-министра, и 1992 г., когда этот пост покинул

Шамир считал строительство поселений «святым делом».

Как объяснял один раввин, «спасение мира полностью зависит от спасения Израиля. В этом заключается наше моральное, духовное и культурное влияние на весь мир. Если народу Израиля вернут все его земли, он вечно будет благодарить человечество»⁹.

Видимо, раввин полагает, что создание поселений усилит влияние и укрепит авторитет Израиля, однако гораздо больше фактов свидетельствует об обратном.

Как указывают многие израильтяне, агрессивная политика освоения захваченных территорий запятнала репутацию страны, усилила гнев арабов и способствовала дальнейшему обнищанию палестинцев. Кроме того, возросла и стала непосильной нагрузка на израильские силы безопасности, которым необходимо теперь защищать эти поселения от враждебных действий лишенного средств к существованию местного населения.

В заслугу премьер-министру Ариэлю Шарону надо поставить его решение сократить государственные расходы. Для этого в августе 2005 г. были ликвидированы поселения и выведены войска из перенаселенного, пыльного сектора Газа. Что касается Западного берега реки Иордан, то тут в израильском обществе нет единого мнения. Раздумывая о существующем уже долгие годы на Ближнем Востоке тупике, я, к своему глубокому сожалению, не могу не согласиться с мнением литературного редактора журнала *New Republic* Леона Вайзельтае-ра, который писал: «Идея создания Великого Израиля... всегда была отвратительной как с моральной, так и стратегической точки зрения. Она ставит сиюминутный экстаз немногих граждан выше долговременной безопасности всего остального населения. Она заражает политику великой демократии ядом мессианства и мистицизма»¹⁰.

Создание поселений нанесло и еще один существенный ущерб израильскому обществу. 19-летний Игаль Амир, убивший в 1995 г. премьер-министра Ицхака Рабина, утверждал, что получил благословение на это подлое преступление. Ультрарадикальный раввин заверил его, что в соответствии с иудейским законом убийство Рабина — его прямой долг, поскольку в своем стремлении добиться мира премьер пошел на компромисс, пожертвовав при этом интересами поселенцев. На суде убийцу спросили, действовал ли он один или у него были сообщники. По словам Амира, он был уверен, что с ним Бог¹¹.

Хотя некоторые аспекты политики правительства Израиля вызывают у меня возражение, и в первую очередь решения, касающиеся поселений, я в то же время полностью и безоговорочно выступаю за признание права Израиля на существование и за обеспечение его безопасности. Мое мнение разделяют и большинство американцев. Вы спросите почему? Прежде всего потому, что во все времена, начиная с эпохи рабства в Египте и кончая погромами в царской России, евреи всегда подвергались преследованиям. Особая страница в истории этого народа — это холокост, невиданная трагедия, которую нельзя забыть и которая не должна повториться.

Мы все считаем, что создание еврейского государства — это не только восстановление прав целого народа, но и проявление порядочности со стороны всего человечества. Мы согласны и с тем, что арабы, у которых немало других святых городов и земель, вполне могли бы выделить пространство для крохотного Израиля в том самом месте, которое когда-то было его родным домом. Наконец, посмотрите, какую замечательную страну, настоящую, процветающую демократию построили евреи.

Иностранцы, и прежде всего арабы, часто спрашивают, почему Соединенные Штаты так горячо поддерживают Израиль. В поисках ответа одни склоняются к существованию заговора, другие объясняют это большим числом проживающих в США евреев. Как показало проведенное исследование¹², многие считают, что евреи составляют от 10 до 85% всего населения Соединенных Штатов, в то время как на самом деле их менее 2%.

Шамир, число израильских поселенцев возросло с 57 тысяч (из которых 50 тысяч жили в Восточном Иерусалиме) до более чем 240 тысяч человек. Новые поселения были созданы на Восточном берегу реки Иордан, в секторе Газа, на Голанских высотах, а также к востоку от Иерусалима.

Согласно этому же исследованию арабы убеждены в том, что самым влиятельным фактором, определяющим внешнюю политику Соединенных Штатов, является «сионистское лобби»¹³. Правильнее было бы сказать, что американцы самых различных политических и идеологических взглядов и убеждений поддерживают Израиль прежде всего потому, что видят в израильском обществе те самые качества, которые роднят его с нашим собственным и которыми мы всегда восхищались.

Конечно, судьба Израиля небезразлична американцам еще и по религиозным причинам. Очень важную, можно сказать, решающую роль в том, что Соединенные Штаты выступили за создание независимого государства Израиль, сыграл холокост. Однако корни нашей дружеской политики в отношении этой страны лежат гораздо глубже. Они прорастают из Декларации Бальфура, признавшей, что земля обетованная действительно существует и что евреи — это тот народ, которому она была обещана. Главная задача американской дипломатии состояла в том, чтобы помочь евреям реализовать свои требования, не ущемляя при этом законных прав палестинцев. В любом случае это задача не из легких. А тут примешался еще и религиозный фактор, поскольку для некоторых американцев религиозные убеждения гораздо важнее, чем соблюдение справедливости в отношении палестинцев. На основании многочисленных положений Библии американцы пришли к выводу о том, что второе пришествие на землю Христа произойдет только тогда, когда будет восстановлен храм Соломона и когда произойдет решительное сражение между добром и злом, описанное в Откровении Иоанна Богослова.

Фантазирующие на данную тему авторы бестселлеров так описывают это событие¹⁴. Сначала произойдет распад цивилизации, вслед за которым начнется вознесение истинно верующих христиан на небеса. Остальные останутся на грешной земле*. Вскоре появится Антихрист, заgrimированный под Генерального секретаря ООН. Усыпленные его обещаниями израильтяне подписывают мирный договор, по которому заново отстраивается древний иерусалимский храм (правда, позднее он окажется оскверненным все тем же Антихристом).

Начинается целая череда несчастий. Желая направить сбившихся с пути истинно верующих, Господь посылает на землю бедствие. Огромная армия, насчитывающая до 200 миллионов солдат, нападает на Израиль. Решающая битва происходит на Западном берегу реки Иордан у города Мегиддо, в 50 милях от Иерусалима. В разгар сражения вновь появляется Христос, чтобы повести за собой христиан и 144 тысячи новообращенных евреев (единственные евреи, которые выжили к этому моменту). Кровавое побоище заканчивается полной победой сил добра. После этого начинается тысячелетнее правление Христа на Земле.

В 1999 г. журнал *Newsweek* провел исследование, показавшее, что 40% американцев, а это более 100 миллионов человек, верят, что «все закончится сражением между Христом и Антихристом, так, как это описывается в Библии». 19% граждан считают, что Антихрист живет уже и сегодня, а 13% американцев верят в вознесение, причем некоторые из них даже помещают на бамперах своих машин наклейки с надписью: «Если наступит вознесение, эта машина останется без водителя».

Как я уже говорила, меня воспитали в римско-католической вере, которая особенно не выпячивает роль Откровения Иоанна Богослова. Быть может, потому я всегда рассматривала содержащийся в ней текст не столько как видение Апокалипсиса, сформировавшееся в результате борьбы ранних христиан с враждебным им Римом, сколько как искусно зашифрованную карту грядущего золотого века**. К тому же мне

* Вот как описывает вознесение автор одной из таких книг Джерри Фолуэлл: «Вы едете на автомобиле. Возможно, вы сами им и управляете. С вами в машине еще несколько человек, причем не все они христиане. Раздаются трубные звуки, и верующие мгновенно исчезают, вновь при этом рождаясь уже в другой жизни. На земле остаются их одежда и другие материальные предметы, ненужные для жизни вечной... Все остальные автомобили внезапно становятся неуправляемыми, и начинается столпотворение... И так на дорогах всей земли».

** Апокалипсис — последняя книга Нового Завета, в которой содержится пророческое предвидение, сообщение Бога о судьбах мира. —Прим. пер.

вообще надоели эти бесконечные вздохи по поводу пришествия Антихриста. Во время Крестовых походов соратники Ричарда Львиное Сердце заверили его в том, что Саладин полностью соответствует описаниям этого противника Христа. Как мы знаем, ничего хорошего из этого не вышло.

Мартин Лютер тоже начал движение Реформации с объявления папы Антихристом, в результате чего в последующее столетие Европу раскололи религиозные войны. Такой же ярлык нацепила на Наполеона Русская православная церковь, после чего последовали война и связанные с ней разрушения. Язык Откровения Иоанна Богослова настолько выразителен, что возникает искушение представлять друзей и особенно врагов именно такими, какими она их описывает. Человек склонен к концентрации на своей личности, т. е. предрасположен видеть себя в центре или по крайней мере современником происходящих событий. Ему хочется, чтобы кульминация истории совпала с его жизнью. Нам совсем не трудно вообразить прошлое и кажется невыносимым, что мы не увидим будущего.

Возможно, Армагеддон действительно рассчитается со всеми, с кем следует, сведет все счета*. Однако было бы непростительно, если бы наши руководители полагались только на это, оправдывая тем самым свое бездействие. В этом случае нам достанутся одни только разрушения, и мы никогда не дождемся райской жизни. Нельзя оправдать внешнюю политику, которая готовит почву для Армагеддона. Она должна прежде всего обеспечивать мир на земле. Для этого политикам и духовным лидерам приходится иногда действовать наперекор друг другу. В январе 1998 г. Клинтон пригласил в Белый дом Биньямина Нетаньяху и Ясира Арафата. Президент хотел убедить их возобновить мирный процесс, прерванный террористическим актом арабских экстремистов и вспышкой активности израильтян, направленной на создание новых поселений.

Накануне встречи Нетаньяху провел переговоры с руководителями правых христиан Америки, которые приветствовали его как «израильского Рональда Рейгана», уговаривая не соглашаться ни на какие компромиссы. На мой взгляд, совершенно безответственное подстрекательство. Правые христиане и другие критики администрации Клинтона утверждали, что Соединенные Штаты оказывают чрезмерное давление на Израиль. С их точки зрения, любая политика, следствием которой будет возвращение палестинцам каких-либо земель, либо противоречит Библии, либо представляет собой угрозу Израилю, либо и то и другое.

Став президентом, Буш твердо намеревался не повторять то, что он считал ошибкой Клинтона. Он категорически отказался иметь дело с Арафатом, не стал назначать постоянного представителя на переговорах по Ближнему Востоку и не предпринимал никаких усилий, направленных на противодействие очередной вспышке конфликта между израильтянами и палестинцами, которое унесло жизни более четырех тысяч человек. Быть может, это позволило сберечь дипломатические силы и возможности для других регионов мира, но резко ухудшило отношения Соединенных Штатов с арабами и мусульманским миром в целом.

К сожалению, во время первого срока пребывания Буша в Белом доме проблемы, без срочного решения которых достижение прочного мира абсолютно нереально, скорее обострились, чем смягчились. За годы вооруженной борьбы радикальная группа «Хамас», изначально выступающая в роли противника мира, стала сильнее по сравнению со своим светским конкурентом — «Фатх», крупнейшей составной частью Организации освобождения Палестины (ООП). В то время как развитие экономики значительно затормозилось, производство бомб, гранат и ракет заметно увеличилось. Оборонительная стена, построенная израильтянами на большей территории Западного берега реки Иордан, стала фактически новой границей, которую палестинцы никогда не примут, но без которой многие израильтяне уже не смогут чувствовать себя в безопасности.

Израиль постоянно отказывается освободить из своих тюрем палестинцев, руки которых обгажены кровью. Сегодня в израильских тюрьмах больше заключенных, чем их

* Армагеддон — битва в день Страшного суда. — *Прим. пер.*

было в 2000 г.

Смерть Ясира Арафата в ноябре 2004 г. сделала возможным смену руководства ООП. Его преемник Махмуд Аббас был воспринят как желательная кандидатура. Во время мирных переговоров, проходивших в 90-е гг., он чаще всего демонстрировал искреннюю готовность договориться. Аббас не обманул зародившиеся надежды и в то же время не стал играть на публику, рисуясь в роли миротворца. Он постоянно подчеркивал, что достижение мира в регионе возможно только на основе компромисса. Как председатель ООП, Аббас бросил вызов глубоко укоренившемуся среди палестинцев убеждению в том, что самый эффективный путь к достижению прогресса на переговорах лежит через насилие. В отличие от Арафата он не выдвигал фантастических проектов о создании палестинского государства на всем пространстве от реки Иордан до Средиземного моря. Аббас ставил перед собой цель построить жизнеспособную Палестину, и сделать это было возможно, по его глубокому убеждению, исключительно мирными средствами.

Проблема состояла в том, что, хотя Аббас стал руководителем ООП в результате демократических выборов, он не располагал солидной политической базой. «Фатх», организация, которую он унаследовал от Арафата, имела дурную репутацию из-за своей коррумпированности. Кроме того, ее раздирало идеологическое и личностное соперничество.

Положение Аббаса осложнялось еще и тем, что ни США, ни Израиль не поняли, что в их же интересах было срочно прийти к нему на помощь. Напротив, новому президенту Палестины тут же стали выдвигать требования, которые он при всем своем желании выполнить не мог. Аббас оказался в положении, хуже которого не придумаешь. Палестинские соперники выставляли его на смех как израильскую и западную марионетку. На самом же деле ни от тех, ни от других он не получал никакой помощи, которая могла бы удовлетворить хотя бы минимальные потребности палестинцев. Чтобы выиграть время, Аббас перенес выборы в парламент с июля 2005-го на январь 2006 г. Такая тактика не дала желаемых результатов, поскольку репутация «Фатх» продолжала падать. Когда же выборы наконец состоялись, выяснилось, что, к удивлению партии «Фатх», Соединенных Штатов, Израиля и, видимо, самого «Хамас», это движение завоевало в парламенте большинство.

Судя по всему, победа «Хамас» отбросила мирный процесс на Ближнем Востоке к той точке, с которой он начался приблизительно 15 лет назад. Как и ранняя ООП, это движение не признает права Израиля на существование, не желает разоружаться и не хочет осудить насилие. Пока «Хамас» всего этого не сделает, достигнуть мирного соглашения невозможно. Пока большее, на что можно рассчитывать, это прекращение враждебных действий, что позволило бы обеим сторонам перевести дыхание. Перед движением «Хамас» сейчас стоит задача выполнить данные им во время избирательной кампании обещания и осуществить «реформы, ведущие к изменениям». К Израилю эти обещания не имеют никакого отношения, зато они потребуют серьезного улучшения работы палестинского правительства.

Израилю тоже предстоит решить немало задач. В 2005 г. Ариэль Шарон начал осуществлять план, направленный на обеспечение большей безопасности израильтян. Для этого были предприняты односторонние шаги по разделению мест проживания граждан Израиля и палестинцев, отделению одних населенных пунктов от других. Однако в январе 2006 г. премьер-министр стал жертвой инсульта.

Окончательный вариант этого плана так никогда и не был опубликован, но, судя по всему, имеется в виду превратить Израиль в государство с чисто еврейским или преимущественно еврейским населением, оставив лишь минимальное количество палестинцев проживать на контролируемых Израилем территориях. Данный план категорически отрицает возможность раздела Иерусалима и возврата к границам, существовавшим до 1967 г. Некоторые пункты плана уже выполнены. Построена оборонительная стена, осуществлена передислокация в секторе Газа, созданы новые поселения вокруг Иерусалима. Из того, что еще предстоит сделать, самым трудным будет ликвидация некоторых еврейских поселений на Западном берегу реки Иордан, что должно

обеспечить будущую безопасность других поселений.

Столкнувшись с оппозицией со стороны консерваторов внутри собственной партии, Шарон создал партию «Кадима», состоящую из группировок самых различных политических оттенков и направлений. Остается посмотреть, насколько успешно смогут его преемники реализовать намеченную стратегию. Пока ясно одно: возросшее влияние «Хамас» отложило на неопределенный срок признание Израилем независимого палестинского государства. Очевидно и другое: политика Шарона по разделению израильтян и палестинцев на ближайшее время останется в центре внимания израильского правительства.

Ближний Восток — это такое место, где раны редко зарастают, а обиды никогда не забываются. Так что время здесь не лечит. Другое дело, что палестинцам оно необходимо прежде всего для того, чтобы создать государственные институты, способные обеспечить ответственное руководство страной. Эффективное управление требует в том числе честности, умения и желания идти на компромиссы. Ни у «Хамас», ни у «Фатх», судя по всему, этих качеств не слишком много. В то же время своим голосованием палестинский народ ясно показал, что он ожидает от своих лидеров большего, чем получает в настоящее время. Несколько ободряет то обстоятельство, что выборы были свободными, честными и соревновательными. Это первый шаг к созданию отзывчивого на требования общества и подотчетного ему правительства. Однако движение в этом же направлении должно быть продолжено. Другим странам и организациям необходимо помочь палестинцам, не создавая при этом благоприятных условий для экстремистских группировок.

Оптимистически настроенные комментаторы полагают, что участие «Хамас» в правительстве сделает его более умеренным. У меня на этот счет есть серьезные сомнения. Думаю, что новый политический статус этой организации углубит и без того уже весьма острые противоречия в ее рядах. Прагматисты будут бороться с идеологами за влияние в партии. Соединенные Штаты должны всячески помогать умеренным силам палестинского движения.

Боюсь, однако, что наблюдавшаяся в последние пять лет пассивность нашей дипломатии в этом регионе оставила Америку без серьезных рычагов влияния, подорвала к нам доверие, каким мы располагали еще в недавнем прошлом. Произошедшие изменения в руководстве как Израиля, так и Палестинской автономии дали дополнительный толчок развитию событий на Ближнем Востоке. В то же время перспективы мирного урегулирования в ближайшее время стали еще более неопределенными. А как обстоят дела с отдаленной перспективой? Можно ли считать, что надежды на мир практически больше нет? Боюсь, что, если мы не сумеем найти какие-то принципиально новые подходы к этой проблеме, ответ может оказаться неутешительным.

Много раз мне хотелось схватить палестинского и израильского участников переговоров за уши и столкнуть лбами, чтобы пробудить в них хоть каплю здравого смысла. В конце концов вместо этого я решила разработать и предложить такие условия договоренности, чтобы обе стороны могли защитить их перед своими избирателями. Много раз мои попытки сделать это заканчивались неудачей. Тем не менее я все еще надеюсь, что найти такую формулировку вполне реально. Ни у Израиля, ни у Палестины нет ни малейших шансов надеяться на более выгодное соглашение, чем то, которое они могли бы заключить на основе предложений Клинтона.

Весь вопрос заключается в том, будет ли стремление к миру достаточно сильным, чтобы определить будущее Ближнего Востока. Наверное, единственное, чем можно пронять стороны, это предоставить им наглядные доказательства того, что мирное урегулирование в конечном счете соответствует интересам каждой из них. Впрочем, если бы палестинцы и израильтяне проявляли хотя бы малейшую готовность к компромиссу, то такое урегулирование давно уже было бы достигнуто. Как только эта готовность возникнет, методы традиционной дипломатии снова окажутся востребованными. Но сначала необходимо будет максимально сблизить наши представления о том, чего хочет Бог.

Здравый смысл всегда подсказывал американским участникам переговоров, что чем меньше упоминаешь имя Господа, тем лучше для нашего дела. Учитывая нестабильность положения в регионе, такой подход понятен. Конечно, это вовсе не значит, что в процессе переговоров не надо принимать во внимание исторические и религиозные факторы. И в этом случае ничего хорошего из таких переговоров не получится. Шарон называет Иерусалим не иначе как «столицей Израиля, объединившей весь израильский народ». При всех своих внутренних разногласиях палестинцы едины по крайней мере в одном: они согласны обсуждать вопрос о существовании на Ближнем Востоке двух суверенных государств только в том случае, если участники переговоров заранее решат, что столицей Палестины будет Иерусалим. Израильцы, в свою очередь, заявляют, что никогда не согласятся на ликвидацию своих поселений на Западном берегу реки Иордан. Что же касается арабов, то при самых больших уступках, на которые они только согласны, все равно остаются в силе требования вернуть все земли, оккупированные Израилем в результате войны 1967 г. Ведя неустанную борьбу со второй интифадой, Шарон надеялся убедить палестинцев, что вооруженное сопротивление бесполезно. После ухода израильтян из сектора Газа палестинцы надели майки, на которых было написано: «Сегодня — Газа, завтра — Западный берег и Иерусалим».

Начиная с VII в. мусульмане в течение 1300 лет владели Иерусалимом. Государство Израиль существует менее 60 лет. Для истории — это мгновение. Неужели теперь палестинцы хотят повторить успех Са-ладина, пусть даже ценой большой крови? Думаю, у них мало шансов. Так что же все-таки они предпочтут: строить новую жизнь, чтобы растить своих детей в мире и согласии, или стать мучениками веры?

Когда Джимми Картер свел в Кэмп-Дэвиде египетского и израильского лидеров, он не побоялся вести переговоры абсолютно обо всем, в том числе и о религии. Биллу Клинтону добиться успеха помогли знание истории региона и готовность свободно обсуждать духовные проблемы. Участники ближневосточного конфликта никогда и ни о чем не договорятся, если не преодолют магию исторических имен, одно звучание которых заставляет каждого из них насмерть стоять на своем. Возможно ли такое? Не знаю. Мне очень нравится одно из высказываний Бернарда Шоу, который как-то сказал: «Разумный человек приспособляется к реальной действительности. Неразумный пытается приспособить действительность к себе. Таким образом, прогресс двигают неразумные люди»¹⁵.

По моему глубокому убеждению, если сторонники жесткой линии легко могут найти как в Коране, так и в Библии оправдание насилия и жестокости, то люди, склонные к установлению мира, отыщут заповеди, призывающие к человеколюбию. Интересной представляется инициатива под названием «Александрийский процесс», которую выдвинул в 2002 г. Центр ассоциаций Моисея по межрелигиозному сотрудничеству. В ее основе лежит признание того, что мир между странами и народами может быть достигнут только путем примирения религий и культур. Для этого необходимо в том числе трансформировать религию, превратив ее из источника враждебности в источник терпимости и взаимопонимания.

Сформулированные в «Александрийской декларации» принципы — мирное решение проблем, ненасилие, уважение к святым местам — помогли найти выход из тупиковой ситуации, сложившейся в 2003 г. в результате захвата палестинцами церкви Рождества Христова, и в 2004 г., когда исламские религиозные лидеры встретились, чтобы обсудить проблему антисемитизма в арабском обществе. На более рутинной основе этим же занимаются центры под названием «Адам», действующие как в Израиле, так и на палестинских территориях. Основатель и духовный вдохновитель этих центров — раввин Майкл Мельхиор, смелый и красноречивый борец за мир. Его энергично поддерживает шейх Имад Фалуджи, один из основателей организации «Фатх», который вышел из нее, заявив при этом, что нападения на гражданских лиц — это нарушение заповедей Корана.

Тем, кто уверен, что Бог уготовил для Ближнего Востока Армагеддон, я бы рекомендовала поразмышлять над предсказанием пророка Исаяи о том, что наступит то время, когда Господь станет молиться вместе не только с евреями, но и с арабами Египта

и Сирии: «В тот день Израиль будет третьим с Египтом и Ассириею; благословение будет посреди земли, которую благословит Господь Саваоф, говоря: благословен народ Мой — Египтяне, и дело рук Моих — Ассирияне, и наследие Мое — Израиль»^{16*}.

Со времен Мухаммеда арабы и евреи молятся одному и тому же Богу. Наверное, все-таки настанет такой момент, когда мир будет жить в соответствии с принципами «Александрийского процесса», хотя вряд ли это случится скоро. И тогда сбудутся слова Ицхака Рабина о том, что израильтяне и палестинцы «сблизятся, одухотворенные нашими великими духовными ценностями, и простят те муки и ту боль, которые мы нанесли друг другу. Расчистят минные поля, нас разделяющие, и превратят их в поля изобилия»¹⁷.

Я надеюсь, придет то время, когда обе стороны будут руководствоваться тем положением Корана, в котором говорится: «Когда же враг ваш прекратит борьбу, оружие сложите и гоните тех, кто продолжает сеять смуту»¹⁸.

А пока этого не случится, придется жить со всеми теми проблемами, которые достались нам по наследству от времен Декларации Бальфура. Лидеры Ближнего Востока постоянно, как и прежде, будут подвергаться жестоким испытаниям. Не прекратятся споры о том, какой должна быть политика Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. Народы региона будут продолжать жить в постоянном страхе. Многовековая напряженность в отношениях между мусульманами, евреями и христианами будет время от времени выливаться в открытую конфронтацию, последствия которой будут сказываться далеко за пределами Ближнего Востока и поставят под угрозу весь мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Letter from Arthur James Balfour to Lord Rothschild, November 2, 1917. Viewed at <http://www.Yale.edu/lawweb/avalon/mideast/balfour.htm>.

² David Balfour, cited in Margaret MacMillan, *Paris 1919*, Random House, New York, 2001, 422.

³ Ibid., 380.

⁴ Ibn Saud, cited in Dennis Ross, *The Missing Peace: The Inside Story of the Fight for Middle East Peace*, Farrar, Straus, and Giroux, New York, 2004, 34. (Ambassador Ross's book provides an excellent history of the Arab-Israeli dispute, along with the definitive account of efforts to arrive at a negotiated solution.)

⁵ Letter from President Roosevelt, cited in interview with Hermann F. Eilts, *Frontline*. PBS, June 23, 2003.

⁶ Prayer of Menachem Begin, June 1967, published in *Jerusalem Post* Internet edition, September 13, 1998.

⁷ Saladin and Richard the Lionheart are quoted in James Reston, Jr., in *Warriors of God: Richard the Lionheart and Saladin in the Third Crusade*, Doubleday, New York, 2001, 230-231.

⁸ Quran 2:190-191.

⁹ Rabbi Eleazar Waldman, quoted in Karen Armstrong, *The Battle for God*, Knopf, New York, 2000, 286.

¹⁰ Leon Wieseltier, "The Fall," *New Republic*, September 5, 2005.

¹¹ Sarah Coleman, "Incitement Campaign Fueled Rabin's Assassin, Book Says," *Jewish Bulletin of Northern California*, August 20, 1999.

¹² Craig R. Charney and Nicole Yakatan, "A New Beginning: Strategies for a More Fruitful Dialogue with the Muslim World," Council of Foreign Relations, May 2005. (Special report.)

¹³ Center for Strategic Studies, University of Jordan, "Revisiting the Arab Street: Research from Within," February 2005, 63.

¹⁴ "Left Behind": books by Jerry Jenkins and Tim LaHaye, published by Tyndale House.

¹⁵ George Bernard Shaw, *Man and Superman: A Comedy and a Philosophy*— *Maxims*

* Цит. по каноническому изданию: Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Книги Ветхого Завета, Книга Пророка Исайи. — М., 1989, глава 19, стр. 694-695. —Прим. пер.

for Revolutionists, University Press, Cambridge, Mass., 1903; Bartleby, New York, 1999.

¹⁶ Isaiah 19:24-25. For a provocative essay on this passage, see Manfred T. Brauch, "Choosing Exclusion or Embrace: An Abrahamic Theological Perspective," in Robert A. Seiple and Dennis R. Hoover, eds., *Religion and Security: The New Nexus in International Relations*, Rowman and Littlefield, Lanham, Md., 2004.

¹⁷ Yitzhak Rabin, Prime Minister of Israel, ceremony commemorating peace between Israel and Jordan, Aqaba, Jordan, October 27, 1994.

¹⁸ Quran 8:61.

Глава 10

«Величайший джихад»

Гонимые засухой, жители Израиля собрались на склонах горы Кармел и с надеждой ожидали начала соревнования. На одной стороне разместились 450 священников, готовых обратиться с молитвой к ханаанскому богу плодородия Баалу. На другой — Илия, пророк Иеговы, Бога Авраама, Моисея и Давида. Среди зрителей находился и Ахаб, слабый и своенравный царь Самарии. Предстояло ответить на вопрос, чей бог могущественнее. Перед этим на сооруженном специально для этого случая алтаре был принесен в жертву бык. Теперь возгорание огня на том же алтаре должно было доказать, чей бог сильнее.

Первыми состязание начали почитатели Баала. В течение долгих часов они молились, танцевали, пели и даже бичевали себя, но все их усилия оказались напрасными. Наблюдавший за их действиями Илия усмехнулся: «Кричите громче, ведь он Бог. Может, он сейчас разговаривает или гонится за кем-то. А быть может, он где-то путешествует или просто заснул и его надо разбудить»¹.

Теперь наступила очередь пророка. Из двенадцати камней, символизирующих двенадцать племен Израиля, он соорудил свой алтарь, смочил водой предназначенное для жертвоприношения животное, помолился Богу и отступил назад. Мгновенно вспыхнувшее пламя испепелило быка. Зрители как один упали на землю с возгласом: «Господь, ты наш Бог! Господь, ты наш единственный Бог!»

С тех пор прошло более 2800 лет, а в отношениях между людьми и пророками мало что изменилось. Так же, как и тогда, мы ждем сигнала свыше, который бы объяснил нам происходящее здесь, на земле, дал бы ключ к пониманию божественной природы и цели. 11 сентября 2001 г. башни-близнецы Центра международной торговли сгорели в пламени. А что если это был тот самый знак? «Господь Бог приоткрыл завесу и позволил врагам Америки наказать нас, так как мы этого, видимо, заслуживаем, — заявил два дня спустя после трагедии телевизионный комментатор Джерри Фолуэлл. — Я абсолютно убежден в том, что язычники, сторонники аборт, феминистки, гомосексуалисты и лесбиянки, активно пытающиеся навязать нам свой альтернативный образ жизни, а также «Американский союз защиты демократических свобод», «Американцы за американский путь» и другие подобные им организации — все они пытаются секуляризировать Америку, сделать ее чисто светским государством. Я указываю на них пальцем и говорю: "Вы помогли этому произойти!"»^{2*}.

Фолуэлл был не единственным, кто увидел за нападением террористов руку Бога. Лидеры «Аль-Каиды» тоже расценили свой успех как свидетельство Божьего благословения. Была показана видеозапись, на которой изображены празднующие это событие Усама бен Ладен и шейх Сауди. Оба благодарят Аллаха за «безусловную победу»³ и рассказывают о пророческих снах друзей, которые якобы во сне, как будто наяву, воочию видели самолеты, врезающиеся в небоскребы. «Это событие, — не скрывал своей радости шейх, — станет величайшим джихадом в истории ислама».

У древних иудеев существует традиция считать триумфы и поражения проявлениями Божьей воли. «Подчинитесь мне, и я стану врагом ваших врагов и соперником ваших соперников»⁴, — обещает им Господь. Мусульмане с самого начала приписывали Аллаху одержанные ими военные победы, которые способствовали быстрому распространению их религии. Испанские католики также были уверены, что приобретение в XV и XVI вв. заморских владений и превращение Испании в империю было той наградой, которую Господь даровал им за их борьбу с христианами-еретиками, а также за преследование мусульман и евреев.

Когда Великобритания и другие европейские страны начали колонизацию Африки, они всерьез полагали, что выполняют волю Божью. Как мы уже видели, многие американцы объясняют возвышение Соединенных Штатов тем, что их страна пользуется особым

* На Фолуэлла обрушился целый шквал критики, и позднее он попросил прощения за свое высказывание.

расположением Бога. Посетив в самом начале Гражданской войны военный лагерь, Джулия Уорд Хоу сочинила «Боевой гимн Республики», в котором говорится, что борьба северян с рабовладельческим Югом — это благое дело во имя Господа Бога.

Нам всегда хочется надеяться, что Господь одобряет наши поступки и что преследуемые нами цели — его цели. Такова уж человеческая натура. В том, что мы, как отдельные индивиды, поддаемся таким порывам, нет ничего дурного, Напротив, это даже может толкать нас на совершение добрых поступков. Другое дело, когда целый народ или большая группа людей начинает думать, что их успех или неудача — прямое следствие воли Божьей.

Вот тут возникает опасность навлечь на себя неприятности или сотворить нечто дурное. Одержав победу, страна и ее руководители могут впасть в самодовольство, уверовав в свое всемогущество и всесилие. В случае же поражения может возникнуть ощущение горечи и наступить раскол, когда одна часть граждан начнет обвинять другую в том, что та навлекла на себя гнев Бога. В обоих случаях люди как бы говорят: «Все в твоих руках, Господи!», пренебрегая собственными обязанностями действовать самостоятельно и не желая взять на себя ответственность за содеянное. Как написала совсем по другому поводу Эмили Дикинсон⁵, «вера — смешная штука/Правда, ты — не слепец/Но замолчит наука/Если придёт конец»^{*}.

Вскоре после террористического акта 11 сентября меня пригласили выступить в просторном Доме надежды пресвитерианской церкви в Сент-Поле, штат Миннесота. На церковных скамьях не было ни одного свободного места. Чувствовалось всеобщее возбуждение. Взойдя на кафедру, я увидела, что в руках многих прихожан были зажаты носовые платки. До этого я только однажды была свидетелем такого национального единства перед лицом всеобщей трагедии. Это случилось в день убийства президента Кеннеди. Не могу сказать, что обладаю талантом проповедника, но в этот день мне как никогда хотелось найти путь к сердцам людей, объяснив им, что означают трагические события в Нью-Йорке и чего не надо им приписывать.

«Я не вижу руки Божьей в только что совершенном преступлении, — начала я свою речь. — Оно никак не связано с религией и не продиктовано никакими социальными мотивами. Совершивших его преступников нельзя считать мусульманами, потому что своими действиями они предали учение, призывающее к великодушию. Меньше всего исполнителей этого злодеяния волнует судьба палестинского народа, чьи лидеры уже выразили свой гнев и сожаление по поводу содеянного. Им глубоко безразличны страдания бедных, иначе они потратили бы имеющиеся у них средства не на возбуждение ненависти, а на то, чтобы обучить людей полезной профессии. И уж, конечно, они не сумасшедшие, поскольку действовали хладнокровно и расчетливо. Это преступление — не что иное, как зло в его чистом виде. Зло, которое нельзя оправдать никакими политическими, культурными или религиозными соображениями»⁶.

Переживая случившуюся трагедию, мы часто спрашиваем себя, почему Господь Бог, всемогущий и добрый, дал такому случиться. Мне кажется, все дело в том, что людям дана свобода думать и действовать самостоятельно. Некоторые из нас используют эту свободу для того, чтобы строить, исцелять, создавать великие произведения искусства. Другие — чтобы взрывать дома. И это наши поступки, а не Бога, хотя нам, быть может, удобнее осуждать его, а не клеймить Сатану. Когда болезнь или несчастный случай уносит жизнь ребенка, мы испытываем боль и страдания, жалуясь при этом на жестокую и несправедливую судьбу. За ущерб, причиняемый нам ураганами, землетрясениями или цунами, мы виним матушку-природу. Как объяснить остальные несчастья, выпадающие на нашу голову, никто из нас не знает. Мы сами обязаны заботиться о себе и о других.

^{*} Эмили Дикинсон. Избранные переводы (пер. Б. Львов). — Издательство Хамада, Иордания, 1997. —Прим. ред.

Сентябрьское нападение заставляет нас по-новому и шире понимать эту нашу обязанность.

Уже после случившейся трагедии президент Буш своими решительными действиями доказал сомневающимся, что он обладает качествами настоящего лидера. В обращении к совместной сессии обеих палат конгресса президент выполнил данное им накануне выборов обещание делать все от него зависящее, чтобы объединить нацию. Буш подчеркнул, что мир реагировал на случившееся молитвами, которые произносились не только на английском, но и на иврите и арабском языках. Он указал, что жертвами террористического акта стали граждане более 80 стран.

Президент выразил благодарность международным организациям, нашим друзьям в Европе, Африке, Латинской Америке и Азии за их моральную поддержку. Он поклялся использовать все средства внешней политики для разоблачения «террористических организаций, где бы они ни находились». Буш объяснил, что «Аль-Каида» представляет собой «выходящее за рамки общепринятого ислама течение, отвергаемое мусульманскими учеными и преобладающим большинством священнослужителей, поскольку оно извращает это миролюбивое вероисповедание».

Сказанные президентом слова утешения были призваны помочь затянуться нанесенным ранам и одновременно сплотить мир перед угрозой со стороны «Аль-Каиды» и ее сторонников. Безусловно, это была правильная стратегия, потому что Америка не сможет победить террор, не получив поддержки всех друзей и союзников, и прежде всего тех, кто живет в странах с преобладающим арабским и мусульманским населением.

В своей речи Буш предложил всем сделать свой окончательный и безоговорочный выбор. «Каждая нация, в каждом регионе должна теперь решить, — заявил президент, — с кем она хочет быть, с нами или с террористами?»*

Подавляющее большинство стран приняли решение сразу же, не задумываясь.

Союзники Соединенных Штатов по НАТО объявили террористический акт нападением на весь альянс в целом и впервые призвали обеспечить Организацию Североатлантического договора всем необходимым для совместных действий. За исключением Ирака правительства всех мусульманских стран, включая Иран и Палестину, единодушно осудили нападение на Центр международной торговли. Когда было принято решение направить американские войска в Афганистан, чтобы выбить оттуда сторонников движения «Талибан» и покончить с «Аль-Каидой», вместе с нашими воинскими формированиями туда вошли подразделения из Канады, Японии и Австралии.

Несмотря на свою близость к радикальным афганским лидерам, желание оказать нам помощь выразило руководство Пакистана. О своей солидарности заявили Китай и Россия, которые сами постоянно сталкиваются с проявлениями мусульманского сепаратизма. Даже те мусульмане, кто вначале выражал протест против решения Соединенных Штатов разгромить движение «Талибан», со временем были вынуждены замолчать, убедившись в том, что большинство афганского народа приветствует избавление от экстремистов.

В самих Соединенных Штатах более 60 академиков, среди которых были христиане, евреи, мусульмане и атеисты, подписали открытое письмо в поддержку военной операции в Афганистане, в котором они называют действия Соединенных Штатов «справедливой войной», направленной на защиту «универсальных человеческих ценностей»⁷. Первое время после сентябрьских событий казалось, что администрации удалось объединить большинство американцев и иностранные правительства против общей угрозы.

Как сторонник Демократической партии, я гордилась поведением ее представителей, решительно поддержавших Белый дом. Члены конгресса и официальные лица, которые раньше работали в администрации Клинтона, были в первых рядах среди тех, кто в эту

* Бросая этот вызов, президент Буш, возможно, думал о предупреждении Христа, сказавшего: «Кто не со мной, тот против меня». Не думаю, что он хотел напомнить о словах, сказанных Лениным во время Октябрьской революции: «Кто не с нами, тот против нас». (Цит. по каноническому изданию: *Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Книги Нового Завета, Святое Благословение от Луки, глава 11, стих 23.* — М., 1989, стр. 4. —Прим. пер.)

трудную минуту сплотился вокруг президента. Я тоже использовала любую возможность, чтобы выразить свою поддержку его политике. Так, я горячо приветствовала свержение режима талибов.

Когда я работала в администрации Клинтона, мне приходилось встречаться в одном из пакистанских лагерей для беженцев с афганскими женщинами и девушками, которые рассказывали мне о том, через какие невероятные лишения и притеснения им пришлось пройти. Я обещала им тогда, что Америка не бросит их в беде. Теперь у меня зародилась надежда, что наконец-то они смогут вернуться домой, что их жизнь станет безопасной, а права будут соблюдаться. Я также поддержала решение Пентагона провести задержание лиц, подозреваемых в терроризме. При этом подразумевалось, что они подвергнутся допросу и по результатам расследования своевременно будет принято решение о том, предать ли их суду или отпустить на свободу.

Короче говоря, на какое-то время я стала решительным сторонником войны. Как «ястреб» я выразила несогласие с решением Всемирного совета церквей, осудившего военные действия в Афганистане. Точно так же я сочла заблуждением мнение Гора Видала⁸, утверждавшего, что введение американских войск в эту страну вызвано не чем иным, как нефтяными интересами Соединенных Штатов. Когда же Алиса Уолкер заявила, что «единственно действенным наказанием для Усамы бен Ладена могла бы быть любовь»⁹, я подумала, как это замечательно, что она лауреат премий по литературе, а не главнокомандующий войсками.

Первое время многие комментаторы сравнивали сентябрьские события с нападением в 1941 г. Японии на Пёрл-Харбор. В обоих случаях агрессия застала Америку врасплох, вызвала разрушения на территории США и послужила сигналом к началу большой войны. Однако разница есть, и она весьма существенна. Расположенные на Гавайских островах американские войска, корабли и самолеты подверглись бомбовому удару воздушной эскадрильи с четко обозначенными опознавательными знаками враждебного нам государства, имеющего совершенно определенные границы и регулярную армию. Напавшие на Центр международной торговли преступники не носили военную форму, не имели ни флага, ни централизованного командования, не были верноподданными какой-то одной страны или союза стран. В их задачу входило не уничтожение военных целей, а убийство как можно большего числа мирных людей.

В феврале 1998 г. бен Ладен выпустил фатву*, в которой он и другие лидеры террористов призывали мусульман убивать граждан Америки, где бы они ни находились¹⁰. Таким должно было быть «наказание» за то, что США поддержали санкции против Ирака, постоянно помогали Израилю и держали свои войска в Саудовской Аравии. Бен Ладен обвинил Соединенные Штаты также в том, что они якобы ведут войну против Аллаха, Пророка и всех мусульман в целом. Чтобы придать своей фатве наукообразность, ее авторы цитировали религиозные положения, касающиеся обязанности мусульман отражать атаки на ислам, и призывали их нападать на «сатанинские войска США».

Несмотря на все его претензии, бен Ладена вряд ли можно считать достаточно квалифицированным теоретиком ислама, чтобы признать за ним право давать директивные указания мусульманам относительно того, что является их религиозным долгом. Вот что сказал по этому поводу его главный спонсор и гостеприимный хозяин на земле Афганистана мулла Мухаммед Омар: «Бен Ладен не обладает полномочиями давать разъяснения по вопросам шариата, поскольку он не прошел двенадцатилетний курс обучения Корана, необходимый для получения звания муфтия. Никто, кроме муфтия, не может издавать фатву. Поскольку бен Ладен не муфтий, его фатвы не имеют законной силы»¹¹.

И тем не менее все указания бен Ладена по-прежнему воспринимаются более чем серьезно. Дело в том, что исповедуемый суннитами ислам не имеет одного общепризнанного лидера. Не существует какой-то одной личности или института, который мог бы авторитетно выступать от имени всех верующих и тем самым

* Фатва — заключение по религиозно-правовым проблемам в исламе. — *Прим. пер.*

дискредитировать послания бен Ладена в глазах тех, кто склонен выполнять его указания.

В те годы, когда я занимала должность государственного секретаря, за находившимся в бегах бен Ладеном велась настоящая охота в самых отдаленных точках планеты. Насколько мне известно, ни одно правительство, за исключением Афганистана, его не поддерживало. Все считали его террористом, убийцей мусульман. Собственная родина, Саудовская Аравия, его отвергла. Из Судана, страны, первоначально принявшей бен Ладена, его в конечном счете выслали. Он всячески пытался завоевать симпатии мусульманского мира, но при этом мало что мог предложить своим последователям. Разве что стать мучеником и взорвать себя на куски, дав выход накопившемуся гневу. Демагогия всегда крайне опасна, особенно если при этом говорить человеку именно то, что он хотел бы услышать. К тому же маленькая кучка преисполненных решимостью террористов вполне способна создать большую проблему.

Разумеется, полная нелепость утверждать, будто Америка объявила войну исламу. При Клинтоне именно Соединенные Штаты встали во главе коалиции, защищавшей мусульман в Боснии и Косове. Именно Америка помогла укрепить демократии в преимущественно мусульманской Индонезии, осудила нарушение русскими прав человека в Чечне и пыталась выступить посредником в деле достижения мира на Кавказе и Ближнем Востоке. Еще раньше, при Картере и Рейгане, США помогли моджахедам изгнать советские войска из Афганистана.

Разубедить в чем-то людей — всегда нелегкое дело, тем более, когда вы имеете дело с исключительно скептически настроенной аудиторией. Многие мусульмане, относящиеся совершенно безразлично к самому бен Ладену, разделяют его недовольство некоторыми аспектами американской политики. Они внимательно прислушиваются к его призывам «очистить» Святую землю от неверующих, восстановить мусульманское управление в Иерусалиме, возродить воинствующий дух, царивший в начальный период существования ислама. Некоторые из них, возможно, даже кивнут головой в знак одобрения, когда им скажут, что американцы должны нести коллективную ответственность за политику своего правительства на Ближнем Востоке и в Персидском заливе.

Когда в 1998 г. террористы взорвали американские посольства в Кении и Танзании, государственный департамент назначил вознаграждение в размере пяти миллионов долларов за помощь в поимке бен Ладена. В ответ пошел настоящий поток пожертвований в его пользу от состоятельных арабов¹². Хотя правительства мусульманских стран игнорировали призыв бен Ладена начать священную войну, некоторые граждане этих стран с энтузиазмом на него откликнулись.

Бен Ладен пытается завоевать поддержку, обращаясь сразу к нескольким чувствам и эмоциям людей: чувству возмущения и обиды, зависти и вины. При этом он постоянно напоминает о событиях, о которых мало кто из немусульман вообще когда-либо слышал, но о которых никогда не забудет ни один мусульманин. Это развал Османской империи, раздел европейскими странами арабского Ближнего Востока и Северной Африки, выдворение арабов (и евреев) из Испании, что произошло в тот самый год, когда Колумб впервые вступил на землю нового континента.

Постоянные жалобы мусульман на преследование их веры кажутся многим жителям западных стран какой-то паранойей. Однако приходится признать, что за последние столетия территория мусульманского мира значительно сократилась. Когда в 1920 г. французские войска вошли в Дамаск, их командующий генерал Генри Гуро сразу же направился к могиле самого почитаемого мусульманского полководца. «Саладин! — воскликнул Гуро. — Мы вернулись. Мое присутствие здесь символизирует победу креста над полумесяцем»¹³.

В процессе колонизации арабских стран западные державы сознательно культивировали создание светских элит, которые впоследствии и захватили всю власть, ранее принадлежавшую религиозным лидерам. В эти же годы аппаратчики из советского Политбюро в течение многих десятилетий внушали миллионам мусульман, что Бога нет. Панарабские националисты, такие, например, как Гамаль Абдель Насер, изображали ислам как врага прогресса. И, наконец, нельзя забывать о том, что мечта сионистов была

реализована с помощью западных держав, причем за счет именно арабов.

В наши дни бен Ладен паразитирует на накопившейся ненависти, культивируя старые и разжигая новые обиды. Его цель — разделить весь мир на две части. В одной должны жить правоверные мусульмане, в другой — весь остальной западный мир. Именно этого мы хотим избежать. Бен Ладен и те, кто мыслит, как этот фанатик, зациклились на несправедливостях, совершенных в прошлом, и не хотят думать о будущем. Они проходят мимо тех разделов Корана, в которых говорится, что «настанет день, когда Бог дарует вам любовь и дружбу с теми, кого вы считаете сегодня вашими врагами»¹⁴.

Им больше нравятся те разделы Корана, в которых содержатся чудовищные повеления взяться за оружие, чтобы уничтожить всех неверных. Они не могут предложить ничего такого, что могло бы улучшить жизнь людей сегодня и здесь на нашей земле. Их волнует только то, что их ждет в потустороннем мире, и они уверены, что там их ожидает слава. Они ни на минуту не сомневаются в своей высокой и безупречной нравственности, полагая, что сам Господь Бог выдал им мандат на убийство людей.

Ужасные события 11 сентября стоили жизни более чем трем тысячам человек. Этот день ознаменовал рождение новой чрезвычайной угрозы безопасности Соединенных Штатов. В отличие от «безбожного» коммунизма новый враг претендует на то, что исполняет волю Божью. Конечно, Америка может и должна проявить в ответ чудеса изобретательности в разработке эффективной тактики и стратегии предотвращения новых ударов, но одного только этого недостаточно. Не менее важно достучаться до людских сердец, чтобы разрушить базовые устои врага.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ I Kings 18:27.

² Jerry Falwell, quoted in John F. Harris, "God Gave U.S. 'What We Deserve,'" *Washington Post*, September 14, 2001.

³ Transcript of a videotaped meeting between Osama bin Laden and an unidentified Saudi sheikh, released by the Pentagon on December 13, 2001. The quotations cited are of those of the sheikh.

⁴ Exodus 23:22.

⁵ Emily Dickinson, "Faith Is a Fine Invention." Viewed at http://www.poetseers.org/themes/poems_about_faith.

⁶ Remarks of the author. House of Hope Presbyterian Church, Saint Paul, Minnesota, September 30, 2001.

⁷ "What We're Fighting For: A Letter from America," February 2002.

⁸ Gore Vidal, "The Enemy Within," *Observer* (London), October 27, 2002.

⁹ Alice Walker, quoted in the *Village Voice*, October 9, 2001.

¹⁰ "Jihad against Jews and Crusaders," statement issued by the World Islamic Front in the names of Shaykh Usamah Bin-Muhammad Bin-Ladin, Ayman al-Zawahiri, amir of the Jihad Group in Egypt; Abu-Yasser Rifa'i Ahmad Taha, Egyptian Islamic Group; Shaykh Mir Hamzah, secretary of the Jamiat-ul-Ulema-e-Pakistan; and Fazlur Rahman, amir of the Jihad Movement in Bangladesh, February 23, 1998.

¹¹ United Press International, "Taliban Annuls Bin Laden Fatwas against U.S.," June 17, 1999.

¹² CBS News report, July 6, 1999.

¹³ Henri Gouraud, cited in James Reston Jr., *Warriors of God: Richard the Lionheart and Saladin in the Third Crusade*, Doubleday, New York, 2005, xvii.

¹⁴ Quran 60:7-8.

Глава 11

«Бог хочет, чтобы я стал президентом»

В своем обращении к нации в связи с террористическим актом 11 сентября президент Буш категорично заявил, что мир изменился и Америка готова дать отпор любому врагу. Последующие действия показали, что это были не пустые слова. В результате предпринятой рядом стран во главе с США интервенции в Афганистане силы «Аль-Каиды» были рассеяны, а режим талибов свергнут. Как мне казалось, вслед за этим администрация должна была бы предпринять следующие шаги.

Что касается *военных* действий, то прежде всего следовало бы не дать талибам пересечь афганскую границу и найти убежище в соседнем Пакистане. В *политическом* плане необходимо было начать создание в Афганистане демократических институтов и принять все необходимые меры, чтобы религиозные радикалы никогда не смогли бы вернуть потерянную ими власть и влияние. Что же до *дипломатии*, то тут я бы рекомендовала убедить соседей Афганистана, включая Иран, Пакистан и мусульманские страны Средней Азии, создать мощную коалицию, готовую предпринять любые необходимые меры против «Аль-Каиды». Ее главной целью было бы уничтожение как можно большего числа звеньев обширной цепочки дочерних организаций «Аль-Каиды», изолирование тех ее ячеек, которые еще уцелели, и, наконец, создание таких условий, чтобы эта преступная организация не могла бы пустить новые корни.

Я ожидала, что ради достижения этих целей президент в своих выступлениях продолжит выдвигать на первый план все те задачи, которые им были так четко обозначены в первые дни после сентябрьской трагедии, а именно: необходимость глобального единства, борьба с терроризмом всеми доступными средствами, полное взаимодействие с нашими союзниками, стремление добиться понимания и поддержки со стороны арабских стран и всего мусульманского мира. Мои ожидания не оправдались. В тот самый момент, когда, казалось бы, особенно важно, да и просто логично продолжить начатую политику, президент неожиданно меняет взятый было курс.

Вместо того чтобы бросить все силы на полное уничтожение «Аль-Каиды», Буш начал предпринимать шаги, имевшие прямо противоположный эффект. В 2002 г. в своем обращении к конгрессу «О положении в стране» президент сосредоточил внимание не на борьбе с терроризмом и не на построении демократической системы в Афганистане, где эта работа только-только была начата, а на выдвинутом им тезисе о существовании так называемой «оси зла», под которой подразумевались Ирак, Иран и Северная Корея. Позднее в своих публичных заявлениях он, вместо того чтобы подчеркнуть срочную необходимость создания международной антитеррористической коалиции, неоднократно говорил о том, что Америка намерена в одностороннем порядке поддерживать «военную мощь в размерах, необходимых не только для отражения любой угрозы, но даже превышающих эту необходимость».

В опубликованных материалах о национальной стратегии безопасности говорилось, что Соединенные Штаты оставляют за собой право атаковать любое иностранное государство, даже если оно не представляет никакой непосредственной угрозы, а только лишь подозревается в том, что когда-нибудь в будущем может предпринять враждебные по отношению к Америке действия. То есть речь шла о так называемой «доктрине преимущественного права». В соответствии с ней Соединенные Штаты оставляют за собой такие права, которые мы никогда не признаем законными, если их провозгласит какое-либо другое государство. Кроме того, президент попросил конгресс выделить ассигнования на разработку нового поколения ядерного оружия в дополнение к тому устрашающему арсеналу, который мы уже имеем.

Такая риторическая игра мускулами вызвала восторг поклонников президента, но не сделала Америку безопаснее. Напротив, она запутала проблему, которая до этого казалась предельно ясной. Ранее Буш предложи-⁷! всем странам объединиться в борьбе против «Аль-Каиды». Теперь, повторив это предложение, он в то же время заявил о стремлении

США обладать неограниченной мощью, поставив многие страны перед трудным выбором. После этого многим из тех, кто испытывает отвращение к терроризму, будет трудно сказать: «Мы с тобой, Америка».

Буш явно игнорировал рекомендации Теодора Рузвельта, который советовал во всем, что касается международных отношений, допускать только «мягкие» выражения. Администрация, хотя и ненамеренно, но фактически переключила внимание мировой общественности с вопроса о том, что сделали и еще сделают террористы, к вопросу о том, что могут сделать Соединенные Штаты.

В сентябре 2002 г. Буш снова выступил перед огромной аудиторией, обратившись к участникам ежегодной пленарной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Если бы у меня была возможность дать президенту совет, то я порекомендовала бы ему снова призвать все государства сплотиться в борьбе против «Аль-Каиды», поблагодарить те правительства, которые помогли выследить подозреваемых в терроризме, и призвать священнослужителей, ученых и преподавателей заявить о том, что терроризм не может быть оправдан ни при каких обстоятельствах.

В течение всей той осени, обсуждая связанные с «Аль-Каидой» проблемы, президент говорил не столько о необходимости объединения международных усилий в борьбе с глобальной угрозой терроризма, сколько о своем желании передать террористов в «руки американского правосудия», как будто было бы недостаточно передать их просто в «руки правосудия».

В январе 2003 г., выступая с очередным обращением к конгрессу «О положении в стране», Буш снова упустил возможность обозначить приоритеты американской внешней политики. На этот раз он в четыре раза больше говорил об Ираке, чем об «Аль-Каиде». Восемнадцать раз было упомянуто имя Саддама Хусейна и ни разу — бен Ладена. Чтобы оправдать уже принятое им решение о вторжении в Ирак, президент просто связал «Аль-Каиду» с правительством Багдада, назвав их двумя сторонами одной и той же угрозы.

Такая тактика ввела в заблуждение многих американцев, которые теперь полагают, что именно Хусейн стоял за нападением на Центр международной торговли, — а иначе для чего было бы начинать с ним войну? Кроме того, этот прием позволил администрации обвинить в проявлении слабости в отношении терроризма тех, кто выступал против вторжения в Ирак. На этом основании министр обороны Дональд Рамсфельд подверг жесткой критике такие страны, как Германия и Франция, а некоторых членов конгресса назвал чуть ли не предателями. Это был, конечно, нечестный прием. Нечестный хотя бы потому, что французские войска с самого начала сражались бок о бок с американскими в Афганистане, где находились главные базы «Аль-Каиды», а немецкие подразделения обеспечивали там безопасность.

Еще накануне войны с Ираком в риторике администрации Буша зазвучали триумфальные тона. Военные заговорили о том, какой «шок и трепет» испытают иракцы от ударов американской военной машины. Вице-президент Ричард Чейни предсказал, что местное население будет приветствовать американские войска как «освободителей». Кондолиза Райс вообще заговорила о планах преобразования всего Ближнего Востока. Потерпев неудачу в своей попытке сколотить более или менее внушительную международную коалицию, президент философски заметил: «Может быть, мы будем действовать там в одиночку. Лично меня это вполне устраивает. Мы — не кто-нибудь, мы — Америка»¹.

Как бы то ни было, но администрации удалось заручиться поддержкой многих американцев, а также убедить премьер-министра Великобритании Тони Блэра и руководителей ряда других стран послать свои войска в Ирак. Но какое все это имело отношение к борьбе с терроризмом? Этот вопрос имеет первостепенное значение, поскольку, если цель Америки — изоляция террористов, то у «Аль-Каиды» тоже есть свои собственные задачи. Одна из них заключается в том, чтобы склонить на свою сторону или по крайней мере нейтрализовать всех тех мусульман, которые не согласны с политикой США.

Бен Ладен, по его собственным словам, пытается ассоциировать себя со стремлением палестинцев вернуть священные земли, а также с борьбой арабов против вторжения в Ирак и его оккупации христианистами империалистами. Желание обозначить связь между преследованием ислама и иностранной оккупацией исламской территории отнюдь не случайно². Как показали исследования, террористами-смертниками редко движут чисто религиозные мотивы. Организаторы кампаний террора наряду с другими целями почти всегда хотят заставить уйти со спорных территорий враждебные им силы. Шумная трескотня и неумная болтовня, которые периодически слышатся с американской стороны, делают для «Аль-Каиды» выполнение этой задачи легче, чем могло бы быть при более разумном поведении США.

В первое время после событий 11 сентября мировое общественное мнение было почти единодушно на стороне США. С тех пор прошло не так много лет, а положение значительно изменилось³. Так, в Индонезии, стране преимущественно мусульманской, в 2000 г. положительно относилось в Америке 75% населения. В 2003 г. 83% стали относиться уже отрицательно. Во многих мусульманских государствах люди боятся, что Соединенные Штаты планируют нападение на их страну. В центральных районах Пакистана уровень поддержки Америки в ее войне с террором упал до 16%. Таким же низким он оставался и в 2005 г.: 12% — в Иордании, 17% — в Турции и 31% — в Ливане.

Более того, многие не верят в искренность мотивов, которыми Соединенные Штаты руководствуются в этой войне. Большинство, причем не только мусульмане, уверены, что подлинные цели Вашингтона — желание получить контроль над нефтью, нанести поражение мусульманскому миру, защитить интересы Израиля, а в конечном счете установить господство над всем миром. То есть на нас вешают тех самых собак, которых пытается повесить на нас «Аль-Каида».

Совещательный совет государственного департамента информирует, что граждане многих стран считают Соединенные Штаты «не столько маяком надежды, сколько опасной силой, которой надо всячески противостоять»⁴, а также о том, что огромное большинство населения Египта, Марокко и Саудовской Аравии «видит в Джордже Буше большую угрозу, чем в Усаме бен Ладене». Когда-нибудь историки будут недоумевать, как это могло случиться, что кучка террористов, повсюду преследуемая и не имеющая даже собственной постоянной базы в виде государства, могла с таким успехом конкурировать с самой могущественной державой за доверие в глазах мирового общественного мнения.

Как и Билл Клинтон до него, Буш много раз и совершенно искренне заверял, что Соединенные Штаты не ведут никакой войны с исламом. Он прекрасно понимает, что Америка ни в коем случае не должна претендовать на какие-то особые отношения с Богом. Особенно это недопустимо в наше бурное время. Вместе с тем манера президента выражаться такова, что иногда сказанные им слова искажают его собственные мысли, создавая у слушателей представление, совершенно обратное тому, что подразумевал их автор. Конечно, и прежние президенты нередко прибегали к возвышенной риторике, но Буш довел эту практику до крайности. Его выступления зачастую звучат как миссионерские проповеди, пропитанные религиозным благочестием. Немудрено, что некоторые соглашаются с утверждением «Аль-Каиды» о том, что Буш — современный крестоносец.

Так, например, президент неоднократно заявлял, что долг Америки — «избавить мир от зла». Для простых смертных такая задача просто невыполнима. При этом он подчеркивал, что «Америке важен не сам процесс борьбы с терроризмом, а ее конечный результат: полное избавление цивилизованного человечества от этой страшной угрозы». В мае 2003 г., сразу после вторжения в Ирак, Буш произнес речь, получившую название «Миссия выполнена»^{*}, в которой процитировал слова пророка Исая: «Сказать узникам:

^{*} Автор обыгрывает название известного фильма «Mission Impossible» — «Миссия невыполнима». — *Прим. пер.*

"выходите", и тем, которые во тьме: "покажитесь"»**.

Конечно, можно воспринимать это как всего лишь торжественную риторику, но в данном случае она свидетельствует о многом. Характеризуя действия Соединенных Штатов в Ираке, президент, обосновывая правильность и правомерность американской политики, ссылается на тот раздел Библии, в котором Исайя говорит, что Бог освобождает от моральной ответственности тех, кто хочет освободить людей от рабской зависимости. После захвата Саддама Хусейна Буш стал утверждать, что, восстанавливая в Ираке свободу, Америка тем самым выполняет завет Божий. Когда интервьюер спросил президента, одобряет ли его отец начатую сыном войну в Ираке, Буш ответил: «Вы знаете, мой отец — не тот, к кому я бы обратился с таким вопросом. Есть другой Отец, который выше и к которому я постоянно обращаюсь»⁵. Еще до выставления своей кандидатуры на пост президента Буш признался своим верующим друзьям: «Я верю, что Бог хочет, чтобы я стал президентом»^{6***}.

Разумеется, проблема не в том, что администрация Буша старается обосновать свое право на лидерство моральными критериями. Фактически это делали все президенты. Беда в том, что используемая при этом риторика слишком уж смахивает на попытку оправдать политику США с помощью исключительно религиозной терминологии, а это все равно что махать красным флагом перед разъяренным быком. К тому же уж очень это напоминает тактику «Аль-Каиды», которая тоже предпочитает вести идейное противоборство в форме защиты моральных ценностей. Соединенные Штаты способны сплотить мир и поднять его на борьбу против убийства невинных людей. Но мы никогда не сможем никого объединить, утверждая, что любое несогласие с президентом США означает выступление против воли Божьей.

У президента Буша, кажется, вошло в привычку изображать борьбу с террором как сражение добра и зла. Но можно ли считать различия между этими двумя понятиями абсолютными? Конечно, «Аль-Ка-ида» — совершенное зло. А что есть добро? Да, я горжусь Америкой, но, если быть честной, назвать ее совершенством тоже нельзя. Даже если считать, что наши руководители преисполнены самыми благими намерениями, мотивы их действий зачастую далеки от благородных, планирование нашей политики тоже нельзя назвать идеальным, и наконец, сами наши действия нередко омрачаются грубыми ошибками и оплошностями. Так было на протяжении всей истории Америки. В большей или меньшей степени это верно и в отношении всех других стран.

Даже Иисус из Назарета, когда один незнакомец обратился к нему со словами «добрый мастер», ответил: «Зачем называешь меня добрым? Никто не добр, только один, и это Бог»⁷. Обсуждая проблемы террора, нам лучше говорить о конфронтации между злом и «достаточно добрыми делами» или между абсолютным злом и «относительным добром». Можно просто говорить, что мы делаем «все, что можем». И наконец, желательно вспомнить формулировку, предложенную Авраамом Линкольном, о сражении между делами злыми и «делами правыми, правыми в том смысле, в каком Бог научил нас понимать, что такое правый»⁸.

В речи, произнесенной мною весной 2004 г., я специально обратила внимание слушателей на необходимость осторожно выбирать выражения, добавив при этом: «Я не хочу, чтобы вы воспринимали мои слова как критику президента. Во-первых, считаю, что

** Цит. по каноническому изданию: *Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Книги Ветхого Завета, Книга Пророка Исайи, глава 49, стих 9.* — М., 1989, с. 721.—Прим. пер.

*** 27 марта 2005 г. Ричард Лэнд, один из руководителей Конвента южных баптистов, дал интервью в программе Эн-би-си «Встреча с прессой». Ведущий спросил Лэнда, насколько точно процитированы слова Буша, на что тот ответил: «Да, точно, но не полно. Причем средства массовой информации настойчиво повторяют эту цитату в ее урезанном виде, что изменяет весь контекст. В действительности дело было так. После утренней службы Джордж сказал, что собирается выставить свою кандидатуру на второй губернаторский срок. По его словам, в это утро священник методистской церкви прочел крайне волнующую проповедь на тему "Бог избрал вам предназначение. Его замысел определит вашу будущую жизнь". Выслушав проповедь, мать Буша сказала ему: "Джордж, а ведь он говорит о тебе". По возвращении в резиденцию губернатора во время встречи с некоторыми из нас Буш сказал: "Я верю, что Бог хочет, чтобы я стал президентом, но даже если этого не произойдет, все равно будет неплохо"».

он, как правило, не бросается зря словами. Во-вторых, я и сама, как многие другие, нередко грешу тем, что чрезмерно увлекаюсь собственным красноречием. Все мы жаждем верить в то, во что нам хочется верить и что дает нам ощущение нашей правоты. Но вера не всегда порождает мудрость. Мир сегодня напоминает трутницу*, и нам лучше научиться гасить старые очаги пожара, чем высекать пламя новых»⁹.

Эти мои оговорки и разъяснения не помогли, и уже на следующий день пропрезидентские средства массовой информации кинулись его защищать. Так, телеобозреватель компании Fox News Шон Ханнити обозвал меня «назойливым левым», задав при этом риторический вопрос: «Неужели либералы настолько горят желанием вернуться к власти, что готовы ради этого на любые заявления?» Один из его коллег в шутку предложил назвать мой план борьбы с терроризмом «Песней "Кумбайя" по-арабски»¹⁰.

Как мы уже могли убедиться, президент Буш — не первый американский лидер, который ассоциирует свою программу действий с волей Божьей. То же самое в разное время делали и делают сторонники отмены рабства, участники движения за права человека, борцы с бедностью и болезнями. Использовать данную тактику всегда надо крайне осторожно, особенно в наше время. Однако участники проходившего в 2004 г. съезда Республиканской партии были весьма далеки от подобной сдержанности. Так, сопредседатель партии из штата Айова прямо заявил, что «республиканцы — официальная партия Господа Бога»¹¹, а в предвыборной программе техасских республиканцев говорится о том, что «Соединенные Штаты Америки — христианское государство». Национальный студенческий комитет Республиканской партии выступил с призывом гарантировать президенту защиту, в том числе и со стороны «сил небесных»². Вице-президент Чейни процитировал одного историка, однажды сказавшего, что «когда были созданы Соединенные Штаты Америки, звезды на небе пустились в пляс»¹³. А президент Буш, принимая выдвижение своей кандидатуры на второй срок, заявил: «Как и правительства, которые были до нас, мы слышим призыв с неба стоять за свободу»¹⁴.

Президент Буш гордится тем, что в своих суждениях и выводах о том, что верно, а что неверно, он руководствуется в том числе и религиозными ценностями, а также своим пониманием того, что хочет и чего не хочет Господь. Он считает, что уверенность в своей правоте — важнейшее для президента качество. «Вы должны твердо знать, во что верите, а во что нет. Иначе под воздействием дружеской лести или критики недоброжелателей вы будете без конца шарахаться из стороны в сторону, — заявил Буш осенью 2004 г., выступая перед одной аудиторией. — Для президента Америки крайне важно быть последовательным, а его решения должны быть основаны на неизменных принципах и убеждениях. Колебания здесь неуместны»¹⁵.

Кто бы с этим спорил? Лидерам, безусловно, необходимо быть уверенными в своей правоте, но уж очень тонкая грань отделяет уверенность от самодовольства и самоуверенности. Уверенность рождается тогда, когда вы сумели как можно глубже вникнуть в проблему. Самоуверенность появляется в том случае, когда вам кажется, что вы знаете абсолютно все. Уверенный в себе лидер, даже приняв лучшее, по его мнению, решение, всегда будет готов снова вернуться к данной проблеме, если выявятся новые обстоятельства. Самоуверенный лидер просто отмахнется от любой информации, которая будет противоречить уже сложившемуся у него мнению.

Руководитель обязан принимать во внимание в том числе и моральные факторы, но, поскольку людям свойственно мыслить абсолютными категориями, подходить к оценке этих факторов следует крайне осторожно. Чем больше мы уверены в своей правоте, тем менее склонны рассматривать альтернативные решения. Кому захочется сесть за разработку нового плана действий, если для этого придется отказаться от прежнего? Кроме того, нередко у нас может возникнуть такое сильное желание любой ценой добиться поставленной цели, что мы готовы использовать ради этого в том числе и негодные средства.

История знает массу примеров того, как рушились замыслы лидеров, абсолютно

* Трутница — коробочка, в которую клали трут, использовавшийся для высекания огня. — *Прим. пер.*

уверенных в возможности их осуществления. То, какими Буш увидел причины трагедии 11 сентября, заставило его начать вторжение и оккупацию страны, не имевшей никакого отношения к этому событию. Такого рода действия привели к углублению противоречий между мусульманским миром и Соединенными Штатами, дали новый дополнительный шанс «Аль-Каиде» и сделали более трудной борьбу с международным терроризмом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ President George W. Bush, cited in Bob Woodward, *Bush at War*, Simon and Schuster, New York, 2002, 81.

² Robert A. Pape, "Blowing Up an Assumption," *New York Times*, May 18, 2005.

³ Pew Global Attitudes Project, Pew Research Center for the People and the Press, surveys released in June 2003 and June 2005.

⁴ Glenn Kessler and Robin Wright, "Report: U.S. Image in Bad Shape," *Washington Post*, September 25, 2005.

⁵ Quoted in Bob Woodward, *Plan of Attack*, Simon and Schuster, New York, 2004, 421.

⁶ Interview with Richard Land, director of the Southern Baptist Convention, "The Jesus Factor," *Frontline*, National Public Broadcasting, April 29, 2004.

⁷ Mark 10:18.

⁸ President Abraham Lincoln, Second Inaugural Address, Washington, D.C., March 4, 1865.

⁹ Remarks of the author at Yale Divinity School, March 30, 2004.

¹⁰ Слова бывшего помощника заместителя министра обороны Дже-да Бэббина, сказанные им во время шоу Шона Ханнити на тему «Можно ли согласиться с Олбрайт в том, что весь мир ненавидит нас из-за Ирака?», показанного 31 марта 2004 г.

¹¹ Leon Mosley, quoted by Michelle Crowley, "Press the Flesh," *New Republic*, September 13-20, 2004, 11.

¹² Thomas Edsall, "College Republicans' Fundraising Criticized," *Washington Post*, December 26, 2004, A5.

¹³ Vice President Richard Cheney, speech to Republican National Convention, New York, September 1, 2004.

¹⁴ President George W. Bush, speech to Republican National Convention, New York, September 2, 2004.

¹⁵ President George W. Bush, remarks in Westlake, Ohio, October 28, 2004.

Глава 12

Ирак: непредвиденные последствия

Большое значение имеет то, по какой причине и под чьим руководством предпринимаются военные действия, осуществить которые признано необходимым»¹, — писал в V в. христианский теолог и церковный деятель Августин Блаженный.

1600 лет спустя, в марте 2003 г., кардинал Пио Лаги пытался убедить президента Буша отказаться от вторжения в Ирак. Специальный посланник Ватикана предупреждал о вероятности больших потерь среди мирного населения и нанесении ущерба отношениям между христианами и мусульманами. Кардинал настойчиво утверждал, что, несмотря на репрессивный характер режима Саддама Хусейна, нападение на страну с целью свергнуть ее правительство нельзя считать ни морально оправданным, ни юридически обоснованным. Его аргументы ничуть не тронули Буша. Война, сказал он, «улучшит положение вещей»².

На той же неделе, выступая в одной аудитории, я высказала мнение о том, что, «даже если имеется достаточно веских оснований для вторжения в Ирак, начать войну при данных обстоятельствах и в данный момент было бы неразумно»³. Меня беспокоило то, что, раздув пожар войны, мы не сможем уделить должного внимания усилиям по поимке бен Ладена. Кроме того, наш враг номер один наверняка использует действия США как удобный предлог для вербовки новых террористов.

Я предупреждала, что существование внутренних разногласий в самом Ираке сильно осложнит послевоенное урегулирование. Меня беспокоило также отсутствие международной поддержки действий Соединенных Штатов. Я понимала, что, хотя США не нуждаются в особой помощи для победы в этой войне, нам не обойтись без содействия других стран, чтобы установить в Ираке демократический строй. Насколько мне было известно, эти мои взгляды разделяли некоторые члены администрации и прежде всего сотрудники госдепартамента, а также наиболее информированные о положении дел военные.

Мои сомнения в разумности войны с Саддамом Хусейном вовсе не означали, что я страдала какими-либо иллюзиями относительно диктатора. Занимая должность государственного секретаря, я тоже настаивала на необходимости дозированных военных ударов, считая их вполне оправданным наказанием за многочисленные преступления Багдада, включая его нежелание сотрудничать со специальной комиссией ООН по Ираку и ее инспекторами по вооружению.

Уже теперь, вновь анализируя полученные мною ранее разведанные, я прихожу к выводу, что Ирак действительно мог обладать химическим и бактериологическим оружием, но не имел эффективных средств его доставки. В то же время не было никаких свидетельств того, что в стране возобновлены попытки создать ядерное оружие.

Приходится признать и то, что, если бы Хусейн располагал возможностями его создания, он не замедлил бы этим воспользоваться. Однако блокада Ирака оказалась настолько действенной, что Саддам напоминал попавшую в капкан лису: курятник под носом, а попасть туда никак не получается.

Багдад не мог закупать тяжелое вооружение. На границах страны стояли силы, значительно превосходящие иракскую армию. Даже большая часть воздушного пространства была неподконтрольна режиму. Кроме того, Хусейна предупредили, что если он только посмеет снова совершить агрессию против кого-либо из его соседей, то будет немедленно уничтожен. Обычно люди, которые ставят себе при жизни памятники, не страдают склонностью к самоубийству. Эта политика сдерживания продолжалась уже более десяти лет, и в результате Ирак утратил способность на кого-либо нападать.

В 2001 г. тогдашний госсекретарь Колин Пауэлл точно и безошибочно охарактеризовал создавшуюся ситуацию. Говоря о санкциях, он заметил: «Откровенно говоря, они сработали. Хусейн не смог добиться чего-либо серьезного в попытке создать оружие массового уничтожения. Сейчас он не в состоянии использовать силу против своих соседей. Таким образом, политика США помогла укрепить безопасность сопредельных с

Ираком государств, и мы намерены ее продолжать»⁴. Тогда Пауэлл не мог предсказать, как долго США будут придерживаться этой политики. Уже в начале 2002 г. Буш принял решение начать подготовку к вторжению.

Традиционно существующее представление о так называемой «справедливой войне» предусматривает ряд условий, при соблюдении которых она может считаться легитимной: 1) война ведется ради справедливого дела (имеется достаточно веская, обоснованная причина); 2) она преследует надлежащие цели и благие намерения; 3) тот, кто ее начинает, обладает должными полномочиями; 4) имеются достаточные шансы на успех; 5) существует разумный баланс (соотношение) между теми положительными результатами, которые предполагается достигнуть, и возможными отрицательными издержками.

Как только планы Белого дома относительно Ирака стали известны, хор голосов различных религиозных организаций присоединился к голосу Ватикана. Все они указывали на то, что предстоящее вторжение не полностью соответствует вышеназванным условиям. Вот что заявил, например, епископ методистской церкви Чикаго: «Не существует достаточно надежного способа, чтобы точно определить, насколько сложившиеся условия соответствуют тем критериям, согласно которым войну можно считать "справедливой", и тем самым признать это рискованное предприятие оправданным.

В случае с Ираком это явно нельзя будет назвать актом самообороны. Как известно, не были до конца использованы все имеющиеся возможности для решения проблемы мирным путем. Думается, что те разрушения и опустошения, которые нанесут Ираку наши действия, не идут ни в какое сравнение с предполагаемым ущербом от возможной агрессии Саддама Хусейна. Невозможно будет защитить невинных гражданских лиц, и прежде всего женщин и детей»⁵.

Патриарх Александрийский и всея Африки Петр VII, второй по чести иерарх православной церкви, предупреждал, что вторжение в Ирак будет расценено как «объявление войны исламу» и потому повлечет за собой «крайне нежелательные, далекоидущие и долговременные последствия»⁶. Исполнительный комитет Всемирной конференции религий за мир призвал Багдад согласиться с требованиями Совета Безопасности ООН. В то же время он выразил опасения, что «военные действия против Ирака содержат в себе потенциальную опасность вызвать гуманитарную катастрофу, дальнейшую дестабилизацию положения в регионе и спровоцировать усиление опасных экстремистских тенденций»⁷.

Протестантская организация «Призыв к обновлению» предложила шесть альтернативных вариантов решения проблемы невоенными методами, в том числе предание Хусейна суду международного трибунала, принудительную инспекцию, оказание гуманитарной помощи, а также усиление борьбы с угрозой, которую представляют собой террористы-самоубийцы⁸.

Однако сторонники политики администрации Буша напрочь отметали любые альтернативы, утверждая, что совершенное 11 сентября нападение сделало обычные критерии справедливой войны безнадежно устаревшими. Говорилось также о том, что, весьма возможно, в ближайшем будущем Саддам Хусейн и «Аль-Каида» объединятся (делались намеки, что, быть может, это уже произошло) и что Ирак имеет возможность снабжать террористов грозным современным оружием. Даже если США не в состоянии доказать, что Ирак помогает «Аль-Каиде», это еще не означает, что Багдад действительно не оказывает такую помощь. Как заявил Дональд Рамсфельд, «отсутствие доказательств не является доказательством их отсутствия». Аргументов такого рода оказалось достаточно, чтобы завоевать поддержку консерваторов, а также христианских и еврейских организаций*.

* Например, Национальная ассоциация евангелистов назвала предполагаемое вторжение актом самообороны. Союз реформирования иудаизма выразил готовность поддержать военные действия, правда, при условии, что сначала будут испробованы все остальные способы решения проблем, связанных с «обладанием Ираком оружия массового уничтожения».

В оправдание своих планов официальные лица Вашингтона утверждали о существовании «все возрастающей опасности» со стороны иракского режима. Кондолиза Райс даже призвала на помощь образ ядерного гриба как предупреждение о том, что в случае отказа от планов вторжения всем нам грозит ядерная катастрофа. Честно говоря, на меня тоже произвели сильное впечатление те полные драматизма свидетельства и аргументы, которые представил в феврале 2003 г. на заседании Совета Безопасности ООН госсекретарь Пауэлл.

В присутствии сидевшего рядом с ним директора ЦРУ Джорджа Тенета Пауэлл зачитал длинный список обвинений, включая утверждение о том, что Ирак якобы обладает целой сетью передвижных лабораторий по производству биологического оружия. Презентация выглядела более чем внушительной; все дело, однако, было в том, что самые серьезные и сенсационные обвинения в действительности оказались ложными. Причем сам Пауэлл об этом не знал. Как потом выяснилось, иракские политические эмигранты, а именно один из них, информатор по кличке Curveball («Крученный мяч»), сфабриковали ложные доказательства, с тем чтобы вовлечь Америку в войну*. Как вскоре выяснилось, никаким оружием массового уничтожения Ирак не обладал.

По прошествии времени стало ясно, что наибольшую опасность иракский режим представлял не для других государств, а для собственного народа. Разумеется, никакой непосредственной угрозы для США или наших союзников от Ирака не исходило. Нет никаких свидетельств и о существовании каких-либо связей между Багдадом и «Аль-Каидой». Администрация Буша одержала внушительную дипломатическую победу, добившись возвращения в Ирак инспекторов МАГАТЭ (Международного агентства по атомной энергии), однако затем допустила непростительную ошибку, связанную с решением преждевременно прекратить инспекцию.

Как оказалось, в конечном счете США не располагали «должными полномочиями», чтобы на законных основаниях начать войну против Ирака. Вряд ли Вашингтон мог претендовать на то, что он выполняет волю Совета Безопасности ООН, поскольку большинство членов Совета выступило против плана президента. Согласно официальному отчету о состоявшихся летом 2002 г. переговорах британских официальных лиц с американскими представителями, «Буш хотел устранить Саддама Хусейна путем военной акции, оправдывая подобные меры его связями с терроризмом и тем, что он обладает оружием массового уничтожения. При этом все разведанные были подчинены соображениям и целям большой политики»¹⁰.

Вначале в результате войны действительно удалось выполнить одну крайне важную задачу: отстранить Саддама Хусейна от власти. Однако очень скоро стало ясно, что авторы плана «Миссия выполнима» совершили крупный просчет в оценке того, во что обойдется его выполнение. Предполагалось, что как сама война, так и последующий переход к демократической системе будут легкими, не требующими больших материальных затрат и не связанными с серьезными рисками. Поскольку осложнений не предвиделось, то никаких запасных вариантов действий на экстренный случай предусмотрено не было.

Незадолго до вторжения я присутствовала на брифинге, во время которого гражданские руководители министерства обороны демонстрировали присутствующим схемы военных операций и рассказывали об ожидаемых результатах. Подняв руку, я спросила: «Скажите, пожалуйста, а каков ваш план послевоенных действий?» Вместо того чтобы дать конкретный ответ, один из участников брифинга заверил меня, что беспокоиться не о чем: все предусмотрено и никаких проблем возникнуть не должно. Все были более чем уверены в успехе.

Зная, что собой представляет Саддам Хусейн, я могла еще согласиться, пусть даже не очень охотно, с решением начать против него войну. Но я не понимала, почему столь важное решение было принято без предварительного формирования требуемой для этого ударной группировки и оснащения ее необходимым вооружением, без разработки реально

* Судя по всему, Пауэлл приложил максимум усилий, для того чтобы гарантировать правдивость информации, представленной им ООН. Он запросил все необходимые для этого подтверждения. Проблемы возникли в связи с тем, что полученные им ответы были, мягко говоря, не совсем адекватными. В интервью, которое в сентябре 2005 г. Пауэлл дал обозревателю Эй-би-си Барбаре Уолтере, бывший госсекретарь заявил: «Некоторые сотрудники разведывательных служб уже тогда знали, что среди их агентов есть в том числе и такие, на которых нельзя положиться. Но они умолчали об этом, поставив тем самым меня в крайне неловкое положение».

выполнимого стратегического плана восстановления порядка после окончания военных действий и без серьезного анализа той обстановки, в которой американским военнослужащим придется рисковать своей жизнью.

Вооруженные силы США выполнили в Ираке возложенную на них задачу с присущими им мастерством и храбростью, однако дальнейшие действия Пентагона по управлению оккупированными территориями полны трагических ошибок. С самого начала развалилась созданная система безопасности. Остались мертворожденными планы экономической реконструкции. Контракты на восстановительные и другие работы зачастую заключались по знакомству. Односторонний подход Белого дома к решению проблем оттолкнул от нас союзников. И, наконец, невероятно возросли финансовые расходы и человеческие потери.

Как уже было сказано, коалиционные войска потеряли две тысячи четыреста человек убитыми и 16 тысяч ранеными. Многие из них остались инвалидами. Были убиты также и десятки тысяч невинных гражданских лиц, граждан Ирака. Как в бездонную бочку, в Ирак уже ухнули 250 миллиардов долларов. Огромные деньги, которые можно было бы потратить на борьбу с «Аль-Каидой», на восстановление разрушений, причиненных стихийными бедствиями, или на какие-либо другие важные цели. Отметим также и то, что на американские вооруженные силы, в том числе и на национальную гвардию и резервные подразделения, легла слишком большая нагрузка.

Из всех критериев, по которым определяется, справедлива данная война или нет, проходной балл администрации, пожалуй, можно поставить только за то, что война ведется ради справедливого дела (имеются верные, надлежащие цели и намерения). Президент, безусловно, был искренним, когда говорил посланнику Папы Римского, что после войны «положение вещей изменится к лучшему». Он был настолько уверен в своей правоте, что полностью игнорировал мнения своих как американских, так и зарубежных друзей. Судя по заявлениям Буша, логика его рассуждений была такова. В мире существуют добро и зло. Саддам Хусейн — безусловное зло, поэтому его устранение будет добрым делом. Для других арабских стран новый демократический Ирак станет моделью, достойной подражания. Основная проблема заключалась в том, что из этой цепи рассуждений совершенно выпали и абсолютно не учитывались те трудности, которые должны были возникнуть и которые действительно возникли в результате влияния исторических и религиозных факторов.

Мандат, полученный после Первой мировой войны Великобританией на управление ближневосточным регионом, не ограничивался только Палестиной. Подмандатными территориями Лондона стали также три бывшие провинции Османской империи. Одну из них населяли этнические курды, другую — арабы-сунниты и третью — арабы-шииты. Все три территории были расположены вдоль рек Тигр и Евфрат, долина которых — колыбель древней Месопотамии. Для удобства управления ими британские власти объединили эти совершенно различные провинции в единое государство. Так возник Ирак.

Как это случилось более 80 лет спустя с американцами, англичане предполагали, что новые подданные встретят их с распростертыми объятиями. В конце концов, они освободили коренных жителей региона от иностранного гнета. Командир английских войск генерал-лейтенант сэр Фредерик Мод во время встречи с местными властями заявил: «Наши солдаты пришли на вашу землю и в ваши города не как завоеватели или враги, но как освободители... Мы хотим, чтобы вы процветали так же, как в далеком прошлом процветали ваши предки, когда ваши земли были плодородными, ваш народ создал выдающуюся литературу, науку и искусство, а Багдад был одним из чудес света»¹¹.

Несмотря на все старания генерала и витиеватость его выражений, ему так и не удалось умиротворить иракцев, которые были вовсе не заинтересованы в том, чтобы поменять мусульманского хозяина на христианского. К 1920 г. на большей части территории новой страны полыхало восстание. Повстанцы взрывали железные дороги, нападали на города, убивали британских офицеров. В ответ англичане бомбили иракские населенные пункты и травили их жителей газами, безжалостно уничтожая как членов сопротивления, так и мирных жителей. Возглавившие восстание шиитские власти страны отказались

подчиниться. Когда порядок был наконец восстановлен, Великобритания учредила в стране конституционную монархию, которая стала править в интересах суннитского меньшинства, превратив шиитов в ожесточенных и озлобленных маргиналов. Что же касается иракской нефти, то она была поделена между британскими, французскими, голландскими и американскими компаниями.

Хотя действие мандата Великобритании официально закончилось еще в 1932 г., фактически Ирак находился под протекторатом британской короны вплоть до 1958 г., когда группа армейских офицеров свергла монархию. Последовавший затем в 1979 г. очередной переворот привел к власти Саддама Хусейна, ставшего президентом страны.

Да, Хусейн — суннит, но он отнюдь не фанатик. Его идеалом, образцом для подражания был Иосиф Сталин. Так же как советский диктатор, Саддам безжалостно уничтожал каждого, кто смел ему противостоять или ставить под сомнение мудрость своего руководителя. Особенно свирепо он расправлялся с шиитами и курдами.

Этот небольшой исторический ракурс призван помочь нам понять, почему весной 2003 г. вторгшимся в Ирак американским войскам пришлось столкнуться с далеко не однородным населением, которое уже очень давно относится с величайшим подозрением ко всему западному. К тому же один только вид иностранных войск христианского вероисповедания, оккупировавших город, который в течение многих веков оставался столицей ислама, вызывает у многих иракцев инстинктивную враждебность. Совершенно неудивительно, что ни добрые намерения, ни витиеватые выражения — ничто и никогда не могло бы смягчить их сердца.

Очень хотелось бы надеяться, что вторжение в Ирак и все, что за этим последует, не станет впоследствии рассматриваться как худший провал за всю историю американской внешней политики. Уже сегодня американская операция в Ираке стала хрестоматийным примером непредумышленных последствий, когда полученный результат оказывается прямо противоположным тому, который ожидался и на который рассчитывали.

Например, разве не странно, что самое рискованное предприятие Буша на мировой арене зависит от состояния здоровья 75-летнего аятоллы, родившегося в Иране и страдающего от сердечного заболевания? После устранения с политической арены Саддама Хусейна вместо суннитского меньшинства, которое долгие годы доминировало в Ираке, к власти пришло находившееся ранее на вторых ролях шиитское большинство, наиболее влиятельным лидером которых стал аятолла Систани.

В отличие от других шиитских духовных лидеров Ирана Систани не претендует на политическую власть и в соответствии с шиитскими традициями ведет себя крайне тихо, стараясь держаться в стороне от общественной жизни. В то же время он всегда оставляет за собой право в решающий момент высказать свое мнение по наиболее важным вопросам. После падения Багдада Систани весьма продуктивно использовал это право. Он не повторил ошибки других иракских лидеров и не выступил открыто против могущественных вооруженных сил Запада. Вместо этого Систани нашел способ, как заставить оккупационные силы действовать в его интересах.

Когда в 2003 г. Соединенные Штаты обнародовали план создания в Ираке законодательного органа и проект новой конституции, Систани блокировал и то и другое, причем вовсе не потому, что они были слишком демократичны. Напротив, он посчитал их недостаточно демократичными. Кроме того, ему не понравилось то, что американские власти собирались взять процесс создания демократического общества под свой полный контроль и поэтому хотели утвердить правила политической игры еще до принятия конституции.

Систани с полным основанием указал на то, что конституция, проект которой будет одобрен представителями, не избранными всенародным голосованием, не может считаться легитимной. Он настаивал на том, чтобы сначала провести всеобщие выборы, а уж только потом начать работу над конституцией. Поскольку попытка американских властей просто игнорировать требования Систани вызвала всеобщее недовольство иракцев, они предложили компромиссное решение. И снова неудача. В конечном счете им пришлось уступить, иначе все разговоры о демократии выглядели бы пустышкой.

Несмотря на угрозы, раздававшиеся со стороны террористов, поддержка, которую оказал выборам аятолла, обеспечила им успех. Систани зашел так далеко, что даже призвал женщин принять участие в голосовании, невзирая на согласие или возражения их мужей. Поддержанные им кандидаты легко одержали победу над всеми теми, кто каким-то образом был связан с Соединенными Штатами.

Аятолла Систани действует теми же самыми методами, которые применяли его предшественники еще много веков назад. Разница заключается лишь в том, что он пользуется современными усовершенствованными средствами массовой коммуникации. Систани — аскет, живет в маленьком доме в святом для каждого шиита городе Эн-Наджафе, старательно воздерживаясь от публичных выступлений. При этом он категорически отказывается встречаться напрямую с американскими официальными лицами. Его окружает группа советников, которые умело и эффективно формируют общественное мнение о своем лидере. Популярность Систани многократно увеличивается благодаря деятельности целой сети контролируемых им общественных и благотворительных организаций.

Аятолла не настолько силен и влиятелен, чтобы определять направление развития страны в целом, однако ни одна общественная или политическая организация не в состоянии добиться своих целей, не получив предварительно хотя бы его молчаливой поддержки. Систани целеустремленно использует свое влияние, в том числе для того, чтобы обеспечить исламу ведущую роль в формировании иракского общества и развитии законодательства.

В течение долгого времени режим Хусейна держал под жестким контролем деятельность мусульманских консерваторов, не давая им развернуться. Сегодня, получив возможность действовать открыто, они ведут ожесточенную борьбу с умеренными течениями в мусульманстве, а также со сторонниками предоставления гражданских прав женщинам. Фактически решается вопрос, насколько терпимым и разносторонним будет общество нового Ирака. Нетрудно предвидеть, что в процессе этой борьбы мудрость и благоразумие Систани будут постоянно подвергаться нелегким испытаниям.

Среди шиитских лидеров и соперников Систани особенно выделяется молодой Моктада аль-Садр — фигура весьма противоречивая, но с богатой родословной. Его прапрадед прославился тем, что еще в 1920 г. был признанным лидером шиитского восстания против британцев. Казненный в 1999 г. головорезами Саддама Хусейна отец аль-Садра в свое время считался одним из ведущих религиозных деятелей страны. Сам Моктада аль-Садр явно преисполнен желанием продолжать семейную традицию, выступая в роли бунтовщика, только еще не знает, как лучше всего это делать. Пока его действия отличаются непостоянством и непоследовательностью. Сегодня он может приказать своим плохо организованным отрядам милиции атаковать коалиционные войска, а завтра выступить с заявлением, в котором осудит насилие и заявит о своем желании уйти в политику.

Как бы то ни было, но Моктада аль-Садр — один из наиболее влиятельных деятелей страны. Широко используемая им демагогия делает его самой популярной фигурой среди всех тех, кто в результате свержения Саддама Хусейна оказался потерпевшим и понес моральный или материальный ущерб. Поскольку таких хватает и среди шиитов, и среди суннитов, Моктада аль-Садр способен весьма успешно манипулировать «колеблющимися избирателями». При этом он может использовать их голоса и энергию как в интересах объединения страны, так и, напротив, для того, чтобы вызвать еще больший раскол. Некоторые сравнивают Моктаду аль-Садра с лакмусовой бумажкой, с помощью которой можно измерить степень прогресса, достигнутого новым Ираком. Если его имя окажется прочно связанным с усилиями по достижению национального единства, тогда надежды на успех этих усилий заметно укрепятся. Если же Моктада аль-Садр, наоборот, станет провоцировать насилие, то положение в стране значительно ухудшится.

В то время как сунниты, лишившись своего покровителя Саддама Хусейна, потеряли былую власть и влияние, шииты и курды их, напротив, приобрели. Сунниты, в течение более 80 лет контролировавшие все правительственные учреждения, теперь внезапно

оказались на обочине политической жизни. В 2003 г. Соединенные Штаты расформировали иракскую армию и запретили бывшим членам правительственной партии занимать государственные посты. Такого рода непродуманные меры не только лишили страну действенных органов общественной безопасности, но и оставили без работы десятки тысяч суннитов, и это в период, когда в стране совсем немного свободных рабочих мест. Для суннитов потеря социального статуса оказалась сильнейшим шоком. Даже сегодня многие из них все еще уверены в том, что именно они составляют большинство населения страны, хотя, по утверждению экспертов, доля суннитов не превышает 20%.

Беда сегодняшних суннитов еще и в том, что у них нет лидера, престиж которого был бы сравним с авторитетом Систани. Некоторые из их наиболее выдающихся руководителей были уничтожены, другим из-за связей с режимом Саддама Хусейна запрещено заниматься общественной деятельностью. Правда, есть еще одна категория суннитов — это вернувшиеся в страну политэмигранты, но у них слишком мало сторонников. Наиболее влиятельные суннитские лидеры выступили с призывом оказывать сопротивление коалиционным войскам, но между ними нет согласия по вопросу о том, насколько широко можно использовать при этом насильственные меры.

А тем временем в страну стали прибывать террористы, завербованные в тех арабских государствах, где главенствующим религиозным течением является суннизм. Всех их привлекает в Ирак возможность участвовать в борьбе с американцами (то есть с христианами и атеистами), иранцами (шиитами) и израильскими агентами, цель которых, в их представлении, — грабить страну и подрывать исламскую веру. Их количество пока неизвестно, а самый знаменитый среди них — это террорист иорданского происхождения Абу Мусаб аль-Заркави, который приобрел дурную славу после того, как по Интернету была показана кровавая казнь похищенных им людей.

Считается, что именно Заркави спланировал некоторые из наиболее дерзких нападений в Ираке, хотя десятки других гангстерских групп тоже претендуют на авторство в организации взрывов, нападений на офицеров службы безопасности, совершении убийств и актов саботажа. Вместе взятые, эти группы образуют многоголовую мятежную гидру, силы которой непрерывно возрастают. Их террористическая деятельность не только истощает ресурсы Ирака, подрывая тем самым его экономику, но и усиливает раскол внутри иракского общества, что грозит ввергнуть страну в хаос.

Поскольку участники восстания не имеют единого централизованного руководства, им легче возмещать потери в своих рядах, не теряя при этом возможности наносить преступные удары. Хотя у повстанцев нет никаких реальных шансов восстановить суннитский контроль над Ираком, они настолько сильны, что нанести им поражение чисто военными средствами оказалось невозможным.

Думаю, что, скорее всего, сунниты потерпят поражение только в том случае, если между ними начнется грызня и они станут драться друг с другом. Судя по всему, на сегодняшний день их программа предусматривает исключительно борьбу за изгнание сил коалиции из страны и уничтожение тех иракцев, которые с ней сотрудничают. Как заявил журналу *Times* один из террористов-самоубийц, «наш первый шаг — это выгнать из Ирака американцев. Когда это будет достигнуто, мы подумаем и обо всем остальном»¹².

Американские лидеры характеризуют конфронтацию в Ираке как битву между силами свободы и тирании, пытаясь без особого успеха принизить значение религиозного фактора. Разумеется, не все иракцы — верующие фанатики. Кроме того, повседневная борьба за выживание оставляет не так много времени и сил на что-нибудь еще, и в то же время вера — одна из главных составляющих личности каждого иракца.

После падения Багдада религиозные лидеры не раз демонстрировали способность вывести на улицы огромное количество людей. По крайней мере вначале большинство жителей Ирака, и прежде всего шииты, довольно снисходительно относились к присутствию в стране американских войск, поскольку Систани неустанно призывал их к терпимости. В то же время многие сунниты, напротив, открыто выражают свой протест. К этому их подталкивает в том числе и ведущая суннитская организация «Ассоциация мусульманских ученых», которая постоянно утверждает, что сопротивление — это

религиозный долг каждого верующего.

Хотя большинство иракцев никак не назовешь фанатиками, некоторые из них таковыми являются. Почти каждый день мы можем прочесть в газете признания какого-нибудь иракца в том, что он готов умереть сам или убить врага, если только ему прикажет его имам. Вот, например, Мустафа Джаббар¹³. Ему 23 года, у него крошечный сын, его первый ребенок. Он и его жена заявили корреспонденту, что они готовы «положить в детские пеленки мину и взорвать ее вместе с ребенком, если этого потребует от них Моктада аль-Садр».

Один из многих парадоксов американской политики состоит в том, что, хотя многие инициативы администрации Буша продиктованы в том числе и религиозными соображениями, президент и его окружение гораздо комфортнее чувствуют себя, имея дело со светскими руководителями Ирака, чем с теми, для кого религия является главенствующим фактором. Причем это верно в том числе и в отношении к религиозным деятелям умеренной ориентации, даже тех, кто в принципе согласен с провозглашенными США целями.

С особой наглядностью это обнаружилось в 2005 г. во время подготовки к первому} туру голосования на выборах. Национальный институт демократии (НИД), председателем которого я являюсь, сотрудничал напрямую с иракскими политическими партиями, готовившимися к историческому для страны событию. Наша рабочая программа была составлена таким образом, чтобы помочь партиям разобраться в механизме электорального процесса, в том, как создавать и распространять предвыборные лозунги, составлять списки избирателей и обеспечивать участие в выборах женщин. В стране, раздираемой ожесточенной борьбой, успех подобной работы и в прошлом, и теперь в огромной степени зависит от умения соблюдать нейтралитет между различными политическими силами. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вас считали союзниками какой-то одной партии.

Я была буквально потрясена, узнав, что в госдепартаменте существуют разногласия по вопросу о том, надо ли направлять миллионы долларов помощи всем участникам избирательного процесса или только тем, кого считают союзниками Соединенных Штатов¹⁴. Как только нам это стало известно, президент института Кен Уоллак и директор НИД по Ближнему Востоку Лес Кемпбелл немедленно направили в Вашингтон наш протест. Вместе с представителями других организаций, помогающих созданию в Ираке демократического общества, они напомнили правительству, что главная задача американской политики в этой стране заключается в том, чтобы помочь иракцам избрать законное правительство. Если же мы начнем покровительствовать каким-то отдельным партиям и группировкам, это лишь подтвердит уже существующие подозрения относительно наших истинных намерений, сделает несерьезными наши громкие заявления о демократии и снова поставит вопрос о нашем отношении к исламу.

НИД предупредил, что, если администрация все же примет решение об оказании помощи только лишь американским фаворитам, институт рассмотрит вопрос о прекращении своей программы, поскольку ее продолжение подорвет репутацию института, а положение в стране, и без того напряженное, может стать просто невыносимым.

В течение нескольких месяцев высшее руководство США всерьез рассматривало предложение о том, чтобы помогать лишь отдельным, заслуживающим с американской точки зрения особую к себе отношения кандидатам. В конце концов от него отказались, однако позже, во время проведения следующих выборов, подобные предложения всплыли вновь. Правда, насколько мне известно, ни госдепартамент, ни какое-либо другое федеральное агентство не действовало в Ираке по такому принципу.

Конечно, принимая во внимание то, как много вложила Америка в эту страну, всегда будет велико искушение получить желаемый результат, то есть тот, который нас больше всего устраивает. Но надо решить для себя, верим мы в демократию или нет. Правильно или неправильно было посылать американские войска в Ирак — этот вопрос был и будет оставаться спорным. Но просить американских солдат жертвовать своей жизнью ради

демократии и при этом саботировать эту самую демократию — просто позорно.

Вторжение в Ирак должно было продемонстрировать мощь Соединенных Штатов. Вместо этого оно показало ограниченность наших возможностей. Буш начал войну, потому что верил, что тем самым он обеспечит безопасность Америки. Президент, разумеется, вовсе не предполагал изменить исторически сложившееся соотношение сил и реальной власти между суннитами и шиитами. Фактически же то, что произошло, можно смело назвать историческим сдвигом, причем не только в Ираке, но и во всем регионе.

Создание в Багдаде шиитского правительства означало, что впервые в истории в одной из крупнейших арабских стран к власти пришло правительство мусульман-шиитов. В столицах главных суннитских государств — Саудовской Аравии, Иордании и Египта — официальные лица уже неоднократно выражали опасения в связи с появлением шиитского «полумесяца», влияние которого распространилось сначала на Бахрейн, а потом и на другие страны — Иран, Ирак, Сирию и Ливан.

Когда весной 2005 г. я встречалась с королем Иордании Абдуллой в Вашингтоне¹⁵, тот не скрывал своей озабоченности в связи с возможностью столкновения интересов суннитов и шиитов. По его словам, такое противоборство может оказаться настолько острым, что заменит собой нынешний главный конфликт на Ближнем Востоке — между арабами и Израилем. В течение тысячелетия сунниты играли ведущую роль в исламе. Теперь баланс сил несколько уравнился, и никто не возьмется предсказать, чем все это закончится.

Король Абдулла предупредил нас, чтобы Америка ни в коем случае не поддерживала возможные претензии шиитов-радикалов Ирана и Ирака на то, что именно они являются законными наследниками пророка Мухаммеда. Хотя умеренные деятели обеих сторон будут стараться сдерживать своих экстремистов, нельзя забывать о существовании потенциальной опасности внутриконфессионального конфликта. От словесных поединков дело может перейти к террористическим актам, а со временем даже к подстрекательству начать гонку между суннитами и шиитами за обладание ядерным оружием.

Еще одним непредвиденным последствием войны стало усиление влияния Ирана, тысячи граждан которого живут в священных иракских городах Эн-Наджаф и Карбала. Многие руководители нового Ирака много лет жили в изгнании в Иране, установив прочные связи с местными кругами. Если отношения Ирака с арабскими странами суннитской ориентации традиционно оставались холодными, то между Багдадом и Тегераном постоянно происходил обмен дружескими визитами на самом высоком уровне, во время которых были даны взаимные обещания о сотрудничестве во многих областях, включая даже военную, и по вопросам безопасности.

Шиитская милиция, контролирующая южные районы Ирака, фактически является союзником Ирана, предоставляя иранской разведке и спецслужбам полную свободу действий. Война устранила с политической арены злейшего врага Ирана — Саддама Хусейна. Два других его противника — США и суннитские экстремисты — сошлись в кровавой схватке. В самом Иране на президентских выборах 2005 г., к удивлению многих, победили религиозные консерваторы, отличающиеся яркими антиизраильскими настроениями. С точки зрения тегеранских мулл, в настоящий момент в регионе сложилась максимально благоприятная для них обстановка.

Если бы дела в Ираке шли в соответствии с американскими планами, то шиитские воинские подразделения, так же как и курдские отряды на севере страны, давно были бы расформированы или интегрированы в национальную армию Ирака. Однако совершенно очевидно, что по крайней мере в ближайшем будущем этого не случится, а быть может, не произойдет и вовсе. Над страной нависла реальная опасность распада. Даже если курды на какое-то время удовлетворятся предложенной им автономией, все равно их конечной целью остается независимый Курдистан.

Живущие на юге страны шииты ждали два года, прежде чем осмелились официально заявить о своей заинтересованности в создании автономной области в этом районе, богатом нефтяными месторождениями. Там же находится крупнейший в Персидском заливе порт Басра. Имеется в виду, что правительство автономии будет обладать весьма

широкими полномочиями, в то время как власть Багдада станет довольно ограниченной. Помимо религиозных и этнических факторов важную роль в провоцировании сепаратизма и сектантства играют деньги. Осуществляя пограничный контроль, различные военные группировки имеют прекрасную возможность наживаться на контрабанде. Что же касается гражданских лидеров, то они надеются получить юрисдикцию над нефтяными месторождениями, а это позволит им заключать выгодные сделки с иностранными инвесторами.

То, что в настоящее время центральные регионы страны стали слабыми в политическом отношении и бедными в финансовом, — расплата за те долгие годы эксплуатации, которой столица подвергала окраины. Для Соединенных Штатов распад Ирака на три неравные части абсолютно неприемлем, поскольку это вызовет раскол во всем регионе, спровоцирует усиление напряженности между шиитами и суннитами, а также осложнит отношения между турками и курдами. В случае распада Ирака почти наверняка на месте бывшего единого государства появится зона нестабильности, а построение демократического общества станет более чем проблематичным.

Это, в свою очередь, сделает невозможным скорый вывод американских войск, поскольку их главная миссия останется невыполненной. Вот почему американские советники постоянно и настойчиво убеждают шиитских и курдских лидеров прекратить все разговоры о сепаратизме и сконцентрировать свои усилия на построении совместно с арабскими суннитами единого государства. Осуществить данный план удастся только в том случае, если, несмотря на все прошлые расхождения и разногласия, а также нынешние преступления, большинство иракцев поверят в желательность и возможность достижения единства.

Ситуация осложняется еще и тем, что в Ираке живут более миллиона христиан, среди которых ассирийцы, католики-халдеи, армяне и сирийцы. Поскольку в сознании наиболее воинствующих мусульман христианство ассоциируется с Соединенными Штатами, многие христианские церкви подверглись нападению. Это не запугало большинство христиан, но некоторые все же предпочли уехать из страны. Положение христианской общины стало еще более трудным после того, как вслед за американскими солдатами в Ирак пришли миссионеры.

После битвы за Багдад исполнительный директор Национальной ассоциации евангелистов предрек, что «Ирак станет центром по распространению Евангелия Иисуса Христа на территории Ирана, Ливии и по всему Ближнему Востоку»¹⁶. «По словам президента Буша, — заявил директор, — демократия из Ирака двинется в соседние с ним страны. Свободный Ирак даст нам возможность распространять не только демократию, но и учение Христа, причем даже в тех странах, где сегодня местное законодательство запрещает это делать».

Христианской общине в Ираке почти столько же лет, сколько самому христианству, и выжила она только потому, что никогда *не пыталась* обратить мусульман в свою веру. Как сказал католический епископ Багдада, «то, что проповедники прибыли сюда... вместе с солдатами... не есть хорошо. По-моему, они надеются обратить в христианство мусульман, хотя этого не удалось сделать даже за две тысячи лет»¹⁷.

Миссионеры, отважно отправляющиеся в потенциально враждебные для них регионы, руководствуются при этом самыми благородными намерениями. Однако ситуация в Ираке сегодня такова, что, даже если и удастся обратить кого-либо в христианство, американской политике это не поможет, а жизнь американских солдат не станет от этого более безопасной.

Несмотря на многочисленные непредвиденные последствия американского вторжения, администрация Буша настаивает на том, что обещание президента «сделать положение лучше» будет выполнено. Чтобы разобраться в действительном положении дел, я приняла участие в состоявшемся в Белом доме 5 января 2006 г. совещании бывших госсекретарей и министров обороны. Эти выдающиеся люди обладают таким колоссальным опытом, что рядом с ними я казалась сама себе чуть ли не новичком.

Совещание состоялось в комнате Рузвельта, где вначале перед нами с энергичным

заявлением выступил сам президент, а затем было показано записанное на видео сообщение американского посла в Багдаде. Запись оказалась не слишком качественной, и я невольно вспомнила все те технические огрехи, которые прерывали мои собственные совещания в госдепартаменте. В XXI в., да еще в Белом доме, мы всегда ожидаем от техники больше, чем она может нам дать.

Сотрудники аппарата Белого дома предоставили каждому из нас брошюры с текстами заявлений вице-президента Чейни по Ираку, а также с информацией о том, какие политические и военные успехи были достигнуты за истекший период. Затем последовал еще один брифинг, на этот раз с участием командующего американскими вооруженными силами в Ираке, после чего нам предоставили возможность побеседовать с президентом. Обсуждая с главнокомандующим вопросы военной тактики, бывшие министры обороны, включая Роберта Макнамару, выразили опасение, что слишком долгое пребывание военнослужащих за рубежом может отрицательно сказаться на их психологическом состоянии.

Когда подошла моя очередь, я прежде всего поблагодарила президента за предоставленную нам возможность встретиться с ним и присоединилась к пожеланию остальных участников, чтобы операция Соединенных Штатов завершилась успехом. Затем я поделилась своим беспокойством по поводу падения престижа США, а также в связи с тем, что американские действия в Ираке создают дополнительные трудности для устранения угроз в других частях света. Поблагодарив меня за высказанные замечания, президент в тоже время сказал, что не со всеми из них он согласен. Затем нас провели в Овальный кабинет для совместного фотографирования. Встреча прошла в дружеской обстановке, но, боюсь, оказалась не слишком продуктивной.

Несмотря на многочисленные неудачи, администрация продолжает говорить об «успехах». В действительности сегодня уже не существует тех возможностей, благодаря которым был достигнут оглушительный триумф во время первой войны в Персидском заливе. Прошло уже более трех лет со дня ввода американских войск в Ирак, но будущее этой страны пока выглядит довольно мрачным.

Как в самом Ираке, так и в США растет ощущение того, что один лишь факт присутствия коалиционных войск точно так же способствует объединению повстанческих сил и усилению их активности, как и подавлению движения сопротивления. Даже обучение и подготовка новой иракской армии и полиции могут иметь неожиданные и неприятные для нас последствия, если вдруг они откажутся встать на сторону тех лидеров, которые будут представлять интересы всей страны в целом. Существует довольно тонкая, но весьма существенная грань между созданием подлинно национальных вооруженных сил и просто обучением владению оружием людей, некоторые из которых терпеть не могут друг друга.

Вводя свои войска, Соединенные Штаты тем самым брали на себя моральное обязательство помочь Ираку превратиться в миролюбивую и достаточно демократическую страну. Если на данном этапе Ирак сможет создать легитимное правительство и самостоятельно обеспечить безопасность своих граждан, это уже можно будет считать крупным достижением.

Думаю, достигнуть этого возможно только в том случае, если в рядах повстанцев возникнут разногласия по вопросам тактики и выбора целей. Обнадеживающей перспективой служит и то, что впервые за много лет иракцы открыто участвуют в политической деятельности, создают свои организации и активно обсуждают то, каким они хотели бы видеть иракское общество. Демократия может дать мощный толчок к пробуждению гражданского самосознания и надежды. Однако многим из тех, кто все еще живет в состоянии страха, кажется слишком рискованным предоставлять равные права своим политическим противникам. В течение нескольких десятилетий иракцы жили в условиях диктатуры Саддама Хусейна. Теперь, когда прежний режим рухнул, их пугает остающаяся неопределенность относительно своего будущего.

Американская стратегия должна способствовать тому, чтобы в сознании иракцев окрепла зародившаяся надежда на постепенное изменение их жизни к лучшему. Для этого

нам необходимо самым активным образом работать с представительным правительством, отражающим интересы всех заинтересованных групп населения. Насколько успешной окажется такая стратегия — сказать трудно, поскольку придется учитывать существование в стране многочисленных и самых разнообразных проблем, связанных не только с отсутствием безопасности и политической неопределенностью, но и с тем, что многие иракцы испытывают опасения и недоверие как относительно оккупационных сил, так и в отношении друг друга.

Не посчитавшись с мнением экспертов, Буш все же рискнул ввести войска в Ирак. При этом он, конечно же, знал о тех возможных трудностях и осложнениях, которые могут возникнуть в связи с существованием в регионе множества проблем, обусловленных религиозными и историческими факторами, отсутствием как международной поддержки, так и достаточно убедительных доказательств «справедливости» такой войны. И тем не менее, судя по всему, Буш надеялся, что эта война может оказаться вполне успешной.

Чтобы оправдать действия американской армии в Ираке, президент сильно преувеличил как исходящую от Саддама Хусейна опасность, так и выгоды от его свержения. Самым серьезным преувеличением было утверждение, будто «с момента разоружения диктатора террористическая угроза Америке и всему остальному миру уменьшится»¹⁸. На самом же деле вторжение американской армии и последующая оккупация страны только увеличили эту угрозу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Augustine of Hippo, "Against Faustus the Manichaeus XXII," in Michael W. Tkacz and Douglas Kries, trans., and Ernest L. Fortin and Douglas Kries, eds., *Augustine: Political Writings*, Hackett, Indianapolis, Ind., 1994.

² President Bush, quoted in Bob Woodward, *Plan of Attack*, Simon and Schuster, New York, 2004, 332.

³ Remarks by the author at Columbia University, New York, March 4, 2003.

⁴ Secretary of State Colin Powell, press conference in Cairo, Egypt, February 24, 2001.

⁵ Quoted by Susan R. Thistlewaite, "Just and Unjust Wars in the Christian Tradition: What Does History Teach Us?" Sermon delivered at Saint Peter's United Church of Christ, Elmhurst, Ill., February 23, 2003.

⁶ Susan Sachs, "Petros VII, Top Patriarch Who Sought Religious Dialogue, Dies," *New York Times*, September 13, 2004.

⁷ Executive Committee, World Conference on Religion and Peace, "The Crisis in Iraq: The Need for Common Security, Common Responsibility, and Common Action," February 14, 2003.

⁸ Jim Wallis, *God's Politics: Why the Right Gets It Wrong and the Left Doesn't Get It*, Harper San Francisco, 2005, 45-55.

⁹ Donald Rumsfeld, U.S. secretary of defense, press briefing at the Pentagon, Washington, D.C., August 5, 2003.

¹⁰ Memo from Matthew Rycroft to Sir David Manning (both foreign policy-advisers to Prime Minister Tony Blair) concerning a meeting with the prime minister on the subject of Iraq, July 23, 2002. The memo, labeled "Secret and Strictly Personnel," was made public by the *Sunday Times* of London in the spring of 2005.

¹¹ Sir Frederick Stanley Maude, Proclamation of Baghdad, March 19, 1917. www.lib.byu./rdh/wwi/1917/procbaghdad.html.

¹² Aparisim Gosh, "Inside the Mind of an Iraqi Suicide Bomber," *Time* magazine, July 4, 2005.

¹³ Somini Sengupta, "The Reach of War," *New York Times*, July 10, 2004.

¹⁴ For a provocative article on this episode, see Seymour Hersh, "Did Washington Try to Manipulate Iraq's Election?" *New Yorker*, July 18, 2005.

¹⁵ Meeting between the author and King Abdullah of Jordan, Washington, D.C., March 15, 2005.

¹⁶ Kyle Fisk, quoted in Katharine T. Phan, "Evangelical Missionaries Rush to Win Iraq as Middle East Mission Base," *Christian Post*, June 2, 2004.

¹⁷ Bishop Jean Sleiman, quoted in Caryle Murphy "Evangelicals Budding a Base in Iraq," *Washington Post*, June 23, 2005.

¹⁸ President George W. Bush, address to the nation, Washington, D.C., March 17, 2003.

Глава 13

Противоборство с «Аль-Каидой»

Впервой половине моей взрослой жизни я посвятила много времени изучению коммунистической системы. В период ее расцвета с 1950-х гг. до начала 1980-х гг. коммунисты правили половиной всего мира. Умело пропагандируемые идеи коммунизма выглядели невероятно привлекательными. Всем страдающим от бедности и нищеты они обещали освобождение от страха перед завтрашним днем, гарантированное право на труд, образование, качественное медицинское обслуживание, жилье и питание. Все это должна была обеспечить эффективная экономика, в основе которой лежало централизованное планирование.

Чтобы обратить людей в свою веру, коммунистическим пропагандистам нужен был злодей-антипод, в сравнении с которым еще ярче проявились бы выдвигаемые ими идеи. Им и стал Запад, изображаемый в кривом зеркале. Получаемое отражение давало портрет сравнительно преуспевающего и свободного общества, но в то же время отравленного проявлениями расизма, наркомании, безработицы и эксплуатации человека человеком. Что же касается деятельности западных стран на международной арене, то ее изображали как империалистическую и агрессивную. Утверждалось, что Запад безжалостно грабит развивающиеся страны, а плоды труда его граждан пожирают в основном многонациональные корпорации. Очень многие принимали подобные искажения за истину.

Строго говоря, большая часть Африки, Азии и Ближнего Востока действительно в течение длительного времени находилась под колониальным господством, их природные ресурсы добывались и выкачивались, в то время как собственное население этих стран почти ничего от этого не имело. И тем не менее в конечном счете коммунизм потерпел провал. Когда попытались реализовать его идеи, оказалось, что они не работают. К концу 80-х гг. даже коммунистические лидеры уже не могли не признать, что попытка сформировать эгалитарное общество путем уравнительного передела частной собственности — общество с равными правами и возможностями для всех его членов — не удалась. Стало ясно также, что коммунизм никогда не сможет «похоронить» капитализм. В конце концов система стала распадаться, причем процесс этот пошел на удивление быстро.

В отличие от марксистов лидеры «Аль-Каиды» и их союзники не создали какой-либо вразумительной экономической философии. Они не обещали своим последователям лучшую работу, современное здравоохранение или качественное жилье, хотя среди террористов и были разногласия по этим вопросам. «Аль-Каида» не претендует на то, что даст людям все, в чем они нуждаются. Ее главная задача состоит в том, чтобы обеспечить религиозный контроль над всеми сторонами жизни граждан.

В отличие от того, что произошло в России после Октябрьской революции 1917 г., «Аль-Каида» не образовала правительство, которое бы управляло какой-либо территорией. Лидеров этой организации отличает от коммунистов еще и то, что они вербуют сторонников, обращаясь не к разуму и здравому смыслу, а просто объясняют людям причины их страданий и направляют их гнев против тех, кто называется виновным, или по крайней мере против некоторых из них.

Самым сильным аргументом «Аль-Каиды» является утверждение о том, что верующих мусульман повсюду преследуют и что каждый правоверный должен давать отпор врагам ислама. Террористы сравнивают американские войска в Афганистане и Ираке с монгольскими ордами, хлынувшими на эти земли в XIII в., когда целые страны были разрушены, мусульманские сокровища разграблены, а мечети уничтожены. Не только одни лишь экстремисты верят в то, что Запад развернул настоящее наступление на ислам. В арабских странах и в тех государствах, большинство граждан которых составляют мусульмане, тоже многие говорят о существовании угрозы исламской религии. Причем, по достаточно распространенному мнению, эта угроза исходит не только от американских

войск, но и от вооружаемых Соединенными Штатами сионистов на Ближнем Востоке, от правящих режимов на Кавказе, в Средней Азии, Кашмире, Китае, на Балканах, в Индонезии, Филиппинах, Таиланде и некоторых африканских странах. Утверждается также, что многие арабские страны управляются в наши дни правительствами, которые якобы изменили исламу, продав свои души американцам. В ряде других стран, по мнению некоторых последователей ислама, власть перешла в руки баасистов*, как это произошло в Сирии, или светских лидеров, как, например, в Турции. Совершенно очевидно, что идеология такого рода руководителей никак не укладывается в исламские представления о «городе на холме» и «одном народе у Аллаха».

Утверждается также, что исламским ценностям угрожает всюду проникающее влияние Запада¹, общества, которое многие мусульмане считают материалистическим, порнографическим и духовно нищим. Больше всего такое представление о западном мире распространено среди безработной и озлобленной молодежи.

Президент Буш любит говорить, что «Аль-Каида» совершает террористические акты потому, что она «ненавидит свободу». Против этого возражает Усама бен Ладен. «Если бы это было действительно так, — говорит он, — то почему тогда мы не нападаем, например, на Швецию?»² Подобно Бушу, он изображает развернувшуюся борьбу как битву между людьми хорошими, защищающими свой дом, и людьми плохими, агрессорами. Бен Ладен использует тот же прием, что и мы, только в данном случае стороны поменялись ролями, и роль плохих отведена американцам.

В 2004 г. комиссия экспертов министерства обороны США пришла к заключению, что «мусульмане ненавидят не нашу свободу, а нашу политику»³. «Действия Соединенных Штатов и весь ход последующих событий, — говорится в представленном докладе, — укрепили власть и усилили влияние наиболее непримиримо настроенных инсургентов (повстанцев), дали дополнительные основания считать их деятельность легитимной. То, что когда-то было узкой маргинальной группировкой, превратилось в массовое движение, имеющее разветвленную сеть организаций».

Точно так же, как когда-то коммунизм апеллировал к чувствам беднейшего населения, бросая при этом вызов Западу, так и «Аль-Каиду» многие ценят сегодня не за то, что она собой представляет, а за то, против кого и против чего она борется.

Чтобы сделать свою борьбу эмоционально насыщенной, лидеры террористов постоянно ссылаются на старые добрые времена пророка Мухаммеда, когда исламские воины, провозглашая свою веру, одновременно уничтожали всех еретиков и неверующих. События 11 сентября трактуются как психологический прорыв, ознаменовавший собой «священную атаку, уничтожившую глупых неверных американцев и пробудившую от глубокого сна множество молодых людей»⁴. Показательно, что сразу после этого значительно возросло число террористов-самоубийц, а количество организаций, участвующих в такого рода отвратительных преступлениях, увеличилось с шести до более чем 30⁵.

Именно теперь, говорят террористы, наступил тот решающий момент, когда каждый настоящий мусульманин должен доказать своими действиями преданность Аллаху, приняв участие в священной борьбе и обеспечив тем самым себе место в раю. Будущих бойцов соблазняют обещаниями плотских наслаждений, а также возможностью взять с собой на небеса 70 друзей и членов семьи. Какими бы легковесными ни казались такие обещания, используемая для их распространения и внушения технология XXI в. делает эти приемы еще более опасными, чем они были в недавнем прошлом. Тысячи веб-сайтов Всемирной паутины прославляют деяния «мучеников Аллаха», оплакивают принесших себя в жертву мусульман и подстрекают молодежь следовать их примеру.

«О брат мой, моджахед! Тебе не надо ехать в другую страну, чтобы поступить в тренировочный лагерь, — вещает журнал, работающий в режиме онлайн. — В своей собственной стране, один или с группой твоих братьев, ты можешь приступить к работе

* БААС (араб. букв. — возрождение), употребляемое в литературе название Партии арабского социалистического возрождения. — *Прим. пер.*

по программе подготовки»⁶.

Как футбольные фанаты, коллекционеры монет или собиратели шотландских юбок — килтов, джихадисты могут сегодня участвовать в международных виртуальных собраниях, испытывая совместно жертвенный энтузиазм. Некоторые делают это из чистого любопытства, а другие от виртуального участия переходят к реальным действиям. В помощь им существует целая сеть теневых вербовочных сайтов, действующая на территории стран Ближнего Востока, Средней Азии, Северной Африки, в Европе и почти наверняка в самой Америке.

После событий 11 сентября контртеррористические усилия многих стран, осуществляемые под руководством США, привели к тому, что «Аль-Каида» понесла серьезные потери. Десятки руководителей организации были убиты или арестованы, тренировочные лагеря разгромлены, ячейки ликвидированы, а запланированные террористические акты сорваны. Теперь отдельным террористическим организациям стало гораздо труднее поддерживать связь друг с другом, а их главарям приходится действовать с максимальной осторожностью.

Как сказал президент Буш, «если лидерам "Аль-Каиды" день и ночь думать о том, каким образом избежать гибели или ареста, у них остается меньше возможностей для того, чтобы вооружать и обучать террористов и планировать нападения»⁷. Тревожно только то, что на месте прежних террористов постоянно появляются новые добровольцы, которые заменяют тех, кто ликвидирован или был вынужден лечь на дно.

Например, в ноябре 2005 г. повстанцы впервые вышли за пределы Ирака, чтобы нанести удар, на этот раз в Иордании, где в результате террористического акта погибли 57 человек, собравшихся в отеле, чтобы отпраздновать свадьбу. Согласно оценке ЦРУ, иракские лагеря подготовки террористов, скорее всего, работают более эффективно, чем те, что были в Афганистане в 80-е гг., поскольку сегодняшний Ирак вполне может служить школой ведения боевых действий в городских условиях⁸. Эксперты подозревают, что в настоящее время в этих лагерях проходит подготовку большое число террористов из самых различных стран мира. Их обучают осуществлять террористические акты, похищать людей, изготавливать взрывные устройства и нападать на укрепленные объекты.

«Сегодня мы ожидаем появления нового поколения террористов, — говорит Клод Монике, генеральный директор Европейского центра стратегических исследований в области разведки и безопасности. — Это те, кому 11 сентября 2001 г. было всего лишь по 12-15 лет. За прошедшее с тех пор время они прошли серьезную идеологическую обработку и готовы к выполнению таких же актов насилия, которые совершили их старшие братья 10 или более лет тому назад»⁹. Чтобы разгромить «Аль-Каиду» и ее союзников, необходимо полностью уничтожить этот конвейер смерти, для чего нужна такая же решительная и окончательная победа, какая была одержана демократией над коммунизмом.

Очень важно, чтобы ни одно правительство не оказывало никакой поддержки «Аль-Каиде». Одна из причин, по которой исламские экстремисты пытаются ликвидировать отдельные независимые страны и создать на их месте единое исламское государство — халифат, состоит в том, что при такой системе управления они получают возможность подчинить себе всех правоверных мусульман. Однако вряд ли найдется такой режим, который станет помогать тем, кто собирается этот же режим и разрушить. Зато у «Аль-Каиды» есть другие очень важные преимущества — неуловимость и способность быстро восстанавливать свои силы.

Во время холодной войны мы имели возможность иллюстрировать по карте достигнутые успехи. На ней отчетливо было видно, какие страны принадлежат советскому блоку, какие относятся к свободному миру, а какие нейтральны. Сегодня уже не получится определять достигнутый прогресс по списку «плохих» парней, вычеркивая тех из них, кто взят в плен или ликвидирован. Все новые рекруты вливаются в ряды разветвленной системы. Члены отдельных входящих в эту систему организаций хотя и вдохновляются идеями «Аль-Каиды», но действуют совершенно самостоятельно и не

зависят от ее ресурсов.

«Мы не располагаем надежной системой измерения, которая позволила бы нам с достаточной достоверностью определять, побеждаем мы в глобальной битве с терроризмом или проигрываем ее, — жаловался Дональд Рамсфельд. — Каждый день мы ловим и уничтожаем террористов, предотвращаем их преступные действия, убеждаем их сложить оружие, а в это же время медресе и радикально настроенные муллы вербуют, обучают и настраивают на борьбу против нас все новых фанатиков. Так что мы совершенно не знаем, кто кого опережает в этой гонке»¹⁰.

Вопрос, поставленный Рамсфельдом, напомнил мне игру «змеи и лестницы», которую я так любила в детстве и в которую я теперь играю с внуками. Суть ее в том, что, вырвавшись далеко вперед, вы внезапно наступае на змею, скатываетесь назад и вынуждены снова карабкаться вверх*.

За последнее десятилетие Соединенные Штаты потратили миллиарды долларов на реорганизацию разведывательных служб, подготовку сил безопасности, совершенствование систем контроля и наблюдения за рубежом и укрепление обороноспособности страны. Все эти меры совершенно необходимы. Фактически нужно было сделать даже больше того, что уже сделано. Надо признать, что мы до сих пор так и не решили, какой же способ борьбы с терроризмом наиболее эффективен. Меры, которые можно предпринимать на основе обычного законодательства, недостаточны. Действия, рекомендуемые военной теорией вялотекущего конфликта и асимметричных ударов, тоже не дадут желаемого результата. Не тот случай.

Представители администрации Белого дома постоянно пытаются успокоить нас тем, что оглашают списки уничтоженных или взятых в плен лидеров «Аль-Каиды». Но, как резонно заметил Рамсфельд, вряд ли это о чем-либо говорит. «Аль-Каида» — не уличная банда, членов которой можно выследить и посадить за решетку. И не вражеская армия, которой можно нанести решающее поражение на поле боя. Она как инфекционный вирус, передающийся от одного больного к другому. И чем больше «грехов» на совести Соединенных Штатов — подлинных или приписываемых им, — тем опаснее зараженный этим вирусом человек.

Вот почему руководители США должны свести к минимуму те свои действия, которые террористы могут использовать в своих пропагандистских целях. В наше время это нелегкая задача. События 11 сентября вызвали всеобщий гнев. Показываемые ежедневно по телевидению зверства в отношении американских военнослужащих и простых иракцев тоже добавляют эмоций. Террористы явно хотят спровоцировать нас на необдуманные поступки, и надо признать, что иногда им это удается. На проходившем осенью 2004 г. в Вашингтоне форуме, посвященном вопросам религии и безопасности, среди выступавших был отставной полковник армии США. Вот какие чувства обуревали его, да, наверняка, и других участников этой встречи:

«Борьбу надо вести сразу на нескольких фронтах, — заявил полковник. — На одном из них мы должны захватывать и уничтожать как можно больше наших врагов. Пусть небо покажется им с овчинку и пусть самая грозная и мощная сила, которая когда-либо существовала в мире, не остановится ни перед чем, чтобы достичь своей цели... На другом фронте наша основная задача — борьба с лидерами, и здесь главное — изолировать их от последователей, лишить поддержки среди собственного населения. На обоих фронтах действовать надо наступательно... во всех странах и на всех континентах. Мы должны

* Игра «Змеи и лестницы» зародилась в Индии. Там каждая змея ассоциируется с каким-нибудь злом, например воровством или ложью, а каждая ступенька лестницы — с добром, будь то терпение или рассудительность. Вскрабкаться на самый верх означает дойти до ворот рая или погрузиться в нирвану. Новый вариант этой игры, названный «Крутые скаты и лестницы», уже лишен моральных оценок ваших действий.

вести борьбу с агрессивным радикальным исламом повсюду... от Африки до Юго-Восточной Азии, в Центральной и Южной Америке, в Восточной Европе»¹¹.

Думаю, что многие американцы согласятся с этими словами. Я участвовала во многих встречах, посвященных событиям 11 сентября, и все в один голос говорили, что наш ответ должен быть максимально жестким. Полковник прав и в том, что борьбу следует вести одновременно на двух фронтах, чисто военными средствами и путем полной изоляции «плохих парней» от общества. Крайне важно лишить ядро террористических организаций поддержки извне. Другой вопрос, как это сделать. Сражаться с «агрессивным радикальным исламом» везде, где он существует? Но это лишь истощит наши вооруженные силы, приведет к дальнейшему отчуждению мирового общественного мнения и даст дополнительные основания утверждать, что США якобы возрождают практику Крестовых походов. Нет, борьба с радикальным исламом — слишком неопределенная и обширная цель.

Миллионы мусульман активно интересуются современной политикой, оставаясь при этом сторонниками традиционных, узко понимаемых и еще уже интерпретируемых исламских ценностей. Хотя люди эти очень разные, большинство из них разделяют антизападные настроения, им чужды демократические принципы, они в ужасе от американского присутствия в Ираке и враждебно относятся к Израилю. Они очень хотели бы навязать свои моральные принципы другим, но при всем при том эти люди не террористы. Таковыми их можно будет считать только в том случае, если они совершат террористический акт или помогут совершить его другим.

С идеологическими противниками следует постоянно вести дискуссию, но использовать против них военные средства только потому, что в необходимость этого верят некоторые наши граждане, недопустимо. Мы же не расстреливали каждого коммуниста только за то, что он коммунист. Точно так же мы никогда не добьемся прочного мира, а только попадем в безвыходную ловушку, если будем считать своим смертельным врагом каждого мусульманина, чьи политические взгляды мы не разделяем. Нам враждебен не ислам и не его разновидности. «Аль-Каида» и родственные ему организации — вот наш враг. Лихие заклинания о том, что американская армия — самая грозная и мощная сила, которая «не остановится ни перед чем», вряд ли убедят молчаливое мусульманское большинство выступить против терроризма. Напротив, такого рода хвастливые заявления только дадут террористам лишний повод заявить: ну так и мы тоже «не остановимся ни перед чем»!

Террористическая деятельность «Аль-Каиды» захлебнется тогда, когда те, кто ей сегодня еще верит, поймут, что все ее главные аргументы ложны. Бесполезно ожидать, что мусульмане, которые считают себя защитниками ислама, вдруг откажутся от такого представления о себе. Другое дело — постараться убедить хотя бы некоторых из них, что нападение на невинных пассажиров автобусов, поездов и самолетов не поможет защитить ислам. Сделать это будет нелегко. Трудно даже представить, какое невероятное сочетание лицемерия и ереси содержится в призывах убивать во имя ислама гражданских лиц, детей и даже самих мусульман. Различия в культуре создают такие препятствия, справиться с которыми крайне трудно и которые редко когда удается преодолеть.¹

Согласно исследованию, проведенному по заказу министерства обороны США, «главная проблема общественной дипломатии США в отношении мусульманского мира не в том, чтобы осилить "трудности в распространении информации", и даже не в том, чтобы создать и доставить до потребителя "нужное послание". Она — в отсутствии доверия к этой информации и к этому посланию. Сегодня у Соединенных Штатов нет надежно работающего канала коммуникации с мусульманским миром и с исламом»¹².

Что же стало причиной такого провала? Когда полковник говорил о необходимости громить «агрессивный радикальный ислам», он имел в виду тех чудовищ, которые в Ираке и других частях света обезглавливают и взрывают невинных людей. Его гнев понятен, и мы все его разделяем. Ответственные мусульманские лидеры всех стран

осудили эти и все другие способы убийства гражданских лиц. Но нельзя забывать и о том, что по ходу осуществляемых американскими вооруженными силами операций тоже гибнут гражданские лица, в том числе женщины и дети. По некоторым оценкам, в результате действий коалиционных сил в Ираке погибло от 30 до 100 тысяч человек. А если вспомнить еще и о тысячах раненых, о потерявших свои дома и родных, то и вовсе не приходится удивляться тому, какие горькие чувства в отношении американцев испытывают граждане этой страны.

Мусульмане помнят и о том, как обращаются с их единоверцами в тюрьмах Ирака, Афганистана и Гуантанамо. Жестокости, допускаемые в тюрьме «Абу-Граиб» и других местах заключения, недопустимы. Говорят, что не такие уж это и жестокости, если сравнивать их с теми зверствами, которые были совершены людьми на протяжении всей истории человечества, или хотя бы с тем насилием, которое применяют «Аль-Каида» и иракские повстанцы. И все же не без основания министр иностранных дел Ватикана назвал тюремный скандал «оскорблением Бога»¹³, заявив, что это даже более серьезный удар по Соединенным Штатам, чем события 11 сентября.

О пытках легко рассуждать теоретически, а как представить себе это на практике? Некоторые из нас еще помнят, как во время войны во Вьетнаме американские власти требовали от Северного Вьетнама соблюдения положений Женевской конвенции об обращении с военнопленными. С тех пор как Джимми Картер сделал борьбу за соблюдение прав человека приоритетным направлением американской политики, госдепартамент постоянно обращает внимание правительств различных стран на недопустимость содержания заключенных в тайных тюрьмах, отказа в предусмотренном законодательством судебном разбирательстве, а также лишения возможности встречаться с представителями правозащитных организаций.

Президент Буш неоднократно заявлял, что в американских тюрьмах не должно быть места плохому обращению с заключенными. Однако в реальной жизни все обстоит несколько иначе. Официальные лица не склонны проявлять особую щепетильность в отношении арестантов, а общественное мнение, в свою очередь, не слишком озабочено положением дел в местах заключения.

Страшная картина падения башен-близнецов Центра международной торговли породила вопрос: а почему, собственно говоря, мы не должны причинять нашим врагам боль, тем более если это поможет получить информацию, которая спасет жизнь невинных людей? Конечно, никто не говорит об этом вслух, но в душе многих американцев этот вопрос потихоньку зреет. В конце концов, насколько известно, 10 лет назад власти Филиппин использовали пытки, чтобы заставить говорить подозреваемых, и это предотвратило угон гражданского самолета. Да и американская массовая культура давно уже создала типичный образ жесткого парня, который не остановится ни перед чем, чтобы сломить негодяя. Образ, так замечательно воплощенный Джоном Уэйном и Клинтом Иствудом.

Не далее как в 2005 г. вышла популярная телевизионная драма «24 часа», где главный герой неоднократно применяет пытки, чтобы получить информацию, с помощью которой можно защитить Америку от атаки террористов. Президент, отказавшийся разрешить применение такого метода ведения следствия, изображен слабым и беспомощным руководителем. Когда юрист, специализирующийся на защите прав человека, попробовал заявить протест по поводу показа таких сцен, в средствах массовой информации его представили как наивного простофилю, жертву обмана преступников.

Весь антураж фильма подводил зрителя к мысли о том, что пытка нужна: обвиняемый выглядел как отъявленный злодей, скрываемая им информация оказалась крайне важной, время решало все, а палач был представлен как интересный мужественный человек, который «просто выполнял свою работу».

Если оставить в стороне все эти телевизионные манипуляции и быть честным до конца, надо признать, что многие из нас могут представить себе такую жизненную ситуацию, при которой использование методов принуждения будет казаться оправданным.

После 11 сентября вопрос о допустимости пыток оказался в центре внимания экспертов

по этике и законодательству. Страшный шум вызвало предложение профессора Алана Дершовича из Гарвардского университета о том, чтобы вопрос о применении пыток, так же как и о разрешении на прослушивание телефонных разговоров, рассматривался в суде, который был бы вправе дать или не дать соответствующие санкции*.

Вряд ли дело дойдет до принятия на этот счет какого-либо закона. В конце концов, США, как и большинство других стран, присоединились к международной конвенции о запрещении применения пыток. В 2003 и 2004 гг. министерство юстиции США издало меморандумы, которые выглядели как попытка легализовать пытки. Однако администрация Буша немедленно дистанцировалась от такой интерпретации. В принципе США твердо стоят на позициях категорического отрицания возможности применения пыток. Де-факто этот вопрос вызывает у нас смешанные чувства.

Необходимо наконец полностью разобраться с этой проблемой. Во-первых, реальная жизнь имеет мало общего с фильмом «24 часа».

Наивно думать, что пытка — эффективный метод получения достоверной информации. Иногда она помогает добиться желаемых результатов, но чаще всего нет. Вряд ли кто-нибудь назовет Наполеона мягкосердечным, и тем не менее еще 200 лет назад он заметил: «Следует отменить варварский обычай избивать человека, подозреваемого в том, что он обладает важными секретами. Давно уже ясно, что допрос под пыткой не дает ничего стоящего»¹⁴.

Во-вторых, как заметил Джон Маккейн, вопрос не в том, что собой представляют наши враги, а в том, кто мы такие. Если мы попытаемся обосновать необходимость пыток или позволим использовать данный метод хотя бы даже в исключительных случаях, тогда то же самое сделают и другие. Те правительства, которые постоянно позволяют жестокое обращение с заключенными, начнут ссылаться на пример Соединенных Штатов. И уже совсем по-другому будут выглядеть наши требования гуманного обращения в иностранных тюрьмах с американскими гражданами. За Америкой закрепится репутация страны, в которой разрешается пытаться людей и которая не возражает, когда это делают другие. Разве это в наших интересах? Неужели такая позиция поможет победить терроризм? Думаю, результат будет прямо противоположный.

Считается, что, запрятав в 2002 г. в тюрьму Гуантанамо группу террористов, мы тем самым предотвратили их участие в новых актах насилия. Возможно, но какой ценой? Не привело ли это к увеличению рядов фанатиков? Давно уже надо было закрыть это пенитенциарное заведение. Что же касается тюрьмы «Абу-Грайб», то это был самый большой подарок, о котором только могли мечтать пропагандисты «Аль-Каиды».

Факт издевательства над заключенными вызывает еще большее отвращение из-за того, что многие из тех, кого подвергли жестокому обращению, видимо, были или вовсе невиновны, или мало что знали. Какое уродливое зрелище представляют собой американские охранники, издевающиеся над арабами! Чего только они ни выдумывали, чтобы унижить заключенных, и все только потому, что у них была власть и им хотелось поразвлечься.

Большинство американских военнослужащих старались навести мосты взаимопонимания и дружбы с мусульманами. Что же касается охранников и тех, кто отдавал им подобные приказы, то они продемонстрировали свое отвращение как к арабской культуре, так и к основным правам человека. Их действия как будто специально были предназначены для того, чтобы укрепить многих мусульман в убеждении, что они — жертвы агрессии.

Мы верим в Америку. Это замечательная страна, и нам нелегко признать, что и она иногда совершает роковые ошибки.

Жестокость по отношению к беззащитным людям — дело слишком серьезное, и нельзя исправить создавшееся положение, наказав лишь нескольких виновных, находящихся на

* Строго говоря, Дершович не сторонник пыток. Просто он считает, что если власти признают, что в экстремальных случаях необходимо использовать данный метод допроса, то пусть уж лучше это делается в законных рамках судебной системы, чем вне ее. «Жоэль скоро мы хотим применять пытки, — писала 8 ноября 2001 г. газета *Los Angeles Times*, — то их использование должно быть оговорено соответствующим законом».

нижней ступеньке должностной лестницы. Необходимо призвать к ответу также и военное руководство. В противном случае будет практически невозможно смягчить то резко негативное отношение к Соединенным Штатам, которое сформировалось у многих мусульман за последнее время.

После появления первых фотографий из тюрьмы «Абу-Граиб» в арабских общинах стали распространяться памфлеты с позорными сценами издевательств над заключенными, а также с изображением мертвых палестинцев и иракских детей. Заголовки гласили: «Как можно так поступать?» и «Кто вернет нам чувство собственного достоинства?»¹⁵. На Ближнем Востоке у людей долгая память, и я боюсь, что подобные фотографии будут питать антиамериканские настроения людей нескольких поколений, толкая их на насилие.

Я знаю по опыту, что наши военнослужащие принимают беспрецедентные меры, чтобы избежать жертв среди мирного населения. В то же время, выполняя приказы политического руководства, армия может оказаться в таком положении, когда гибель значительного числа гражданских лиц становится неизбежной. В таких случаях военный успех может обернуться политическим поражением. Именно это произошло в свое время во Вьетнаме, где мы выигрывали одно сражение за другим, но войну в целом в конечном счете проиграли. Соединенные Штаты не смогут победить «Аль-Каиду», если не сумеют разработать эффективную политическую стратегию.

Прежде всего надо сохранять уверенность в себе и своих силах. Мы же прекрасно знаем, что ни бен Ладен, ни его сторонники не могут никому предложить ничего реального и стоящего. События 11 сентября послужили им громкой рекламой и привлекли к ним всеобщее внимание. Сразу же возросло число последователей бен Ладена, которых он вряд ли сможет удержать и сохранить, если только США не будут повторять одни и те же ошибки. Необходимо постоянно держать в поле зрения мировой общественности то полное отрицание общепринятых норм морали и нравственности, которым отличается «Аль-Каида», ее безмерную жестокость и постоянную ложь. Непрерывно напоминая об этом, мы в конечном счете обязательно привлечем к себе симпатии людей и получим их поддержку. Можно и нужно быть уверенным, нельзя только быть при этом самодовольным. Даже в самой трудной аудитории надо аргументированно отстаивать свою точку зрения.

В заключении Национальной комиссии по расследованию террористических нападений на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 г. говорится следующее:

«Для бен Ладена и исламских террористов Соединенные Штаты — воплощение зла, "голова змеи". Они считают, что Америку надо либо обратить в свою веру, либо уничтожить. С теми, кто так думает, нельзя ни о чем договариваться или хотя бы даже просто вести переговоры. Нет той общей почвы, на основе которой можно было бы начать диалог. Такой почвой могло бы быть уважение к праву людей на жизнь, но и этого нет. Террористов можно только уничтожить или полностью изолировать»¹⁶.

Комиссия, безусловно, права, представляя бен Ладена и его приверженцев как совершенно безнадежных людей. В то же время в заключении говорится и о том, что решение о террористическом акте 11 сентября было принято не единогласно. Сообщалось, что лидер «Галибан» мулла Омар выступал против, поскольку опасался возмездия со стороны США. Его поддержал главный финансист «Аль-Каиды». Главный теолог организации заявил, что такое нападение будет противоречить положениям Корана¹⁷. Духовный наставник Абу Мусаба аль-Заркави, руководителя повстанцев, прибывших в Ирак из других мусульманских стран, порвал со своим подопечным в знак протеста против действий смертников, жертвами которых стали гражданские лица. Такого рода расхождения во мнениях внутри руководства «Аль-Каиды», конечно же, не означают, что

с ней можно вести какие-либо переговоры. Однако очевидно, что террористы придерживаются различных взглядов и мнений и существующие между ними разногласия вполне можно использовать в наших интересах.

Многих, возможно даже большинство из террористов, нельзя разуверить с помощью логических аргументов или обращаясь к их совести. Однако по крайней мере некоторых из них, быть может, удастся убедить в том, что убийство лиц, не участвующих в военных действиях, не поможет, а скорее навредит исламу. Не исключено, что найдутся и такие, которые не пойдут в террористы, потому что им будет трудно расстаться с близкими и друзьями. Думаю, что для многих на первом месте стоят проблемы их собственного региона и они не проявляют особого интереса к Соединенным Штатам и Западу в целом. Некоторые, наверное, не откажутся от предложенной им работы или материального вознаграждения. Одним словом, было бы неправильно считать лагерь террористов монолитом и не использовать в своих интересах имеющиеся внутри него разногласия. Лагерь этот состоит из отдельных личностей, и не следует отдавать их ему без боя.

В 2002 г. в Йемене исламские ученые предложили содержащимся в заключении членам «Аль-Каиды» принять участие в дебатах по вопросам принятой в этой организации тактики борьбы, рассмотрев ее с точки зрения Корана¹⁸. В результате более 350 террористов осудили насилие и согласились сотрудничать с властями. Судья Ха-муд аль-Хитар, выдвинувший идею проведения таких дебатов, следующим образом объясняет полученные результаты: «Если вы внимательно начнете изучать такое явление, как терроризм, то заметите, что в основе его лежит определенная интеллектуальная теория, а любую интеллектуальную идею можно победить с помощью интеллекта»¹⁹. Хамуд аль-Хитар хотел этим сказать, что наилучший способ избавиться от плохой идеи — заменить ее хорошей.

Очень важно, что большое значение ислам придает вопросам права. В 2005 г. в Аммане состоялась конференция на тему «Истинный ислам», в которой участвовало 180 мусульманских ученых из 45 стран мира, включая Соединенные Штаты. Перед ними стояла задача дискредитировать самозваных толкователей Корана, фанатиков, которые, не имея должной квалификации, выпускают от своего имени фа-твы. В них они оправдывали применение насилия в отношении тех мусульман, которым приклеивался ярлык вероотступников.

Исламские ученые хотели использовать факты творимого террористами произвола против них же самих. Одновременно они применяли положения исламского права, чтобы продемонстрировать зияющую пропасть между претензиями террористов на святость и теми их акциями, которые при всем желании никак нельзя было считать богоугодными. Победить терроризм можно только в том случае, если истинные мусульмане объединятся, чтобы защитить ислам от убийц, пытающихся монополизировать веру в Аллаха.

Для борьбы с «Аль-Каидой» необходимо мобилизовать все средства нашей внешней политики, включая разведку и военную силу. В тех случаях, когда мы сможем вовремя раскрыть запланированные «Аль-Каидой» террористические заговоры, надо без колебаний использовать все формы насилия. Однако было бы ошибкой думать, что угроза терроризма носит исключительно военный характер. Если бы это было так, то он давно бы уже потерпел поражение. Терроризм бросает миру прежде всего политический и психологический вызов, и поэтому бороться с ним следует тоже политическими и психологическими средствами.

Что бы Соединенные Штаты ни предпринимали, они не смогут преодолеть ту ненависть, которую испытывают к Америке некоторые арабы и мусульмане в целом, но нам и не требуется изменить мышление всех и каждого. Как говорил Вацлав Гавел, «коммунизм был побежден не военной силой, а самой жизнью, человеческим духом, совестью, тем сопротивлением, которое оказывали ему люди, не желающие быть объектом манипуляции»²⁰. Другими словами, его победили те, кто оказался способен мобилизовать лучшие человеческие качества, разоблачить распространяемую коммунизмом ложь и тем самым сломить его сопротивление. Время от времени

террористы могут преодолевать те барьеры, которыми мы от них отгородились. Но они никогда не достигнут окончательного успеха, если только мы сами не поможем им в этом, отказавшись от тех ценностей, которые служат ключом к их падению и нашей победе.

Окончание холодной войны широко освещалось телевидением. Сидя в своем кабинете, я смотрела по телевизору, как студенты танцуют на развалинах Берлинской стены, как в столицах стран Центральной и Восточной Европы толпы людей громко празднуют победу, приветствуя рождение свободы. Особенно порадовали меня кадры, транслируемые с Вацлавской площади Праги, где Вацлав Гавел и другие герои «бархатной революции» откликнулись на призыв масс возглавить движение Чехословакии к независимости и свободе. «Вот оно! Свершилось! — сказала я себе. — Слава Богу!»

Чем же закончится наше противоборство с террором? Вполне возможно, что нас ждут захватывающие события. Не исключено, что еще до того, как эта книга будет опубликована, бен Ладен наконец будет пойман или уничтожен. В Ираке аль-Заркави, быть может, скоро станет вчерашней новостью. Нападения, аресты и разные инциденты, конечно, будут продолжаться. Очень маловероятно, что мы увидим торжества, подобные тем, которые происходили на Вацлавской площади. Не думаю, что когда-нибудь мы включим телевизор и скажем о терроре: «Вот оно! Свершилось!»

В худшем случае мы будем постоянно слышать барабанный бой, символизирующий нападение. Возможно, даже с применением биологического или ядерного оружия. Причем список объектов, подвергнувшихся атакам, будет расти. Новые регионы и даже целые страны могут стать заповедником яростного экстремизма. Вероятно, продолжится разделение среди последователей ислама на тех, кто хочет мира, и мусульман, чей мозг отравлен ядом ненависти.

Если же события будут развиваться по благоприятному для нас сценарию, то мы увидим прямо противоположную картину: число нападений сократится; размеры регионов, оказывающих поддержку террористам, уменьшатся; начнется сплочение рядов последователей ислама. В этом случае противоборство закончится без какого-либо заключительного аккорда. Бен Ладен или его наследник в очередной раз подбросят нам видеокассету с угрозой всех нас испепелить, но никто не станет ее демонстрировать, поскольку к этому времени террористы полностью лишатся какой-либо поддержки.

Дождемся ли мы когда-нибудь такого финала? Ответ станет очевидным только со временем, и зависеть он будет от развития событий на огромных пространствах нашей планеты — от Малайского архипелага и Кавказских гор до берегов Северной Африки. Но самое главное должно будет произойти в арабском мире, на родине ислама, и прежде всего в Королевстве Саудовская Аравия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ These conclusions are derived from a study conducted in Jordan, Syria, Egypt, Lebanon, and the Palestinian Authority: "Revisiting the Arab Street," Center for Strategic Studies, University of Jordan, February 2005.

² Osama bin Laden, statement released by Al Jazeera television, October 29, 2004. English.aljazeera.net/NR/exeres/79CGAF22-98FB-4AIC-B21F-2BC36E87F61F.htm.

³ Report of Defense Science Board, cited in Michael Getler, "What Readers Saw and Didn't See," *Washington Post*, December 5, 2004, B6.

⁴ Quotation from a jihadist website, cited in Susan B. Glasser, "Martyrs' in Iraq Mostly Saudis," *Washington Post*, May 15, 2005, 1.

⁵ Высказывание д-ра Брюса Хоффмана, эксперта по терроризму. Из его выступления во время дискуссии на тему "Самоубийственный терроризм. Как Соединенным Штатам бороться с этой угрозой". Вашингтон, август 2005 г.

⁶ Quotation from the inaugural issue of *Muaskas al-Battar* ("Camp of the Sword"), published by the Saudi Arabian branch of Al Qaeda, cited in Steve Coll and Susan B. Glasser, "Terrorists Turn to the Web as Base of Operations," *Washington Post*, August 7, 2005.

⁷ President George W. Bush, speech to FBI Academy, Quantico, Va., July 11, 2005.

⁸ Douglas Jehl, "Iraq May Be Prime Place for Training of Militants, CIA Report Concludes," *New York Times*, June 22, 2005, A10.

⁹ Claude Moniquet, quoted in Roula Kalaf and Jonathan Guthrie, "Europe's Radical Young Muslims Turn to Violence," *Financial Times*, July 11, 2005.

¹⁰ Defense Secretary Donald Rumsfeld, "The Global War on Terrorism," October 16, 2003. (Memo to the senior Defense Department staff.) www.Foxnews.com/story/0,2933,100917,00.html.

¹¹ Colonel Charles P. Borchini, USA (Ret.), forum transcript, "Religion and Security: The New Nexus in International Relations," Pew Forum on Religion and Public Life, Washington, D.C., November 10, 2004.

¹² Report of Defense Science Board, cited in Thorn Shanker, "U.S. Fails to Explain Policies to Muslim World, Panel Says," *New York Times*, November 24, 2004.

¹³ Archbishop Giovanni Lajolo, interview with Italian press, May 11, 2004, cited in "Abu Ghraib Torture and Prisoner Abuse," Wikipedia.

¹⁴ Napoleon Bonaparte, letter to Berthier, November 11, 1798. Viewed at http://www.military_quotes.com/Napoleon.htm.

¹⁵ Neil MacFarquhar, "Lebanese Would-Be Suicide Bomber Tells How Volunteers Are Waging Jihad in Iraq," *New York Times*, November 2, 2004, A10.

¹⁶ National Commission on Terrorist Attacks against the United States, *The 9/11 Commission Report*, Norton, New York, 2004, 362.

¹⁷ *Ibid.*, 251-252.

¹⁸ Brian Michael Jenkins, "Strategy: Political Warfare Neglected," *San Diego Union-Tribune*, June 26, 2005.

¹⁹ Hamoud al-Hitar, quoted in James Brandon, "Koranic Duels Ease Terror," March 7, 2005, Interfaith Cooperation blog. Viewed at <http://daga.dhs.org/icp/blog.html>.

²⁰ Vaclav Havel, *The Art of the Impossible: Politics as Morality in Practice*, Knopf, Toronto and New York, 1997, 90.

Глава 14

Дилемма Саудовской Аравии

Я живу в страхе, — сказал летом 2004 г. один житель Саудовской Аравии. — У моей страны нет четкого представления, в каком направлении ей развиваться. С одной стороны, мы хотим двигаться в сторону прогресса, с другой — жить точно так же, как жили мусульмане 1400 лет тому назад. Мы хотим изменений и в то же время убеждены, что любые перемены — это дорога в ад. Мы хотим, чтобы наши граждане могли влиять на положение в стране, но при этом боимся демократии. Мы хотим завязать диалог с Западом, но по пятницам наши муллы молятся за то, чтобы все живущие в западных странах и вообще все немусульмане отправлялись в ад»¹.

Основатель современной Саудовской Аравии, объединивший ранее разрозненные племена, король Ибн Сауд в самом начале XX в. заявил следующее: «Мое королевство будет существовать до тех пор, пока оно будет оставаться труднодоступной страной и пока единственным желанием любого иностранца, завершившего здесь свои дела, будет только одно: поскорее убраться вон»². В начале следующего, XXI в., королевская семья выступила с прямо противоположным заявлением: «Саудовская Аравия — часть мира, и нам нельзя жить отдельно от него. Мы не можем себе позволить отстраненно наблюдать, как мир движется к созданию глобальной системы»³.

После трагических событий 11 сентября на Западе была издана целая маленькая библиотека — огромное количество книг и статей, где утверждалось, что Саудовская Аравия по сути своей — источник зла, страна, в которой рождается, вскармливается и финансируется терроризм, действующий во имя торжества ислама. Приведенные выше заявления свидетельствуют о том, что «источник зла» — не самый подходящий термин для характеристики нынешнего положения Саудовской Аравии. Правильнее было бы сказать, что это страна, находящаяся «на распутье».

Еще ни одно государство, кроме Саудовской Аравии, не совершило подобной попытки стремительно перепрыгнуть из темного прошлого в современный мир. И это при том, что психологически королевство меньше других было готово к такому прыжку. Культура страны формировалась под сильнейшим влиянием ваххабизма, пуританского течения в исламе, возникшего в XVIII в. и окончательно утвердившегося на Аравийском полуострове после того, как в 20-х гг. нынешнего столетия к власти пришла династия Саудов. Сторонники ваххабизма проповедовали возвращение к тому, что считали истинным исламом*. Они ввели единообразную одежду — нечто вроде национальной формы — белую для мужчин и черную для женщин, запретили музыку, нивелировали богатство местного этнического и культурного разнообразия. В результате было создано жестко регулируемое общество, которое контролировалось религиозной полицией. В нем запрещалась демонстрация любых чувств между мужчиной и женщиной, даже если они были мужем и женой, не разрешалось танцевать, а женщинам — водить автомашину.

Символом королевства, определяющим его идентичность и его лицо, стали святые мечети в Мекке, где родился Мухаммед, и в Медине, где он был похоронен. Статус хранителя святынь не только придавал чувство гордости, но и обязывал беречь чистоту веры. Существующие законы ограничивают права мусульман-шиитов на отправление обрядов и полностью запрещают богослужение немусульманам. Последние не могут быть даже похоронены на саудовской земле. 90% всех издаваемых книг посвящены тем или иным религиозным проблемам, а большинство выпускников университета получают диплом специалиста по исламу. Страна не имеет конституции, и вся ее жизнедеятельность подчинена предписаниям Корана**. В представлении саудовца идеальной была бы страна,

* Поскольку сам термин «ваххабизм» приобрел негативное значение, многие его последователи предпочитают называть себя «салафитами», т. е. верующими, образцом подражания для которых служат первые три поколения мусульман.

** В 1992 г. королевский двор утвердил так называемый «основополагающий закон управления», своего рода

которая могла бы жить как остров религиозной чистоты, полностью изолированный от остального мира и не запятанный вульгарностью Запада.

В то же время в недрах Саудовской Аравии содержится до четверти мировых запасов нефти, благодаря которым у нее установились более чем близкие и весьма меркантильные связи с индустриально развитыми странами. Нефть давно уже стала источником богатств, а резкий скачок цен на углеводороды в 70-е гг. сделал богатых во много раз богаче. Стремясь к высоким доходам, западные предприниматели начали вкладывать миллиарды долларов в строительство, новые технологии и развитие сферы услуг.

По мере накопления нефтедолларов саудовские принцы стали частыми гостями на роскошных курортах и в местах прожигания жизни. Теперь они заказывали одежду только в самых дорогих и известных фирмах, а их жены одевались в фешенебельных домах моделей. Каких-нибудь 20 лет назад они жили в скромных глиняных домах, в которых обязательно было помещение для приема посетителей и выслушивания их просьб. Теперь те же принцы построили для себя роскошные поместья, обставленные дорогой мебелью и напичканные новинками современной электроники.

Революция в Иране в 1979 г. чуть было все не испортила. Сразу же после захвата власти аятолла Хомейни призвал саудовцев к восстанию против своего правительства, которое он назвал «неисламским»⁴. В ноябре 2005 г. угроза режиму стала вполне реальной, когда группа воинствующих фанатиков в знак протеста захватила заложников и заперлась в главной мечети Мекки. Восставшие осудили правительство как коррупционное и потребовали его отставки. После трехнедельной осады подразделения службы безопасности взяли мечеть штурмом, уничтожив часть мятежников и захватив в плен остальных, которые позднее были обезглавлены.

В попытке добиться лояльности мусульманского духовенства власти предоставили ему полный контроль над образовательными учреждениями и над поведением как граждан страны, так и посещающих ее иностранцев. Правила общественного поведения стали еще более строгими, а самые консервативные элементы получили дополнительные полномочия проверять их выполнение. Косные тенденции набрали силу еще и потому, что в Саудовскую Аравию съехались мусульманские экстремисты из Сирии и Египта, светские руководители которых не давали им развернуться в полную силу у себя на родине. С собой они принесли панисламский радикализм, для сторонников которого характерна гораздо большая активность, в том числе и политическая, чем этого требует классический традиционный ваххабизм.

А тем временем нефтяной бум превратил Саудовскую Аравию в страну с высокоразвитой системой социального обеспечения⁵. К концу 80-х все граждане получили право на бесплатное медицинское обслуживание и образование. После окончания колледжа каждый — и мужчина, и женщина — получает грант в размере 50 тысяч долларов США, чтобы начать собственное дело. По достижении зрелого возраста всем молодым людям предоставлялся земельный участок и заем на строительство дома в размере 80 тысяч американских долларов. Пользование электричеством и водой в жилых домах бесплатное. Королевский двор и его приближенные надеялись, что теперь-то уж точно наступят спокойные счастливые времена. Не наступили. Подвели отсутствие планирования развития экономики, безудержное расточительство и взрыв рождаемости.

В период между 1981 и 2001 гг. численность населения страны удвоилась. Если саудовские женщины и дальше будут рожать столько же детей — сейчас у каждой в среднем семеро, — то к 2020 г. число жителей снова увеличится вдвое. Со временем все эти молодые люди подрастут и начнут искать себе применения, вот тогда-то их будет ждать глубокое разочарование. Уже сегодня безработица достигает 20%, а производство на душу населения ниже, чем 40 лет назад. Несмотря на рекордно высокие цены на нефть, доходы на каждого саудовца от ее продажи снизились с 22 тысяч американских долларов в 1980 г. до четырех тысяч в 2004 г.⁶ Города, когда-то сверкавшие чистотой, теперь выглядят так же, как и везде в мире: грязные окраины и переполненные трущобы.

По мере того как росло социальное напряжение, все более очевидным становились контрасты между западным и исламским образом жизни. Спутниковое телевидение дало возможность воочию увидеть страдания многих арабов и мусульман в целом, что не могло не возбудить антизападные настроения. В 90-е гг. в королевстве были размещены американские войска с тем чтобы удержать Саддама Хусейна от новых попыток захвата Кувейта. В глазах некоторых мусульман это выглядело как осквернение святых мест и стало для Усамы бен Ладена и «Аль-Каиды» тем самым *casus belli* (поводом), чтобы объявить войну Америке.

Все эти факторы вместе взятые приобрели новое значение после трагедии 11 сентября. Как только выяснилось, что 15 из 19 угонщиков самолетов — выходцы из Саудовской Аравии, представление о ней как о богатой и мирной стране мгновенно улетучилось. С этого момента королевский дом Саудов оказался в подлинной осаде. В то время как Запад осуждал его за поддержку терроризма, «Аль-Каида» обвиняла короля и его окружение в тайном сговоре с западными странами. «Аль-Каида» назвала саудовскую монархию нелегитимной формой правления.

В то же время Буш начал говорить о необходимости преобразований и демократизации в странах Ближнего Востока. Из всей его риторики напрашивался логический вывод о том, что действительно форму правления надо менять. В самой стране режим испытывает давление в пользу большей политической свободы со стороны реформистски настроенных интеллектуалов, шиитского меньшинства, лишенных политических прав женщин, а также молодежи, чьим надеждам не суждено было сбыться. С другой стороны, консервативные религиозные деятели выступают против каких-либо изменений, которые могли бы уменьшить их влияние. Самые различные слои населения борются за то, чтобы их мнение о том, в каком направлении должна развиваться страна, было учтено.

Саудовское правительство оказалось словно на минном поле. Чтобы найти безопасный выход, оно в первую очередь должно изолировать и дискредитировать тех клерикальных деятелей, которые обеспечивают экстремизму духовную подпитку, предоставляя логическое обоснование и оправдание террористической деятельности. Ему необходимо также осуществить модернизацию экономики, создать сотни тысяч новых рабочих мест, изменить положение женщины в обществе. И наконец, правительству придется дать убедительный ответ на критические замечания со стороны мирового сообщества, причем сделать это в такой форме, чтобы «Аль-Каида» не получила лишнего повода для обвинений в его слишком тесных связях с Западом.

Абсолютно нереальная задача для страны, наиболее влиятельным лидерам которой уже 70, а то и все 80 лет. Не надо также забывать, что воспитывались эти лидеры в изолированном от остального мира обществе, в основе которого лежат старые обычаи и простые, однозначные истины.

Есть ли какие-либо основания считать правительство Саудовской Аравии ответственным за 11 сентября? Нет. Можно ли его назвать союзником «Аль-Каиды»? Разумеется, нет. Не вызывает ли подозрения тот факт, что несколько дней спустя после кровавых сентябрьских событий группа граждан Саудовской Аравии вылетела чартерным рейсом из Соединенных Штатов? Согласно данным, представленным независимой комиссией, каждый пассажир этого рейса прошел тщательную проверку ФБР и «ни один из них не был замечен в связях с террористическими организациями»⁷. Лидеры Саудовской Аравии — люди самых что ни на есть консервативных взглядов и убеждений, и уж никак нельзя назвать их радикалами. Главное для них — стабильность в обществе.

Дело, однако, не в наличии или отсутствии непосредственных связей между саудовским правительством и терроризмом. Гораздо более важным представляется тот факт, что традиционная культура этой страны послужила той питательной средой, которая родила «Аль-Каиду». Особенно настораживает то, что частные лица именно из Саудовской Аравии помогают финансировать террористические операции. Создается впечатление, что лидеры этой страны взяли на себя роль доктора Франкенштейна и собственными руками создали монстра, поведение которого они теперь не в силах

контролировать.

В 1986 г. король Фахд официально сменил свой титул «Его Величество» на звание «Хранитель двух священных мечетей». Скончавшийся в августе 2005 г. король больше всего гордился тем, что при поддержке его правительства по всему миру была создана целая сеть исламских институтов, включая 210 исламских центров, более 1500 мечетей, 200 колледжей и почти две тысячи школ⁸. Именно это меня больше всего и беспокоит. Саудовцы убеждены в том, что истинной верой является ислам и только ислам. Они всячески способствуют распространению их собственной религии, запрещая в то же время в своей стране любые другие вероисповедания. Поразительно, но они не видят в этом никакого противоречия или непоследовательности.

Во время моих бесед с официальными лицами Саудовской Аравии последние особо подчеркивали статус королевства как покровителя и защитника ислама. В этом наглядно проявлялись свойственное им чувство исключительности и ощущение долга, заключающегося в том, чтобы распространять свою веру. Насколько обоснованны эти чувства, зависит от того, кто и как интерпретирует данное учение. Во время моих встреч с саудовцами, состоявшимися до 11 сентября, они все как один с негодованием отвергали любое предположение о том, что мусульманский терроризм набирает силу. С их точки зрения, утверждения такого рода преследуют лишь одну цель — дискредитировать ислам.

В свете последних событий саудовцам придется по-новому взглянуть на свои обязанности перед мировым сообществом. Надо признать, что некоторые средства массовой информации Америки, Европы и Израиля дают извращенную картину основных положений ислама и политики Саудовской Аравии. При этом нередко за всем этим стоит едва прикрытый расизм в отношении арабской культуры в целом. И все-таки, уж если говорить о том, кто действительно наносит ущерб исламу, так это убийцы-фанатики, которые, маскируясь под благочестивых мусульман, на деле извращают это религиозное учение. Если Саудовская Аравия действительно хочет возглавить движение в защиту ислама, она должна в первую очередь разгромить его подлинных врагов, а именно террористов.

Первой реакцией официального Эр-Рияда на события 11 сентября было полное отрицание, отказ признать очевидное. Несмотря на ту роль, которую сыграл в этой трагедии Усама бен Ладен, и национальность большинства угонщиков самолетов, власти категорически не хотели признать тот очевидный факт, что «Аль-Каида» пустила в Саудовской Аравии глубокие корни. 12 мая 2003 г. три террориста взорвали в Эр-Рияде бомбы, убившие 35 человек. В ноябре того же года еще один террорист взорвал целый жилой комплекс. В мае 2004 г. в г. Хобар вооруженные бандиты открыли огонь по жилому кварталу, в котором жили рабочие нефтяной компании. В следующем месяце, опять же в Эр-Рияде, был похищен и убит американский подрядчик Пол Джонсон, а в декабре того же года террористы напали на американское консульство в г. Джидда.

Такие акты насилия Эр-Рияд уже не мог игнорировать. Были арестованы сотни людей, подозреваемых в терроризме. В ряде мест произошли кровавые перестрелки с членами ячеек, связанных с «Аль-Каидой». Были захвачены склады оружия и поддельные документы. Саудовские власти официально, хотя и не до конца откровенно, признали наличие связей между тем, что происходит на улицах городов, и тем, чему людей учат в мечетях.

Более трех с половиной тысяч имамов прошли курс обучения по образовательной программе, специально предназначенной для того, чтобы воспитывать у последователей ислама чувство терпимости по отношению к другим религиям. Церковнослужителей просили также проповедовать воздержание от проявлений всякого экстремизма в вопросах веры. Из учебников были удалены все те разделы, в которых поощрялось насилие по отношению к немусульманам. По настоянию Соединенных Штатов правительство Саудовской Аравии приняло ряд законов, препятствующих отмыванию денег и блокирующих поток пожертвований в общественные фонды сомнительного характера.

Хотя прессу этой страны трудно назвать свободной, теперь на ее страницах все

активнее — хотя и в рамках дозволенного — ведутся дебаты по наиболее острым вопросам. Резкие обличительные статьи против Израиля чередуются с дискуссионными материалами, в которых рассматриваются сущность ислама и та ответственность, которую он возлагает на своих последователей. Генеральный директор одной из ежедневных газет, друг детства Усамы бен Ладена, опубликовал статью, в которой осудил тех, кто использует Коран для оправдания выпадов против христиан и евреев⁹. Многие обозреватели резко выступили против попыток «Аль-Каиды» представить ислам как религию войны. Так, Абдель Рахман аль-Рашад, главный редактор спутникового канала новостей «Аль-Арабия», заявил:

«Совершенно очевидно, что не все мусульмане — террористы, но точно так же очевидно, что почти все террористы — мусульмане, и это прискорбный факт... Мы не можем терпеть в своей среде тех, кто похищает журналистов, убивает гражданских лиц, взрывает автобусы. Мы не можем согласиться с их утверждениями, что они наши братья, точно так же как не хотим принимать их объяснения, почему они совершают преступления. Страдания не могут служить оправданием террора. Эти люди опорочили ислам, запятнав его светлый образ»¹⁰.

На официальном уровне саудовские лидеры яростно осуждают терроризм, называя его «преступлением, совершаемым людьми с извращенной психикой и умом, которыми движет ненависть ко всему человечеству»¹¹. Муллы регулярно выступают по телевидению с разоблачением террора как противоречащего учению ислама. Все это прекрасно, но мы не сможем успокоиться до тех пор, пока у нас не появится уверенность в том, что саудовские деньги и вся духовная атмосфера саудовского общества уже не служат той благодатной почвой, на которой вырастают все новые и новые поколения будущих членов «Аль-Каиды».

Нас разочаровывает настойчивое отрицание саудовскими властями того очевидного факта, что сторонники варварского экстремизма имеют массовую поддержку в их стране. Закрытый опрос общественного мнения показал, что до 49% населения согласны с идеями бен Ладена¹². Точно так же нас не может не обеспокоить то, что более 20 ведущих церковных деятелей, большинство из которых читают лекции в университетах страны, обнародовали в ноябре 2004 г. фатву, в которой призвали народ Ирака «защитить себя, свою честь, свою землю, свою нефть, свое настоящее и будущее. Разворачивайте борьбу с коалицией империалистических держав, — говорится далее, — точно так же, как когда-то вы сопротивлялись английскому колониализму. Джихад против оккупантов — обязанность каждого здорового мусульманина»*. Неудивительно, что многие иностранные террористы-самоубийцы, действующие в Ираке, — выходцы из Саудовской Аравии¹³.

В феврале 2005 г. я приняла участие в состоявшемся в Джидде экономическом форуме, который проходил в огромном зале одной из гостиниц. Сидевшая передо мной аудитория состояла сплошь из одних только мужчин, одетых в длинные белые одежды. Одна из стен зала была покрыта зеркалами, отчего он казался еще больше. В своем выступлении я поздравила саудовцев с их решением провести муниципальные выборы (они как раз в это время и проходили) и выразила надежду, что женщины Саудовской Аравии получат право голоса за более короткий срок, чем тот, который понадобился американским женщинам, чтобы добиться права на участие в голосовании.

* После того как 5 ноября 2005 г. было опубликовано официальное коммюнике в связи с выпуском фатвы, с резким осуждением этого демарша клириков выступили послы Саудовской Аравии в Соединенных Штатах и Великобритании. Многие саудовские обозреватели также выразили неодобрение фатве, авторы которой фактически поощряли свою молодежь ехать в Ирак, чтобы принять участие в движении сопротивления. В то же время они выразили поддержку той части коммюнике, в которой содержался призыв к единству иракских суннитов и шиитов и осуждалось насилие против гражданских лиц, включая иностранных журналистов и сотрудников благотворительных организаций.

К моему удивлению, эти слова вызвали бурю аплодисментов. Я посмотрела на сидящих передо мной людей: ни один из них не аплодировал. Море мужчин, и все как один сидели неподвижно. И тут я заметила, что рукоплескания раздавались откуда-то из-за зеркал. Оказалось, что там, за стеной, отдельно от мужчин, сидели саудовские женщины. Их нельзя было увидеть, но зато они благодаря микрофонам прекрасно меня слышали.

Выступавший вслед за мной министр труда утверждал, что женщинам нравится политика тендерного разделения на рабочих местах и что они совершенно не заинтересованы в том, чтобы получить право на вождение автомобиля. И тут же последовал вопрос от самих женщин, почему он так думает. Когда тот попытался оправдаться, сказав, что прочел это в послании, присланном по электронной почте, его тут же попросили дать адрес отправителя. Половина обучающихся в саудовских университетах — девушки, и в то же время женщины составляют менее одной десятой части всей рабочей силы. Рано или поздно эти образованные женщины — потенциально огромное богатство страны — найдут возможность реализовать себя вне дома.

По ходу начавшейся дискуссии один саудовец попытался заверить меня в том, что политика в отношении женщин направлена не на лишение их гражданских прав, а на то, чтобы проявлять максимум уважения к слабому полу. «Мы верим в то, что женщины сидят у ворот царства небесного, — заявил он. — Наша цель состоит в том, чтобы всячески их почитать, уважать и защищать».

В ответ я сказала, что с пониманием отношусь к такому подходу к проблеме и что мы на Западе тоже не знаем ответа на все вопросы. «В то же время, — подчеркнула я, — полагаю, что каждый человек имеет право на самостоятельный выбор. Возможно, многие саудовские женщины предпочитают жить так, как они живут сейчас, но у них, так же как и у мужчин, должна быть возможность самим решить, как им жить. Они же не дети, и относиться к ним нужно как к взрослым людям. В конце концов, чего так боятся ваши мужчины? Ведь никто не заинтересован в том, чтобы началась война полов».

Когда я совсем молодой девушкой начала ходить на первые свидания с мальчиками, у которых были автомобили, мой отец настоял на том, чтобы сопровождать меня на нашей семейной машине. Саудовская система отношений точно так же основана на чрезмерной опеке, с той лишь разницей, что там отец сидит рядом с молодым человеком, а его дочь находится на заднем сиденье за шторами.

Во время этого визита в Саудовскую Аравию я имела возможность возобновить свое знакомство с наследным принцем Абдуллой, который шесть месяцев спустя вззошел на трон, заменив болевшего в течение долгого времени короля Фахда¹⁴. Хотя Абдулле было уже за 80, он был бодр и полон жизни. У него густые усы и эспаньолка, причем и то и другое еще не тронуты сединой. Когда я сказала ему, что пишу книгу, он одобрительно улыбнулся и показал на Коран в зеленой обложке, лежавший рядом с ним в его кабинете.

Во время состоявшейся беседы Абдулла сказал, что он в ужасе от того, насколько искаженное представление создалось у многих об исламе, который он охарактеризовал как самую миролюбивую и полную сострадания к людям религию. Абдулла указал на то, что христианство, иудаизм и ислам — все три эти религии содержат в себе определенную долю экстремистских положений. Он выразил мнение, что некоторые консервативные христиане якобы заинтересованы в создании кризисной обстановки с тем, чтобы ускорить приход Армагеддона. Я поинтересовалась, запрещает ли Коран уступать земли, которым когда-либо владели мусульмане. Абдулла разъяснил, что каких-то категоричных высказываний на этот счет в Коране нет, правда, сказал он, это не относится к святым местам.

Тогда я спросила его: «Принимая во внимание сугубо религиозный характер саудовского общества, какую роль играет Бог в управлении государством?».

«Бог — величина постоянная и неизменная, — отвечал Абдулла. — Сначала мы обращаемся за советом к друзьям, помощникам, к общественности и коллегам в зарубежных странах и уже только потом к Богу. Мы молимся Господу, просим его помочь нам принять правильное решение, просим, чтобы все вышло как можно лучше». Когда же я задала ему вопрос, касающийся Ирака, Абдулла поморщился и предложил сменить тему

разговора.

Во время своего последнего визита в Саудовскую Аравию я обнаружила одно поразительное отличие в настроениях людей по сравнению с прошлым. В прежние годы превалировало мнение, что все основные проблемы страны давно уже решены, причем раз и навсегда. Сегодня появилось ощущение, что лед тронулся. Если раньше политическую атмосферу характеризовал полный застой, то теперь шли оживленные споры и дискуссии. Саудовская политика вдруг приобрела все отличительные черты настоящей драмы.

В недалеком прошлом королевский двор крайне неохотно реагировал на требования начать осуществление каких-либо серьезных реформ. Да, что-то делалось, но крайне медленно и крошечными шагами. Теперь, когда на престол взшел Абдулла, темпы преобразований могут ускориться. Еще в свою бытность наследным принцем, он выступил инициатором проведения общенациональных совещаний по проблемам прав религиозных меньшинств и женщин, создал федеральный центр для общественных дискуссий и одобрил проведение муниципальных выборов на конкурентной основе. Взойдя на трон, король Абдулла дал указание Торгово-промышленной палате Джидды разрешить женщинам участвовать в выборах в члены правления этого города, и две были действительно избраны. Абдулла выделил 3,3 миллиарда долларов на развитие системы образования и совершенствование школьных программ¹⁵. При нем Саудовская Аравия стала членом Всемирной торговой организации, что дает властям дополнительный козырь в борьбе с коррупцией, помогает реорганизовать бездарный бюрократический аппарат, а также улучшить систему образования по таким светским дисциплинам, как инженерное дело, естественные науки и математика.

Еще больше впечатляет то, что почти сразу после своего прихода к власти новый король помиловал трех активистов движения за демократические реформы, осужденных на 18 месяцев за требование принять новую конституцию. Помимо всего прочего, такое решение было воспринято всеми еще и как удар по министру внутренних дел принцу Наифу, приказавшему заключить этих людей в тюрьму. В течение долгого времени этот деятель всячески защищал и продвигал интересы наиболее консервативных членов саудовского общества.

Абдулла — реформист, но крайне осторожный. Да и трудно быть другим в стране, где любая реформа кажется излишне радикальной. Сдерживает его не только противодействие противников, но и старая традиция, согласно которой все основные решения должны приниматься на основе консенсуса. Можно предположить, что политика Абдуллы будет заключаться не в том, чтобы делать одновременно целую серию смелых, далеко идущих шагов, а в том, чтобы осторожно и хитро пробираться к намеченной цели, стараясь оставаться при этом незамеченным. Потихоньку и понемножку будут осуществлены сдвиги в таких сферах, как избирательная система, права женщин, экономика. Сделав шаг, Абдулла, скорее всего, будет останавливаться, чтобы посмотреть, не грянет ли гром.

Проблемы Саудовской Аравии не имеют легкого решения, но Западу нельзя ими не заниматься. Страна не только сама является одним из основных поставщиков нефти, но к тому же обладает возможностью активно влиять на уровень цен на нефтяное сырье. Причем эти возможности она сохранит и тогда, когда природные запасы большинства других стран-поставщиков углеводородного сырья будут уже исчерпаны. Религиозные лидеры королевства все еще имеют огромное влияние. Именно от них в значительной степени зависит то, чему учат саудовскую молодежь, как мусульманам-суннитам предлагается смотреть на мир.

Конгресс США, общественность и пресса будут давить на американское руководство, требуя, чтобы оно заняло максимально жесткую позицию в отношении Саудовской Аравии по вопросам, касающимся терроризма. Однако сегодня у Америки осталось не так много рычагов влияния на эту страну. Саудовцы больше не зависят от Соединенных Штатов в технологическом отношении. Поскольку потребность мировой экономики в нефтяном сырье постоянно растет, значение США как основного потребителя саудовской нефти неуклонно уменьшается. Если как-то не изменить существующие на сегодняшний

день меры безопасности, немногие саудовцы захотят испытать те унижения, через которые надо пройти, чтобы получить разрешение на въезд в США. Еще меньше американцев пожелают направиться в Саудовскую Аравию. Сократятся контакты и в военной сфере. Если останется прежним существующий сегодня негативный образ обеих стран, их руководителям станет политически невыгодным помогать друг другу.

Саудовцы чувствуют себя крайне неловко в той роли, которую им приписывают некоторые американские деятели. Один из них умудрился назвать Саудовскую Аравию «страной с холодной нефтяной вышкой вместо горячего сердца, создателем мрачной, враждебной нам системы»¹⁶. Саудовцы, конечно же, предпочли бы вернуть те времена, когда в ходе грандиозных сражений двух лагерей мы были вместе и это позволяло нам преодолевать разногласия по вопросам, касающимся Ближнего Востока. Соединенные Штаты должны делать все возможное, чтобы Саудовская Аравия была заинтересована в восстановлении прежних отношений. Нам следует всячески поощрять те действия Эр-Рияда, которые наносят урон «Аль-Каиде», лишают террористов притока новых ассигнований. Необходимо также убедить саудовские власти не упускать ни одного шанса, чтобы напомнить своим гражданам и братьям по вере в других странах о том, что убийство гражданских лиц противоречит ценностям арабской культуры и уж никак не способно помочь им получить место в раю.

Основные идеологические сражения разворачиваются в Саудовской Аравии вокруг главного вопроса: какой хотели бы саудовцы видеть свою страну? Желают ли они, чтобы она продолжала быть изолированным бастионом консервативных традиций или, оставаясь глубоко религиозной, стала современной державой, открытой всему миру и являющейся частью этого мира? Одним саудовцам вполне достаточно понять, как далеко простираются те границы дозволенного, которые очертил ислам. Другие, напротив, полны решимости освободить общество от как можно большего числа ограничений.

Нет ничего удивительного в том, что многие саудовцы оказались не в состоянии четко определиться, на чьей они стороне в этом сражении. Все понимают необходимость модернизации общества, но в то же время людей пугает опасность того, что ситуация может выйти из-под контроля. Такие же дискуссии идут сейчас и во многих других арабских странах, а также в мусульманском мире в целом. И повсюду они сопровождаются теми же надеждами и страхами и той же атмосферой тревоги и неуверенности, которая порождается столкновением двух глубочайших представлений о мире. Согласно одному из них единственным источником силы и могущества является Бог, согласно второму— только народ вправе предоставить кому-либо властные полномочия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Mona Eltahawy, "The Wahhabi Threat to Islam," *Washington Post*, June 6, 2004, B7.

² Ibn Saud, quoted in Sandra MacKey, *The Saudis: Inside the Desert Kingdom*, Norton, 2002, 371. (Updated edition.)

³ King Fahd, statement issued by government of Saudi Arabia, May 20, 2004. www.Saudiembassy.net/Reportlink/Extremism-Report-January-2005.pdf.

⁴ Ayatollah Khomeini, quoted in Fawaz A. Gerges, *America and Political Islam: Clash of Culture or Clash of Interests?* Cambridge University Press, Cambridge, 1999, 44.

⁵ Information drawn from remarks of Charles W. Freeman, former U.S. ambassador to Saudi Arabia, at a New Republic Symposium on Public Policy, "Political Reform in Saudi Arabia: Examining the Kingdom's Political Future," Washington, D.C., October 2, 2003.

⁶ Jad Mouawad, "Saudis Shift toward Letting OPEC Aim Higher," *New York Times*, January 28, 2005, C1-2.

⁷ National Commission on Terrorist Attacks against the United States, *The 9/11 Commission Report*, Norton, New York, 2004, 330.

⁸ Statistics are from King Fahd's official website, www.kingfahdbinabdulaziz.com.

⁹ Khaled Batarfi, "The Problem Lies with Those Who Misinterpret History in Order to Serve Self-interest," Middle East Research Institute, Special Dispatch Series, No. 830, December 17, 2004. (Dr.

Batarfi is the managing editor of the Saudi Arabian daily *Al Madina*.)

¹⁰ Abdel Rahman al-Rashad, "A Wake-Up Call: Almost All Terrorists Are Muslims," *Arab News*, September 9, 2004.

¹¹ Crown Prince Abdullah, International Conference on Counter-Terrorism, Riyadh, Saudi Arabia, February, 2005. www.Saudiembassy.net/2005news/statements/StateDetail.asp?cIndex-498.

¹² Survey cited in Fareed Zakaria, "The Saudi Trap," *Newsweek*, June 28, 2004.

¹³ Susan B. Glasser, "Martyrs' in Iraq Mostly Saudis," *Washington Post*, May 15, 2005, A1.

¹⁴ Conversation with Crown Prince Abdullah, Riyadh, Saudi Arabia, February 22, 2005.

¹⁵ Edward S. Walker, "Islam's Battle within Itself," *Baltimore Sun*, October 12, 2005.

¹⁶ Max Rodenbeck, "Unloved in Arabia," *New York Review of Books*, October 21, 2004. (Rodenbeck is characterizing a general perception.)

Глава 15

Арабская демократия

В июле 1957 г. Джон Ф. Кеннеди, в те годы младший сенатор от штата Массачусетс, заявил, что «самая мощная сила в наши дни — не коммунизм или капитализм и даже не управляемые ракеты, а извечное стремление человека к свободе и независимости». «Империализм — вот самый точный термин, обозначающий главное препятствие на пути к свободе, — продолжал сенатор. — Сегодня единственно важный критерий для оценки внешней политики Америки — то, как она противостоит империализму, помогая реализоваться этому стремлению к свободе»¹.

Поразительно, что в самый разгар холодной войны Кеннеди обозначил в качестве главного признака, на основании которого следует оценивать характер внешней политики Соединенных Штатов, ее отношение не к коммунизму, а к империализму. Он сделал это заявление в разгар борьбы, которую не на жизнь, а на смерть вели за свою независимость алжирцы, так что Париж был вынужден даже осудить «опрямительное вмешательство»² молодого сенатора во внутренние дела Франции. Старейший деятель Демократической партии Эдлай Стивенсон назвал заявление Кеннеди «ужасным, провоцирующим хаос» и представляющим угрозу НАТО.

Однако уже настало время для бывших колоний приобрести независимость, и в 1962 г. Алжир стал суверенным государством. К этому времени Кеннеди уже был президентом, полным решимости поддержать в их стремлении к свободе колониальные народы третьего мира, значительная часть которых были мусульмане. Говоря о вечном стремлении человека к свободе, Кеннеди прежде всего имел в виду желание народов освободиться от иностранного господства. Однако, как известно, независимость не гарантирует гражданам свободу от угнетения со стороны их собственных правительств. Завоевать свободу такого рода — это уже другая задача, причем нередко даже более трудная.

В ноябре 2003 г. президент Буш объявил, что отныне Соединенные Штаты «решительно настроены на то, чтобы реализовать стратегию, цель которой — помочь народам Ближнего Востока получить свободу». Это заявление было сделано на заседании, посвященном 20-й годовщине создания Национального фонда в поддержку демократии (National Endowment for Democracy). «Отсутствие свободы — слишком высокая цена за стабильность, — продолжал президент. — До тех пор пока на Ближнем Востоке не воцарится свобода, он останется регионом стагнации, в нем будет по-прежнему кипеть всеобщее негодование и зреть насилие, готовое вырваться и захватить соседние страны. Рано или поздно там может появиться оружие, которое принесет нам и нашим друзьям страшный ущерб. Было бы безумием мириться с таким положением дел»³.

Сколько себя помню, я всегда выступала в поддержку демократии и поэтому приветствовала данное выступление Буша, соглашаясь со всеми основными его положениями. Многие бывшие колонии, получив независимость, просто поменяли иностранный деспотизм на отечественный. Ближний Восток — единственный регион, где многие главы стран обладают властью просто в силу своего царского происхождения. Если американский президент всерьез задумал сломать эту традицию, он должен будет радикально изменить характер отношений между Соединенными Штатами и правительствами и народами арабских стран.

Поддержать демократию на Ближнем Востоке гораздо проще на словах, чем на деле. В свое время государственный департамент обнародовал в прессе план демократизации региона, даже не проконсультировавшись с руководством заинтересованных стран. С точки зрения дипломатии — грубейшая ошибка, вызвавшая протесты и обвинения США в высокомерии.

В декабре 2004 г. в Марокко проходил так называемый «Форум за будущее» (Forum for the Future) с участием представителей западных и арабских стран, на котором обсуждались вопросы, связанные с назревшей необходимостью проведения демократических реформ. Но если американские участники форума говорили главным

образом о том, что настало время запустить сам процесс демократических изменений, то их арабские коллеги предлагали начать с того, чтобы прекратить оккупацию Ирака и урегулировать наконец израильско-палестинский конфликт.

Вашингтон всегда придерживался той точки зрения, что источник экстремизма — острое недовольство существующей политической системой. Люди становятся террористами тогда, когда теряют надежду добиться желаемых перемен мирными средствами. В свою очередь, арабские официальные лица настаивают на том, что причина распространения терроризма заключается вовсе не в отсутствии демократии, а во всеобщем недовольстве политикой Соединенных Штатов и что единственная возможность добиться стабильности в регионе — это изменить американскую политику в отношении арабского мира.

Эту точку зрения разделяют не только арабские короли и принцы. В декабре 2005 г. я встречалась в г. Дубай с группой молодых мусульманских женщин. Хотя большинство из них были одеты в черные, длинные до пят мусульманские одежды, все они выражали явно феминистские взгляды. На этой встрече я высказала мнение о том, что крайне опасно оставлять положение на Ближнем Востоке таким, какое оно есть. В ответ на это одна из участниц встречи встала и заявила: «Оно не было опасным, пока Соединенные Штаты не сделали его таким».

В ближневосточном регионе весьма серьезно относятся к любым предположениям о существовании того или иного заговора, поэтому так широко распространены подозрения относительно истинных целей администрации Буша. Мало кто верит в то, что Америка поддерживает демократию из любви к арабам и делает это совершенно искренне, без всяких задних мыслей. Во время любых переговоров или консультаций каждая из сторон пытается сделать главной темой обсуждения ту проблематику, которая представляется ей наиболее важной. Так, американские представители, как правило, предлагают рассмотреть вопросы, связанные с осуществлением необходимых реформ. Арабские руководители, в свою очередь, готовы говорить о чем угодно, только не о демократии.

Президент абсолютно прав, когда пытается изменить создавшееся впечатление, будто Америка выступает за свободу во всех странах, кроме арабских. Пикантность ситуации заключается в том, что в такого рода обвинениях есть определенная доля истины. В течение многих лет администрации как республиканцев, так и демократов старались поддерживать как можно более тесные отношения с автократическими арабскими режимами. Конечно, для этого у них были достаточно веские причины.

Руководители таких стратегически важных стран, как Египет и Саудовская Аравия, больше всего ценят стабильность — так же как и Соединенные Штаты. Главное богатство региона — нефть, а это именно то, в чем так нуждаются американские потребители. Арабам нужны передовые технологии, в то время как компании США жаждут их продавать.

В годы холодной войны Соединенным Штатам позарез была нужна поддержка арабских стран в борьбе против Советского Союза. Позднее, в 90-е гг., Клинтон нуждался в помощи арабских руководителей, чтобы реализовать американский план мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Находившиеся в те годы у власти правительства арабских стран при всех их недостатках были явно предпочтительнее, чем любые другие, которые могли бы прийти им на смену. Америке вполне хватало той головной боли, которую причиняли ей Саддам Хусейн в Ираке, Муамар Каддафи в Ливии и теократический режим в Иране.

Такой практицизм вполне уместен еще и сегодня, и все же настало время новых подходов. Один из главных аргументов «Аль Каиды» — тот, что США всячески поддерживают коррумпированные, незаконные, репрессивные и еретические режимы. Чтобы нейтрализовать такого рода обвинения, нам нужно прежде всего сохранять верность собственным идеалам и оказывать поддержку демократическим реформам во всех тех странах, где отсутствует свобода.

Речь не идет о том, чтобы любой ценой навязывать нашу политическую систему другим государствам, многие из которых этого не хотят. Ислам учит мусульман

заимствовать все то ценное, что есть у других народов. Демократия — одна из самых значимых ценностей Запада. Как показывают исследования, арабы и мусульмане в целом в принципе благожелательно относятся к таким ценностям, как свобода слова, многопартийная система, равенство всех перед законом". Большинство из них считают, что для руководителя гораздо важнее быть демократом, чем сильным лидером.

Быть может, именно поэтому демократия постепенно завоевывает позиции в том числе и в мусульманских странах. Так, крошечный эмират Катар принял новую конституцию, предусматривающую созыв консультативной ассамблеи, свободу религии и прессы, а также защиту прав женщин. Много лет подряд парламент Кувейта категорически отказывался предоставлять женщинам право голоса, однако в конечном счете такой закон все же был принят. В 2003 г. в Иордании и Йемене прошли парламентские выборы. Нельзя сказать, что они были уж очень демократическими, и тем не менее избиратели могли достаточно свободно выразить свое волеизъявление. К тому же проводились они на основе многопартийной системы.

Совсем недавно парламентские и президентские выборы прошли в Палестине. В настоящее время большинство арабских стран имеют либо законодательный, либо совещательный орган, хотя его полномочия зачастую весьма ограничены. В регионе царит ощущение того, что изменения пусть медленно, но происходят и на место старых порядков приходят новые. Пока еще не совсем ясно, что собой представляют эти новые порядки; важно, что лед тронулся.

Администрация Буша надеялась, что на месте старого Ирака появится новый и этот новый Ирак станет той демократической моделью, которую возьмут за образец другие арабские страны. Может быть, когда-нибудь так и будет, но пока на улицах иракских городов ежедневно происходят кровавые столкновения и насилие. Наверное, должно пройти какое-то время, прежде чем арабы, глядя на Ирак, скажут: «Хотим, чтобы и наша страна была такой же». Пока же полностью удовлетворительной модели арабской демократии не существует*. В 1992 г. король Саудовской Аравии Фахд объяснил, что «исламское вероучение не предусматривает существования избирательной системы. Согласно исламу, правительство нужно только для того, чтобы давать советы и консультировать, и при этом оно должно быть открыто и доступно так же, как пастух открыт и доступен своему стаду»⁵.

Тезис о том, что демократия противоречит исламу, возможно, удобен для монархов, но звучит он неубедительно. Арабские традиции советоваться с окружающими тебя людьми, на которые ссылался Фахд, вполне могут трансформироваться в демократические принципы. Было бы желание. Как мы видим, за пределами Аравийского полуострова ислам не служит препятствием для развития демократии. В таких странах, как Индонезия, Индия, Бангладеш, Малайзия и Турция, где проживает половина всех мусульман, успешно функционируют правительства, сформированные по результатам выборов.

Ислам не является препятствием на пути к свободе. В то же время не следует думать, что он не сыграет никакой роли в процессе будущих демократических преобразований. Всегда существует риск того, что в тех странах, где исповедуются наиболее консервативные формы ислама, верующие воспримут демократию не как народовластие, вполне способное сосуществовать с исламом, но как нечто, навязываемое им взамен традиционной религии. Вполне возможны проблемы чисто лингвистического характера, когда словам придают совершенно не то значение, которое они в действительности имеют.

Например, некоторые мусульмане, так же как иудеи и христиане, термин «светский» понимают как «безбожный». Они не согласны с тем, что ко многим государственным проблемам можно подходить без оглядки на религиозные принципы и традиции, оставаясь при этом глубоко верующим человеком. «Быть человеком светским, — пишет один эксперт, — означает не только полное отрицание религии, но также и тех

* В период между двумя мировыми войнами в Египте существовала многопартийная система, однако после военного переворота в 1952 г. она была ликвидирована.

религиозных моральных принципов, традиций и правил, которые действуют в мусульманском обществе»⁶. Такому восприятию понятия «светский», безусловно, способствует жизненный опыт, полученный теми мусульманами, которым довелось ощутить на себе тяжелую руку таких светских руководителей, как иранский шах и египетский лидер Насер.

Это и целый ряд других обстоятельств дают повод некоторым мусульманам утверждать, что демократию продвигают для того, чтобы ослабить ислам. В ответ сторонники реформ должны четко разъяснить, что поддержка демократических преобразований вовсе не означает желание поставить человека над Богом. Напротив, демократы хотят лишить деспотов возможности играть роль Господа. Демократия позволяет каждому гражданину, а не только немногим привилегированным гражданам высказать свое мнение по любому вопросу. При мне один мусульманский лидер, нигериец по национальности, высказался в том духе, что именно по вышеуказанной причине ислам — самая демократическая религия. В соответствии с ней перед Богом все равны.

Некоторые утверждают, что значение религии сильно преувеличивается и что корень проблемы лежит в чисто экономической сфере: достаточно убедить арабов в том, что при демократии они станут жить лучше, как дело будет сделано. Такие доводы напоминают мне сюжет фильма «Выпускник». В нем главного героя, роль которого исполняет Дастин Хоффман, убеждают в том, что для полного счастья ему надо всего лишь сделать карьеру в бизнесе, связанном с производством пластика.

На Западе многие уверены в том, что люди во всех странах мира хотят жить точно так же, как живут они. Из этого делается вывод о том, что если арабы или другие мусульмане отрицательно относятся к западному образу жизни, то это только потому, что они завидуют нашему благополучию и богатству. Мало кто понимает, что причина может быть совершенно иной. Так, например, некоторые арабы искренне считают, что Запад искушает их всяческими соблазнами, на которые им ни в коем случае нельзя поддаваться, поскольку в этом случае они утратят право на жизнь вечную. Конечно, материальная заинтересованность играет важнейшую роль в жизни каждого человека, но, как показывает история, идеи, овладевшие массами, гораздо важнее. И не имеет значения, истинные они или способны лишь вводить в заблуждение.

«Спросите любого мусульманина, хочет ли он жить в свободном обществе, — пишет один из ведущих мусульманских теологов, — и он наверняка ответит вам: да, хочет. Но подавляющее большинство тут же добавит, что для них свобода не означает свободу от *Господа* и *религии*. Они с радостью воспримут свободу, только если она не станет разрушать их веру и все остальное, что придает особый смысл их жизни»⁷.

Существует точка зрения, согласно которой две составляющие любой демократической реформы — экономическая и политическая — могут реализоваться только в определенной последовательности. Что же касается арабов, говорят сторонники данной теории, то они просто не готовы жить в условиях демократии. Им нужно сначала повысить свой образовательный уровень и материальное благополучие, что позволит приблизиться к тому образу жизни, который характерен для среднего класса развитых стран. Другими словами, стать более западными людьми.

Мне кажется, есть что-то снисходительно-унизительное в таком подходе. К тому же при этом игнорируется тот очевидный факт, что успешное осуществление политической реформы облегчает проведение реформы экономической, и наоборот. Авторитаризм препятствует экономическому развитию, в то время как демократия, напротив, создает более благоприятные условия для процветания экономики. Тем не менее некоторые руководители арабских стран свято верят в то, что в первую очередь необходимо осуществлять экономические преобразования. При этом они надеются, что это позволит им откладывать на неопределенный срок преобразования политические. Самый наглядный пример такого подхода — президент Египта Хосни Мубарак.

После своего прихода к власти в 1981 г. Мубарак зарекомендовал себя как ответственный политический деятель международного масштаба, который придерживается умеренного курса и оказывает жизненно важную поддержку мирному

процессу на Ближнем Востоке. Египетский президент к тому же еще и умелый, тонкий политик, осуществляющий необходимые его стране экономические реформы. Но при этом он — не демократ. Ну совершенно не демократ!

Почти четверть века Мубарак держит под запретом деятельность любой политической оппозиции. Объявив в самом начале своего правления чрезвычайное положение, он впоследствии и не думал отменять его, а сделал постоянным. Любой египтянин, не согласный с ним по какому-либо важному вопросу, рискует быть арестованным и заключенным в тюрьму. Мубарак утверждает, что такая жесткая внутренняя политика вызвана необходимостью и что благодаря ей в последние годы в стране не произошло ни одного террористического акта.

Что же касается президента Буша, то он утверждает, что «альтернативой терроризму может быть только свобода» и что появление «Аль-Каиды» должно подтолкнуть арабские режимы в сторону демократии. Совершенно противоположного мнения придерживаются египетские руководители. Вскоре после 11 сентября премьер-министр Египта заявил, что активизация терроризма должна убедить США в правильности той внутренней политики, которой придерживается Каир, и подтолкнуть Вашингтон к тому, чтобы ужесточить внутренний режим в стране.

«Уже долгое время Соединенные Штаты и Великобритания, а также различные общественные организации по соблюдению гражданских прав призывают нас предоставить террористам так называемые "гражданские права", — заявил глава кабинета министров Египта. — Предположим, вы начали давать им эти права и стали даже расширять их, но делать это вы можете только до тех пор, пока они, воспользовавшись предоставленными им правами, вас не уничтожат. Быть может, после этих ужасных событий в Нью-Йорке и штате Вирджиния западные страны начнут воспринимать опыт моей страны в борьбе с терроризмом как нечто достойное подражания»⁸.

Президент Буш призвал египетское руководство «возглавить движение арабского мира к демократии». В ответ Мубарак, выставивший в сентябре 2005 г. свою кандидатуру на переизбрание, разрешил оппозиции принять участие в выборах. В конечном счете получился тот самый спектакль, который так часто мы наблюдаем в странах с маргинальной демократией: все внешние атрибуты демократии соблюдены, а по существу выборы оказались фикцией.

Предвыборная кампания продолжалась абсурдно короткий срок — всего 19 дней. Большая часть средств массовой информации и почти все деньги, выделенные на проведение выборов, контролировались правящей партией. Требования к кандидатам были настолько высоки, что практически никто не мог встать в открытую оппозицию действующему президенту. Как и ожидалось, с огромным преимуществом победил Мубарак.

Однако во всем этом были и свои положительные стороны. Впервые за всю свою долгую историю египтяне увидели, как их руководитель участвует в предвыборных митингах, обращаясь к их участникам с просьбой поддержать его в день выборов. Избиратели получили бюллетени, в которых был не один, а несколько кандидатов. Люди могли провозглашать антиправительственные лозунги, не опасаясь, что полиция изобьет их дубинками.

Граждане Египта — люди достаточно искушенные и образованные, идеологически не зашоренные и вполне способные поддержать не только ту партию, которая находится в данный момент у власти, но и оппозиционную. Если бы сегодня удалось провести действительно свободные выборы, то наилучших результатов среди оппозиционных партий добилась бы партия «Братья-мусульмане» — религиозно-политическая организация, основанная еще в 1928 г.

«Братья-мусульмане» периодически меняли свою тактику. То они брали на вооружение насильственные методы борьбы, то напротив, их осуждали. Неоднократно эта партия подвергалась разгрому, что не мешало ей со временем создать свои отделения в других арабских странах. В основе суннитского варианта ислама лежит утверждение о том, что только сунниты знают ответы на все вопросы и только возврат к первоначальному исламу

может излечить все социальные болезни.

В Египте «Братья-мусульмане» со временем стали использовать демократическую терминологию и наладили сотрудничество со светскими группировками, выступающими за проведение реформ. Хотя официально эта партия остается по-прежнему запрещенной, она сохраняет существенное влияние на электорат и на парламентских выборах 2005 г. целый ряд ее кандидатов, выступавших как независимые, добились избрания.

Если деятельность этой организации будет разрешена, она может превратиться в умеренную исламскую партию наподобие тех, которые находятся у власти в Турции, Индонезии, Боснии и Герцеговине, а со временем, вероятно, станет правящей партией и в Ираке. Однако возможен и другой, менее радостный сценарий развития событий. Как утверждает египетское руководство, «Братья-мусульмане» снова собираются прибегнуть к насилию, а раз так, говорят власти, этой организации ни в коем случае нельзя разрешать открыто действовать на политической арене, пусть даже используя ненасильственные методы. Вот такой своеобразной логики придерживаются многие репрессивные режимы.

Совершенно очевидно, что Мубарак хотел бы иметь такую оппозицию, существование которой создавало бы видимость демократии и в то же время не угрожало бы влиянию его собственной партии, в течение многих лет удерживающей в своих руках власть. Однако если египтяне все-таки проснутся, контролировать их поведение станет гораздо труднее. Думаю, что к 2011 г., когда должны состояться следующие президентские выборы, избиратели окончательно созреют до понимания необходимости покончить с монополизмом одной партии и потребуют проведения выборов на действительно альтернативной основе.

Чтобы смягчить давление в пользу реальных перемен, Мубарак будет напоминать американским политикам о том, как он полезен в решении тех проблем, которые действительно затрагивают интересы Соединенных Штатов. Теперь, когда район Газы больше не контролируется Израилем, а ситуация на Ближнем Востоке опять стала неустойчивой, египетский президент постарается продемонстрировать возможности Каира влиять на поведение палестинцев, всячески подчеркивая свою роль старейшего государственного деятеля арабского мира.

В 1991 г., 35 лет спустя после того памятного выступления Джона Кеннеди, в Алжире состоялись наконец многопартийные выборы. Победила партия исламистов, что крайне обеспокоило руководителей западных стран. Они опасались, что, несмотря на прошедшие в стране демократические преобразования, исламисты не станут соблюдать новые правила, запретят деятельность оппозиционных партий и в стране снова не станет свободной прессы и независимой юриспруденции. Когда после вмешательства алжирской армии результаты выборов были аннулированы, администрация Буша вздохнула с облегчением. Вот что сказал по этому поводу бывший госсекретарь США Джеймс Бейкер:

«Когда я был государственным секретарем, мы старались исключить радикальных исламистов из политической жизни Алжира, хотя и признавали, что это противоречит курсу на поддержку демократии. В принципе такой курс предполагает, что вы примете любые его последствия, даже если, на ваш взгляд, они нежелательны. Так, в случае победы исламистов на выборах вам не остается ничего другого, как примириться с такими результатами. Однако в Алжире мы повели себя совершенно иначе, поскольку успех фундаменталистов слишком противоречил национальным интересам Соединенных Штатов, а их ценности казались несовместимыми с нашими собственными ценностями»⁹.

История доказала, что на демократических выборах далеко не всегда побеждают демократы. В большинстве арабских стран крупные этнические общности объединяет религия. Если бы там завтра вдруг расцвела демократия и были бы проведены по-настоящему свободные выборы, то депутатами парламента вряд ли стали бы научные

работники, бизнесмены или высокообразованные специалисты, т. е. представители тех слоев населения, которые при всей их относительной немногочисленности активнее других выступают за демократизацию общества. Скорее всего, к власти пришли бы политики, руководствующиеся консервативными мусульманскими догмами. Во всяком случае, в Палестине и Ираке произошло бы именно так и никак иначе.

В 2005 г. я была сопредседателем специальной комиссии по изучению проблем развития демократии в арабских странах при Совете по международным отношениям. Другим сопредседателем был уважаемый бывший конгрессмен Вин Уэбер. Комиссия пришла к выводу, что если граждане арабских стран получают возможность свободно и миролюбиво выражать свои жалобы и претензии, то у них будет меньше искушений использовать крайние меры для достижения своих целей и с тем большей вероятностью в этих странах начнется строительство демократического, процветающего общества.

От такого развития событий, говорилось в представленном докладе, выиграют как США, так и сами арабские страны. В то же время, как подчеркивали его авторы, содействуя становлению демократических институтов, мы должны учитывать нежелательность резких и внезапных преобразований, которые не только не нужны, но даже могут представлять опасность. Наша задача, указывалось в докладе, помочь эволюции в сторону демократии, а не революции, ниспровергающей существующие порядки.

Правда, один из членов нашей комиссии остался недоволен таким осторожным подходом. Он выразил свое особое мнение, заявив, что Соединенным Штатам вообще незачем добиваться проведения свободных выборов в арабских странах. «Даже самые умеренные и выступающие за ненасильственные меры мусульманские партии, — заявил он, — не приемлют те цели, которые преследуют США на Ближнем Востоке. Арабы никогда не захотят смириться с тем влиянием, которым обладает Вашингтон в этом регионе. Что же касается конфликта между арабскими странами и Израилем, то тут наши интересы вообще прямо противоположны»¹⁰.

Меня страшно удивил такой анализ положения дел, поскольку он сделан на основе абсолютно устаревших представлений. Как можно думать, что Соединенные Штаты смогут сохранить свое влияние в мусульманских странах, не поддерживая там свободные и честные выборы? Это все равно как если бы в борьбе с терроризмом, надеясь его победить, мы начали предпринимать те самые действия, которые приписывают нам террористы. И в том, и в другом случае это была бы попытка с негодными средствами. Кроме того, это было бы совершенно неверно в стратегическом отношении.

Некоторые аналитики опасаются, что демократизация позволит политическим партиям исламистского толка прийти к власти в огромном регионе — от Северной Африки, через страны Ближнего Востока и Персидского залива до Юго-Восточной Азии. В результате может возникнуть внушительный блок стран, объединенных ненавистью к Израилю, неприятием политики Соединенных Штатов, стремлением заполучить ядерное оружие, и, наконец, стран, не поддающихся внешнему влиянию в вопросах борьбы с терроризмом. Надо признать, что демократия всегда сопряжена с риском, и все-таки исход такого рода маловероятен. Ислам действительно обладает большими, чем коммунизм, потенциальными возможностями объединить государства этого региона, но вряд ли он способен создать исламскую супердержаву. Слишком уж велики культурные и теологические разногласия внутри самого исламского движения.

Мубарак и арабские лидеры, разделяющие его точку зрения, утверждают, что политические партии, в основе идеологии которых лежит ислам, все как один не только недемократичны по самой своей природе, но еще и склонны к использованию насильственных методов. Именно из этого предположения исходили Соединенные Штаты в своей реакции на результаты выборов 1991 г. в Алжире. Эти представления настолько серьезны, что просто отмахнуться от них невозможно. Мы обязаны считаться с тем, что в результате свободных выборов в ряде стран у власти могут оказаться воинствующие исламистские режимы. Тем не менее неразумно исключать из политической жизни партии, пользующиеся широкой поддержкой граждан, на том лишь основании, что они могут

сделать потом что-то не так. К тому же недемократические правительства склонны приклеивать ярлык «террорист» ко всем, кто не согласен с их политикой. Такого рода ярлыки имеют свойство самореализовываться.

Другими словами, гонения не столько устраняют насилие, сколько его порождают. Если мы хотим, чтобы демократия пустила корни на Ближнем Востоке, нельзя вот так с порога взять и запретить деятельность исламистских партий. Как показывает история, многие законопослушные политические партии первоначально возникли как незаконные политические движения. Даже те группировки, которые пока еще ассоциируются с терроризмом, надо всячески поощрять к тому, чтобы они осудили насилие и вписались в общее русло политической жизни.

Тем, кого сегодня беспокоит перспектива победы исламистов, я бы посоветовала заниматься не столько введением запретов на их деятельность, сколько упорной работой, которая позволила бы одержать над ними победу на выборах. Известный турецкий писатель Орхан Памук так описывает в своем романе «Снег» методы агитации, которые приносят успех сторонникам исламистских партий:

«Исламисты группами ходят от двери к двери. Регулярно посещая дома, они дарят женщинам горшки и кастрюли, соковыжималки, коробки мыла и моющих средств. Особое внимание уделяется бедным районам, где они стремятся завоевать расположение прежде всего женщин. Часто исламисты носят с собой специальные иглы, которыми вышивают золотыми нитями на одежде детей особые знаки. Считается, что эти знаки предохраняют людей от зла. При этом каждый раз они говорят: "Отдайте ваши голоса партии Бога. Мы все впали в нищету только лишь потому, что отвернулись от нашего Господа".

Исламисты умеют завоевать доверие обозленных и униженных безработных. Они подают надежду их женам, которые часто не знают, чем накормить свои семьи... Речь идет не только о самых обездоленных. Даже люди, имеющие работу, даже торговцы относятся к исламистам с уважением, потому что они более трудолюбивы, более честны и скромны, чем все остальные»¹¹.

Включение исламистских партий в политическую жизнь даст им возможность принять участие в процессе становления демократии. Исключение, напротив, толкает их на то, чтобы разрушать этот процесс. Ценность демократии в том, что она позволяет решать самые сложные проблемы мирными средствами, обращаясь к разуму, используя методы обсуждения и голосования. Современный исламский мир волнуют сегодня преимущественно именно те проблемы, которые как раз больше всего и беспокоят партии исламистского толка. Чего требует от людей ислам? Как определить, что такое террор? Чему учить молодежь? Как сочетать требования, предъявляемые к человеку современной жизнью, с традиционными ценностями? Гораздо лучше решать все эти проблемы путем взаимных уступок, методом компромисса, чем прибегать к насилию и репрессиям.

Конечно, некоторые политические группировки преисполнены желанием господствовать с помощью насилия и террора. Помня об этом, все политические партии должны твердо придерживаться демократических правил, включая ненасилие и уважение к конституционным процедурам. Надо признать, что многие исламистские партии уже приняли вышеназванные правила игры*.

* В апрельском номере журнала *Islamism in North Africa 1: The Legacies of History* за 2004 г. опубликован доклад Международной группы по предотвращению кризисов, в котором, в частности, говорится: «Исламские политические движения Северной Африки больше не осуждают демократию как нечто противоречащее исламу или как попытку подменить идею исламского государства государством современного типа. Фактически они категорически отвергли теократические концепции и официально признали принципы демократии и плюрализма, а также уважение к тем правилам игры, которые определены

В конце концов, лучший способ изолировать наиболее непримиримых экстремистов — это создать максимум возможностей для легальной деятельности тех, кто согласен участвовать в политической жизни, не прибегая к методам насилия. И ничто так эффективно не заставит партии или движения сдвинуться в сторону политического центра, как желание получить как можно больше голосов на выборах. Президент Буш, который не понаслышке знает, как выигрывать выборы, сформулировал это правило следующим образом: «Может быть, найдутся и такие, кто скажет: "Голосуйте за меня! Обещаю вам взорвать Америку!"... но, скорее всего, желающие быть избранными дадут гарантии отремонтировать дороги или пообещают избирателям, что на их столе всегда будет кусок хлеба»¹². Сенатор Тип О'Нилл сказал о том же самом еще проще: «Вся политика делается на местах».

Арабским лидерам следует знать, что прогресс в сторону демократии благотворно повлияет на их отношения с Соединенными Штатами и наоборот. Страны, последовательно осуществляющие демократизацию своей жизни, могут рассчитывать на особое к себе отношение, в том числе в таких вопросах, как торговля, инвестиции и зарубежная помощь. В то же время Вашингтону необходимо дистанцироваться от тех стран, правительства которых отказываются гарантировать населению гражданские права.

Соединенные Штаты должны всячески поддерживать движение к демократии как на Ближнем Востоке, так и в других регионах мира. Но делать это надо с известной долей скромности. Демократия — вовсе не дар Божий или подарок со стороны США. Это система управления, которую каждое государство выбирает самостоятельно и по своему вкусу. В своей второй инаугурационной речи президент Буш, в частности, сказал: «Со дня основания нашей страны мы провозгласили, что каждый мужчина и каждая женщина на этой земле обладают неотъемлемыми правами, в том числе и правом обладать чувством собственного достоинства. Каждый человек имеет уникальную ценность»¹³.

При этом Буш даже не упомянул тот исторический факт, что в первые сто тридцать лет существования нашего государства половина граждан Америки, несмотря на их «уникальную ценность», не имела права голоса; что первые семьдесят пять лет миллионы рабов жили в цепях; что, прежде чем была построена американская цивилизация, другая, более древняя, была уничтожена.

Конечно, лучше быть реалистом и не ждать сразу слишком многого. Американцам важно трансформировать Ближний Восток прежде всего для того, чтобы гарантировать свою собственную безопасность. Вряд ли арабский реформист станет использовать данный аргумент в своей работе. Если в арабском мире когда-либо восторжествует демократия, то только для того, чтобы реализовать собственные устремления арабских народов. Причем это вовсе не значит, что арабы при этом станут смотреть на мир иными глазами. Так, бесполезно надеяться, что демократизация послужит толчком к примирению с Израилем или что она гарантирует либерализацию в социальной сфере. И тем не менее свободные выборы — это шаг в правильном направлении. Конечно, при условии, что они сопровождаются свободными политическими дискуссиями. Существует огромная разница между обществом, в котором мнение людей определяется тем, что «думают все», и обществом, каждый член которого может открыто заявить: «Дайте мне сказать, что думаю я».

Работая в правительстве, я часто выступала с предложениями, которые поначалу отвергались другими членами кабинета. Зато потом, когда мои коллеги в конечном счете с ними соглашались, они относились к ним как к своим собственным. Точно так же и я сама, отказываясь поддержать предложения других сотрудников правительства, затем после здравого размышления принимала их. Нельзя ожидать, что арабские руководители в одночасье станут демократами. Еще менее вероятно, что их каким-то образом можно заставить это сделать. Однако есть надежда, что некоторые из них со временем начнут создавать систему, напоминающую демократию, хотя, возможно, называть ее они будут как-нибудь по-другому. Но если это и случится, то не ради того, чтобы угодить Западу, а

потому, что арабские лидеры пусть с трудом, но все-таки усвоили мысль Джона Кеннеди, сказавшего много лет назад, что «самая мощная сила в наши дни — это извечное стремление человека к свободе и независимости».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Senator John F. Kennedy, cited in Thurston Clarke, *Ask Not: The Inauguration of John F. Kennedy and the Speech That Changed America*, Holt, New York, 2004, 83.

² Ibid, 83.

³ President George W. Bush, address to the National Endowment of Democracy, Washington, D.C., November 6, 2003.

⁴ Pew Global Attitudes Project, "Views of a Changing World," June 2003.

⁵ King Fahd, cited in John L. Esposito, *The Islamic Threat: Myth or Reality?* Oxford University Press, New York, 1999, 242.

⁶ Abdou Filali-Ansary, "Muslims and Democracy," *Journal of Democracy*, July 1999.

⁷ Seyyed Hossein Nasr, University Professor of Islamic Studies, George Washington University, cited in Osman bin Bakar, "Pluralism and the 'People of the Book'," in Seiple, Robert A. and Dennis R. Hoover, eds., *Religion and Security: The New Nexus in International Relations*, Rowman and Littlefield, Lanham, Md., 2004.

⁸ Prime Minister Ateif Ebeid, cited in David Remnick, "Going Nowhere," *New Yorker*, July 12 and 19, 2004.

⁹ "Interview with James A. Baker III," *Middle East Quarterly*, Vol. 1, No. 3, September 1994, 83.

¹⁰ Dissent by F. Gregory Gause III to Council on Foreign Relations Independent Task Force Special Report No. 54 (co-chaired by Vin Weber and Madeleine K. Albright), "In Support of Democracy: Why and How."

¹¹ Orhan Pamuk, *Snow*, Knopf, New York, 2004, 26.

¹² President George W. Bush, cited in Michael Hirsch and Dan Efron, "Can Elections Modify the Behavior of Islam's Militant Groups Fighting Occupation?" *Newsweek*, June 20, 2005.

¹³ President George W. Bush, inaugural address, Washington, DC, January 20, 2005.

Глава 16

Ислам на Западе

Вскоре после моего назначения на пост государственного секретаря я совершила поездку по ряду зарубежных стран. Вначале я посетила пять европейских стран, из которых только в одной Германии существуют проблемы, связанные с религией, а именно сайентологией*. Германские власти сочли это учение средством наживы для тех, кто его проповедует, и на этом основании наложили на него запрет. В Соединенных Штатах, напротив, пришли к выводу, что сайентология имеет полное право на существование (но не потому, что один из ее последователей — Том Круз). Правда, в 1997 г. это вызвало возражение со стороны представителей ряда конфессий.

Однако складывается впечатление, что период религиозного умиротворения закончился. После нападения на башни-близнецы в Нью-Йорке, подрыва поездов в Мадриде и взрыва в лондонском метро будущее предстает в более мрачном свете. Масштабы всех этих террористических актов разные, но страсти, ими пробужденные, и те образы, которые запечатлелись в памяти людей, одинаковы: дым, залитые кровью лица, озабоченно бегущие спасатели, рыдающие родственники, зажженные свечи и горы цветов на месте преступлений. Как и следовало ожидать, трагедия сблизила европейцев и американцев, но сближение оказалось не безоблачным, поскольку породило серьезные споры.

Руководители США и европейских стран были едины в том, что необходимо предотвратить дальнейшие нападения, но разошлись во мнении о том, как это лучше сделать. Во время моих поездок я обнаружила, что многие европейцы крайне недовольны действиями США в Ираке. Они убеждены, что амбивалентность (двойственное отношение) Буша к правой стороне дела, нежелание президента соблюдать надлежащие юридические процедуры для обоснования своих действий, так же как и его риторика относительно борьбы между добром и злом, скорее приведут к пополнению рядов террористов, чем подорвут их влияние.

Европейцы уже давно живут в условиях существования угрозы терроризма, поэтому им совершенно непонятно, почему американцы утверждают, что 11 сентября все изменило в этом мире. Со своей стороны, в администрации Буша заговорили о том, что в Европе воспринимают угрозу терроризма недостаточно серьезно, указывая при этом на крайне несвоевременное решение Мадрида вывести испанские войска из Ирака. Поскольку оно было принято сразу после взрывов в испанской столице, получилось, что террористы добились всего, чего хотели.

Мой собственный опыт, связанный со взрывами, относится к периоду «Битвы за Англию», то есть ко времени Второй мировой войны. Во время арналетов всем нам приходилось прятаться в бомбоубежищах, но тогда ни у кого не возникало сомнений относительно того, кого винить за эти акты террора и насилия. Что же касается взрывов в лондонском метро в 2005 г., то они вызвали яростные дебаты по вопросу о том, кого же считать виновным за гибель людей.

Некоторые политики, такие как придерживающийся левых взглядов мэр Лондона и правый консерватор Кеннет Кларк сочли причиной террористического акта участие Великобритании в оккупации Ирака. Другие обвинили во всем исламских религиозных деятелей, которые своими проповедями возбуждают ненависть среди живущих в Англии мусульман. События в Ираке действительно дают муллам лишний повод утверждать, что ислам подвергается гонениям. Но даже если некоторые люди ощущают себя в чем-то ущемленными, это не может служить им моральным оправданием для того, чтобы взрывать поезда метро. Зарвавшихся священнослужителей следует призвать к ответу за то, что они помогли разворошить осиное гнездо. Но спрашивается, а зачем вообще им

* Сайентология — созданное американским писателем Роном Хаббардом религиозно-философское учение, в основе которого лежит вера в чистый человеческий разум, множественность жизней одного человека и т. п.
— *Прим. пер.*

надо было давать палку, которой можно бить по людскому муравейнику?

Начавшиеся споры породили ожесточенные разногласия по вопросу о том, как правильно определить, что такое европейские ценности, должны ли существовать какие-либо ограничения свободы слова и что делать со все возрастающей проблемой интеграции мусульманских иммигрантов. Благодаря высокому уровню рождаемости и наплыву иммигрантов из Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии мусульманское население Европы выросло по сравнению с 1975 г. втрое. Если такая тенденция сохранится, то к 2020 г. мусульмане будут составлять 10% населения стран Европейского союза.

В то же время десятки миллионов потенциальных иммигрантов, бесцельно слоняющихся по запруженным людьми улицам Туниса, Рабата, Алжира и Дамаска, только ждут своего часа, чтобы перебраться в какую-нибудь из европейских стран. Каждый, кто побывал недавно в таких городах, как Лондон, Париж или Берлин, может засвидетельствовать, что плотина, отделяющая христианскую Европу от мусульманского Востока, дала течь и это заметно повлияло на европейскую культуру.

Под наплывом значительного числа иммигрантов любое общество претерпевает существенные изменения. Каждая новая волна иммигрантов в Соединенные Штаты вызывала опасения, что американская идентичность может оказаться размытой или вовсе потерянной. Действительно, недавнее увеличение количества переселенцев из стран Азии и Латинской Америки повлияло определенным образом на облик страны. Еще сложнее проходит процесс адаптации в европейских странах, у которых нет того опыта абсорбции значительного числа иностранцев, который имеется у США.

В связи с расширением Европейского союза на восток, север и юг вновь встал вопрос о том, что же означает быть европейцем. Можно ли считать таковым любого, кто живет на европейском континенте, или принадлежность к Европе определяется совокупностью ценностей, обычаев и взглядов, которых придерживается и разделяет данная личность? Вот что говорит по этому поводу один из церковных деятелей Германии: «Европейские страны обладают в основном одной и той же культурой. Мы знаем, как нам жить с католиками и протестантами, поскольку и тех и других объединяют общая вера в Христа и общие религиозные убеждения. Совершенно другой характер носят наши отношения с мусульманами... Если Соединенные Штаты исторически сложились как страна — "плавильный котел", переваривший культуру самых различных народов, то культура европейских стран в целом идентична»¹.

Мне было всего одиннадцать лет, когда моя семья приехала в Америку. Хотя я гордилась своим европейским наследием, моим единственным желанием было как можно скорее приспособиться к новой жизни. Больше всего мне хотелось выглядеть так же, как мои американские сверстники, поэтому я, как и они, жевала жвачку, поглощала комиксы, старалась одеваться так, как другие подростки, и даже подражала их манере говорить. Меня приводило в бешенство, когда мои родители вели себя как иностранцы, когда моя мать гадала на картах, а отец, даже отправляясь на рыбную ловлю, надевал пиджак и галстук.

Совершенно иначе ведут себя переселившиеся в Европу мусульманские семьи. Если люди старшего поколения еще как-то стараются сгладить культурные различия, то их дети и внуки, напротив, всячески подчеркивают свою мусульманскую идентичность. Молодые люди в Бирмингеме, Марселе и Роттердаме выглядят совершенно так же, как их сверстники в Каире или Касабланке. Они придерживаются тех же политических взглядов, носят те же знаки веры, шарфы, чадру, отращивают бороду.

Проблема интеграции особенно остро стоит во Франции, где осенью 2005 г. прошли массовые беспорядки, вызванные случайной гибелью убежавших от полиции двух мусульманских подростков. Молодые люди, многие из которых не имеют работы и живут в неблагоустроенных домах, сожгли тысячи автомашин, протестуя таким образом против дискриминации, против оскорблений и притеснений, которым они якобы подвергаются. Некоторые откровенно признались, что делали это «ради развлечения».

В ответ французское правительство впервые за последние пятьдесят лет и впервые

после окончания алжирской войны ввело в стране чрезвычайное положение. Некоторые обозреватели обвиняли в случившемся французские власти, которые делают вид, будто лозунг «Свобода, равенство, братство» осуществляется на практике, в то время как на самом деле он существует всего лишь как идеал.

Франция — светское государство, и оно не признает расовых или религиозных различий. Поэтому нет юридической основы для проведения политики, направленной на сокращение безработицы среди граждан североафриканского происхождения.

Если в Соединенных Штатах и Великобритании вполне уместны исследования по проблемам расовых или этнических различий, то во Франции для этого нет никаких оснований. Это ставит недавних иммигрантов в тупиковое положение: с одной стороны, им говорят, что они полноправные французы, с другой — когда они пытаются найти работу или арендовать жилье, к ним часто относятся как к людям второго сорта. Чтобы решить эту проблему, правительство создало специальный совет по борьбе с дискриминацией и начало разработку программ, нацеленных на оказание помощи своим новым гражданам. Для Франции это поистине революционный шаг, который, несомненно, встретит яростное сопротивление со стороны весьма влиятельных в стране правых.

Еще и до начала беспорядков во Франции руководители европейских стран выражали озабоченность нежеланием недавно прибывших иммигрантов приспособиться к правилам и условиям жизни принявших их стран. Для проживающих в Европе мусульман вопрос не в том, что выбирать — ислам или западный образ жизни, а в том, что такое *ислам на Западе*. Пока еще Европа не дала ответа на этот вопрос и остается неясный, как претворить в жизнь концепцию «ислама на Западе»*.

Данная проблема обсуждалась в том числе на состоявшейся в сентябре 2005 г. в Нью-Йорке конференции, на которой председательствовал Билл Клинтон. Среди ее участников был главный муфтий Боснии, доктор наук Мустафа Церич, высказавший мысль о том, что европейцы склонны недооценивать тот вклад, который внесли мусульмане в историю континента. В течение многих веков последователи ислама проживали в Центральной Европе и на Балканах. В наши дни миллионы иммигрантов второго и третьего поколений живут на Западе, полностью интегрировавшись в западный образ жизни. По словам Церича, трудности возникают преимущественно с теми, кто только недавно прибыл на европейский континент.

Как указал муфтий, мусульмане должны понять, что нельзя жить по законам ислама в странах, где верующие в Аллаха составляют меньшинство. Вместе с тем, подчеркивал он, совершенно необходимо, чтобы европейцы, в свою очередь, относились к мусульманам как к равным. Церич выдвинул идею заключения социального контракта, по которому европейские мусульмане безоговорочно приняли и обязались бы соблюдать принципы демократии, получив взамен равные политические, экономические и религиозные права. При этом муфтий подчеркнул, что, если мусульмане хотят жить в условиях свободы, они обязаны строго соблюдать взятые на себя обязательства, в то время как европейцам надо понять, что ислам — вовсе не чуждая им культура, а составная часть культурного наследия всего человечества.

Достижение поставленных Церичем целей — дело нелегкое, поскольку в наши дни события разворачиваются в легковоспламеняющейся политической среде, когда при малейшей провокации одной стороны другая тут же выдвигает обвинения в дискриминации. Точно так же на иммигрантов, чуть что, норовят приклеить ярлык радикализма.

В сентябре 2005 г. одна датская газета опубликовала серию карикатур на пророка Мухаммеда, связав его имя с терроризмом. Оскорбительные карикатуры были затем

* Рассматриваемая в этой главе проблема интеграции иммигрантов при сохранении идентичности существует и в США, где она, однако, стоит не так остро. Хотя точное число проживающих в Соединенных Штатах мусульман неизвестно, можно предположить, что они составляют от одного до двух процентов всего населения страны. Из них по крайней мере одна треть — афроамериканцы, родившиеся в Америке. В религиозных и научных кругах США весьма активно обсуждаются проблемы, связанные с так называемым «американским исламом».

воспроизведены во многих европейских газетах и даже появились в Интернете, что вызвало бурю протестов, и некоторые из них носили неистовый характер.

Такого рода истерии наглядно демонстрируют как те коренные отличия, которые разделяют светскую Европу и мусульманский мир, так и готовность экстремистов из обоих лагерей использовать вспышки ненависти в своих интересах. Конечно, можно говорить, что свобода печати подразумевает право публиковать любые карикатуры. В то же время нельзя не признать, что такого рода публикации являются проявлением нетерпимости и даже фанатизма. Свобода слова подразумевает в том числе и право любого человека выразить протест против той или иной карикатуры, однако она не дает ему право прибегать к насильственным действиям. В целом, данный эпизод стал наглядным свидетельством того, что происходит в том случае, когда эмоции берут верх над разумом. Что же касается причин случившегося, то они, к сожалению, отнюдь не новы.

В 1991г. я принимала участие в организованном газетой *Los Angeles Times* исследовании под названием «Пульс Европы». Для меня не были сюрпризом выявленные при этом предрассудки в отношении к национальным меньшинствам. Что действительно неприятно поразило меня, так это степень враждебности к мусульманам и прежде всего к выходцам из Северной Африки. Во время войны в Боснии меня шокировал тот факт, что некоторые из моих европейских коллег считали боснийских мусульман людьми менее цивилизованными, чем их сербские и хорватские мучители. В последние годы все чаще приходится слышать лозунги «Европа для европейцев!» и «Иностранцы, убирайтесь домой!». Политики постоянно и как-то даже рутинно призывают ужесточить закон об иммиграции, в то время как мусульмане, становясь жертвой «исламофобии», все чаще жалуются на дискриминацию. Перед скандалом, связанным с публикацией карикатур, произошли два других, еще более вопиющих случая. В 2002 г. был убит голландский политик, осмелившийся высказать критические замечания в адрес ислама, а в октябре 2004 г. жертвой фанатика стал другой голландец, режиссер, создавший кинофильм, который некоторые сочли антиисламским.

В последние годы все чаще ставится под сомнение свойственная европейской культуре терпимость. Распространяется мнение о том, что соблюдение принципа «живи сам и дай жить другим» ведет к потере контроля над положением в стране. Экспертов беспокоит то обстоятельство, что Европа может оказаться питательной средой для террористов. И в самом деле, создается впечатление, что этому многое способствует. Существующие на старом континенте традиции строгого и неукоснительного соблюдения законодательных процедур нередко помогают заговорщикам укрываться от правосудия. К тому же иммигранты имеют доступ к социальным благам, пользуются правом свободы слова и, наконец, могут не бояться крайней меры наказания ввиду отсутствия таковой в европейском законодательстве. Это же беспокоит и лидеров умеренного течения ислама. Они всячески стараются перехватить инициативу у экстремистских идеологов, яростные заявления которых постоянно попадают на газетные полосы, мешая и даже угрожая спокойной жизни законопослушного мусульманского большинства*. Наличие экстремистских элементов среди иммигрантов — неоспоримый факт сегодняшней жизни.

В апреле 2004 г. британская полиция обнаружила тайный склад, в котором хранилось полтонны селитры, одного из компонентов взрывчатого вещества, использованного ранее для террористических актов на Бали и в Турции. В результате были арестованы восемь человек, все из которых исповедовали ислам. В следующем году полиция Испании

* Последние взрывы в лондонском метро заставили лидеров американских мусульман активизировать свою деятельность, направленную на предотвращение и преодоление экстремизма. Вот что заявил по этому поводу Салам аль-Мараяти, исполнительный директор Мусульманского совета по связям с общественностью в Лос-Анджелесе: «Раньше мы говорили: "Мусульмане не имеют ничего общего с терроризмом. Религия наша настолько ясна и чиста, что все должны это понимать". Теперь мы больше не можем позволить себе оставаться пассивными наблюдателями. Необходимы активные действия, причем коллективные. Мы все как один должны учить своих детей поступать правильно и не слушать тех, кто призывает их к насилию»².

задержала группу пакистанцев, обвиненных в связях с «Аль-Каидой»³. В начале 2005 г. немецкая и французская полиция разгромила подпольные ячейки, вербовавшие молодых мусульман для участия в повстанческом движении в Ираке⁴. В шести европейских странах были арестованы тайные агенты Абу Мусад аль-Заркави⁵. По оценкам британской полиции, от 10 до 15 тысяч проживающих в Великобритании мусульман — сторонники «Аль-Каиды», а более 600 из них прошли подготовку в лагерях, расположенных в Афганистане и других странах мира⁶.

К разочарованию властей, подозреваемые в терроризме — далеко не всегда вновь прибывшие и еще не успевшие ассимилироваться иммигранты. Так, террористы, взорвавшие бомбы в лондонском метро, оказались молодыми людьми, родившимися в Англии в благополучных семьях и не имевшими никакого преступного прошлого. Зато замечена другая закономерность: все примкнувшие к экстремистскому движению изменили свою религиозную направленность. От традиционного, умеренного ислама они перешли к его крайним фанатичным формам. Некоторые из них ранее вообще почти не обращали внимания на религию как таковую. Теперь она внезапно заняла центральное место в жизни этих людей, стала главной составляющей их личности и сделала их воинственными и нетерпимыми.

В беседе со мной британский премьер-министр Тони Блэр сказал мне по этому поводу буквально следующее: «Некоторые мусульмане оказались неспособными интегрироваться в наш образ жизни. Еврейская, индусская и китайская община, а также большая часть мусульман сумели это сделать, но определенной части последователей Аллаха это оказалось не под силу»⁷. Поскольку у суннитов нет религиозной иерархии, каждый может исполнять роль священнослужителя. Любой мусульманин имеет право встать и заявить: «Я — имам, и вот моя фатва»⁸.

Именно поэтому такую опасность представляют собой радикально настроенные имамы. Фактически то, чему они учат своих единоверцев, имеет мало общего с подлинным исламом, который они либо просто извращают в политических целях, либо используют отдельные цитаты, вырванные из Корана таким образом, чтобы они служили подтверждением взглядов бен Ладена. Все это делается для того, чтобы ввести в заблуждение молодых мусульман, ищущих смысл жизни. Наслушавшись экстремистских проповедей, они начинают думать, что этот смысл — в священной войне. Так нормальные люди превращаются в террористов.

Европейские тюрьмы переполнены мусульманами, число которых непропорционально велико по отношению ко всем заключенным. Во Франции, например, они вообще составляют большинство всех отбывающих тюремный срок, но это мало помогает. Эксперты по борьбе с терроризмом подозревают, что именно среди заключенных «Аль-Каида» в первую очередь вербует своих сторонников*.

Лишь немногие европейские тюрьмы способны обеспечить разумное и здоровое духовное перевоспитание своих мусульманских обитателей. Европейские правительства знают о существовании этой проблемы и обеспокоены ею, однако они мало что могут сделать. В одних странах пытаются рассредоточить мусульманских заключенных по разным тюрьмам. В других считают такие меры нецелесообразными, поскольку они служат лишь распространению опасного влияния экстремизма. В любом случае, тюремных мест не так много, и их всегда не хватает.

Другая проблема, с которой сталкиваются в Европе, — это превращение мест скопления иммигрантов в опасные гетто. Последние становятся прибежищем экономически неблагополучных и социально неустроенных людей. Раньше их, скорее

* Ричард Рейд, который пронес в башмаке взрывное устройство в направлявшийся в Майами самолет, был обращен в ислам в британской тюрьме. Мохаммед Бойери, убивший голландского режиссера Тео ван Гога, тоже стал сторонником радикального исламизма в период своей семимесячной отсидки в тюремной камере. В конце 2004 г. испанская полиция задержала тринадцать иммигрантов из Северной Африки, планировавших взорвать здание Верховного суда в Мадриде. Все они были мелкими преступниками, которые, находясь в тюрьме, образовали собственную террористическую группу под названием «Мученики Марокко».

всего, привлекли бы идеи марксизма-ленинизма. Сегодня они становятся в ряды радикального исламизма. Покинув свою страну, они обнаруживают свою ненужность в той, куда их привела несбывшаяся надежда. Сталкиваясь с негостеприимством новой родины и чувствуя себя ничем ей не обязанными, они охотно посвящают себя новой и, как им кажется, благородной цели.

Перед лицом такого рода проблем лидеры европейских стран вынуждены заниматься поисками той золотой середины, которая позволила бы, с одной стороны, обеспечить безопасность, а с другой — не нарушать принципы демократии. В религиозных и светских кругах постоянно задают себе вопрос: что разумнее — попытаться приспособиться к обычаям и ценностям иммигрантов или, напротив, категорически потребовать от них полностью и безоговорочно воспринять европейские стандарты и европейский образ жизни?

Сторонники жесткого курса настаивают на том, что любой диалог бесполезен, поскольку террористы не участвуют в теологических конференциях и до них не доходят призывы считаться с общечеловеческой моралью. Главное, считают они, обеспечить безопасность собственных граждан.

В свете таких требований во многих странах сейчас принимаются меры по ужесточению полицейского надзора, включая предоставление органам правопорядка возможности осуществлять слежку и даже задерживать подозреваемых в терроризме. В одних странах приняты законы, облегчающие высылку из страны экстремистски настроенных проповедников. В других начаты программы подготовки священнослужителей, которые бы распространяли среди верующих умеренные взгляды, своего рода европейскую версию ислама. В третьих государство финансирует мечети, чтобы уменьшить их финансовую зависимость от такого рода источников, как, например, Саудовская Аравия, которая склонна скорее поддерживать линию на сохранение сепаратизма мусульман, чем на их интеграцию в европейское общество.

В Нидерландах от мулл требуют вести проповеди не на арабском, а на голландском языке. Правительство Блэра приняло закон, запрещающий деятельность объединений, когда-либо выступавших в поддержку терроризма. Этот же закон дает властям право запрещать въезд в страну тех, кто подозревается в симпатиях к террористам, а также право высылать тех, кто, разделяя подобные симпатии, уже находится в Великобритании. Кроме того, данный закон налагает запрет на проповедование, публикацию или распространение через Интернет любых материалов, которые могут быть расценены как призыв к терроризму.

В основе демократии лежит принцип преодоления разногласий путем открытой дискуссии. Демократическое правительство, которое вводит любые ограничения на свободу слова, сразу же оказывается в двусмысленном положении: чем оно в таком случае отличается от недемократического? Чем оно лучше коммунистов, захвативших после Второй мировой войны власть в Чехословакии и запретивших всякое инакомыслие, что вынудило мою семью переехать в Соединенные Штаты?

Диктаторы всех времен и народов всегда бросали в тюрьмы тех, кто выражал опасные взгляды и вольно или невольно подталкивал к насильственным действиям против существующего порядка. Уже в наше время тираны многих стран используют угрозу терроризма в качестве оправдания мер, предпринимаемых для того, чтобы заставить замолчать сторонников как насильственных, так и ненасильственных методов борьбы. Сегодня в Европе, да и в Соединенных Штатах тоже существует опасность того, что различие между призывами к терроризму и просто критикой правительственного курса становится весьма расплывчатым и законы, призванные бороться с насилием, могут превратиться в орудие подавления законной и вполне допустимой дискуссии.

Однако этот риск всегда надо рассматривать на фоне других опасностей. Так, например, подстрекательские речи — достаточно сильное оружие, способное посеять этническую рознь и религиозную нетерпимость. Примеров того и другого предостаточно. Старая истина гласит: свобода слова не означает, что вы имеете право кричать в переполненном кинотеатре «Пожар! Пожар!». В наше время мы живем, как в кинотеатре,

поэтому мне кажется совершенно оправданным осуждение и запрещение высказываний, недвусмысленно направленных на провоцирование терроризма.

«Прибыв в Великобританию, вы налагаете на себя обязанность разделять и поддерживать те духовные ценности, которые определяют английский образ жизни, — сказал однажды Тони Блэр. — В нашей стране нет места тем, кто не желает соблюдать эти обязанности и пытается распространять ненависть или принимает участие в насильственных действиях против Великобритании и ее народа»⁹. Я полностью согласна с этими словами английского премьера, адресованными тем, кто приезжает на Британские острова в поисках политического убежища или по чисто экономическим причинам. Такое же предостережение должны услышать и те, кто хочет переехать в Соединенные Штаты.

Высказывая подобные взгляды, я одновременно выражаю уверенность в зрелости и решительности американского и европейского гражданского общества; я верю в независимость и самостоятельность юридической системы и, наконец, в демократию как таковую, которая служит лучшей защитой от злоупотребления властью. Правительства стран, расположенных по обе стороны Атлантики, руководствуясь здравым смыслом, должны найти разумный баланс между свободой и необходимыми ограничениями. Наша задача — не дать определенным силам разрушить существующую у нас систему, не подрывая при этом те основные принципы, которые лежат в ее основе.

Подлинная победа над терроризмом будет одержана не тогда, когда мы заставим замолчать каждого несогласного с нами, а тогда, когда получат самое широкое распространение те умеренные и разумные взгляды, которые выражает сегодня Мустафа Церич. В Европе, как и на всех других континентах, самое главное сегодня — завоевать сердце и душу каждого мусульманина, и сделать это необходимо на всех уровнях, включая семью, местную общину, диаспору и нацию в целом. В этом сражении каждый союзник очень важен, и нам следует не жалеть усилий для привлечения на свою сторону любых сил. В этой связи меня беспокоит позиция Европы и Соединенных Штатов в отношении Турции. Очень не хотелось бы, чтобы мы повернулись спиной к стране, которая вот уже много лет является надежным другом Запада и к тому же обладает уникальными возможностями оказать нам неоценимую помощь в борьбе с терроризмом.

* * *

Победа Антанты в Первой мировой войне привела к уничтожению Османской империи и появлению нового, неизвестного ранее государственного образования: светской страны с мусульманским населением. Усилиями Кемаля Ататюрка, человека неукротимой энергии, преисполненного желанием построить современное, ориентированное на Запад общество, была создана Турецкая Республика. Став ее первым президентом, Ататюрк бросил дерзкий вызов религии, назвав ее «кинжалом, вонзенным в сердце турецкого народа».

В ответ на протесты обожаемых толпой дервишей и религиозных шейхов он заявил: «Я категорически отказываюсь верить в то, что в наши дни, дни расцвета и триумфа науки, знаний и цивилизации... в Турции найдутся настолько примитивные люди, которые надеются построить свое благополучие, следуя указаниям... шейхов»¹⁰.

Уничтожив систему мусульманской феодальной теократии и установив государственный контроль над религией, Ататюрк тем самым разрушил основы старого турецкого общества. По его указанию были закрыты религиозные школы, турецкий алфавит заменен латиницей, принята новая, разработанная по западному образцу конституция, отменено раздельное обучение в школах и разделение по тендерному принципу на рабочих местах.

«Мы не сможем преодолеть отсталость и догнать остальной мир, — заявил новый президент, — если в двадцатый век войдет только половина населения Турции». После ухода из жизни Ататюрка гарантом продолжения его реформ и сохранения светского характера государства стали военные. Желая закрепить за собой статус современной западной страны, Турция в 1960 г. обратилась с просьбой принять ее в члены

Европейского общего рынка, преобразованного позднее в Европейский союз. До сих пор она стучится в дверь этой организации.

Как большинство элитных клубов, ЕС весьма разборчив, когда речь идет о приеме новых членов. Вмешательство государственного секретаря США в данный вопрос отнюдь не приветствуется. Тем не менее я делала все возможное, чтобы убедить моих европейских коллег не затягивать с приемом в ЕС нового члена. Выражая точку зрения Соединенных Штатов и свою собственную, я говорила, что существование процветающей, прозападной Турции крайне важно для обеспечения стабильности в этом далеко не стабильном регионе.

С большим удовлетворением я восприняла принятое в 1999 г. Европейским союзом решение объявить Турцию официальным кандидатом в члены этой организации. Начиная с этого времени турецкое правительство скрупулезно выполняло один пункт за другим из длинного списка требований, предъявляемых ЕС к претендентам на членство в данной организации. Оно отменило смертную казнь, реформировало судебную систему, приняло новый уголовный кодекс, изменило банковское законодательство, стало гораздо строже соблюдать гражданские права.

Большинство из этих реформ было разработано и осуществлено под руководством Исламистской партии мира и развития (Islamic Peace and Development Party)*, которая, следуя примеру Ататюрка, окончательно отказалась от исламской модели общества, превратившись в партию политического центризма. Наряду с прочим она провозгласила принцип уважения прав национальных меньшинств и женщин.

Уникальность положения Турции еще и в том, что она единственная страна — член НАТО, которая представлена также и в Организации «Исламская конференция», членами которой являются все исламские государства мира. Наконец, Турция — одна из немногих мусульманских стран, имеющих дипломатические отношения с Израилем. По словам турецкого министра иностранных дел Абдуллы Гюля, «в то время, когда все говорят о столкновении двух цивилизаций — христианской и мусульманской, — Турция является естественным мостом между двумя мирами. Мы стараемся использовать наше уникальное положение для того, чтобы сблизить исламский и западный миры»¹¹.

Ту же мысль высказал Йошка Фишер, бывший в то время министром иностранных дел Германии: «Модернизация мусульманской страны на основе разделяемых Европой ценностей будет таким же достижением, как высадка союзнических войск в Нормандии во время Второй мировой войны»¹². Настоящим прорывом стало принятое ЕС в декабре 2004 г. решение о том, что достигнутый Турцией прогресс дает основания для того, чтобы начать официальные переговоры о ее вступлении в данную организацию. Правда, остается открытым вопрос, чем они закончатся. Станет ли эта мусульманская страна полноправным членом европейского сообщества или все дело ограничится формальным дипломатическим признанием ее членства в Европейском союзе?

В июне 2005 г. французские и голландские избиратели высказались против принятия общеевропейской конституции. Тогда многие объясняли такое решение тем, что в этих странах традиционно сильны антитурецкие настроения. Хотя многие политические деятели Европы выражают поддержку Турции в ее стремлении стать членом ЕС, большинство избирателей европейских стран не разделяют этого мнения.

В основе процесса расширения Европейского союза лежит представление о Европе как о динамично развивающемся и предвидящем свое будущее континенте. Однако перед лицом глобализации многие европейцы предпочитают сидеть и не высовываться. Увеличение числа членов Европейского союза уже привело к появлению миллионов новых рабочих рук, составивших конкуренцию гражданам тех стран, которые вступили в него первыми. Неудивительно, что европейцы не горят желанием открыть свои границы и рынки еще и для Турции, страны с 70-миллионным населением и к тому же относительно бедной. (Доход на душу населения в Турции примерно в половину меньше, чем в

* Неточность в названии партии. На самом деле речь идет о Партии справедливости и развития (Adalet ve Kalkinma Partisi). — *Прим. пер.*

Польше.)¹³

Дело, однако, не только и не столько в долларах и евро. Главным остается вопрос о том, в какой мере культура мусульманской Турции совместима с культурой христианской Европы. Пренебрежительное отношение к мусульманам, которое я почувствовала во время боснийского конфликта, распространяется также и на турок. В основе такого отношения лежит тот исторический факт, что почти все европейские народы в разное время участвовали в войнах против Османской империи. Уже в наше время Греция неоднократно конфликтовала с Турцией из-за Кипра и ряда островов в Эгейском море. Христиане не забыли ту резню, которую устроили турки армянам во время Первой мировой войны. Даже самые далекие исторические события оставляют глубокий след в сознании людей, питая старые предрассудки.

Так, итальянский премьер Сильвио Берлускони позволял себе кичиться «превосходством» европейской цивилизации над мусульманской¹⁴. Бывший президент Франции Жискард д'Эстен вообще заявил, что «поскольку Турция не европейская страна, ее вступление в ЕС будет означать конец этой организации». Еще до своего избрания папой будущий Бенедикт XVI, а тогда еще кардинал Йозеф Ратцингер высказался против принятия Турции в члены Европейского союза, заявив, что «эта страна представляет совсем другой континент, не имеющий ничего общего с Европой»¹⁵.

То, что европейская конституция не получила одобрение избирателей ряда стран, сильно затормозило процесс расширения ЕС. Теперь многие хотели бы вообще забыть о желании Турции стать его членом. По моему мнению, делать этого нельзя. Было бы ошибкой отвернуться от этой страны. Кроме того, такой шаг стал бы подарком для тех, кто старается посеять рознь между мусульманами и Западом.

Поскольку переговоры, скорее всего, будут продолжены, нельзя забывать о нескольких принципиально важных моментах. Во-первых, Турция и Европейский союз уже достигли взаимопонимания по многим вопросам. Если Анкара и дальше будет так же быстро воспринимать общеевропейские стандарты, она получит полное право ожидать, что лидеры стран Европы поддержат ее просьбу о вступлении в эту организацию. Это главная причина, по которой переговорный процесс должен быть продолжен.

Во-вторых, нет никаких оснований ставить под сомнение европейскую идентичность Турции. В отдельные периоды своей истории она была более чем европейской страной и никогда не считалась чисто азиатским государством. Да, это правда, что еще и сегодня в Турции есть регионы, каждодневная жизнь в которых мало чем отличается от той, которую здесь вели сотни лет назад. И тем не менее после Ата-тюрка главным ориентиром Турции всегда был Запад.

В-третьих, господствующая в Турции религия не имеет никакого отношения к вопросу о ее возможном членстве в ЕС. Кажется, мало кто понимает, что в Турции, так же как и во всех европейских странах, сугубо светское правительство. Не имеет особого значения и то, что господствующая религия в Турции — ислам, поскольку Европа, как и Соединенные Штаты, является многоконфессиональным обществом. Важно и то, что в основе ЕС лежат общепринятые нормы демократии, одна из которых — свобода религии. Исключить по религиозным мотивам какую-либо страну из европейского сообщества — значит предать свои собственные ценности.

Наконец, совершенно безосновательны утверждения о том, что членство Турции нарушит культурное единство Европы. Такого рода мнение имело под собой основание в отношении «Общего рынка», членами которого были всего лишь шесть европейских стран. Сегодняшний ЕС, состоящий из 25 членов, — настоящий культурный калейдоскоп. В этом плане вступление Турции мало что изменит.

В 90-е гг. перспектива вступления в НАТО послужила мощным стимулом для проведения демократических реформ в странах Центральной и Восточной Европы. Вместо того чтобы возобновить разбирательство по поводу тех или иных исторических несправедливостей, эти страны сосредоточили все свое внимание на демократических преобразованиях, таких как главенство закона, права человека, свободное предпринимательство, установление гражданского контроля над вооруженными силами.

НАТО послужило притягательной силой, толкавшей новые государства-кандидаты, которые хотели стать его членами, к позитивным переменам. НАТО стало той организацией, в рамках которой бывшие соперники могли работать совместно на дело мира. Точно такую же роль сыграл и Европейский союз. Однако продолжать выполнение подобных функций ЕС сможет только в том случае, если его двери останутся открытыми для новых кандидатов и если он сможет преодолеть все еще существующие предрассудки относительно некоторых из них.

«Совершенно очевидно, что если бы сегодня мы провели референдум по вопросу о вступлении Турции в Европейский союз, то очень немногие страны проголосовали бы "за", — заявил Тони Блэр. — Вот почему нам надо работать над изменением нашего восприятия других стран. Турция прошла долгий путь, чтобы соответствовать стандартам ЕС. Было бы ошибкой подтолкнуть ее к движению в другом направлении»¹⁶.

У Соединенных Штатов перед Турцией свои обязательства. Решение администрации Буша вторгнуться в Ирак шокировало турок. Согласно проведенному в 2005 г. опросу, 40% населения Турции считают сегодня Америку своим самым злейшим врагом¹⁷. Бурак Турна и Оркун Учар, авторы бестселлера «Металлический шторм», предсказывают неизбежность такого же вторжения в Турцию. В качестве возмездия они предлагают взорвать около Белого дома ядерное устройство.

В последние годы я неоднократно бывала в этой стране и знаю, что оккупация Соединенными Штатами Ирака, соседа Турции, будет забыто не скоро. Турецкое руководство особенно огорчает то, что Америка полностью игнорировала турецкий фактор, заключающийся в том, что это вторжение страшно осложнило и без того трудные отношения правительства с населяющими Турцию курдами. В случае создания в рамках Ирака автономного Курдистана турецкие курды также потребуют для себя особого статуса. Северный Ирак продолжает оставаться плацдармом для курдских террористов. Турок беспокоит и то, что иракские курды могут установить свой контроль над богатыми нефтяными ресурсами в районе города Киркук. Разумеется, Америке ни к чему по всем этим вопросам подчинять свои собственные интересы интересам Турции. Вместе с тем желательно действовать с максимальной осторожностью и там, где это возможно, сотрудничать с турецким руководством, настаивая в то же время на уважении прав курдского меньшинства.

Если посмотреть на 10 лет вперед, то можно предположить, что, скорее всего, доминирующей державой в районе Персидского залива будет Иран, союзником которого станет шиитское большинство Ирака. В этом случае чрезвычайно важной окажется и роль Турции как члена НАТО, одной из ведущих стран — членов Организации «Исламский конгресс», друга Израиля, страны, обладающей потенциальной возможностью стать силой, способной объединить Европу и Ближний Восток. Вот почему крайне важно, чтобы европейские страны и США со всей серьезностью старались соблюдать интересы Турции. Если Запад не проявит уважения даже к такой дружеской ему мусульманской стране, как Турция, то трудно ожидать, что нам удастся завоевать расположение какого-нибудь другого мусульманского государства.

Иногда даже самый, казалось бы, незначительный жест может сыграть важную роль. Такой вывод я сделала на основании опыта моего общения с турецкими официальными лицами. В ответ на одно мое предложение они не сказали ни «да», ни «нет», а просто ждали, когда я сменю тему разговора. Речь шла о статусе семинарии Греческой православной церкви, расположенной на острове Хейбелиада (Хал-ки) всего в часе плавания на моторной лодке от Стамбула. Построенное еще в 1884 г., здание семинарии считалось «великолепным образцом архитектуры второй половины XIX в. — воздушное, грациозное, с высокими потолками и видом на город во всех направлениях».¹⁸ В 1971 г. она была закрыта, и не потому, что занималась чем-то незаконным, а лишь потому, что само ее существование противоречило правилам, принятым в Турции как светском государстве. По мнению турецких властей, коль скоро мусульманские учреждения не могут действовать, не подчиняясь контролю государства, почему такое право должно быть предоставлено христианской семинарии? Это тот самый подход, который в свое время

американский философ Эмерсон назвал «глупой последовательностью».

В разговоре с турецкими представителями я выступала в роли не только американского официального лица, но и друга Турции. Не раз и не два я просила их открыть семинарию, подчеркивая, какое благоприятное впечатление произведет это на 250 миллионов прихожан православной церкви, которые воспримут это как жест доброй воли со стороны мусульманского мира. Значение данного жеста будет тем более велико, что центр православия находится не в христианской стране, а в Турции. Даже во времена Османской империи, завоевав в 1453 г. Константинополь, ее правители не стали изгонять патриаршество — православный эквивалент Ватикана — из его исторической столицы.

Вместе с президентом Клинтоном и его супругой я встречалась с Вселенским патриархом Варфоломеем в его резиденции, расположенной в самом центре острова. Стамбул — очень красивый город, но невероятно игумный и густозаселенный. Патриархат, напротив, — тихое, спокойное и в каком-то отношении даже мистическое место. Сам патриарх — турецкий гражданин, бывший воспитанник семинарии на острове Халки и резервист турецких вооруженных сил. Внешне он выглядит точно так, как должен выглядеть священнослужитель его ранга: длинная белая борода, на шее иконка и крест, великолепное черное одеяние.

Получивший свой высокий сан еще в 1991 г., Варфоломей заслужил репутацию активного борца за охрану окружающей среды, а также деятеля, всячески способствующего межконфессиональному примирению. Патриарх — интеллигент, говорящий на семи языках, мудрый, вдумчивый человек. Он действительно не понимает, зачем нужно ограничивать деятельность его семинарии, для кого она, так же как и крошечное христианское меньшинство, может представлять угрозу в такой большой стране, как Турция.

Напротив, считает Варфоломей, открытие семинарии повысит перспективы Турции вступить наконец в Европейский союз, чего сам патриарх очень даже желает. Правительство неоднократно говорило, что оно хочет найти выход из создавшегося положения. Вот уже 35 лет продолжаются эти поиски, а воз и ныне там. Сама по себе судьба этого учебного заведения не играет какой-либо особой роли в отношениях между двумя цивилизациями. Однако в такие времена, как наши, нельзя упускать ни малейшей возможности решить любую, пусть даже самую второстепенную проблему цивилизованным путем.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Dr. Gerhard Ludwig Muller, cited in Elyse Schneiderman and Caroline Vazquez, "Immigration and Its Discontents," *Yale Globalist* October 2004, 13.

² *Voice of America*, editorial, "Muslim Leaders Confront Terrorism," September 13, 2005.

³ Elaine Sciolino, "Spain Continues to Uncover Terrorist Plots, Officials Say," *New York Times*, March 13, 2005, 11.

⁴ *German* Elaine Sciolino, "France Seizes 11 Accused of Plotting Iraq Attacks," *New York Times*, January 27, 2005, A8.

⁵ Craig Whidock, "Europe, New Force for Recruiting Radicals," *Washington Post Foreign Service*, February 18, 2005.

⁶ Counterterrorism officials cited anonymously, *ibid.*

⁷ Interview with Prime Minister Tony Blair, London, October 17, 2005.

⁸ *Ibid.*

⁹ Tony Blair, quoted in Irshad Manji, "Why Tolerate the Hate?" *New York Times*, August 9, 2005. (Op-ed article.)

¹⁰ Kemal Ataturk, quoted in Margaret MacMillan, *Paris 1919*, Random House, New York, 2001, 370.

¹¹ Abdullah Gul, quoted in Amer Tahiri, "Turkey's Bid to Raise Its Islamic Profile and Court Europe May Backfire," *Arab News*, October 6, 2004.

¹² Joschka Fischer, quoted in David Masci, "An Uncertain Road: Muslims and the Future of

Europe," Pew Forum on Religion and Public Life, Pew Research Center, December 2004.

¹³ World Bank, 2003.

¹⁴ The quotations from Berlusconi and Giscard d'Estaing are cited in Masci, op. cit.

¹⁵ Cardinal Joseph Ratzinger, cited in Ian Fisher, "Issue for Cardinals: Islam as Rival or Partner in Talks," *New York Times*, April 12, 2005.

¹⁶ Interview with Prime Minister Tony Blair, London, October 17, 2005.

¹⁷ Karl Vick, "In Many Turks' Eyes, U.S. Remains the Enemy," *Washington Post*, April 10, 2005.

¹⁸ Vincent Boland, "Faith, Hope, and Parity," *Financial Times Weekend*, August 27-28, 2005.

Глава 17

Африка: охота за душами

Скоро грядет межконфессиональный конфликт»¹, — сказал мне один мусульманский лидер Уганды. «Соединенные Штаты не оставят нас в покое, пока не обратят в свою религию, — заявил другой угандиец, на этот раз христианский священник. — Идет гонка за душами африканцев, в которой самое активное участие принимает также ислам»².

Пожалуй, нигде в мире так наглядно не происходит столкновение двух религий. Информационная революция позволяет как христианским проповедникам, так и мусульманским муллам обращаться к самым широким аудиториям, начиная с частных домов и кончая общественными местами. Мусульманские страны Ближнего Востока и Северной Африки, и прежде всего Саудовская Аравия и Ливия, не жалеют денег на воспитание молодежи в мусульманском духе. Появляются все новые и новые мечети и религиозные школы. Расширяется сфера использования арабского языка, языка Корана. Ислам завоевывает позиции даже в тех странах, которые традиционно считались христианскими, — в Замбии, Руанде и Уганде.

В то же время за последние тридцать лет число африканцев, считающих себя евангелистскими христианами, выросло с 17 до 125 миллионов. Всего в настоящее время в Африке насчитывается более 350 миллионов христиан. Повсюду в витринах магазинов выставлена религиозная символика, а на бамперах автомашин — наклейки с надписью «Спаси нас, Господь!». Библия и другие религиозные тексты переведены на сотни местных языков и наречий*. Считается, что лет эдак через двадцать христиан в Африке будет больше, чем в Европе и Северной Америке вместе взятых. Распространению учения Христа на Черном континенте способствует деятельность миссионеров из многих стран мира, а финансируется этот процесс различными учреждениями, связанными с церковью Запада.

В целом такое распространение религии можно считать положительным явлением. Вера помогает людям преодолеть тяготы каждодневной жизни, вселяет в них надежду. Денежные влияния — будь то ближневосточные или североамериканские — в любом случае дают возможность построить так здесь необходимые школы, больницы, общественные центры. Развивающиеся при этом отношения между африканской и американской церквями способствуют лучшему взаимопониманию, создают дополнительные благоприятные условия для становления демократии, помогают преодолевать такие отрицательные явления, как домашнее насилие и обрезание женских половых органов.

В то же время одновременное распространение ислама и христианства, конкуренция между ними таят в себе и определенный риск. В тех странах, где количество последователей обеих религий примерно одинаково, возникает опасность создания социальной и политической напряженности. В других, где преобладает какая-то одна религия, религиозные меньшинства могут чувствовать себя ущемленными. Так же, как в годы холодной войны Африка была ареной сражения двух идеологий, сегодня на ее

* Миссионеры умело адаптируют свои послания к местным условиям. Так, вариант молитвы Символ веры, сочиненный специально для племени масаи, гласит: «Верую во единого Бога Отца и Иисуса Христа, Сына Божьего, Единородного, воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася (это не ошибка! —Прим. пер.). Родившегося в иудейском племени и в доме бедном, и деревне маленькой. И покинул он дом свой, чтобы уйти *навсегда на сафари*, творя добро, излечивая людей силой Божественной и силой человека совершенного, внушая людям, что Бог есть любовь. Но люди Его отвергли, пытали, распяли Его на Кресте в позорном и страшном виде, и Он умер. И похоронили Его в пещере, но *гиены не тронули тела Его*. Воскрес Иисус Христос на третий день и оставил ложе смерти».

Цит. по Ярослав Пеликан. «Чья это Библия?». — Издательство «Викинг», Нью-Йорк, 2005, с. 215.

территории идет конкурентная борьба религиозная.

Конечно, в этом есть и свои положительные стороны. В свое время Соединенные Штаты и Европа соревновались с Советским Союзом и Китаем. В ходе этого соревнования вкладывались немалые денежные средства, в том числе и в образование и воспитание дружественных этим двум лагерям африканских элит. Однако минусов оказалось гораздо больше, чем плюсов. Разгоревшееся соперничество нередко перерастало в вооруженные столкновения, жертвами которых становились тысячи и тысячи людей.

Чад, Судан, Эфиопия, Сомали, Ангола, Мозамбик, Заир — и это еще далеко не полный список государств, ставших ареной кровавой борьбы. В эти страны было ввезено огромное количество оружия, к власти приведены диктаторские и в то же время послушные правительства, но вместе с тем игнорировались такие важнейшие задачи, как построение сильных, дееспособных государственных институтов, а в людях не воспитывалось чувство гражданственности.

Сегодня перед африканскими странами стоят те же задачи, что стояли всегда в прошлом: создание сплоченного общества, которое управляется эффективным правительством, способным ускорить развитие экономики. При том что это само по себе нелегкая задача, она усложняется еще этническим и лингвистическим разнообразием, царящим на африканском континенте. Еще хуже то, что зачастую для отдельных деятелей и групп их религиозная идентичность оказывается важнее гражданской принадлежности.

Традиционные африканские религии таких проблем не создают. Анимистические* верования носят универсальный характер, и в их основе лежит убеждение, что Бог присутствует во всех живых существах и предметах и что дух предков всегда сопутствует нам. В отличие от современных религий анимистическая вера не отделена от повседневной жизни. Христиане идут в храм, а мусульмане — в мечеть, прекращая на время любую другую деятельность. Анимистам не приходится этого делать. Между различными анимистическими верованиями нет и тех противоречий, которые существуют между Библией и Кораном, крестом и полумесяцем, арабским языком и местными наречиями.

В этих условиях правительство, пытающееся создать дееспособную армию или улучшить систему образования, всегда будет чувствовать себя связанным по рукам и ногам необходимостью взвешивать каждый свой шаг с точки зрения того, как он может повлиять на конкуренцию между христианством и исламом. Соперничество между ними становится особенно острым, когда прозелиты, то есть верующие, перешедшие в другое вероисповедание, начинают порочить все то, во что они только совсем недавно свято верили. Мусульмане в этом случае осуждают последователей Христа за политеизм, называя их сторонниками многобожия. Христиане называют Мухаммеда сомнительной фигурой, воинственной, развратной личностью, не выдерживающей никакого сравнения с личностью Христа, способного творить чудеса. Хотя такого рода пререкания начались еще в VII в., когда мусульманские купцы впервые достигли африканского побережья, в последние годы оно приняло особенно ожесточенный характер.

И без того сложные взаимоотношения между христианами и мусульманами могут еще больше ухудшиться в результате вмешательства посторонних сил, кровно заинтересованных в том или ином развитии событий на континенте. Кроме того, смысленные африканцы нередко используют эти силы для того, чтобы получить финансовую и политическую поддержку во имя «благородных» целей, которые часто оказываются вовсе даже не благородными. Такое случалось, и не раз. Так, жертвования на цели ислама использовались в интересах личного обогащения или выполнения политических задач. В 80-е гг. правые христиане США поддержали мятежников Мозамбика и Анголы, которые, прикрываясь религиозными лозунгами, фактически преследовали сугубо личные цели.

* Анимизм — первобытные религии, в основе которых лежит система фантастических представлений о наличии у человека, животных, растений и любых предметов независимого начала — души. — *Прим. пер.*

Столкновение между христианами и мусульманами периодически происходит во многих частях Африки, но особенно опустошительный и разорительный характер оно носило в Судане, самой большой африканской стране по территории, и в Нигерии, стране с наибольшим количеством населения. Обеим сторонам было за что сражаться, в том числе и за нефть. Обе весьма влиятельны: Судан на — северо-востоке, Нигерия — на западе Африки. События в обеих странах напрямую затрагивают жизненно важные интересы Соединенных Штатов.

Американские политики часто подвергаются критике за игнорирование проблем, связанных с африканским континентом. Что же касается лично меня, то я побывала там семь раз, посетив при этом более 20 стран, в том числе в 1994 г. и Судан. Для меня это было непростое испытание, поскольку я первый раз направлялась с дипломатической миссией в страну, правительство которой считалось враждебным Соединенным Штатам. Тем не менее американскую делегацию ждал вполне корректный прием со стороны президента Омара эль-Башира, бывшего военного офицера, за несколько лет до этого пришедшего к власти в результате заговора.

Баширу было тогда немногим больше 50 лет. Он носил усы и аккуратно подстриженную короткую бородку. Президент выглядел довольно жестким, весьма серьезным человеком, приказания которого беспрекословно исполнялись его подчиненными. Прежде чем перейти к делу, он протянул мне стакан, наполненный какой-то розовой жидкостью, напоминавшей шампунь.

Я иногда шутила насчет того, что моя работа состоит в том, чтобы есть и пить во имя страны, которую я представляю. Однако на этот раз мне показалось, что глотать такую странную жидкость — это будет уже чересчур. Насторожило меня и то, что как сам Башир, так и никто из его окружения к напитку даже не притронулся. Чем же таким меня угощают, подумала я? И не хотят ли меня отравить? Поскольку президент не спускал с меня глаз, мне пришлось сделать как можно более убедительный глоток, стараясь проглотить как можно меньше. Напиток имел сладкий вкус, напоминающий желудочное лекарство пепто-бисмол, но главное, к своему облегчению, я поняла, что останусь живой.

Деловая часть моей встречи с президентом Баширом прошла так же безрадостно, как и протокольная. Моя задача состояла в том, чтобы довести до сознания моего собеседника негативное отношение Америки к предоставлению Суданом убежища террористам. Мое предупреждение не было принято во внимание. Уже на следующий год суданское правительство оказалось замешанным в неудавшейся попытке покушения на президента Египта. В те годы суданское руководство пыталось превратить свою страну в авангард исламской революции. Среди прочих террористов они приютили у себя Усаму бен Ладена, чья строительная компания построила автостраду, позволившую суданской армии более успешно вести борьбу с южносуданскими сепаратистами.

Территория Судана равняется одной четверти территории Соединенных Штатов и простирается от Красного моря до тропического экватора. Северные районы, заселенные в основном арабами-мусульманами, бедны. Южные, где живут негры-анимисты, христиане, а также какое-то количество мусульман, — еще беднее. Земля здесь очень плодородна и могла бы прокормить не только самих суданцев, но и жителей соседних стран. Однако вместо того чтобы ее возделывать, они начинили ее минами. Начиная со дня получения в 1956 г. независимости и по сегодняшний день в стране непрерывно идет гражданская война. Вот уже много лет Хартум, столица Судана, стремится установить контроль на Югом страны, который привлекает суданских лидеров главным образом своими нефтяными богатствами. В 80-е гг. они попытались навязать также и религиозный контроль, введя в действие законы шариата. Хотя между повстанцами Юга нет единства, все они стремятся к независимости или хотя бы автономии.

Результатом гражданской войны стал постоянный гуманитарный кризис, осложнившийся еще и пылевыми бурями и засухой. Непрерывные сражения унесли жизни около двух миллионов человек. Обе стороны повинны в уничтожении гражданских лиц, но вина правительства Башира тяжелее, поскольку оно препятствует доставке гу-

манитарных грузов, а армия и нападает на мирные деревни, в результате чего масса людей вынуждена бежать в такие места, где у них нет никаких шансов выжить.

Чтобы получить общественную поддержку, я встречалась в Африке и в Вашингтоне со свидетелями кровавых побоищ. Их рассказы о голоде, рабстве, преследованиях по религиозным мотивам, пытках, нападениях на гражданских лиц привели меня в ярость.

Меня глубоко тронули жест молодого суданца, подарившего мне вырезанную из черного дерева статуэтку Христа, а также встреча с группой американских школьников, которые пришли, чтобы вместе со мной помолиться за страждущих. Работавший в горном районе Нуба католический епископ сообщил о гибели более десяти учащихся младших классов, чья школа была умышленно подвергнута бомбежке. Реакция представителя суданского правительства была возмутительной. Он не нашел ничего лучшего, как заявить, что школа была ни много ни мало как военным объектом. Епископ просил моего содействия в том, чтобы подобные преступления больше не повторялись. Однако я, представитель самой мощной державы мира, отнюдь не была уверена, что смогу что-нибудь сделать.

Военные и экономические санкции на Судан давно уже были наложены. Мы неоднократно предупреждали суданское руководство о том, что, если оно хочет установить с Западом нормальные отношения, необходимо прекратить нарушения прав человека. Мы предоставили гуманитарную помощь на сумму более одного миллиарда долларов, чтобы помочь жертвам гражданской войны. Наконец, США направили своего специального представителя, который выступал в качестве посредника на переговорах между правительством и мятежным Югом.

С командующим повстанцами Юга Джоном Гарангом я встретилась в Уганде. Ему было тогда 52 года. Коренастый, с круглой лысой головой и небольшой седоватой бородой на толстом подбородке, Га-ранг имел репутацию человека, который обладал способностью нравиться всем: от теоретиков коммунизма до христианских активистов. Образование получил в США, и меня не удивило, что он сразу же сказал мне все то, что я хотела от него услышать. По словам Га-ранга, он хочет мира, готов уважать права человека, согласен на раздел власти и надеется, что со временем Судан станет демократической страной.

Конечно, мы знали, что лидер южан не без греха. Кроме того, у нас не было ни малейшего намерения втягивать США в гражданскую войну в Судане. В то же время было очевидно, что Гаранг — единственный лидер, способный объединить и повести за собой суданский Юг, и мы всячески давили на Хартум, чтобы тот пытался с ним договориться. Гаранг — не только опытный боец, с 1983 г. принимающий участие в боевых действиях, но и харизматический лидер, интеллект, разбирающийся как в военных делах, так и в экономике. Повсюду на Юге можно видеть его портреты, в том числе и на футболках людей.

Нельзя сказать, что 11 сентября все изменило, однако эти события, безусловно, напугали суданское правительство и заставили его искать пути к улучшению отношений с Соединенными Штатами. Неожиданно для всех Омар аль-Башир вдруг стал оказывать содействие в борьбе с терроризмом и возобновил, хотя и без особой спешки, продуктивные переговоры с Гарангом. Американский посол Джон Дан-форд, епископальный священник и бывший сенатор, неустанно подталкивал Север и Юг к достижению договоренностей. В конечном счете в 2005 г. стороны наконец достигли соглашения об объединении своих армий, разделении власти и доходов от продажи нефти. Около миллиона человек пришли на центральную площадь Хартума, чтобы приветствовать старых врагов — Башира и Гаранга, впервые появившихся вместе с сомкнутыми и поднятыми вверх руками как партнеры в новом правительстве. Улицы были заполнены танцующими от радости людьми.

Праздник состоялся 9 июля и совпал с приведением к присяге Га-ранга как вице-президента страны. Это был настоящий момент истины, а три недели спустя Гаранг погиб в авиационной катастрофе. Во время похорон выступавшие сравнили его с Моисеем, который вывел свой народ к земле обетованной. Явно шокированный

случившимся, но тем не менее хорошо державшийся преемник Гаранга Сальва Киир Маярдит тоже вышел, держась за руки с Баширом, и пообещал продолжать курс погибшего лидера, направленный на сохранение и упрочение в стране мира.

Хотя у меня и есть определенные надежды на возможность преодоления кризиса, особого оптимизма я не испытываю. Среди суданских военных немало таких, кому было выгоднее прежнее положение дел и кто не заинтересован в сотрудничестве с южанами. Они не прочь продолжать стравливать одни фракции с другими, и теперь, в отсутствие Гаранга, обладавшего способностью успокаивать разбушевавшиеся страсти, им сделать это будет легче, чем прежде.

Что же касается лидеров Юга, то им придется не только переводить свою армию на мирные рельсы, но и научиться администрированию, управлению своими территориями. В этом им будет помогать ООН, а также возвращающиеся из эмиграции образованные суданцы, но потребности страны абсолютно во всем очень велики. Религия по-прежнему будет оставаться препятствием к объединению, поскольку исламисты не оставят попыток расширить свое влияние, в то время как христиане и анимисты, конечно же, станут оказывать сопротивление.

Еще более серьезным фактором является то, что заключенное мирное соглашение не распространяется на расположенный в Западном Судане регион Дарфур, откуда местная милиция при поддержке правительства попыталась изгнать неарабское население, в результате чего сотни тысяч людей были убиты. Кроме того, суданские власти продолжают предоставлять убежище омерзительной угандийской «Господней армии сопротивления (Lord's Resistance Army)». Хотя Башир и старается реабилитировать себя в глазах международной общественности, он оправдался далеко не полностью.

Согласно мирному соглашению общенациональные выборы должны состояться в 2009 г. Через два года после этого на Юге пройдет референдум, на котором избиратели должны будут решить, хотят ли отделиться от Судана или нет. Хотя сам Гаранг был преисполнен желания сохранить единство страны, многим его последователям перспектива создания самостоятельного государства кажется весьма заманчивой. Соединенные Штаты должны делать все возможное, чтобы мирные соглашения соблюдались, одновременно всячески поощряя достижение более масштабных договоренностей, включая окончательное прекращение геноцида в Дарфуре и совершенно абсурдного насилия в Северной Уганде.

Признавая невозможность игнорирования религиозного фактора, нам следует постоянно разъяснять, что политика США направлена на оказание помощи всем без исключения суданцам. Необходимо делать все возможное, чтобы предотвратить вмешательство внешних сил, будь то христиане или мусульмане. Сея распри и вызывая межконфессиональную рознь, они только ухудшают и без того сложное положение в стране.

Соединенным Штатам не следует пытаться делать все самим. Гораздо целесообразнее сотрудничать с другими странами, поддерживая при этом посредническую деятельность международных и общественных организаций, направленную на сплочение различных регионов Судана в единое государство, независимо от географических границ, расовых и религиозных различий населяющих эти регионы племен и народов.

На основании имеющегося опыта можно предположить, что примерно половина страны, вышедшей из горнила гражданской войны, сможет обеспечить и сохранить длительную и прочную стабильность. На остальной территории, скорее всего, в ближайшие пять лет снова вспыхнет насилие. Потребуется более двадцати лет, чтобы достигнуть перемирия между Севером и Югом. Для сохранения мира и предотвращения новой войны будут необходимы не меньшие усилия и в течение такого же продолжительного времени.

Расположенный в Нигерии старейший город в Западной Африке Кано не относится к той категории городов, которые часто посещают государственные секретари Соединенных Штатов. Именно это стало одной из причин, по которой я туда направилась. Мир менялся, и нужно было устанавливать новые связи. В течение почти тысячелетия Кано, город с полумиллионным населением, был центром ислама. Начиная с 1804 г. после

ряда священных войн он превратился в столицу халифата. В 1999 г. я была гостем тринадцатого лидера халифата — эмира Адо Байеро, занимавшего свой пост с 1963 г.

Мы обменялись приветствиями, и эмир провел меня в богато декорированный зал. Там он предложил мне занять место справа от него, что являло собой знак уважения, а сам сел на скамью, покрытую шкурой ягненка. На голове эмира возвышалось сложное сооружение, один конец которого был обмотан вокруг шеи, а другой завязан узлом на макушке. Остается сказать, что цвета этого своеобразного головного убора были своего рода символикой, обозначая его родную деревню и род. Чтобы облегчить задачу присутствующим репортерам, эмир произнес несколько приветственных фраз на местном языке (хауса). Затем короткое приветствие произнесла я, уже на английском. После этого мы оба под огромными зонтиками прошли во внутренний двор. Собравшаяся толпа расступилась перед нами, как Красное море перед израильтянами. Все что-то скандировали и пели, но что именно, я не знала. Мужчины размахивали ружьями и копьями. В ответ я тоже помахала им рукой. Эмир поднял вверх сжатый кулак, что, как я потом узнала, означало уважение. Мы взошли на трибуну и стали свидетелями небывалого торжества: празднования 200-летия победоносного джихада и демонстрации богатой смеси африканской и исламской культур.

Представление началось с того, что к трибуне, отдавая честь эмиру, приблизились местные вожди, которых сопровождали певцы, танцоры, жонглеры и смельчаки на ходулях. Затем, отдавая нам салют, проскакала на лошадях группа всадников. В руках у них были знаки, обозначающие деревни, из которых они прибыли. Эмир с гордостью указал на ближайших к нам наездников, сказав, что это некоторые из его 17 сыновей. Воины дали залп в воздух из старинных мушкетов. Шаманы размахивали кинжалами, касаясь глаз, губ и ушей, что символизировало их неуязвимость. В заключение всей церемонии всадники выстроились в ряд и галопом помчались на трибуну. К счастью, меня предупредили, что воины вовсе не собираются нас опрокинуть и вовремя остановятся. Так и случилось. Находясь под впечатлением от такого яркого зрелища и желая отдать должное его участникам, я вскочила на ноги и зааплодировала, совершенно забыв, что по местному обычаю было бы уместнее поднять вверх сжатый кулак.

Торжественное празднество и традиции, связанные с историей халифата, отражали гордость местных жителей за свое богатое культурное и религиозное наследие. Живым воплощением этой гордости является личность эмира, пользующегося уважением не только в его собственном регионе, но и во всей Нигерии, причем как со стороны мусульман, так и христиан. Факт многозначительный, поскольку из 128 миллионов жителей страны примерно одна половина верует в Аллаха, а другая — в Христа. Как и в Судане, мусульмане составляют большую часть населения на Севере страны, а христиане — на Юге. Будущее Нигерии во многом зависит от того, насколько успешным окажется мирное сосуществование приверженцев этих двух вероисповеданий.

К сожалению, уже вскоре после моего визита отношения между ними обострились. В результате состоявшихся всеобщих выборов президентом страны стал Олусегун Обасаньо, политик, у которого, с точки зрения северян, имелось по крайней мере три недостатка. Во-первых, он был южанин, во-вторых — христианин, и, в-третьих, во время избирательной кампании Обасаньо обещал начать бескомпромиссную борьбу с коррупцией военных, среди которых большинство старших офицеров составляли мусульмане, выходцы с Севера страны.

Победа Обасанье встревожила жителей северных штатов Нигерии. В одном из них очередной кандидат на пост губернатора, чтобы завоевать расположение избирателей, обещал в случае победы ввести исламские законы. Ход оказался удачным, и сразу же после его избрания обещание было выполнено. Этому примеру последовал и ряд других губернаторов, в результате чего в десяти северных штатах, включая Кано, стали действовать законы шариата.

Ранее все гражданские дела, в том числе такие, как развод, мусульмане решали в своих собственных местных судах, в то время как уголовные дела рассматривал общенациональный гражданский суд. Введение шариата значительно расширило сферу

применения исламских законов. Мусульманские лидеры оправдывали это необходимостью усиления борьбы с коррупцией, преступностью и непристойным поведением, однако христиан эти аргументы не убедили. Еще больше их напугали начавшиеся раздаваться требования ввести в школах изучение Корана и преподавание арабского языка. Начались протесты против жестких, хотя и редко применяемых наказаний, предусмотренных шариатскими законами, а также против попыток запретить танцы и употребление алкоголя. Напрасно протестующие ссылались на нигерийскую конституцию, запрещающую местным органам власти или на уровне штатов объявлять какую-либо религию официальной.

Со временем накопившиеся взаимные обиды вызвали вспышки насилия, виновными в которых оказались как мусульмане, так и христиане. Так, в штате Кано сожгли дом христианского священника, которого обвинили в том, что он якобы пытался обратить в свою веру местных мусульман. В результате сам священник и вся его семья погибли. В 2002 г. начались сопровождавшиеся насилием волнения, вызванные тем, что один журналист, восторгаясь внешностью участниц конкурса красоты, легкомысленно предположил, что каждая из них была бы вполне достойна стать женой пророка Мухаммеда.

В целом по стране произошли сотни нападений на мечети и храмы, спровоцированные обвинениями в том, что последователи одной религии якобы проявляют неуважение к другой вере. Погибло около десяти тысячи человек, а многие другие были вынуждены спасаться бегством. Хотя федеральное правительство пыталось по мере возможности предотвращать вспышки враждебности на религиозной почве, оно не обладало ни средствами, ни моральным авторитетом, достаточным для того, чтобы полностью исключить насилие. Христиане обвиняют мусульман в том, что те якобы хотят полностью очистить от них Север страны. Мусульмане, в свою очередь, сопротивляются попыткам христиан обратить их в свою веру.

В основе религиозных разногласий лежат, разумеется, не только религиозные причины. Как и многие другие африканские страны, включая Судан и Ирак, Нигерия была создана западными державами совершенно произвольно из ряда случайного скопления этнических племен. Свидетельством этого является, в частности, то, что в первые годы независимости федеральному правительству пришлось бороться за установление своего контроля над целым рядом вошедших в состав страны регионов.

В течение многих десятилетий Нигерией правили диктаторы-стяжатели, присваивавшие большую часть доходов от продажи нефти. Немудрено, что население страны становилось все беднее и циничнее. Там, где так много обнищавших и не имеющих работу людей, достаточно одной маленькой искры, чтобы вспыхнуло огромное пламя. Кроме того, в центральных регионах страны начались столкновения между полукочевыми мусульманскими племенами пастухов и христианскими фермерами за доступ к питьевой воде для своего скота³.

Точно такие же кровавые стычки происходили в XIX в. между индейцами и американскими поселенцами-первопроходцами. В Нигерии накал страстей усиливается еще и нехваткой дождей, а также высоким уровнем рождаемости, что обрекает людей на необходимость выживания на сравнительно небольших участках пригодной для земледелия земли. Хотя, как мы уже отмечали, главные причины вспышек насилия — вовсе не религиозные, а чисто экономические. Однако находятся демагоги, утверждающие, что людей убивают якобы не ради овладения пастбищами для скота или плодородными землями, а из самых возвышенных и благородных побуждений.

В Судане, Нигерии, как и повсюду в Африке, существует и будет сохраняться угроза того, что отчужденное мусульманское население служит питательной средой для возникновения террористических групп, подобных «Аль-Каиде». Слабые правительства, прозрачные границы и повсеместные гражданские конфликты открывают широкие возможности для деятельности всевозможных грабительских организаций.

Африканский ислам традиционно отличался своей умеренностью. Экстремизм был занесен сюда извне. Вместе с деньгами, ассигнованными на строительство новых мечетей

и общественных центров, в Африку прибыли мусульманские радикалы. Стараясь завоевать расположение беднейших слоев населения, они начали оказывать им различные услуги. Лидеры традиционного, умеренного исламизма не имеют таких ресурсов, которые позволяли бы им конкурировать со вновь прибывшими проповедниками, причем не только в материальном, но и в чисто идеологическом плане. Недаром среди участников антиправительственного повстанческого движения в Ираке сегодня так много африканцев.

В ответ Соединенные Штаты развернули свои войска в Джибути, которые стали важной частью антитеррористических сил на Африканском Роге. Кроме того, Америка взяла на себя подготовку воинских подразделений, специально предназначенных для борьбы с террористами. Такого рода войска, несомненно, полезны, но в их создании заложен и определенный риск. Напомню, что во времена холодной войны Вашингтон тоже вооружал и обучал тех, кто выражал готовность вести борьбу с коммунистическими правительствами, не обращая внимания на то обстоятельство, что некоторые из этих людей пользовались весьма и весьма дурной славой среди собственного населения. Оказывая поддержку тем вооруженным силам, которые, выступая вместе с нами против «Аль-Каиды», пользуются при этом всеобщей ненавистью, мы тем самым невольно помогаем террористам убедить людей в том, что их призывы вовсе не беспочвенны.

Если мы хотим привлечь на свою сторону африканцев и мобилизовать их на борьбу с «Аль-Каидой», то должны прежде всего помочь им преодолеть те основные беды, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни: болезнями, нехваткой чистой воды, неудовлетворительным состоянием школьного образования, загрязнением окружающей среды. Если же наряду с этим еще и осуществлять военную подготовку местных сил безопасности, то надо обучать их не только борьбе с терроризмом, но и предотвращению гражданских столкновений и геноцида. И конечно же, необходимо гораздо тоньше и деликатнее подходить ко всем проблемам, связанным с религией.

Я уже говорила о том, что американским дипломатам абсолютно необходимо хорошо знать и понимать все тонкости религиозных верований той страны, в которой они работают. Ранее дипломаты, обладающие знаниями арабского языка и разбирающиеся в исламе, всегда предпочитали получить назначение в одну из арабских стран. Надо отдавать себе отчет в том, что сегодня такого рода специалисты нужны также и в Африке.

В одном из произведений известного нигерийского писателя Бена Окри есть такие строки: «Мы долго не замечали рождение хаоса, и когда его волны накрыли нас, мы оказались совершенно не готовы противостоять дикой стихии, несущей страшные разрушения»⁴. Сегодня мы не можем сослаться на то, что хаос приближается к нам незамеченным. Да спасет нас Господь Бог, если мы окажемся не готовы встретить его во всеоружии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Andrew Rice, "Evangelicals v. Muslims in Africa," *New Republic*, August 9, 2004.

² Ibid.

³ Somini Sengupta, "Where the Land Is a Tinderbox," *New York Times International*, June 16, 2004, A4.

⁴ Ben Okri, *Songs of Enchantment*, Cape, London, 1993.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Заключительные раздумья

Глава 18

В этом все и дело

Если мы станем жить по поговорке "Око за око", — говорил Махатма Ганди, — то весь мир скоро ослепнет». В предыдущих главах мы показали, что политика, в основе которой лежит попытка получить преимущество, используя или, наоборот, игнорируя религиозный фактор, приводит к тому, что, выигрывая в одном, вы неизбежно проигрываете в другом. Вред, наносимый подобной политикой, был рассмотрен на примере Ближнего Востока, Ирана, Ирака, Афганистана, Европы и некоторых стран Африки.

Те же проблемы, хотя, быть может, не такие острые, существуют в Индонезии, Таиланде, на Филиппинах, Кавказе и прежде всего в Чечне, а также в Центральной Азии. На примере Пакистана мы показали, насколько сложно Соединенным Штатам отстаивать там свои интересы, используя максимально взвешенный подход при решении проблем, связанных с религиозным фактором. Можно вспомнить и Ливан, где в течение уже длительного времени мусульмане, как шииты, так и сунниты, вместе с христианами пытаются охладить бурлящий котел политических, идеологических и клановых противоречий.

Даже в самой Америке быстрое распространение мусульманской религии ставит перед обществом целый ряд далеко не простых вопросов, порождаемых проникновением ранее неизвестной культуры и появлением такого явления, как дискриминация, вызванная страхом перед экстремизмом. Ведь террористы, совершившие 11 сентября нападение на страну, в течение нескольких месяцев жили и тренировались не где-нибудь, а в самих США.

Повсеместное возникновение такого рода конфликтов, их интенсивность заставляют некоторых думать, что именно они и составляют основной вызов нашей эпохи и что главное сейчас — это справиться с этими вызовами. А между тем наша главная задача сегодня состоит в том, чтобы избежать возможного столкновения цивилизаций, последствия которого непредсказуемы. «Аль-Каида» и ее сторонники хотели бы совершить глобальную исламскую революцию. Надеюсь, что их планам не суждено сбыться.

Страх рождает терроризм. «Аль-Каида» только тогда завоеует прочную поддержку в массах, когда страх станет повсеместным. Как показывают исследования, сами арабы считают религиозный фанатизм серьезной проблемой, причем не только их собственного общества, но и западных стран¹. В целом, и подавляющее большинство мусульман вовсе не хотят насилия. Если среди них и есть в чем-то согласие, так это в том, что ислам — религия мира. Показательно, что лишь три из пятидесяти трех стран, большую часть населения которых составляют мусульмане, признавали правительство талибов в Афганистане. Акты террора в Саудовской Аравии, Иордании, Египте, Турции, Индонезии и Бангладеш, в результате которых погибли сотни мусульман, заставили многих из тех, кто ранее симпатизировал «Аль-Каи-де», изменить свое отношение к этому движению.

Что же касается администрации Буша, то, несмотря на многие совершенные ошибки, ее никак нельзя обвинить в религиозном крестовом походе. Президент полностью отдает себе отчет в том, что лучший способ добиться победы над «Аль-Каидой» состоит в том, чтобы лишить ее симпатии и поддержки тех мусульман, которых ей удалось привлечь на свою сторону. Это прекрасно понимают и большинство американцев. Даже среди христианских евангелистов совсем немного таких, кто согласен с утверждением Пэта Робертсона о том, что противостояние с «Аль-Каидой» — это по своей сути «борьба религий»*. Большинство людей считают, что ислам не больше, чем другие религии,

* Выступая в 2004 г. в Иерусалиме, Робертсон, в частности, заявил: «Дамы и господа! Не будем обольщаться. То, что сейчас происходит в мире, это не что иное, как борьба религий. Идет сражение не за территории и не за деньги. И это нельзя считать противоборством бедности с

поощряет насилие³.

Очень хорошо, что, несмотря на целый ряд событий, которые вполне могли бы отравить сознание людей, у большинства сохранилось здоровое отношение к исламу. Круг интересов мусульман вполне сравним с кругом интересов граждан стран Запада. Арабы, как и американцы, только выиграют от улучшения отношений между ними. В конечном счете Соединенные Штаты не в состоянии победить терроризм без помощи арабов, точно также как арабские страны не смогут обеспечить экономическое развитие без западных инвестиций. Просто нелепо говорить, что религиозные войны неизбежны.

И тем не менее по крайней мере по трем важным вопросам между Западом и исламским миром существуют серьезные разногласия, вызывающие сильные эмоции и потому представляющие серьезную опасность. Во-первых, это вопрос о том, каким должно быть мирное урегулирование ближневосточного конфликта, чтобы его можно было считать справедливым. Во-вторых, насколько легитимно американское военное присутствие в Ираке. И, в-третьих, каковы в целом намерения Америки в отношении мусульманского мира. Необходимо, чтобы обе стороны как можно более отчетливо и ясно понимали позиции друг друга по всем этим трем вопросам. Только тогда возможен какой-то прогресс по каждому из них.

После долгих лет насилия у палестинцев и израильтян появились новые лидеры. Такого рода перемены всегда сопряжены с бурными событиями, но одновременно они порождают и надежды. При Шароне Тель-Авив пошел наконец на уступки по территориальному вопросу, что является важнейшим условием сохранения Израиля как демократического и преимущественно еврейского государства. Своим новым президентом палестинцы избрали Махмуда Аббаса, который искренне считает, что никак не запугивание, а только переговоры могут обеспечить осуществление надежд и удовлетворение основных потребностей народа Палестины.

Хотя политическое влияние движения «Хамас» таково, что оно способно блокировать любой прогресс в процессе мирного урегулирования, оба участника противостояния испытывают острое желание найти путь к прочному миру. И ничто так не будет содействовать достижению примирения, как создание твердой основы в отношениях между арабами и Западом.

Что же касается Ирака, то тут арабы не ждут слишком многого, поэтому даже сравнительно небольшой прогресс будет воспринят с удовлетворением. Если только иракские сунниты поддержат процесс демократизации, другим арабским странам будет трудно выступать с критикой политики США в Ираке. Как только повстанческое движение хоть немного ослабнет, будет легче и безопаснее вывести оттуда американские войска. Если в течение ближайшего времени Америке удастся выпутаться из сложного положения в Ираке и если при этом мы оставим после себя законное правительство, а не разделенную на враждующие группировки страну, гнев арабов уляжется, и подозрения относительно наших намерений на Ближнем Востоке ослабнут.

Такое количество «если» говорит о том, как много надо сделать, чтобы отношение арабов к Америке изменилось в лучшую сторону. Исследование, проведенное совместно группой американских и египетских социологов, показало, что жители стран Ближнего Востока считают американцев «высокомерными, самонадеянными, несправедливыми, жестокими, безразличными к другим людям, жаждущими исключительно власти и денег, а их культуру—упаднической»⁴. Другое такое исследование свидетельствует о том, что большинство мусульман полагают, что американцы жадные, аморальные и склонны к насилию⁵.

Конечно, мы не можем винить одного только Буша за существование подобных стереотипов, но нельзя не признать, что за период его первого президентского срока они еще сильнее укрепились в сознании последователей Аллаха. И это не случайно. Так, в

богатством или противостоянием древних традиций с современностью. Нет, мы являемся свидетелями борьбы за то, кого следует признавать Создателем и Владыкой: Аллаха Милостивого и Милосердного или христианского Господа Бога»².

Ираке президент сознательно пренебрег международным общественным мнением, в том числе точкой зрения многих мусульман и арабов, чтобы достичь целей, которые он считал справедливыми. К огорчению госдепартамента, руководимого в то время Колином Пауэллом, попытки смягчить международную реакцию были отвергнуты как ненужные. Президент имел власть и волю настоять на своем, на радость или на горе Америке. На горе в том числе и потому, что осуществление его планов привело к отчуждению мирового общественного мнения.

Кондолиза Райе, назначенная в начале 2005 г. на пост государственного секретаря, объявила, что «наступило время дипломатии». Действительно, под ее руководством государственный департамент стал активнее влиять на формирование внешней политики США, чем это было в период первого срока Буша. В то же время администрация президента начала проявлять большую заинтересованность в сотрудничестве с другими странами мира, и прежде всего с союзниками. Президент даже назначил Карен Хьюджес, одну из наиболее близких ему помощников, на пост координатора программы помощи неимущим или нуждающимся в мусульманских странах.

Выступая во время церемонии вступления Хьюджес в должность, Буш выразил надежду, что она сумеет «заставить каждое агентство и департамент уделять публичной дипломатии такое же внимание, какое уделяю ей я сам»⁶. Затем президент дал весьма скучное и расплывчатое определение стратегии этой дипломатии. По его мнению, она должна предусматривать привлечение к данной работе частного сектора, более оперативное реагирование на пропагандистские акции террористов, а также меры, направленные на то, чтобы убедить американцев «изучать великую историю и традиции Ближнего Востока». К этому он добавил, что каждый гражданин, который «выражает готовность принять в своем доме приехавшего на учебу в Америку иностранного студента, должен считаться послом Соединенных Штатов».

Беда даже не в том, что слова президента прозвучали излишне слащаво и сентиментально, а в том, что если раньше желающих учиться в американских университетах было хоть отбавляй, то теперь иностранная молодежь предпочитает получать образование в других странах. Публичная дипломатия только выиграет, если мы сумеем найти такой баланс между необходимыми и законными мерами по обеспечению безопасности и нашей политикой, чтобы эти меры не приводили к ухудшению взаимопонимания Соединенных Штатов с мусульманским миром. Сегодня многие арабы полагают, что Америка видит в каждом из них потенциального террориста. Некоторые из них убеждены, что для получения американской визы им необходимо дать согласие на фотографирование в голом виде в качестве доказательства того, что они не спрятали на себе взрывное устройство⁷.

Лично я, быть может, только бы посмеялась над подобными заблуждениями, если бы не мои собственные впечатления от общения с одним мусульманином, которого я условно назову Ахмедом. Так вот, этот самый Ахмед раньше всегда чувствовал себя в Америке как дома. Окончив один из университетов США, он начал работать в своей стране в Американской торговой палате. По роду деятельности ему приходилось неоднократно приезжать и уезжать из Соединенных Штатов.

Ахмед хорошо знал и любил Америку и, разумеется, как и мы, всегда выступал противником терроризма. В августе 2005 г. по пути на конференцию, в работе которой пригласили участвовать и меня, Ахмед прилетел в аэропорт одного из штатов на Севере США. Хотя поведение молодого человека не должно было вызвать никаких подозрений, первое, о чем его спросили, это как поживает его «друг» Усама бен Ладен. Затем в течение нескольких часов Ахмеда допрашивали по классической схеме «плохой-хороший полицейский». Его багаж, включая ноутбук, был тщательно обыскан. Обнаружив фотографию шестилетнего сына Ахмеда, полицейские тут же обвинили его в педофилии.

Бестселлер Роберта Кесслера «Война ЦРУ с терроризмом» дал повод к издевательским вопросам о том, «с чего это вдруг он так заинтересовался проблемами терроризма». После изучения повестки дня конференции полицейские начали спрашивать Ахмеда, какой характер носят его связи с арабами. Когда же была найдена аудиокопия «Си-эн-эн» с

записью одной старой программы «Аль-Каиды», Ахмеду уже ничего не оставалось делать, как вылететь обратно в свою страну. Скорее всего, полицейские считали, что действуют в интересах обеспечения безопасности Америки. На самом же деле такие и им подобные действия лишь отталкивают от Соединенных Штатов их потенциальных союзников и еще больше осложняют задачу, поставленную перед Карен Хьюджес.

Публичная дипломатия может быть успешной только в том случае, если внешняя политика, которую она призвана поддерживать, по-настоящему жизнеспособна, а аудитория, для которой она предназначена, готова вас выслушать*. Выше мы говорили о серьезных разногласиях, существующих между США и мусульманским миром, которые вызывают сильные эмоции и потому представляют серьезную опасность. Если мы будем постоянно и неуклонно их учитывать, то как наша внешняя политика, так и публичная дипломатия станут значительно более эффективными. В противном случае положение только ухудшится.

Так, например, неудачи в политике и неспособность обеспечить безопасность на Ближнем Востоке могут спровоцировать новый взрыв насилия. В этом случае Ирак просто распадется и перестанет существовать как единое государство. Если положение в этой стране так и не нормализуется, то она станет надежным прибежищем для террористов. Тогда нашим войскам придется либо срочно эвакуироваться, либо, напротив, остаться в Ираке на неопределенно долгий срок. Вражда между суннитами и шиитами может стать тем горючим материалом, который вызовет конфликт уже общерегионального масштаба.

В более отдаленной перспективе этот конфликт приведет к эскалации напряженности в отношениях между мусульманами, христианами и иудеями. В этом случае приверженцы всех трех вероисповеданий просто забудут о том, что наряду с разделяющими их проблемами существуют другие, гораздо более важные общие цели и интересы, которые их объединяют.

Бывший канцлер Германии Конрад Аденауэр как-то заметил, что «история — это совокупность событий, которых можно было бы избежать». Точно так же не только возможно, но и необходимо избежать общемировой конфронтации между исламом и Западом. Добиться этого удастся в том случае, если те, кто определяет характер событий и общественных настроений, будут проявлять максимум осторожности и предусмотрительности. Не претендуя на знание истины в последней инстанции, я тем не менее осмелюсь предложить семь положений, которые, как мне кажется, могут помочь избежать наиболее нелепых ошибок.

Во-первых, избегайте глобализации конфликтов. Многие из них носят чисто локальный характер, так вот пусть такими и остаются. «Аль-Каида» постоянно стремится выйти на общемировую арену. Надо делать все, чтобы не давать ей возможность быть в центре внимания. В Чечне, Нигерии, на Ближнем Востоке и в Ираке — в каждом из этих регионов существуют свои собственные, чисто внутренние причины конфликтов, решать которые нужно каждый в отдельности. Это лишит террористов возможности представлять каждый из этих конфликтов как часть единого освободительного движения.

Во-вторых, всегда четко и однозначно определяйте своего врага. Некоторым комментаторам ужасно нравится называть движение радикальных исламистов новым коммунизмом. В ответ арабские лидеры впадают в другую крайность. Желая сыграть на чувстве страха своих соплеменников, они утверждают, будто Запад ведет наступление на ислам. И то и другое — полная чушь. Никто никого не атакует: ни Запад — ислам, ни наоборот. Другое дело, что и тот и другой подвергаются опасности со стороны «Аль-Каиды» и связанных с ней террористических групп. Не давайте расширенного толкования терминам, которыми вы определяете источник угрозы.

В-третьих, не играйте с огнем. Политическая атмосфера и так перегрета. Каждое

* Наглядным примером взаимосвязи между политикой и симпатиями общественности может служить реакция на принятое в декабре 2004 г. президентом Бушем решение оказать полномасштабную военную и гражданскую помощь жертвам цунами в Юго-Восточной Азии. После этого рейтинг Соединенных Штатов в Индии и Индонезии заметно вырос и в течение долгого времени оставался достаточно высоким.

неосторожно сказанное слово или действие раскалят ее еще больше. В теории современные средства коммуникации призваны сообщать конкретные, достоверные факты и тем самым успокаивать эмоции. В реальности они сплошь и рядом публикуют зловредную, шокирующую публику информацию, в том числе и карикатуры, а также слухи, которые, как они знают, вызовут эмоциональную реакцию аудитории. Такого рода новости не столько информируют, сколько разжигают страсти.

Так, весной 2005 г. неподтвержденное сообщение о том, что американский солдат якобы оскорбил Коран, спровоцировало взрыв насилия. Чтобы избежать подобных инцидентов, нашим руководителям следует проявлять чрезвычайную дисциплинированность во всем, что они говорят и делают. Этому же им необходимо требовать и от своих подчиненных. Однако подобная сдержанность должна быть взаимной. Осуждая некорректные высказывания и неуважительное отношение к святым книгам, мусульманские лидеры должны отдавать себе отчет в том, что это ни в коем случае не может служить оправданием для насилия.

Как бы то ни было, надлежит не жалеть усилий, чтобы улучшить информированность общественности. В этой связи представляется совершенно неуместной та враждебность, которую проявляет администрация Буша в отношении арабской телекомпании «Аль-Джази-ра», ведь ее репортажи смотрят и слушают именно те, на кого следует прежде всего выходить официальным лицам Вашингтона. Вместо постоянной критики этой компании надо-сделать так, чтобы наиболее компетентные официальные лица США регулярно принимали участие в ее программах.

В-четвертых, следует выработать общее для всех представление о том, что такое терроризм. В политике контролировать общеприемлемое значение слов так же важно, как в военном деле — удерживать контроль над командными высотами. Это тем более необходимо, что делаются попытки приклеить некоторым террористам ярлык борцов за свободу. Этого ни в коем случае нельзя допускать. Быть может, некоторые повстанцы, используя методы террора, действительно руководствуются при этом стремлением завоевать независимость или изгнать оккупантов, однако какими бы ни были их мотивы, они не могут служить оправданием для применения насильственных методов, и поэтому относиться к таким людям надо как к обычным террористам.

На этот счет у меня неоднократно возникали споры с арабскими лидерами. Никто из них не оправдывает использование насилия против гражданских лиц. В то же время они рассматривают террористические акции палестинцев против Израиля как законную борьбу за возвращение потерянных земель. Так, например, Саудовская Аравия не только выплачивает определенные суммы денег семьям погибших террористов-смертников, но и даже выпускает официальные пресс-релизы об их акциях*. В ответ на мой протест посольство заявило, что «средства выделяются в гуманитарных целях».

С недавних пор данную точку зрения разделяет также и Сайд Мухаммед аль-Мусави, глава находящейся в Лондоне Всемирной исламской лиги шиитов. Аль-Мусави настаивает на том, что «следует делать четкое различие между теми, кто взрывает себя, чтобы защитить свою страну от оккупантов, и теми, кто убивает ни в чем не повинных гражданских лиц. Последнее, конечно же, преступление»⁹. Даже если в прошлом и были какие-то основания для подобных утверждений, то последние действия палестинских смертников-бомбометателей уже полностью лишают их какого-либо морального оправдания. Как можно называть самообороной взрыв школьного автобуса, закусочной или овощного рынка?

Любое насилие против лиц, не участвующих в военных действиях, следует признать незаконным с юридической точки зрения и аморальным — с нравственной. Этот принцип

* В январе 2001 г. посольство Саудовской Аравии в Вашингтоне издало пресс-релиз, в котором сообщалось, что Саудовский комитет по поддержке интифады, председателем которого является министр внутренних дел принц Наиф, распределил среди раненых палестинцев и палестинцев с ограниченными возможностями 33 миллиона долларов США⁸. Указанные средства были переданы семьям «2281 заключенного и 358 мучеников Аллаха». В официальном документе посольства сообщалось также, что комитет «обещал предоставить 5333 доллара США наличными каждой семье, члены которой пострадали от мученичества».

применим ко всем, кто подкладывает взрывные устройства в общественных местах, будь то Ирак или любое другое место на Ближнем Востоке, независимо от того, является ли данный человек гражданским лицом, сотрудником милиции или военным, а также от того, кому он служит: диктатуре или демократии. Такая оценка распространяется и на тех, кто уверен, будто сам Господь Бог дал им право на выполнение якобы святой миссии.

Я не хочу тем самым сказать, что различие между законным и незаконным использованием силы всегда так очевидно и ясно. Даже в самом справедливом деле зачастую нелегко правильно определить разумное соотношение между использованием военной силы и возможным ущербом, которое такое использование принесет гражданским лицам, и тем самым оценить целесообразность подобных действий. Даже при самом трезвом подходе нередко трудно сказать, кого можно считать участником вооруженной борьбы, а кого нет. Точно так же, если обе стороны опасаются нападения, то линия водораздела между самообороной и агрессией становится весьма размытой. Ошибочная информация тоже может послужить причиной трагических ошибок. Клаузевиц был совершенно прав, когда говорил, что во время войны события могут «приобрести непомерно преувеличенное значение и принять совершенно неестественный внешний вид, так, как это бывает при тумане или лунном освещении»¹⁰.

И все-таки есть такие ситуации, когда все предельно ясно и понятно. Так, нет оправдания тем, кто сознательно поражает цели, не имеющие прямого отношения к боевым операциям, например людей, не принимающих непосредственного участия в боевых действиях (военных врачей, священников и т.д.). Или тем, кто при выборе целей не принимает во внимание опасность поражения при этом мирного населения. Страны, у которых нет обычных видов вооружения, не имеют права компенсировать их отсутствие путем использования нетрадиционных средств террора в отношении гражданских лиц. Страны, обладающие подавляющим военным превосходством, не должны предпринимать какие-либо действия только лишь потому, что убеждены в своей безнаказанности. Эти и некоторые другие правила являются всеобщими, и их соблюдение обязательно для всех. Если бы христиане, мусульмане и иудеи могли прийти к согласию по этим вопросам, им было бы легче договориться и по другим*.

В-пятых, хотелось бы поговорить об отношении к женщинам, о том, каким оно должно быть, чтобы способствовать действительному прогрессу. Я всячески поддерживаю любые меры, которые гарантируют женщинам гражданские права, активизируя их роль в экономическом и социальном развитии. Критика ислама, в основе которой лежит упрощенное представление об этой религии и слабая информированность о ее сущности, а также проявляемые иногда высокомерие и самодовольство не помогут обеспечить женское равноправие.

История знает не так много цивилизаций, которые могли бы гордиться своим отношением к женщинам. Ислам не предписывает и не оправдывает ограничений женщин в чем-либо. В то же время Коран четко различает два пола. Поскольку для мусульман все, о чем говорится в Коране, — это послание самого Аллаха, они не могут не считаться с подчеркнутым в нем разделением всех людей на мужчин и женщин.

Во многих мусульманских обществах женщинам живется прекрасно. В других им приходится бороться с мужским шовинизмом, принимающим нередко весьма жестокий характер. Впрочем, в разной степени такого рода шовинизм существует в каждом обществе. Было бы ошибкой безоговорочно осуждать ислам или исходить из предположения, что там, где действуют законы шариата, женщины совершенно неправы. Правильнее бороться за максимальное использование тех возможностей, которые эти законы все-таки предоставляют женской половине населения, за то, чтобы женщины

* В сентябре 2005 г. лидеры различных стран мира попытались дать определение терроризму, предложенное Кофи Аннаном. К сожалению, из этого ничего не вышло. Наибольшие разногласия вызвал вопрос о том, можно ли считать терроризмом действия, предпринимаемые в ходе сопротивления оккупации, если они угрожают вызвать смерть или ранения граждан, не принимающих непосредственного участия в военных действиях.

повсюду могли активно определять свою роль в обществе.

В-шестых, христиане, мусульмане и евреи должны наконец осознать, как много у них общего. Проблемы, порождаемые процессом глобализации, возбуждают тревогу и беспокойство не только у консервативно настроенных мусульман, но и на Западе. Широко распространены опасения по поводу того, что роль Господа Бога как создателя высших законов и учения о том, как надо жить, постепенно сходит на нет. И опасения эти одинаково тревожат как верующих христиан в Канзасе, так и мусульман в Карачи и Эр-Рияде или иудеев в кибуце. Известный евангелистский проповедник и автор популярной книги «Целеустремленная жизнь» (*Purpose-Driven Life*) Рик Уоррен полагает, что основная задача международного сообщества на ближайшие два десятилетия состоит в том, чтобы добиться мирными средствами модернизации ислама. В принципе соглашаясь с ним, я в то же время думаю: а кто же может взять на себя такую ответственность, чтобы учить людей другой веры тому, какой должна быть их религия в наши дни? И так уже достаточно много взаимных подозрений. Консервативные мусульмане воспринимают любые замечания в адрес ислама как объявление войны их вере. Точно так же консервативные христиане говорят, что их осаждают враждебные силы. Верующие родители, живущие на Аравийском полуострове или в Южной Азии, одинаково не хотят, чтобы Вашингтон говорил им, чему они должны учить своих детей. То же самое можно сказать и о семьях, живущих во Флориде, на Аляске или в любом другом месте.

Последователи вероисповеданий, составляющие меньшинство в том или ином обществе, так же как и желающие жить в чисто светском государстве, опасаются того, что религиозное большинство станет навязывать им свои взгляды. В Соединенных Штатах существует опасение, что барьер, отделяющий церковь от государства, может рухнуть. В отношениях между исламом и Западом больше всего поражает не то, насколько мы разные, а то, как много между нами общего. Мы просто обязаны научиться лучше понимать друг друга.

Во время телефонного интервью с Биллом Клинтоном я спросила его, что он думает по этому поводу. Все зависит от того, ответил президент, готовы ли мы признать, что никто из нас не обладает истиной в последней инстанции. «Вот и все. В этом все и дело, — добавил он. — Вы, конечно, вправе считать, что истинна только ваша религия, и даже то, что она более истинна, чем другие вероисповедания. Но вы не можете быть уверены в том, что в этой жизни кто-нибудь способен полностью познать всю истину мира»¹¹. Далее Билл Клинтон вспомнил высказывание апостола Павла: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан»*.

Позднее, во время нашей встречи с Клинтоном в его доме в Чаппакуа, пригороде Нью-Йорка, президент мне, в частности, сказал: «Если вы согласитесь с тем, что далеко не все знаете и понимаете в этой жизни, у вас вряд ли когда-либо возникнет ощущение превосходства над другими людьми, а если и возникнет, то оно уже не даст вам такого удовлетворения. Люди, которые направили самолеты на небоскребы Центра международной торговли, не сомневались в том, что "сквозь тусклое стекло" видели реальность. Точно также уверены в том, что "знают не отчасти", и те, кто поджигает мечети или священные храмы. Парень, убивший Ицхака Рабина за то, что тот был "плохим евреем", даже и мысли не допускал, что он может заблуждаться. Если вы человек верующий, то, конечно, ваша вера влияет на ваше политическое мировоззрение, и в этом нет ничего предосудительного. Другое дело, если вы при этом еще и убеждены в том, что знаете и понимаете абсолютно все, что стоит знать и понимать. В этом случае вы невольно начинаете свысока относиться к другим людям. Они в ваших глазах менее достойны уважения, чем вы сами, не такие правильные и заслуженные. Быть может, это на самом деле так и есть, но кому дано это знать? Большинство религий учат людей честности и

* Цит. по каноническому изданию: Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Книги Нового Завета, Первое послание к Коринфянам, глава 13, стих 12. — М., 1989, стр. 215. —Прим. пер.

духовной целостности, а это ценное качество в любом обществе. Да, нам нужен честный, непредвзятый диалог о том, в чем наши различия, но пользы от него будет гораздо больше, если мы заранее признаем, что никто из нас не владеет абсолютной истиной»¹².

В Коране есть высказывания, перекликающиеся с цитатой Клинтона из проповеди апостола Павла: «Так старайтесь же превзойти друг друга в добрых деяниях. К Аллаху всем вам возвращение, и поведает Он вам (истину) о том, в чем вы были не согласны друг с другом»¹³. А там, где говорится о том, что Давуд убил Джалута, Коран советует: «Если бы Аллах не давал одним народам возможность защищаться от других, то сгинула бы земля и весь род людской. Однако Аллах милостив к обитателям миров»¹⁴.

Если действительно нас всех ждет светлое будущее, то это станет возможным только в том случае, если различные религии и культуры научатся жить в мире и согласии. Главную роль в этом должно сыграть образование. Необходимо использовать все доступные нам средства и методы, чтобы научить людей как можно лучше и полнее знать и понимать историю народов Ближнего Востока, отношения между исламскими странами и Западом, систему верований трех религий Авраама. Мы должны научиться понимать, где правда, а где просто пропаганда или мифы. Для этого нам придется рассмотреть множество дискуссионных, спорных вопросов, используя огромное количество источников, ни один из которых не может претендовать на полное знание предмета.

Чтобы достигнуть всеобщего согласия по всем этим вопросам, нам надо отказаться от ряда глубоко укоренившихся представлений и предрассудков. Вообще-то, это вряд ли возможно, и тем не менее даже самые жаростные дискуссии, пусть даже не дающие окончательного результата, все равно помогут найти общие точки соприкосновения. Они позволят сторонам понять, в чем слабость тех или иных их аргументов, более четко обозначить те проблемы, которые действительно все еще нас разделяют. Сам по себе диалог не гарантирует мира, и все же он лучше, чем нынешний статус-кво, при котором его участники заняты лишь одним — сохранением слепой приверженности давно уже устаревшим догмам и преследованием тех, кто предлагает отказаться от вековых предрассудков.

Было бы наивно возлагать слишком большие надежды на проекты, озаглавленные «Почему мы не можем жить дружно?». Обычно в таких проектах участвуют лишь те, кого ни в чем не надо убеждать, а люди крайне религиозные, нетерпимые к чужому мнению, их избегают. В результате мы получим нечто вроде интеллектуальной сладкой ваты: приятная на вкус и красиво смотрится, но не еда. И тем не менее, поскольку сегодня многие проблемы крайне обострились, приложение любых, какие только возможны, усилий на всех уровнях будет весьма полезным. Вряд ли мы сможем повлиять на мировоззрение экстремистов, но, быть может, нам удастся активизировать, сплотить и придать уверенность тем, кто придерживается умеренных взглядов.

В то же время меня радует то обстоятельство, что в последнее время активные поиски точек соприкосновения и взаимопонимания между различными культурами и религиями ведутся в университетах и научных центрах. Повсюду христиане, мусульмане, иудеи, люди других вероисповеданий общаются между собой, обсуждают волнующие их проблемы, подписывают декларации и обращения, вырабатывают стратегии совместных действий. Как и следовало ожидать, во главе этого движения стоит созданная Биллом Клинтонем организация «Глобальная инициатива», сотрудники которой обобщают рекомендации по практическим мерам в четырех основных сферах, включая религиозную.

Созданная при ООН Группа высокого уровня «Альянс цивилизаций» (Alliance of Civilizations High Level Group), спонсором которой выступают Турция и Испания, старается содействовать распространению терпимости, опираясь при этом на лучшие достижения человеческого ума. Организация под названием «Миден», что в переводе с арабского означает «городская площадь», использует в образовательных и воспитательных целях общение в режиме онлайн. Например, могут поступить вопросы от родителей девочки, живущей в Саудовской Аравии, от пакистанского студента, лавочника-суннита из Ирака или иранского педагога. Что мы хотели бы, чтобы они знали о нас?

Другие больше полагаются на силу верования. Так, Фейсал Абдул-Рауф, весьма плодовитый автор и одновременно имам мечети Нью-Йорка, возглавляет межэтнический и межрелигиозный проект «Кордовские инициативы» (Cordoba Initiatives), цель которого — способствовать улучшению взаимоотношений между мусульманами и Соединенными Штатами. Проект назван в честь испанского города Кордова, где в Средние века прекрасно уживались и процветали мусульманская, иудейская и христианская общины. Йельский университет совместно с Национальной ассоциацией евангелистов и правительством Марокко осуществляет программу «Христианско-мусульманский диалог». Доктор Эбу Пейтл работает в Чикаго над межрелигиозным молодежным проектом (Interfaith Youth Core), цель которого — объединить усилия молодежи различных вероисповеданий и национальностей для достижения социальной справедливости. Организация «Семена мира» (Seeds of Peace) продолжает предоставлять молодым арабам и израильтянам возможность лучше узнавать друг друга в спокойной, мирной обстановке, которой им так не хватает на их родине.

Порождаемая всеми этими проектами надежда заставляет вспомнить об истории, которая легла в основу созданной в XVIII в. в Германии драмы под названием «Натан Мудрый» (Nathan the Just), в которой рассказывается об удивительном волшебном кольце. Тот, кто им владеет, пользуется как исключительным уважением своих современников, так и благорасположением самого Господа Бога. Из поколения в поколение кольцо передается наиболее достойному сыну. (Поскольку события происходят в XVIII в., дочери не фигурируют в этом произведении.)

Чудотворная сила действовала до тех пор, пока в одном из поколений не родились сразу три достойных сына. Пытаясь решить внезапно возникшую проблему, их отец заказал дубликаты кольца, которые оказались такими совершенными, что никто не мог отличить подлинное кольцо от подделки. Перед смертью он дал каждому из сыновей по кольцу, завещав им вести себя так, как будто у каждого был оригинал.

Однако очень скоро сыновья поссорились, начав выяснять, чье кольцо подлинное. Обратились к судье и с его помощью пришли к мудрому решению: единственно правильным будет то, чтобы каждый сын поверил в подлинность своего кольца и вел себя в жизни в полном соответствии с теми моральными требованиями, которые предъявляются к его обладателю. В то же время все они должны понимать и допускать возможность существования самых различных нравственных критериев и оценок, не утверждая, что только им одним известна истина.

Вот теперь самое время назвать седьмое и последнее из перечисленных мною условий. Как правило, «Аль-Каида» выступает с ширококвещательными заявлениями, совершенно не основанными на фактах. В чем нельзя обвинить ее лидеров, так это в том, что эти заявления носят тривиальный, лишенный оригинальности характер. Первостепенное внимание они уделяют тем проблемам истории, идентичности и веры, которые в основе имеют трансцендентальную сущность, то есть недоступны познанию и лежат за пределами человеческого опыта. Чтобы быть услышанными, мы тоже должны рассматривать стоящие перед нами проблемы во всей их сложности и глубине. Очень многие принципы, этические нормы и сама суть верования, лежащая в основе всех трех монотеистических религий, по крайней мере частично, а то и полностью совпадают. Все они призывают к справедливости и состраданию, указывают путь к всеобщему согласию и миру. Для достижения собственных и в то же время общих целей руководители разных стран должны смело и без колебаний опираться на ценности и традиции, которые вполне обоснованно можно было бы назвать иудейско-христианско-мусульманскими.

К таким целям относятся наступление на глобальную бедность, как это предусматривают ооновская программа «Цели развития тысячелетия» (UN's Millennium Development Goals)* или направленная на достижение мира политика, основанная на

* Названная автором программа, конечно, имела отношение к борьбе с бедностью, но лишь опосредованное. Кроме нее на Саммите тысячелетия в сентябре 2000 г. была принята также другая программа под названием «Цели в области борьбы с нищетой, болезнями и охраной окружающей среды». См. Основные факты об

принципе «мир для храбрых», которого так жаждал для Ближнего Востока Ицхак Рабин; или осуществление мечты короля Иордании Абдуллы о том, чтобы 1,2 миллиарда мусульман всего мира стали бы «полноправными партнерами в деле развития человеческой цивилизации и внесли свой вклад в гуманизацию общества в XXI веке»¹⁴.

В одной из басен Эзопа рассказывается о безуспешных попытках льва поймать буйвола. Каждый раз его преследует неудача, поскольку мирные животные становятся в круг, выставляя навстречу хищнику свои рога. Но однажды буйволы поссорились, разошлись по разным пастбищам, и со временем каждый из них стал жертвой царя зверей. Нам следует помнить, что и в наш век хватает прожорливых хищников.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Center for Strategic Studies, University of Jordan, "Revisiting the Arab Street: Research from Within," February, 2005, 46. (Study.)

² Pat Robertson home-page online, www.PatRobertson.com/speeches.

³ Pew Forum on Religion and Public Life, Pew Research Center for the People and the Press, July 2005.

⁴ "An Arab-American Relationship for the Twenty-First Century," Report of the Middle East Institute in Washington, D.C.; and the Al Ahram Center for Political and Strategic Studies in Cairo, with the Support and Participation of the Ford Foundation, March 2005.

⁵ Pew Global Attitudes Project, "Unfavorable Image of U.S. Is Largely Unchanged," Pew Research Center for the People and the Press, Washington, D.C., June 2005.

⁶ President George W. Bush, U.S. Department of State, September 9, 2005.

⁷ Craig R. Charney and Nicole Yakatan, "A New Beginning: Strategies for a More Fruitful Dialogue with the Muslim World," Council on Foreign Relations, May 2005.

⁸ Jessica Stern, *Terror in the Name of God: Why Religious Militants Kill*, HarperCollins, New York, 2003, 49.

⁹ Sayd Mohammed al-Musawi, quoted in Mona Eltahawy, "After London, Tough Questions for Muslims," *Washington Post*, July 24, 2005.

¹⁰ Carl von Clausewitz, *On War*, 1832, cited in Wikipedia entry for "Fog of War."

¹¹ Telephone conversation between the author and Bill Clinton, August 17, 2005.

¹² Interview with Bill Clinton, Chappaqua, New York, September 27, 2005.

¹³ Quran 5:48.

¹⁴ Quran 2:251.

¹⁵ Message of King Abdullah, Amman, Jordan, November 9, 2004. Viewed at http://www.kingabdullah.jo/body.php?page_id=464&menu_jd=&lang_hmkal=1.

Глава 19

Обращаясь к лучшим сторонам человеческой природы

Я всегда с недоверием относилась к тем, кто уверял меня, что обладает истиной и знает ответы на все важнейшие вопросы. Сама по себе уверенность — не такое уж и ценное качество. Все зависит от того, действительно ли правда то, в чем вы так уверены. Религия особенно часто отвергает любые попытки и просьбы предъявить доказательства. Поэтому мне показался весьма занимательным случай, когда группа христиан попыталась экспериментальным путем доказать, что молитва помогает человеку. Составив список больных людей, они затем разделили его на две колонки, после чего начали молиться за тех, кто был в первой, оставив без внимания тех, кто оказался во второй. Результаты выглядели неубедительными. Спрашивается, почему? То ли Господь Бог не стал их слушать, то ли подлинны христиане нарушили чистоту эксперимента и молились за здоровье людей из обеих групп? Как заметил хроникер *Narnia* К.С. Льюис, «христиане всегда надеялись, что новые открытия превратят наконец веру в разновидность знания, а их оппоненты, напротив, были уверены в том, что со временем будет научно доказано, что религия — совокупность явных нелепостей. Ни то ни другое так и не произошло»¹.

В последнее время я все чаще вспоминаю эпитафию, начертанную на могиле одного хорошего католика, приятеля моего друга: «Я покидаю этот мир таким же, каким пришел в него: озадаченным». В зрелые годы я не стала более верующей, чем была в молодости. Конечно, я вовсе не атеистка, но все же не полностью отвечаю всем тем требованиям, которые предъявляет вера к человеку, ибо у меня всегда оставались и остаются сомнения. Я уважаю другие религии точно так же, как и собственную, поскольку считаю, что все они помогают понять мир, только каждая под своим собственным углом зрения. Как писал протестантский теолог Пауль Тиллих, «сомнение не есть нечто противоположное вере, оно — один из ее элементов»². Мне импонирует такое определение.

Коль скоро я допускаю существование неопределенности и признаю, что ни в чем невозможно быть полностью уверенной, мне трудно так уж категорически утверждать, будто взгляды фундаменталистов совершенно неверны. В то же время я абсолютно убеждена, что если они и правы, то не во всем. Протестанты считают Священное Писание в высшей степени достоверным источником знаний. Фундаменталисты идут дальше, утверждая, что каждое слово в Библии — правда и ничего кроме правды.

Верить в то, что Библия или любая другая священная книга обладают такими сверхъестественными достоинствами, — это значит быть слишком высокого мнения о тех, кто написал их со слов Создателя. Вряд ли они могли полностью избежать влияния своей эпохи и того окружения, в котором создавались эти книги. Трудно поверить, что на их содержание не оказали воздействия чисто субъективные факторы.

В религиозных текстах много политики. Я думаю, что именно поэтому основные религии имеют такое большое влияние на современное общество. Вместе с тем меня ужасно раздражают те люди, которые, вырвав из Священного Писания несколько цитат, пытаются с их помощью доказать, что женщина не может быть священнослужителем или что гомосексуализм неугоден Богу, как будто не сам Творец создал «голубых».

Такое Священное писание, как книга Левит*, быть может, и дает прекрасное представление о нравах и обычаях древнего Израиля. Однако вряд ли можно считать безупречными и никогда не устаревающими содержащиеся в ней утверждения о необходимости рабства, о праве родителей продавать свою дочь, о запрете стричь бороду и носить одежду, сотканную из двух различных видов нити, и т. д. Что же касается Иисуса, то его-то уж никак нельзя считать фундаменталистом. Недаром его так осуждали фарисеи за то, что он работал в Шаббат, день отдохновения, делил трапезу со сборщиком налогов и приходил на помощь людям, обвиняемым в прелюбодеянии. Иисус нарушил табу той эпохи, заговорив у колодца с женщиной, а также тем, что серьезно относился к

* Книга Левит — Третья книга Ветхого Завета. — *Прим. пер.*

детям. Наконец, он категорически отвергал доктрину «око за око».

Если у Бога есть план, он будет выполнен. И это небесная сфера полномочий, а не наша. Если же вы верите, что Создатель даровал нам и жизнь, и свободу воли, то перед вами возникает вопрос: как распорядиться этими дарами. Вам брошен вызов, который носит как сугубо практический (вы должны предпринять какие-то действия), так и чисто нравственный характер (любые ваши поступки будут иметь моральный аспект). Именно об этом — данная книга.

Порождаемые религией надежды и страхи не имеют временных ограничений, в то время как срок пребывания на посту президента не так уж и продолжителен. В основу политики правительства США должны быть положены цели, которые могут быть достигнуты в течение ограниченного времени нашего пребывания на Земле. Что же касается грядущих тысячелетий, то их проблемами займутся другие поколения. Однако наше понимание того, чего мы можем достигнуть за сравнительно короткий период нашего земного существования, в какой-то степени зависит и от того, что мы вкладываем в понятие «Бог». Ведь у каждого человека оно свое.

Во время моих поездок по странам мира меня часто спрашивали, почему нельзя проводить ту или иную политику, не вмешивая в это религию. Я всегда отвечала, что это, во-первых, невозможно, а во-вторых, просто не нужно. Религия в огромной степени влияет на поведение людей, на их мотивацию, формируя представление о том, что справедливо и что нет. И с этим нельзя не считаться. Кроме того, вряд ли можно ожидать, что наши руководители будут принимать решения, абстрагируясь от собственных религиозных убеждений. В конце концов, способность человека делить свое мышление на отсеки или ячейки, отделяя одну категорию представлений от другой, ограничена. В любом случае, почему верующие руководители той или иной страны должны совершать действия или делать заявления так, как если бы они вовсе не верили в Бога? Нам необходимо научиться жить с тем, во что мы верим, и пусть наше несходство этому не мешает.

Очень важно не преувеличивать значение различий между нами. Человеческая природа толкает нас на то, чтобы сколачиваться в группы по социальному и другим признакам. Чаще всего это происходит как бы само собой, и наша роль в самоопределении весьма пассивна. Принадлежность человека к той или иной группе зависит в первую очередь от его культурного наследия, от того, где он родился и как был воспитан. По происхождению я еврейка, но воспитана была как католичка. Если бы меня в детстве водили в синагогу, а не в храм, я в своей взрослой жизни принадлежала бы к совершенно иной социальной группе. С другой стороны, я родилась за океаном, и, если бы не холодная война, моим родителям не нужно было бы иммигрировать в Соединенные Штаты. В этом случае я никогда не стала бы американкой.

Человек не выбирает, у каких родителей и в какой стране ему родиться. Уже одно это ограничивает возможность выбора группы, с которой мы будем себя идентифицировать. Конечно, некоторые из нас впоследствии оказываются способными взвесить достоинства различных религий и в результате духовного озарения или решения, принятого на основе интеллектуального и эмоционального раздумья, отказаться от одной религии и принять иную. У других людей могут появиться причины сменить гражданскую принадлежность, заявив о своей лояльности не той стране, где они родились, а другой. Однако чаще всего мы остаемся в рамках тех групповых категорий, куда нас определил сам факт нашего рождения. Или, как это было в моем случае, в рамках категорий, в которых мы оказались вследствие неподконтрольных нам событий. Тут уж не приходится говорить, что это наш личный успех, достигнутый благодаря собственным усилиям.

Из всего этого вытекает логичный вывод о том, что наши различия не так уж и важны. Люди самых разных национальностей и вероисповеданий должны жить в гармонии. Однако на протяжении всего существования человечества пропасть между тем, что должно быть, и тем, что есть на самом деле, всегда была огромна. В свое время Рейнхольд Нибур предупреждал нас, что присущую нациям и группам жестокость невозможно

укротить, как бы мы ни старались^{*}. «Социальные конфликты, — писал он, — неизбежны, и, наверное, так будет всегда»³. По его мнению, порядочные и умные будут пытаться предотвратить катастрофу, но возможности таких людей ограничены. Их соперник — страхи и амбиции, толкающие группы на конфронтацию, — скорее всего, окажется сильнее. Заметим, что Нибур пришел к подобным выводам еще до начала Второй мировой войны. Эти слова не были реакцией на разразившуюся катастрофу; он предвидел ее.

Если Р. Нибур прав, то стремление к миру — это движение к недостижимой цели. И все-таки я не могу согласиться с тем, что, коль скоро в характере человека изначально заложены пороки, мы не в состоянии улучшить условия его существования. Руководители, принимающие ответственные решения, обязаны искать пути к смягчению социальных конфликтов, о которых говорил Р. Нибур. И двигать ими должно не стремление к утопии, а желание предотвратить потенциально возможные взрывы, которые бы еще больше ухудшили наше положение. Несмотря на все присущие человечеству недостатки, оно способно построить лучшее будущее. Мы хорошо знаем, что разумные руководители способны предотвратить войны, возродить разрушенное общество, распространить свободу и помочь бедным.

В каждой религии содержатся идеи, способные объединять, а не разделять людей различного вероисповедания. В самом начале книги я говорила о том, что хотела бы обозначить стимулы, способные побудить граждан оказать поддержку такой политике, в основе которой лежали бы именно эти объединяющие идеи. Я вовсе не призываю к созданию «духовного плавильного котла», в котором идеи различных религий превращались бы в сентиментальный вздор. Я заинтересована лишь в поисках методов решения совершенно конкретных проблем, неизбежно возникающих в сегодняшней политической жизни. Современная технология сделала насилие еще более явным, границы — прозрачными, оружие — несравненно более опасным, а конфликты — дорогостоящими. В попытке реализовать наши мечты ученые изобрели такое, от чего самые страшные кошмары могут стать реальностью. Задача руководителей состоит в том, чтобы способствовать созданию такой международной обстановки, в которой мы могли бы существовать в условиях максимально возможной безопасности, свободы и справедливости. А для этого требуются сотрудничество и обмен информацией.

Президент Буш заслуживает всяческих похвал за то, что еще раз подтвердил: Америка — на переднем крае борьбы за продвижение демократии. Надо отдать ему должное и за то, что он обозначил политическую свободу как потенциальный фактор, способный служить делу объединения мира. Однако, совершив немало ошибок и недочетов, Буш сам же и подорвал свои возможности возглавить движение к единству. Сегодня многие страны уже не так охотно выступают на стороне Америки, как это было в совсем еще недавнем прошлом. Во время своего первого срока пребывания на посту президента Буш нередко демонстрировал узость взглядов, невнимательность к другим мнениям и склонность учитывать лишь одну сторону предмета или явления.

Желательно, чтобы во время второго срока эти недостатки были преодолены. Нам надо укрепить отношения с союзниками, серьезно заниматься каждым регионом мира. Если мы хотим, чтобы другие страны сотрудничали с нами в борьбе с угрожающими всем нам опасностями, мы обязаны помогать им преодолевать их собственные трудности. О нас снова должны говорить как о стране, руководители которой умеют слушать, признавать ошибки и напряженно трудиться ради решения глобальных проблем.

Как я уже говорила в главе 7, помочь этому может объединение деятелей самого различного политического спектра, которые бы подталкивали правительство, понуждая его возглавить борьбу за права человека и решать гуманитарные вопросы. Такое объединение очень помогло бы восстановить репутацию Америки в глазах мировой общественности и стало бы дополнительным оправданием наших позиций в вопросах обеспечения безопасности и борьбы с террором.

^{*} Рейнхольд Нибур (1892-1971) — американский протестантский теолог. Выступал с критикой либерального протестантизма, считая иллюзорным его социальный оптимизм и веру в прогресс. — *Прим. пер.*

Еще более важным представляется вопрос о том, какой должна быть роль Америки в решении международных проблем. Согласны ли мы с тем, что на Соединенные Штаты распространяются те же правила, что и на все остальные государства, или уверены в том, что нам никакие правила не указ и мы можем действовать так, как нам заблагорассудится? Считаем ли мы себя обязанными «укреплять международные институты и международное право или для нас законы не писаны?»⁴ Наконец, в чем наша истинная роль: в том, чтобы вести за собой остальной мир или навязывать ему свою волю?

Однажды писатель-неоконсерватор Уильям Кристол задал следующий вопрос: «Что дурного в том, чтобы доминировать в мире, если при этом руководствоваться здоровыми принципами и высокими идеями?»⁵ Именно этот вопрос задавала себе Америка в прошлом веке, когда завоевывала Филиппины. Тогда на него ответил президент Маккинли, утверждавший, что сами небеса дали ему мандат на то, чтобы навязать нашу волю народу этого островного государства. Не знаю, верным или нет был такой ответ в те времена, но в наши дни так утверждать уже нельзя. Политика доминирования никак не сочетается с репутацией и престижем Соединенных Штатов. Делать такого рода заявления сегодня — значит наносить вред интересам Америки.

Как мы видим на примере Ирака, политика, в основе которой лежат те самые «здоровые принципы и высокие идеи», ведет к колоссальному истощению ресурсов страны, подрыву ее военной мощи и падению престижа. Пусть это послужит нам уроком. Причина исключительного положения, в течение длительного времени занимаемого в мире Соединенными Штатами, заключается прежде всего в мудрости и сдержанности, с которыми мы чаще всего использовали нашу силу, причем не только военную мощь, но и все ценные качества нашей страны, способные укреплять безопасность и беречь ее доброе имя.

Хотелось бы посоветовать нашим лидерам вспомнить, как руководил страной в период после Гражданской войны Авраам Линкольн. Без малейших колебаний президент бросился в бой за правое дело, но при этом не претендовал на то, что он один знает истину. Выполняя Божью волю, Линкольн никогда не говорил, что лишь он познал ее полностью и до конца. Ему предложили молиться за то, чтобы Бог встал на сторону северян. Он отверг это предложение и вместо этого молился за то, чтобы северяне встали на сторону Бога, выполняя его волю.

Линкольну выпал жребий руководить страной, которую разделила кровавая Гражданская война. Сегодня Соединенным Штатам приходится осуществлять лидерство в разделенном враждой мире. Чтобы добиться успеха, нам надо сочетать в нашей внешней политике реализм с идеализмом. При этом мораль должна стать одним из ее определяющих факторов, и пусть этому не помешают неумолкающие споры о том, что именно считать нравственным, а что нет. Нам следует собрать все силы, чтобы лучше понять наш сегодняшний мир, в котором преданность религии может играть как позитивную роль, так и выступать в качестве разрушительной силы. Со всей решимостью и уверенностью в своих силах необходимо вести борьбу с «Аль-Каидой» и теми, кто ее поддерживает. Весь мир должен знать не только то, против чего выступает Америка, но и то, за что она готова бороться.

Полвека назад в статье о холодной войне мой отец писал: «Неважно, кто мы — американские индивидуалисты или британские лейбористы, консерваторы или прогрессисты, социал-демократы или демократические социалисты, белые, желтые или черные. Все мы должны признать ту непреложную истину, что главное в этом мире — это человеческое достоинство и уважение к отдельной личности». Я полностью разделяю такую точку зрения.

Уважение к правам человека и забота о благополучии каждого индивида — это та сфера, в которой легче всего сочетать религиозные верования с приверженностью к политической свободе. Основанная на данном принципе философия обладает большими потенциальными возможностями сблизить людей, придерживающихся, казалось бы, совершенно противоположных взглядов, поскольку она никого не исключает из числа своих приверженцев и в то же время требует, чтобы каждый не только принимал во

внимание идеи и потребности других людей, но и считался с ними*.

Встает вопрос: можно ли надеяться, что нам удастся объединить людей на основе такого типично западного принципа, как уважение прав личности? Ответ очень прост: он, этот принцип, хорошо известен и уважаем не только в культуре западных стран. Так, индуизм требует, чтобы «никто не совершал по отношению к другому человеку того, что ему самому представляется отвратительным». Тора учит: «люби соседа своего, как самого себя». Заратустра предлагает: «все то хорошее, что желаешь себе, пожелай и другим». Будда советует своим последователям относиться к другим людям точно так же, как они относятся к самим себе. Стоики Древней Греции утверждали, что «все люди равны в царстве свободы». Христианское Евангелие требует: «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». А Коран предупреждает, что настоящий верующий — это тот, кто любит брата своего, как самого себя. И наконец, первый известный в мире юридический кодекс объявляет, что его задача состоит прежде всего в том, чтобы «гарантировать справедливость для каждого и не позволить сильному угнетать слабого». Вы, наверное, подумали, что это цитата из свода законов, которые мировое сообщество должно подарить народу Ирака. Вовсе нет. Это судебник царя Хаммурапи — жившего в XVIII в. до н. э. правителя Древнего Вавилона, находившегося на месте нынешнего Ирака.

Отвечая на вопрос, что можно считать настоящей религией, Бенджамин Франклин сказал, что «самой приемлемой формой служения Богу являются добрые поступки в отношении других людей»⁶. Наверное, на этот счет могут быть и другие мнения, но мы по крайней мере можем предположить, что ведь для чего-то нам была дана совесть.

Как писал в одной из своих поэм Уильям Йетс⁷, если лучшие из людей лишатся убеждений, а худшие воспылают верой, все распадется, и мир погрузится в анархию.

Мы живем в такое время, когда худшие и в самом деле воспылали религиозным фанатизмом. Открытым остается вопрос: обладают ли остальные люди смелостью отстаивать свои убеждения и хватит ли им мудрости сделать правильный выбор? Мудрость рождается в процессе познания, которое, в свою очередь, является результатом обучения. Главная его задача — это поиски истины, но она может быть очень и очень разной.

Так, в математике и других точных науках знания накапливаются постепенно. Одна теорема вытекает из другой, за одним законом следует новый. Однажды поняв, что Земля круглая, мы уже никогда больше не будем считать ее плоской. Мы точно знаем, что квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов катетов. Проводя эксперименты и исследования, ученые постепенно наращивают объем человеческих знаний. В этом отношении мы мудрее, чем предыдущие поколения, поскольку лучше, чем они, знаем, как устроен мир.

Что же касается вопросов мировой политики и понимания других верований, то тут я вовсе не уверена, что сегодня человечество умнее, чем в прошлом.

XX век был самым кровавым в истории человечества. С приходом нового тысячелетия мы могли бы начать с чистого листа, но, к сожалению, этого сделать не удалось.

По своей природе я оптимист, но очень многое в нашей жизни меня беспокоит. За почти семьдесят лет, что живу на свете, я видела немало примеров альтруизма и самопожертвования и не раз изумлялась, глядя на то, что способен сделать один человек ради другого. Точно так же мне доводилось быть свидетелем невероятной жестокости одних людей в отношении других. Все это говорит о том, что человек — существо крайне противоречивое. Свобода — это не только дар, но еще и бремя. Она предоставляет нам возможность выбора, но одновременно и налагает на нас ответственность за выбранную альтернативу.

Я не ставила целью написать книгу со счастливым концом. Борьба в самом разгаре. Как

* Вопреки распространенному мнению, *уважение* к отдельной личности вовсе не означает отказ от уважения прав социальных групп. Напротив, индивид привносит свои индивидуальные права в ту группу, к которой он принадлежит. Из этого следует, что свобода от дискриминации на основе расы, пола или религии является неотъемлемым правом *как индивида, так и группы*.

напомнил нам Билл Клинтон, никто из нас не может претендовать на обладание истиной. Однако остается надежда, что наши собственные руководители и лидеры других стран мира вдохновят нас на то, чтобы найти в себе и окружающих все то, что есть хорошего в людях. И снова хочу вспомнить Линкольна, который в трудные послевоенные годы обратился «к лучшим сторонам человеческой природы». Он подразумевал под этим нашу способность проявлять такую заботу друг о друге, которая не может быть объяснена эгоизмом, логикой или наукой.

Вот почему так важен принцип, согласно которому каждый человек уникален и неповторим. Если мы согласимся с этим постулатом и будем действовать в соответствии с ним, он станет основой единения, и нас ничто не сможет разобщить. И тогда нам будут не страшны никакие террористы, диктаторы, тираны или религиозные фанатики. Каждый народ внесет свой вклад в общее дело, и мы сможем не только наслаждаться свободой, но и защищать ее. Вот тогда-то и появится надежда, но не на то, что мы начнем созидать блистательный и единственный в своем роде город на холме, а на то, что мы наконец построим мир, в котором сила и право — ближайшие союзники, а достоинство и свобода дарованы всем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ C. S. Lewis, *The World's Last Night* (ch. 6), cited in Clyde Kilby, ed., *A Mind Awake: An Anthology of C. S. Lewis*, Harcourt, 1968, 226.

² Tillich's aphorism appears in numerous collections of quotations, including Brainyquote, Tentmaker Quotes, and Use Wisdom online.

³ Reinhold Niebuhr, *Moral Man and Immoral Society*, Scribner, 1932.

⁴ President George W. Bush, speech to Republican National Convention, New York, September 2, 2004.

⁵ William Kristol, cited in Jim Wallis, *God's Politics: Why the Right Gets It Wrong and the Left Doesn't Get It*, Harper San Francisco, 2005, 138.

⁶ Benjamin Franklin, *The Autobiography of Benjamin Franklin*, Washington Square, New York, 1975, 99.

⁷ William Butler Yeats, "The Second Coming." *Selected Poems and Two Plays of William Butler Yeats*, Collier Books, New York, 1962, 91.

Послесловие

В комнату вошел голландский фотограф с чучелом птицы в руках и торжественно объявил: «Это — птица мира». Наверное, он хотел сказать «голубь мира», подумала я. Однако, приглядевшись, решила, что мастер был прав: чучело лишь отдаленно напоминало голубя*.

Фотограф попросил меня подержать птицу, чтобы он мог сделать несколько снимков. Сам же начал перемещаться по комнате, пытаясь найти лучший ракурс. Это выглядело так смешно, что я с трудом сдерживала улыбку. Расстроенный фотограф воскликнул: «Мадам Олбрайт! Пожалуйста, оставайтесь серьезной. Ведь это — очень серьезный голубь».

В «Религии и мировой политике» тоже говорится о крайне серьезных вещах, но, как показал эпизод с голубем, который произошел со мной во время турне по Европе с целью представления европейского издания книги, даже самые нелепые ситуации могут иметь свои смешные стороны.

Вера в Бога так много для нас значит, что наши чувства в отношении Создателя иногда выражаются в странной форме. В связи с выходом в свет этой книги мне приходилось встречаться со многими людьми, которые на полном серьезе предупреждали меня о приближающемся «конце света». Одни вручали мне иллюстрированные брошюры с изображением кратчайшей дороги в рай. Другие призывали вообще отказаться от религии как таковой, переселиться в лес, чтобы жить среди бабочек, занимаясь поисками истины. А один автор из Калифорнии даже предложил совместно с ним написать мюзикл о тщетности попыток решать проблемы путем геноцида, в котором танцевальные номера исполнял бы персонаж в образе Евы Браун.

И все же из всех проблем, затронутых в моей книге, наибольшую реакцию вызывает проблема голода. Читатели самостоятельно пытаются найти ответы на поставленные вопросы, и больше всего их волнует вопрос о том, каким образом мы могли бы с помощью религии способствовать распространению в мире цивилизации. Все эти странности не вызвали во мне разочарования, поскольку я не лелеяла тщетных надежд, что моя книга послужит толчком к немедленному обретению истины. В последние годы напряженность в отношениях между различными религиями не только не ослабела, но, напротив, возросла, и это порождает ощущение того, что события выходят из-под контроля.

Согласно недавно проведенному авторитетному исследованию, «большинство мусульман и жителей западных стран убеждены в том, что отношения между ними в целом — плохие. На Западе многие считают мусульман фанатиками, склонными к насилию и нетерпимости. В свою очередь мусульмане Ближнего Востока и Азии убеждены, что жители западных стран эгоистичны, аморальны и жадны».

Как и следовало ожидать, наиболее наглядно все эти проблемы проявляются на Ближнем Востоке и в странах Персидского залива, где традиционные механизмы поддержания стабильности частично были утрачены. В прошлом мы верили в то, что мирный процесс при участии США в качестве честного посредника в конечном счете даст желаемые результаты. Пусть даже не так быстро, как нам бы этого хотелось. Мы были свидетелями того, как Египет и Иордания заключили мир с Израилем, как израильтяне и палестинцы начали выходить из состояния фактической войны и признавать законность интересов каждой из сторон. Даже Сирия была совсем близка к заключению соглашения, которое сорвалось из-за споров по поводу 150-метровой полосы земли. Соединенные Штаты рассчитывали сохранить прочные отношения с умеренными арабскими правительствами, выразившими готовность поддержать мирный процесс. Вашингтон предпринимал необходимые меры, чтобы сдерживать иракского диктатора Саддама Хусейна и в то же время не позволить иранской теократии реализовать свои региональные амбиции. Мы с надеждой наблюдали за тем, как осуществляются реформы в Турции,

* Непереводаемая игра слов. Оба термина—«pigeon» и «dove» означают «голубь». Но есть устойчивое словосочетание «dove of peace», которое означает «голубь мира». — *Прим. пер.*

которые должны были сделать ее кандидатуру приемлемой для вступления в ЕС. Нам внушал оптимизм тот факт, что, несмотря на все еще сохраняющиеся разногласия, постепенно устанавливались дружеские отношения между бизнесменами, учеными и журналистами, принадлежавшими к разным культурам. Мы надеялись, что в конечном счете прагматизм возьмет верх.

Такая структура безопасности, конечно, была далека от совершенства. К тому же она нуждалась в постоянном улучшении. Но главный ее недостаток заключался в том, что она оказалась неспособной предотвратить события 11 сентября. После трагедии в Нью-Йорке Буш пришел к выводу, что предпринимаемые на Ближнем Востоке меры по обеспечению безопасности не только не подрывают базу терроризма, но, напротив, создают благоприятную почву для его развития. Президент окончательно потерял терпение в отношении к палестинским лидерам. Его совершенно не удовлетворяло то, что Америка ограничивается одним лишь сдерживанием амбиций Хусейна. Наконец, давали о себе знать и его сомнения относительно законности правительств ряда арабских стран, которые пришли к власти, минуя демократические выборы. Со временем у Буша родилось ощущение того, что он слышит «раздающийся с неба голос», призывающий его начать все заново. В результате президент уничтожил пусть ненадежную, но все-таки как-то действовавшую структуру безопасности, не создав взамен ничего другого.

Прошло уже более пяти лет со дня событий 11 сентября. С тех пор было совершено множество других террористических актов, причем на этот раз их исполнителями выступали местные группировки экстремистов. Вдохновленные примером «Аль-Каиды», они спешили заявить о своем существовании, соревнуясь за право считаться достойными последователями бен Ладена. Эксперты предсказывают вероятность появления новых антиамериканских группировок. Все это напоминает мне отрывок «Ученик чародея» из диснеевского фильма «Фантазия», где герой не может справиться с вызванными им же, в отсутствие мастера, магическими силами.

В свое время Ницше говорил, что человеческая тупость чаще всего проявляется в том, что, начав что-то делать, мы нередко забываем, чего же именно хотели добиться. 11 сентября «Аль-Каида» уничтожила Центр международной торговли. В ответ мы ввели свои войска в Ирак. Это решение оказалось роковым: попав в капкан, мы, несмотря на неоднократные изменения в тактике нашего поведения, до сих пор не можем из него выбраться. Согласно разведывательным данным, «вторжение США в Ирак и начало оккупации этой страны дали дополнительный толчок к рождению нового поколения исламских экстремистов, в результате чего угроза терроризма еще более обострилась».

Война в Ираке сама по себе стала подлинной трагедией. Число погибших американцев превысило три тысячи. Число жертв со стороны Ирака растет еще быстрее. Буш как-то заявил своим сторонникам, что «когда будет написана окончательная история войны в Ираке», совершенное там насилие «покажется нам каким-то мелким штрихом». Боюсь, что на самом деле эта война окажется еще большей трагедией, чем война во Вьетнаме. Сейчас важно понять, что можно еще спасти.

В дополнение ко всем уже существующим проблемам летом 2006 г. в Ливане начался очередной раунд столкновений между Израилем и сторонниками «Хезболлы», во время которых погибло около двух тысяч человек. В результате авторитет движения «Хезболла» резко вырос, причем не только в странах с шиитским населением. Новые террористические акты и разгоревшаяся политическая борьба привели к фактическому возобновлению в Ливане гражданской войны.

Президент соседнего Ирана Махмуд Ахмадинежад не преминул воспользоваться создавшейся в регионе напряженностью, чтобы заявить о себе на мировой арене. Сделав ряд громких заявлений о праве Ирана использовать ядерную энергию в мирных целях, он в то же время поставил под сомнение право Израиля на существование. Критикуя Буша за его попытки дать моральное оправдание действиям США, иранский президент тем самым старается укрепить свою политическую базу в собственной стране. Сегодня Иран извлекает немалую выгоду не только от своих огромных запасов нефти, но и от новых отношений с Сирией, ставшей его союзником, а также от прихода к власти в Ираке

шиитов. Напомним, что такое случилось впервые за последние 800 лет. Все это ставит под угрозу будущее стран Персидского залива.

А тем временем в Европе обострились словесные баталии между мусульманами и последователями других вероисповеданий. Причиной таких обострений стали как новые террористические акты, так и разгоревшиеся споры относительно того, где границы дозволенного самовыражения. Положение ухудшилось еще больше после того, как Папа Римский Бенедикт XVI неосторожно подлил масло в огонь, неудачно процитировав антиисламское высказывание средневекового монаха. Отметим, что во всех других отношениях речь его была выдержана в безусловно корректном тоне.

Одновременно весь мир наблюдал за тем, как американский президент публично пытается оправдать существование секретных тюрем, а также использование методов допроса, запрещенных Женевскими конвенциями 1949 г.

Что же является общим для всех этих новых угроз? Общим, видимо, можно считать отсутствие эффективного руководства со стороны лидеров ведущих мировых держав. Сегодня ни в одной из них нет таких политических или духовных лидеров, которые бы пользовались всеобщим доверием и уважением среди граждан различной национальности, культурной и религиозной принадлежности. Только такие руководители способны возглавить процесс преодоления разделения гражданского общества, которое уже принимает опасный характер.

Разумеется, вина за такое положение падает не только на Вашингтон. После смерти Ицхака Рабина в Израиле не осталось ни одного лидера международного уровня. Все пришедшие после него руководители выглядели прилично лишь на фоне лидеров Палестины, которые, как правило, разве что не вызывали разочарование.

Что же касается мусульманского мира, то, как показывают опросы, большинство мусульман, даже те, которые проживают в Европе, отказываются признавать арабов виновными в совершении террористического акта 11 сентября. При таких настроениях перспективы начать межконфессиональный диалог выглядят не слишком обнадеживающими. Я могу еще понять, почему мало кто из арабских и мусульманских руководителей сегодня готов поддержать Соединенные Штаты. Что невозможно понять, так это то, почему они считают, будто именно Америка и сионисты виновны во всех их собственных бедах. Думаю, что арабы и мусульмане причинили сами себе больше вреда, чем это сделали западные страны.

И еще один вопрос хотелось бы задать арабским и исламским лидерам: какое общество они хотят для себя построить? Где те провидцы, которые были бы способны вернуть историческое величие арабского мира? Вернуть те времена, когда этот мир был центром мировой науки, образования и прогресса. Почему не проводится такая политика, которая позволила бы молодым арабам найти применение своим силам в собственной стране?

Недавно мне довелось побывать в Дубай и Катаре. Вот где я увидела плоды просвещенного подхода к современным проблемам! То же самое, хотя и в меньшей степени, можно сказать о ряде других небольших арабских стран. Там к власти приходят лидеры молодого поколения, которые, сохраняя верность традициям, не боятся интеграции в мировое сообщество. В Южной и Юго-Восточной Азии мусульманские законодатели создали собственную модель общественного устройства. Она позволяет, не отказываясь от традиционного благочестия, в то же время успешно встраивать экономику собственной страны в глобальную экономическую систему. Наше будущее в определенной степени зависит от того, смогут ли лидеры влиятельных стран, и прежде всего Египта и Саудовской Аравии, сделать то же самое для своих государств.

Поступают и хорошие новости. Так, недавние опросы показали, что в ряде ведущих арабских стран, включая Саудовскую Аравию и Иорданию, заметно снизился уровень симпатий к бен Ладену и террористам-самоубийцам. Одна из очевидных причин этого явления — террористические акты, имевшие место в обеих странах.

Радует и то, что большинство мусульман считают демонстрируемый «Аль-Каидой» нигилизм свидетельством морального разложения и упадка. Так, в Багдаде были убиты

торговцы *фалафелом** только за то, что они продавали блюда, которые не существовали в VII веке, когда читал свои проповеди пророк Мухаммед. Ни одно мусульманское политическое движение, если только его возглавляют здравомыслящие лидеры, не станет призывать к убийству братьев-мусульман, поскольку в этом случае оно обречено на провал.

В этой связи удивительно видеть, как в пропагандистском плане мусульманские экстремисты явно переигрывают официальный Вашингтон. За шесть месяцев до своей отставки Дональд Рамсфельд представил меморандум, в котором сделал поистине шокирующее признание. США оказались «не способными эффективно реагировать на пропагандистские выпады террористов, — заявил тогдашний министр обороны. — Каждый раз, когда американское правительство пытается конкурировать в информационной сфере, оно сталкивается с тем, что в самих США нет консенсуса или хотя бы просто понимания того, какие методы пропаганды средства массовой информации и конгресс могут использовать, а какие нет». Другими словами, мы терпим поражение в битве за общественное мнение, потому что занимаемся не столько самой пропагандой, сколько спорами о том, какими способами ее позволительно вести.

Тому есть две причины. Первая заключается в том, что целый ряд решений американского правительства, связанных с Ираком, Гуантанамо и тюрьмой «Абу Граиб», имели самые неприятные для Америки последствия. Вторая — в том, что мы сами так и не разобрались, с кем же, в конце концов, ведем борьбу.

Поразительно, но за те пять лет, которые прошли после событий 11 сентября, мы так и не договорились между собой по данному вопросу. А он вовсе не второстепенный, как может показаться некоторым. Неточные определения могут стать причиной неадекватной политики, а оскорбительные выражения нередко отчуждают тех, в чьей помощи мы больше всего нуждаемся. Обычно западные политики и комментаторы из всего набора эпитетов выбирают один или несколько ярлыков, такие, например, как «джихад», «приверженцы политического ислама», «Бен Ладен», «исламофашисты» или даже «исламоленинисты». Все эти термины только вводят нас в опасное заблуждение.

Наших врагов следует называть «"Аль-Каида" и ее союзники». Именно такую терминологию я использую в своей книге. Быть может, политически это не совсем верно, но зато точно обозначает тех, с кем нам следует вести борьбу. Наш противник — не ислам и не те мусульмане, которые не согласны с нашей политикой на Ближнем Востоке. Нам противостоят не бородатые мужчины, не женщины в парандже и не джихад, тем более что сам термин «джихад» имеет в исламе несколько значений. Наш враг — это те, кто хотят нас уничтожить. Чем более широкое мы дадим толкование того, кого считаем своим противником, тем больше наживем себе врагов.

Нельзя победить «Аль-Каиду» без помощи большинства мусульманского населения. Поэтому следует понять, что каждый мусульманин в некотором смысле этого слова — «джихадист», поскольку, как любой человек, который хочет соблюдать определенные нравственные нормы, он вынужден постоянно преодолевать самого себя, вести джихад с самим собой, чтобы не позволить злым намерениям взять верх, не дать им одолеть доброе начало.

Террористы утверждают, что ведут джихад во имя Аллаха, но точно так же и члены «Ку-клукс-клана» жгут кресты во имя христианства. Мы же не признаем тех, кто носит покаянные одежды, за образцовых христиан. Точно так же не следует отдавать основные принципы ислама на откуп террористам.

Даже такой блестящий обозреватель газеты *New York Times*, как Томас Фридман, и тот идентифицирует бен Ладена с «политическим исламом». Однако что же мы хотим сказать, выражая свое отвращение к «политическому исламу»? Неужели то, что мусульмане не должны иметь политических убеждений? Или то, что хороший мусульманин — это тот, у которого вообще нет собственных политических взглядов? Нет, надо признать, что они есть у всех: у мусульман, христиан, евреев. Что каждый человек, независимо от

* *Фалафел* — национальная арабская еда, приготовленная из бобовых. — *Прим. пер.*

принадлежности к той или иной конфессии, имеет собственные политические взгляды, и это вовсе не является преступлением. Совершать насилие и творить беззаконие — вот преступление. Победу над «Аль-Ка-идой» одержит тот политический ислам, который будет стремиться к экономическому процветанию, бороться за права человека, за мирные отношения между всеми людьми нашей планеты.

После того как вышла эта книга, мои друзья часто приглашали меня выступить на различных семинарах, на церковных мероприятиях, проводимых христианскими храмами, синагогами и мечетями. Я участвовала в пасхальных праздниках, во вселенских службах в пользу бедных. Мне была оказана честь присутствовать при введении Катарины Джефферт-Шори в должность епископа. Она — первая женщина, удостоенная такого высокого церковного чина! Мне приходилось принимать участие в круглых столах по проблемам религии вместе со специалистами, гораздо лучше меня разбирающимися в этих вопросах.

На одном таком мероприятии в Вирджинии пастор пресвитерианской церкви Дэвид Коффин мягко упрекнул меня за то, что в своей книге я будто утверждаю, что религиозные сомнения являются хорошей чертой характера, а также называю грехом абсолютную уверенность в том, что религия всегда и во всем права. Думаю, это слишком серьезные обвинения, чтобы оставить их без ответа.

Я вовсе не хотела критиковать тех, кто непоколебимо убежден в непогрешимости и истинности своей религии, будь то благовествование о Христе, учение Корана о Магомете как о пророке Аллаха, вера израильтян в Ветхий Завет или положения каких-либо других религиозных источников. Как указывает преподобный Коффин, межконфессиональный диалог не может быть успешным, если его участники отчетливо не представляют себе основную сущность религиозных доктрин. Например, вряд ли разумно пытаться найти общий язык с мусульманами, ставя под сомнение истинность положений ислама.

Заповеди Корана предназначены для верующих, а не для сомневающихся. Точно также библейские каменные доски Моисея, скрижали, содержат заповеди, а не «десять предположений». Большинство религиозных деятелей согласны с тем, что хотя, как утверждал апостол Павел, мы не все можем различать отчетливо, это вовсе не означает, что мы вообще не способны ничего видеть. Сам апостол Павел, уж конечно, не был сомневающимся, и даже большинство атеистов согласятся со мной в том, что есть нечто такое, в истинности чего сомневаться не приходится. Какие могут быть сомнения в вопросах о том, как относиться к рабству, расизму или геноциду?

Меня в этом вопросе интересует исключительно практическая сторона дела. Если говорить о международных отношениях, то уверенность или, наоборот, сомнения в истинности теологических концепций имеют значение только тогда, когда это как-то влияет на политику и принимаемые решения. Возьмите, например, Вудро Вильсона. Для меня он всегда был героем, поскольку именно благодаря ему Чехословакия получила независимость. В то же время Вильсон свято верил в то, что все в жизни предопределено. После своего избрания он сказал друзьям: «Бог предписал, чтобы я стал президентом Соединенных Штатов». Он на самом деле полагал, что его проект создания Лиги Наций «написан рукою Бога», и отказывался принять предложения сената внести изменения в его текст. В ответ на просьбы жены согласиться на компромисс он ответил: «Девочка моя! Хотя бы ты не покидай меня... Уж лучше потерпеть поражение в бою, чем бесславно сдаться, пойдя на уступки». Непоколебимо убежденный в своей правоте, Вильсон стоял на своем до конца. Сенат отверг его план создания Лиги Наций, и мир от этого только проиграл.

Вообще, в общественной жизни как постоянные сомнения, так и чрезмерная уверенность вовсе не являются достоинством. Достоинством человека можно считать его способность, твердо веря в определенные принципы, в то же время уважать права, убеждения и сомнения других людей. Говорят, что при таком подходе взгляды людей превращаются в механическую смесь противоречивых воззрений. Однако нам известны и другие примеры. Ганди, Лютер Кинг и Мандела достигли так многого не только потому,

что они свято верили в правоту своего дела, но еще и потому, что мыслили широко и непредвзято. Они были экстремистами в своем стремлении к свободе и справедливости, но именно это заставляло их искать и находить общий язык с несогласными. Они стремились к такой победе, которая была бы победой для всех и каждого, а не победой одних за счет других. Вот именно таких лидеров и не хватает нам сегодня!

В настоящий момент администрация Буша определяется со своей политикой на последние оставшиеся месяцы его президентства. Мы же должны смотреть вперед, в будущее. Перед следующим президентом стоит важнейшая задача: заставить фортуна снова повернуться лицом к Америке. Для этого необходимо прежде всего вернуть уважение к американскому лидерству и доверие к тому курсу, который провозглашают Соединенные Штаты. Ранее я уже говорила, что наши собственные граждане, как и граждане других стран мира, жаждут услышать ответ на те дилеммы, которые нас всех терзают. Я и сама испытываю острое желание дождаться того часа, когда новые руководители вернут Америке звание защитника справедливости, законности и мира.

Вспомним типично американские фильмы, такие, например, как картина режиссера Фрэнка Капры («Мистер Смит едет в Вашингтон»), в которых играют Джимми Стюарт, Гэри Купер или Спенсер Трейси. В каждом из них наступает такой момент, когда главный действующий персонаж уже почти потерял надежду и зло вот-вот восторжествует. И тогда герой фильма, собрав последние силы, готовый пожертвовать собой, обращается к американскому народу с призывом: «Давайте вспомним, кто мы такие! Разоблачим происки недостойных, разбудим присущее нам чувство справедливости, начнем жить в соответствии с теми принципами, которые исторически всегда нами руководили и нас возвышали!» Некоторые скажут, что подобные сентиментальные сцены предназначены для манипулирования аудиторией. Пусть даже так, но мне они по душе. Другие станут утверждать, что гордые американцы никогда не соответствовали тому мифу, который они сами о себе создали. И это тоже верно. В основе образа нации всегда лежат только самые лучшие воспоминания и лишь отдельные, наиболее привлекательные страницы ее истории. И все же я не могу согласиться с утверждениями, что Америка именно такая, какой она была все эти последние годы. Я молюсь о том, чтобы мы вернулись к тому, от чего ушли, начав все сначала. Я также твердо верю, что очень скоро мы вернем уважение к нам всего мира и наше собственное уважение к самим себе.

Выражение признательности

Весной 2004 г. меня пригласили выступить с лекцией на факультете богословия Йельского университета. Инициатива исходила от Клайда Таггла, моего друга и выпускника этого учебного заведения. После того как я ушла с государственной службы, мне приходилось выступать перед самыми различными аудиториями, и обычно я в карман за словом не лезу, но в этот раз призадумалась: что может интересовать парящих в облаках священнослужителей и теологов? Существует правило, согласно которому начинать любое выступление надо с чего-нибудь попроще. И я решила рассказать историю, в которой фигурирует как сам Господь Бог, так и государственный секретарь.

«Умирает человек и отправляется на небеса, — торжественно начала я. — Увидев у Жемчужных ворот святого Петра, он говорит ему, что рад попасть на небо, потому что всегда хотел повстречать Генри Киссинджера. Петр отвечает, что Киссинджер еще жив и придет сюда несколько позднее. Разочарованный человек входит было в ворота, но вскоре, возбужденный, выбегает обратно: "Святой Петр! — восклицает он. — Генри Киссинджер *здесь!* Я только что видел его! Он ходит по кругу, заложив руки за спину, и что-то бормочет про Ближний Восток".

Святой Петр грустно качает головой: "Боюсь, ты ошибаешься. Это не Генри Киссинджер. Это сам Господь Бог. Правда, он действительно *думает*, что он Генри Киссинджер"».

Но это еще не все, что было связано с моим выступлением. Для рекламных целей в Йельском университете хотели заранее знать тему лекции. Вот тогда-то и родилось название «Религия и мировая политика». Заранее подготовленная, моя речь была тепло встречена аудиторией, но мне уже тогда стало ясно, что в ней я лишь слегка затронула крайне важную и сложную проблему.

Во время учебы в колледже я регулярно писала в студенческую газету, мечтая о карьере журналиста. Рождение темы «Религия и мировая политика» дало мне шанс попробовать свои силы. Начала я с того, что взяла интервью у двух деятелей, которые как никто другой могли свободно, со знанием дела говорить о проблемах взаимоотношения религии и внешней политики США. Это были бывшие президенты Соединенных Штатов Джимми Картер и Билл Клинтон. Хотя оба очень занятые люди, они нашли время поделиться со мной своими взглядами по указанной проблеме. Мне хочется особо поблагодарить Билла Клинтона, который оказал мне честь, согласившись написать предисловие к данной книге. Я также благодарна премьер-министру Тони Блэру, королю Саудовской Аравии Абдулле, королю Иордании Абдулле и бывшему президенту Чехии Вацлаву Гавелу за то, что они сочли возможным обсудить со мной проект создания этого произведения, обогатив его своим опытом и мыслями.

Еще в самом начале своей профессиональной карьеры я по достоинству оценила в общем-то достаточно избитую истину о том, что в каждом деле важен профессионализм и что дилетантство может быть просто опасным. Работая над книгой, я отдавала себе отчет в том, что затронутая мною тема в каком-то отношении просто неуловима. Кроме того, меня беспокоило то, что я могу неточно охарактеризовать суть той или иной религии, допустить исторические ошибки, ненароком оскорбить людей или просто опустить что-то очень важное. Другими словами, мне нужна была помощь, и с этой просьбой я обратилась к своим друзьям, старым и новым.

Первым, кто опытным глазом просмотрел рукопись, был Боб Сейпл, американский посол по особым поручениям, занимавшийся в госдепартаменте вопросами свободы религии. Я крайне благодарна ему за ту энергичную поддержку, которую он оказал моему проекту, а также за его многочисленные и весьма полезные замечания. Хотя мы с послом Сейплом не во всем согласны по затронутым мною проблемам, мы оба уверены в существовании тесной связи между вероисповеданием и внешней политикой, выражающейся в том, что знание религии и учет религиозных факторов способствуют обеспечению международной безопасности.

Следующим был имам Фейсал Абдул, человек мудрый и к тому же способный взглянуть на мой труд глазами мусульманина. В ответ на мою просьбу о помощи он, отложив все свои дела, прочел всю рукопись от начала до конца и дал глубокие комментарии по каждой главе. При этом имам еще исправил мою пунктуацию и передал свое благословение мне и всем моим близким. И на все это ему потребовалось всего лишь четыре дня. Он, как и Сейпл, согласен со мной не во всем, и все же благодаря вкладу Фейсала эта книга оказалась гораздо лучше, чем она могла бы быть без его участия.

Как ни трудно мне было в это поверить, но директор Религиозного центра по реформированию иудаизма раввин Дэвид Саперстейн, также как и имам Фейсал, энергично и тщательно ознакомился с рукописью. При этом он оставил немало пометок на полях, причем как по принципиальным, так и по второстепенным вопросам. Каждая из них оказалась весьма полезной, хотя не все поддавались расшифровке. Зато свое окончательное заключение, содержащее крайне ценные замечания и предложения, Дэвид передал мне в машинописном виде. Я считаю себя в неоплатном долгу перед ним.

За те 18 месяцев, что шла работа над книгой, я научилась находить и привлекать к сотрудничеству лучших специалистов по каждому вопросу, безжалостно используя их знания и ум. Среди тех, кто охотно (или по крайней мере вежливо) согласился мне помочь, были: мой бывший начальник по Совету национальной безопасности Збигнев Бжезинский; ее преподобие Сузан Тистлуэйт из Чикагской теологической семинарии; научный сотрудник Принстонского университета Элейн Пейджелс; сенатор от штата Канзас Сэм Браунбек; президент Аспенского института гуманитарных исследований Уолтер Исааксон; Фарид Закариа; председатель Национального фонда за демократию (*National Endowment for Democracy*) Вин Уэбер; бывший президент Национальной ассоциации евангелистов преподобный Дональд Ар-гью; отец Александр Карлуцос из Греческой православной архиепископии Америки; руководитель Конвента южных баптистов Ричард Лэнд; заместитель министра иностранных дел Израиля и министр по связям с диаспорой раввин Михаэль Мельхиор; главный муфтий Боснии, доктор Мустафа Церич; президент Центра за прогресс Америки Джон Подеста и президент Международного центра религии и дипломатии Дуглас Джонстон.

Поскольку работа над книгой оставалась не единственным моим занятием, мне был совершенно необходим хороший помощник. Проходя мимо кабинета Билла Вудварда, я наблюдала, как с каждым годом росла гора книг на его письменном столе. На самой ее вершине возвышались такие имена, как Армстронг, Новак, Нибур, Эспозито, Бенджамин, Вейгель, Уоллис, Рестон, Маккей, Росс и Кинг Джеймс. Между ними нашлось место и для трудов сотрудников различных «мозговых центров», вырезок из периодики, писем от одной женщины из Нью-Джерси, объяснявшей, кто такой Сатана, а также брошюры «Попадете ли вы в рай?», которую прислал человек, когда-то работавший на моей ферме.

Билл, который в годы моего пребывания на посту государственного секретаря был моим спичрайтером и готовил все мои выступления, в процессе подготовки этой книги проделал огромный объем работы. Он не только помогал мне писать ее, но и постоянно подталкивал меня к более глубокому осмыслению сущности затронутых проблем, а также подсказал целый ряд весьма важных идей.

Неоценимую помощь оказала мне Элейн Шокас, бывший начальник отдела кадров государственного департамента, которая несколько раз просмотрела рукопись, сделав при этом ценные замечания и предложения. Элейн помогла мне определиться с тем, о чем же в конечном счете надо обязательно сказать. Еще важнее была ее подсказка относительно того, о чем ни в коем случае *не надо* говорить.

Во время работы над книгой «*Госпожа госсекретарь*» я приобрела свой первый, довольно скромный опыт сотрудничества с одной из разновидностей волшебников, известной в писательской среде как «профессиональный редактор». Мне очень повезло, так как над моей книгой работал один из лучших специалистов своего дела. Он же стал редактором и моей второй работы. Мало того что Ричард Коуэн и сам замечательно пишет, он еще и обладает удивительной способностью переставлять и переделывать фразы и даже целые главы, избавляться от многословия и находить нужный тон

повествования. В этом ему помогает и тот факт, что в молодости он несколько лет провел в монастыре бенедиктинцев, благодаря чему помог мне избежать как минимум одной непредумышленной ереси. Я рада, что могу считать Ричарда и его талантливую жену Кэти Роббинс своими хорошими друзьями.

Среди других, кто заслуживает благодарности за чтение и пронизательные замечания по рукописи, я хотела бы назвать моих брата и сестру — Джона Корбеля и Кэти Сильву; партнера консалтинговой компании Albright Group и моего советника в те годы, когда я занимала пост госсекретаря, Уэнди Шерман; бывшего заместителя государственного секретаря по общественной дипломатии Эвелин Либерман; посла Дэнниса Росса; бывшего представителя госдепартамента Джеймса Рубина; бывшего помощника государственного секретаря по делам Африки Сьюзан Райе; бывшего заместителя помощника государственного секретаря по ближневосточным делам Тони Верстандига; моего нынешнего начальника аппарата Сюзи Джордж; моего директора по связям с общественностью Джейми Смит; а также обозревателя газеты *Boston Globe* Томаса Олифанта. Хочу выразить особую благодарность Дэну Консолатаре, который еще на ранней стадии помог мне как в исследовательской работе, так с определением основных тем этой книги. Мои коллеги Кэрол Браунер, Джим О'Браен, Диана Сиерра, Марго Моррис, Эми Макдауэлл, Лори Данден, Дрю Маккрекен и Анна Кронин-Скотт каждый день оказывали мне столь необходимую и высоко мною ценимую поддержку.

Не секрет, что своим издателем я выбрала *HarperCollins* главным образом потому, что старшим вице-президентом этого издательства является Джонатан Бернэм. Он постоянно вдохновлял и направлял меня в процессе работы над книгой, не говоря уже о том, что дал массу полезных советов. В опубликованных мною в 2003 г. мемуарах я написала, что «он относится к редкой разновидности людей, обладающих элегантностью и скромностью одновременно». Конечно, непогрешимым его не назовешь, но если судить по тому, как он издал мои книги, вы этого никогда не подумаете.

Особую благодарность я испытываю к Джейн Фридман, президенту и главному администратору *HarperCollins*, и Майклу Моррисону, президенту и издателю *Harper/Morrow Division* за то, с каким теплом они приняли меня в семью авторов этого легендарного издательства. Эти двое и другие сотрудники редакции горячо поощряли и ободряли меня, за что я им крайне признательна. Исполнительный редактор Тим Дагган мастерски провел меня через все этапы процесса редактирования и допечатной подготовки. Тим не только помогал мне своими советами, проявляя при этом ангельское терпение, но и само общение с ним доставляло мне массу удовольствия. Мне здорово повезло также и в том, что довелось работать с вице-президентом по творческим вопросам Кэти Шнейдер и с сотрудниками отдела продаж. Все они — исключительно талантливые люди, а их энтузиазм в работе просто заразителен. Замечательный макет суперобложки создал вице-президент и художественный директор Роберто де Вик. Учитывая, что в книге речь идет о Всемогущем, задача была не из легких. Большую работу проделала вице-президент и директор по рекламе Тина Андреадис. Если книга будет пользоваться успехом, то это в немалой степени и ее заслуга.

Особую благодарность хочется выразить сотрудницам издательства Кэролай Клейтон и Эллисон Лорентцен, которые помогали мне во всем, абсолютно не считаясь со своим временем. Мой портрет делал исключительный мастер Тимоти Гринфильд Сандерс, и признаюсь, что фотосессия под его руководством — нечто экстраординарное. Я снова благодарю его за то, что он извлек все возможное из представленной ему натуры.

В течение более чем 30 лет моим самым близким другом, политическим соратником и советником по юридическим вопросам был Боб Барнетт. Он всегда находился рядом и в хорошие времена, и в плохие. Благодарю Боба и его талантливого коллегу Денина Хауэлла из компании *Williams and Connolly, LLP* за то, что они помогли мне освоить новую для меня профессию автора и провели через запутанный лабиринт издательского дела.

Не могу закончить, не сказав слова признательности за товарищеское отношение ко мне, за поддержку и любовь всех тех, кто работал вместе со мной над книгой и стал

членом единой большой семьи. Имея таких друзей, я вправе считать себя счастливым человеком.

